

# КЛИО



№12(168)

декабрь 2020

## KLIO





РЕШЕНИЕМ ПРЕЗИДИУМА  
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ  
ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК  
№226 ОТ 02.06.2011  
журнал для ученых «Клио»  
награжден почетной серебряной  
медалью В.И. Вернадского  
за высокие научные достижения  
и большой вклад  
в развитие России

РЕШЕНИЕМ ПРЕЗИДИУМА  
ЕВРОПЕЙСКОЙ АКАДЕМИИ  
ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК  
(EUROPÄISCHE AKADEMIE  
DER NATURWISSENSCHAFTEN  
(IN HANNOVER) E.V.)  
ОТ 06.03.2014  
журнал для ученых «Клио»  
награжден серебряной медалью  
им. Альберта Швейцера  
за выдающийся вклад  
в содействие и развитие  
научных достижений



РЕШЕНИЕМ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО  
И УЧЕНОГО СОВЕТОВ  
ЕВРОПЕЙСКОЙ АКАДЕМИИ  
ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК  
ОТ 04.04.2015  
журнал для ученых «Клио»  
награжден Орденом дружбы



РЕШЕНИЕМ ПРЕЗИДИУМА  
ЕВРОПЕЙСКОЙ АКАДЕМИИ  
ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК  
(EUROPÄISCHE AKADEMIE DER  
NATURWISSENSCHAFTEN  
(IN HANNOVER E.V.)) №02 ОТ 11.07.2016  
журнал для ученых «Клио» награжден медалью  
им. Альберта Эйнштейна за особые заслуги

Журнал для ученых «Клио» 26 марта 2019 г.  
включен в Перечень рецензируемых научных изданий  
(07.00.02 – Отечественная история (исторические науки), 07.00.03 – Все-  
общая история (соответствующего периода) (исторические науки),  
07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического  
исследования (исторические науки)), в которых должны быть опублико-  
ваны основные научные результаты диссертаций на соискание ученых  
степеней кандидата и доктора наук

Резюме всех статей журнала «Клио» включены в International  
Bibliography of the Social Sciences ([www.ibss.ac.uk](http://www.ibss.ac.uk))

Журнал «Клио» представлен в Научной электронной библиотеке (НЭБ),  
реализующей проект Министерства образования и науки РФ  
«Разработка системы статистического анализа российской науки на ос-  
нове данных российского индекса научного цитирования (РИНЦ)»

# КЛИО

**Ежемесячный журнал для ученых**

**Печатный орган  
Международной академии исторических и  
социальных наук**

**№12(168)**

**декабрь**

**ООО «ПОЛТОРАК»  
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ  
2020**



## ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

**Полторак С.Н.**, доктор исторических наук, профессор, (Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия)

## ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА, ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

**Зотова А.В.**, доктор исторических наук, академик РАН (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

## ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

**Измозик В.С.**, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

**Шабельникова Н.А.**, доктор исторических наук, профессор (Дальневосточный юридический институт МВД РФ, Владивосток, Россия)

## РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Байчуань Е.**, доктор исторических наук, научный сотрудник (Институт истории династии Цин при Народном университете Китая, Пекин, КНР)

**Блюм А.**, профессор и ведущий научный сотрудник (Высшая школа социальных исследований, Париж, Франция)

**Бондаренко А.Ф.**, доктор исторических наук, доцент (зам. главного редактора журнала «Исторический архив», Москва, Россия)

**Вяря Э.**, доктор философии PhD (Министерство образования и науки Эстонской Республики, Таллинн, Эстония)

**Ганценмюллер Й.**, доктор исторических наук, доцент (Фридрих-Шиллер Университет, Йена, Германия)

**Голдин В.И.**, доктор исторических наук, профессор (Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия)

**Дейли Д.**, доктор исторических наук, профессор (Университет Иллинойса, Чикаго, США)

**Екельчик С.**, доктор философии, профессор (Университет Виктории, Виктория, Канада)

**Еремеева А.Н.**, доктор исторических наук, профессор (Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Краснодар, Россия)

**Загребин С.С.**, доктор исторических наук, профессор (Челябинский государственный педагогический университет, Челябинск, Россия)

**Ипполитов Г.М.**, доктор исторических наук, профессор (Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, Самара, Россия)

**Кан С.**, доктор исторических наук, профессор (Дартмут колледж, Лебанон, США)

**Кашеваров А.Н.**, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, Санкт-Петербург, Россия) (ответственный секретарь)

**Ковальская С.И.**, доктор исторических наук, профессор (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан)

**Кокен Ф.-К.**, доктор исторических наук, профессор (Колледж де Франс, Париж, Франция)

**Кройцбергер С.**, доктор исторических наук, профессор (Ростокский университет, Росток, Германия)

**Купцова И.В.**, доктор исторических наук, профессор (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

**Линденмайер А.**, доктор исторических наук, профессор (Университет Вилланова, Вилланова, США)

**Любичанковский С.В.**, доктор исторических наук, профессор (Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия)

**Ма Минь**, доктор исторических наук, профессор (Классический университет Центрального Китая, Ухань, КНР)

**Мальшева С.Ю.**, доктор исторических наук, профессор (Казанский государственный университет, Казань, Россия)

**Махлина С.Т.**, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Санкт-Петербург, Россия)

**Минц С.С.**, доктор исторических наук, профессор (Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия)

**Невская Т.А.**, доктор исторических наук, профессор (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия)

**Рейли Д.Дж.**, доктор исторических наук, профессор (Университет штата Северной Каролины, Чапел Хилл, США)

**Репинецкий А.И.**, доктор исторических наук, профессор (Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия)

**Робертс Дж.**, доктор философии, профессор (Университетский колледж Корка – Ирландский национальный университет, Корк, Ирландия)

**Самойлов Н.А.**, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

**Самарцева Е.И.**, доктор исторических наук, профессор (Тульский государственный университет, Тула, Россия)

**Сидненко Т.И.**, доктор исторических наук, доцент (Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, г. Пушкин Ленинградской области, Россия)

**Солдатенко В.Ф.**, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент НАН Украины (Институт политических и этнонациональных исследований им. И.Ф. Кураса НАН Украины, Киев, Украина)

**Тальянова Эрен М.**, кандидат филологических наук (PhD) (Анкарский государственный университет, Анкара, Турция)

**Уиндл К.**, доктор философии, доцент (Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия)

**Чернобаев А.А.**, доктор исторических наук, профессор (Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия)

**Чэнь Кайкэ**, доктор исторических наук, профессор (Институт Новой Истории Академии Общественных Наук Китая, Пекин, КНР)

**Штельцль-Маркс Б.**, доктор исторических наук, зам.директора (Институт по изучению последствий войны им. Людвига Больтсмана, Грац, Австрия)

**Эделе М.**, доктор философии, профессор (Мельбурнский университет, Мельбурн, Виктория, Австралия)

**Яблочкина И.В.**, доктор исторических наук, профессор (Российский государственный университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

#### **ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА**

**Золотарёв В.А.**, доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

#### **РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ**

**Васильев Ю.С.**, академик РАН (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия)

**Дворниченко А.Ю.**, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

**Кащенко С.Г.**, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

**Лосик А.В.**, доктор исторических наук, профессор (Балтийский государственный технический университет (Военмех) им. Д.Ф. Устинова, Санкт-Петербург, Россия) (заместитель главного редактора)

**Михеева Г.В.**, доктор педагогических наук, профессор (Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, Россия)

**Попов А.А.**, доктор исторических наук, профессор (Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

**Рубцов Ю.В.**, доктор исторических наук, профессор (Военный университет МО РФ, Москва, Россия)

**Сенявская Е.С.**, доктор исторических наук (Институт российской истории РАН, Москва, Россия)

**Станкович М.**, доктор экономических наук, профессор (Крагуевацкий университет, Крагуевац, Сербия)

**Триодин В.Е.**, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, Санкт-Петербург, Россия)

---

#### **Подписка на журнал «Клио» осуществляется по каталогу «Роспечать». Индекс 14243**

Адрес редакции: Россия, Санкт-Петербург, Гражданский пр., д. 11. лит. А, пом. 1 Н

Тел.: +7(950)0241405, +7(931)3332009, +7(906)2688714

Почтовый адрес редакции и издателя: 195220, Россия, Санкт-Петербург-220. До востребования ООО «Полторак».

E-mail: poltorak2006@yandex.ru

Официальный сайт: <http://clioscience.com/>.

Электронный адрес научного периодического издания в Интернете:

<http://elibrary.ru/issues/asp?id=2764>

**ISSN 2070-9773**

© «Клио», 2020

© ООО «Полторак», 2020

© Авторы публикаций, 2020

При отборе статей редколлегия руководствуется научно-редакционной политикой издания и соблюдением принципов публикационной этики.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Перепечатка допускается с согласия редакции журнала. Ссылка на «Клио» обязательна.

## СОДЕРЖАНИЕ

### ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

- Дедюхина П.В.** (Москва). Темпоральность как средство выражения вербальных смыслов визуальными средствами в романах без слов первой половины XX века.....13

### ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- Ерошкина О.Н.** (Санкт-Петербург). Многотиражные газеты как источник изучения вопроса интернационального и антирелигиозного воспитания в педагогических вузах РСФСР в 1920-е годы (на примере Москвы) .....21
- Рахманова Т.Д.** (Санкт-Петербург). «Прощай, Ленинград!»: блокадный город в дневнике Лены Мухиной.....29

### ИСТОРИОГРАФИЯ

- Лихоманов К.В.** (Саратов). Архаичные формы «собственности» эпохи раннего Средневековья у А. Я. Гуревича: от социально-экономической к социально-культурной парадигме.....37

### ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Самойлов Н.А.** (Санкт-Петербург). Внешняя политика Китая при императоре Цяньлуне.....48
- Алферов Д.А.** (Санкт-Петербург). Центральный район Хартума в период англо-египетского кондоминиума (1898-1956 гг.) .....65
- Пуховская Н.Е.** (Ростов-на-Дону). Версальский мирный договор: новый виток франко-германских противоречий.....70

### ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Абдрахманов К.А.** (Оренбург). Специфика взаимодействия региональных и центральных властей России с казахской степью и Бухарой в рамках решения вопроса безопасности купеческих торговых операций в первой трети XIX в.....80
- Солопов А.П.** (Москва). Ориентализм в табачной рекламе Российской империи второй половины XIX века .....88
- Самарина Л.А., Семенов А.М.** (Санкт-Петербург). Цели и средства касс взаимопомощи для прислуги в России во второй половине XIX – начале XX вв. ....93
- Полянский М.С., Саксонов О.В.** (Москва). Совет Государственной обороны – первый высший орган военного управления в России..... 100
- Потапова Н.В., Киселев А.Л.** (Южно-Сахалинск). Участие японской военной администрации в денежной экспансии в экономику Дальнего Востока России (1918-1922 гг.) ..... 106

<b>Мельников Н.Н.</b> (Екатеринбург). Цена импортозамещения: развитие советского танкостроения на фоне роста и сокращения зависимости от импорта (1929-1945 гг.).....	112
<b>Семенов М.А.</b> (Новосибирск). Развитие медицинской сети Советского Союза в годы Великой Отечественной войны .....	122
<b>Слепцова Т.В., Ониани М.Г., Васильева Т.В.</b> (Москва). В рядах Советской милиции навечно: подвиг старшего сержанта милиции Ф.В. Щербакова .....	127
<b>Юй Цзе</b> (Москва) Миссия Ивана Петлина в Китай в 1618–1619 гг. в свете теории межкультурной коммуникации .....	133

## ИСТОРИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

<b>Барышников М.Н.</b> (Санкт-Петербург). Общество Путиловских заводов: структура собственности и эффективность управления бизнесом в 1870 – 1890-е годы	141
<b>Пянкевич В.Л.</b> (Санкт-Петербург). «Весна уже никогда не наступит»: Природа в восприятии жителей блокадного Ленинграда.....	149
<b>Жевалов С.А.</b> (Москва). Продовольственный вклад Ленинградской области в Великую Победу .....	158
<b>Манацков З.В., Зотова А.В.</b> (Санкт-Петербург). Петербург и Шанхай: история международного сотрудничества.....	163
<b>Виноградов А.М.</b> (Владивосток). Организация и деятельность специализированных оперативных подразделений органов внутренних дел по борьбе с экономической преступностью в 1991–2011 гг. (региональное измерение).....	171

## ПЕРСОНАЖИ ИСТОРИИ

<b>Миронова Т.С.</b> (Санкт-Петербург). Фухэн и его роль в создании альбома «Изображения данников правящей династии Цин» .....	180
<b>Лапина И.А.</b> (Санкт-Петербург). «Дело» З. И. Лилиной, или Протоколы двух заседаний .....	187



The scholarly journal «Klio» 26.03.2019 has been included in the list of leading peer-reviewed scholarly journals and publications (07.00.02 – National history (historical sciences), 07.00.03 - General history (historical sciences), 07.00.09 - Historiography, source study and methods of historical research (historical sciences), in which the main scholarly results of dissertations presented for kandidat and doctoral degrees should be published

Abstracts of all articles appearing in «Klio» are published in the International Bibliography of the Social Sciences ([www.ibss.ac.uk](http://www.ibss.ac.uk))

«Klio» participates in the Online Scholarly Library (OSL), which contributes to the realization of the project of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation «The development of a system of statistical analysis of Russian scholarship on the basis of data from the Russian Scholarly Citation Index (RSCI)»

# **KLIO**

**A monthly scholarly journal  
(12 issues a year)**

**Print agency of the  
International Academy of history and  
social sciences**

**№12(168)  
December**

**Poltorak Co. Ltd  
ST. PETERSBURG  
2020**



## EDITOR IN CHIEF

**Poltorak S.N.**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician RANS (Leningrad State University named after A.S. Pushkin, Pushkin, Leningrad Region, Russia)

## FIRST DEPUTY EDITOR IN CHIEF, PUBLISHING EDITOR

**Zotova A.V.**, Doctor of Historical Sciences, Academician RANS (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia)

## DEPUTY EDITORS IN CHIEF

**Izmozik V.S.**, Doctor of Historical Sciences, Professor (The Bonch-Bruевич St. Petersburg State University of Telecommunications, St. Petersburg, Russia)

**Shabelnikova N.A.**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Vladivostok, Russia)

## EDITORIAL BOARD

**Blum A.**, Professor and senior researcher, (School for Advanced Studies in Social Sciences, Paris, France)

**Bondarenko A.F.**, Doctor of Historical Sciences (Dep. Editor in Chief, Journal «Historical Archive», Moscow, Russia)

**Chernobaev A.A.**, Doctor of Historical Sciences, Professor (National Research University «Moscow Power Engineering Institute», Moscow, Russia)

**Chen Kaike**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of a modern history of the Chinese public Academy of Sciences, Beijing, PRC)

**Creuzberger S.**, Doctor of Historical Sciences, Professor (University of Rostock, Rostock, Germany)

**Daly J.**, Doctor of Historical Sciences, Professor (University of Illinois at Chicago, USA)

**E Baychuan**, Doctor of Historical Sciences, the research associate (Institute of history of a dynasty Cin at Public university of China, Beijing, PRC)

**Edele M.**, Professor (The University of Melbourne, Melbourne, Victoria, Australia)

**Ekelchuk S.**, Doctor of Philosophy, Professor (University of Victoria, Victoria, Canada)

**Eremeeva A.N.**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Southern Branch of D. Likhachev Russian Institute of Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russia)

**Ganzenmueller J.**, Dr. phil. habil., director (Ettersberg Foundation, Weimar), lecturer (Friedrich-Schiller University, Jena, Germany)

**Goldin V.I.**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia)

**Ippolitov G.M.**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics, Samara, Russia)

**Kan S.**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Dartmouth College, Lebanon, USA)

**Kashevarov A.N.**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia), (executive secretary)

**Koken F.-K.**, Doctor of Historical Sciences, Professor (The Collège de France, Paris, France)

**Kovalskaya S.I.**, Doctor of Historical Sciences, Professor (L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan)

**Kuptsova I.V.**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

**Kuromiya H.**, Professor of History (Indiana University, Bloomington, USA)

**Lindenmeyr A.**, Professor of History (Villanova University, Villanova, USA)

**Lyubichankovskiy S.V.**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia)

**Makhlina S.T.**, Doctor of Philosophy, Professor (St. Petersburg State Institute of Culture, St. Petersburg, Russia)

**Ma Min**, Professor and PhD supervisor in history (Central China Normal University, Wuhan, PRC)

**Malysheva S.J.**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazan Federal university, Kazan, Russia)

**Mints S.S.**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Kuban State University, Krasnodar, Russia)

**Nevskaya T.A.**, Doctor of Historical Sciences, Professor (North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia)

**Raleigh D. J.**, Doctor of Historical Sciences, Professor of History, (University of North Carolina, Chapel Hill, USA)

**Repinetskiy A.I.**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State University of Social Sciences and Humanities, Samara, Russia)

**Roberts G.**, Doctor of Philosophy, Professor (University College Cork, National University of Ireland, Ireland)  
**Samartseva E.I.**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Tula State University, Tula, Russia)  
**Samoilov N.A.**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia)  
**Sidnenko T.I.**, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Leningrad State University named after A.S. Pushkin, Pushkin, Leningrad Region, Russia)  
**Soldatenko V.F.**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding member of NAS of Ukraine (I.F. Kuras Institute of Political and Ethnic Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine)  
**Stelzl-Marx B.**, Doctor of Historical Sciences, Vice director (Ludwig Boltzmann-Institut für Forschung zu den Konsequenzen des Krieges, Graz, Austria)  
**Talianova Eren M.**, Doctor of Philology (Ph.D.) (Ankara State University, Ankara, Turkey)  
**Vara E.**, Doctor of Philosophy (Ministry of Education and Science of the Republic of Estonia, Tallinn, Estonia)  
**Windle K.**, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Australian National University Canberra, Australia)  
**Yablochkina I.V.**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)  
**Zagrebin S.S.**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Chelyabinsk State Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia)

#### CHAIRMAN OF EDITORIAL COUNCIL

**Zolotarev V.A.**, Doctor of Historical Sciences, Doctor of Law Sciences, Professor (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

#### EDITORIAL COUNCIL

**Dvornichenko A.J.**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia)  
**Kaschenko S.G.**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia)  
**Losik A.V.**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Ustinov Baltic State Technical University (Voennmeh), Saint Petersburg, Russia), (deputy chief editor)  
**Miheeva G.V.**, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (The National Library of Russia, Saint Petersburg, Russia)  
**Popov A.A.**, Doctor of Historical Sciences, Professor (The Institute of Language, Literature and History Komi Science Centre, Syktyvkar, Russia)  
**Rubtsov J.V.**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Military University under Russian Ministry of Defence, Moscow, Russia)  
**Seniavskaya E.S.**, Doctor of Historical Sciences (Institute for Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow)  
**Triodin V.E.**, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Saint Petersburg State University of Culture and Arts, Saint Petersburg, Russia)  
**Vasiliev J.S.**, Academician of Russian academy of sciences (Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University Saint-Petersburg, Russia)

---

Editorial address: Russian Federation, Saint Petersburg, Grazhdanskii pr., 11. Phone: +7(950)0241405, +7(931)3332009.

The mailing address of the editorial board: 195220, Russian Federation, Saint Petersburg-220. OOO «Poltorak». Post-restante.

Address: 195220, Sergey N. Poltorak, Post-restante 220, Saint Petersburg, Russia

E-mail: poltorak2006@yandex.ru

Official website: <http://clioscience.com/>. E-mail address of scientific periodicals in the Internet: <http://elibrary.ru/issues/asp?Id=2764>

**ISSN 2070-9773**

© «Klio», 2020

© Poltorak Co. Ltd, 2020

© Authors of publications, 2020

In the selection of articles the editorial board is guided by Klio's editorial policy and general ethical principles of publication. The views expressed in the contributions are not necessarily those of the editorial board. Reprints are permitted with the consent of the publisher and must include mention of prior publication in «Klio».

## CONTENTS

### THEORY ISSUES

- Dedyukhina P.V.** (*Moscow*). Temporality as a category of pictorial language in wordless novels of the first half of the XX century .....13

### SOURCE STUDIES

- Eroshkina O.N.** (*St. Petersburg*). Large-circulation newspapers as a source of study international and anti-religious education in pedagogical universities of the RSFSR in the 1920s (on the example of Moscow) .....21
- Rakhmanova T.D.** (*St. Petersburg*). "Goodbye, Leningrad!": The besieged city in the diary of Lena Mukhina .....29

### HISTORIOGRAPHY

- Likhomanov K.V.** (*Saratov*). Archaic forms of «property» of the early Middle Ages by A. Ya. Gurevich: from socio-economic to socio-cultural paradigm .....37

### GENERAL HISTORY

- Samoylov N.A.** (*St. Petersburg*). Chinese Foreign Policy during the Reign of the Qianlong Emperor .....48
- Alferov D.A.** (*St. Petersburg*). The central district of Khartoum during the Anglo-Egyptian condominium period (1898-1956) .....65
- Pukhovskaya N.E.** (*Rostov-on-Don*). The Treaty of Versailles as a new round of Franco-German contradictions .....70

### NATIONAL HISTORY

- Abdrakhmanov K.A.** (*Orenburg*). The specifics of interaction of the Russian regional and central authorities with the Kazakh steppe and Bukhara in the course of ensuring the safety of merchant trade operations in the first third of the 19th century .....80
- Solopov A.P.** (*Moscow*). Orientalism in tobacco advertising in the Russian Empire in the second half of the 19th century .....88
- Samarina L.A., Semenov A.M.** (*St. Petersburg*). Goals and means of mutual aid funds for servants in Russia in the second half of the XIX-early XX centuries .....93
- Polyansky M.S., Sakson O.V.** (*Moscow*). The Council of State Defense is the first highest body of military administration in Russia ..... 100
- Potapova N.V., Kiselev A.L.** (*Yuzhno-Sakhalinsk*). Involvement of the Japanese military administration in monetary expansion into the economy of the Russian Far East (1918-1922)..... 106
- Melnikov N.N.** (*Yekaterinburg*). The price of import substitution: the role of imports in the development of the Soviet tank industry (1929-1945) ..... 112
- Semenov M.A.** (*Novosibirsk*). Development of the medical network of the Soviet Union during the great Patriotic war..... 122

<b>Sleptsova T.V., Oniani M.G., Vasilieva T.V. (Moscow).</b> In the ranks of the Soviet militia forever: the feat of senior militia sergeant F.V. Shcherbakov .....	127
<b>Yu Jie (Moscow).</b> Ivan Petlin's mission to China in 1618–1619 from the point of view of the theory of intercultural communication .....	133

## **HISTORY OF RUSSIAN REGIONS**

<b>Baryshnikov M.N. (St. Petersburg).</b> Putilov plants company: ownership structure and business managerial efficiency in 1870s–1890s.....	141
<b>Piankevich V.L. (St. Petersburg).</b> «Spring will never come again»: Nature in the perception of the inhabitants of besieged Leningrad .....	149
<b>Zhevalov S.A. (Moscow).</b> Food contribution of the Leningrad region to the Great Victory .....	158
<b>Manatskov Z.V., Zotova A.V. (St. Petersburg).</b> Petersburg and Shanghai: a history of international cooperation.....	163
<b>Vinogradov A.M. (Vladivostok).</b> Organization and activity of specialized operational divisions of the internal Affairs bodies to combat economic crime in 1991-2011 (regional dimension).....	171

## **CHARACTERS OF HISTORY**

<b>Mironova T.S. (St. Petersburg).</b> Fuheng and his role in creation of illustrated tributaries of the Qing empire.....	180
<b>Lapina I.A. (St. Petersburg).</b> «Case» by Z. I. Lilina, or minutes of two sessions .....	187

УДК .036.7:76.01

Дата поступления (Submitted) 01.12.2020

Дата принятия к печати (Accepted) 12.12.2020

**POLINA VLADIMIROVNA DEDYUKHINA**

*Lomonosov Moscow State University  
Faculty of History, Department of General History of Art  
Graduate student  
Russia, Moscow, Lesnaya 63/43. 102*

## **Temporality as a category of pictorial language in wordless novels of the first half of the XX century**

The article analyzes the role of the temporality in the visual language of wordless novels of the first half of the 20th century. The term “wordless novel” belongs to the Belgian artist Frans Maserel, who is considered the founder of this genre. The first novel was published by Maserel in 1918, after which the genre quickly gained popularity in Europe, and then in the United States. In this art form, pictorial narrative is represented in a form of a book which tells the story only visually, without using any words at all. Both literature and visual art features, and their aesthetic potential are synthesized in wordless novels. It determines the specificity of the images themselves in wordless novels, and their visual language in general. It is important that such works do not have a textual basis, the verbal component in them is completely replaced by an image.

**Keywords:** *graphic novel, wordless novel, novel in woodcuts, pictorial narrative, graphic.*

**ПОЛИНА ВЛАДИМИРОВНА ДЕДЮХИНА**

*МГУ им. М. В. Ломоносова  
Исторический факультет,  
кафедра всеобщей истории искусств  
Аспирант  
Россия, Москва, ул. Лесная д. 63/43 кв.102  
polina.dedykhina@gmail.com  
+79687097009*

В статье анализируется роль темпорального аспекта в визуальном языке романов без слов первой половины XX века. Термин «Роман без слов» или «роман-гравюра» (‘wordless novel’ или ‘novel in woodcuts’) принадлежит бельгийскому художнику Франсу Мазерелю, который считается основоположником этого жанра. Первый роман был выпущен Мазерелем в 1918 году, после чего жанр достаточно быстро набрал популярность в Европе, а чуть позже, благодаря художнику Линду Уорду, получил свое развитие и в США. Условно говоря, роман без слов представляет объемную графическую серию, как правило, более сотни листов, содержащую последовательное повествование, автором которого всегда является сам художник. Важно то, что такие произведения не имеют текстовой основы, вербальная составляющая в них полностью вытесняется изображением. Это определяет специфику самих изображений в романах без слов и их художественного языка в целом. В статье рассматривается, в определенной степени, словозаменяющая роль времени в изобразительном языке произведений этого жанра.

**Ключевые слова.** *Графический роман, роман без слов, визуальный нарратив, графика.*

## **Темпоральность как средство выражения вербальных смыслов визуальными средствами в романах без слов первой половины XX века**

**Р**оман без слов во многом стоит у истоков жанров последовательного искусства<sup>1</sup> (современных комиксов, манга, графических романов), но с одним основополагающим отличием: для произведений последовательного искусства характерна структура, построенная на взаимодействии визуального и вербального способов

передачи информации, в то время как роман без слов остается в поле изобразительного искусства. Более того, произведения такого рода действительно не имеют ни вербально зафиксированной основы, ни текстовой составляющей, зато содержат последовательный визуальный нарратив, автором которого является сам художник. Условно

роман без слов можно назвать чрезвычайно объемным графическим циклом, который содержит в себе последовательный нарратив, заключенный в книжный формат, со всеми сопутствующими формальными признаками. Жанр находится на стыке литературы и изобразительного искусства, но принципиальным моментом является то, что повествование здесь ведется исключительно при помощи визуальных средств. Работа с формой, заведомо оперирующей именно вербальным способом донесения информации (книгой), и то, что в романе без слов решаются традиционно литературные задачи, влекут за собой необходимость выработать особый художественный язык, в котором слово замещается изображением. Чрезвычайно важной темой остается взаимодействие визуального и вербального начал в структуре языка романа без слов, так как, не смотря на отсутствие текста и слова как такового, нельзя говорить о его полном уничтожении или вытеснении. Скорее, мы имеем дело с сложной трансформацией и перемещением словесной составляющей во внутренние слои изображения, так называемой имплицитной вербальностью. Этот термин употребляет в своих исследованиях, посвященных визуальному нарративу, Н. В. Злыднева, подразумевая чреватость изображения словом его повествовательность.

Наиболее подробно роман без слов изучен в американском искусствознании. Основной корпус литературы, посвященной этой проблеме принадлежит нескольким исследователям, которые достаточно тщательно разработали проблематику жанра в различных его аспектах. Наиболее интересные труды принадлежат П. Виллету, Д. Берона, М. Коэну. Однако, учитывая особенности формата произведений, наиболее важной проблемой является специфика построения визуального языка и средств, которые художники для этого используют. Сложившегося корпуса исследований, в которых бы была подробно разработана эта тема пока нет, мы имеем дело с отдельными именами и трудами, в которых она косвенно разрабатывается, а также методы, применимые как в области искусствознания, так и в области исследований последовательных искусств, а также визуальной семиотики, которые могут быть применимы в рамках изучения визуального языка романов без слов.

Согласно Лессингу, предмет живописи составляют тела, в то время как предметом поэзии являются действия [3. с. 444-445]. Особенности визуального языка романов без слов таковы, что ему доступны и тела, и действия, именно это усложняет и обогащает его инструментарий и определяет ряд особенностей. Для визуального языка романов без слов характерны использование жестов, зачастую утрированных и подчеркнута эмоциональных, лаконичность, отсутствие деталей, контрастность. Но отдельная роль отводится категории времени. Надо отметить, что именно эта категория является общей, как для вербального, так и для визуального повествования. В связи с

чем, именно различные приемы использования признака времени несут в романах без слов в определенной мере словозаменяющую функцию. Особую роль времени в построении визуального нарратива выделяет Н. В. Злыднева. Так, методы, которые она использует в статье «Время как слово в живописи позднего авангарда» [4. с. 15-27], применимы и для анализа романов без слов. Несмотря на недолгий век жанра, он претерпел некоторую эволюцию, в ходе которой художники искали оптимальные способы создания визуального нарратива, которые не имеют отсылок к вербальным источникам. Категория времени заняла в визуальном языке романов без слов особое положение. В статье освещаются три основных приема использования аспекта времени, которые задействуют художники в романах без слов. Здесь надо отметить, что при помощи изобразительного ряда темпоральность. Темпоральность, или временная сущность явлений часто изображается посредством набора эпизодов, а также в форме изображения действия, движения. В связи с этим, первый важный аспект – движение. Важно подчеркнуть, что движение и действие в данном контексте – это способ визуализации времени. Второй аспект – введение четкого временного интервала, разделяющего события на последующих листах. Третий – заимствование приемов кинематографа того времени. Хотя, надо отметить, что роль категории времени не ограничивается перечисленными аспектами. Так, для романов без слов важна не только связь с кино, но и с авангардным театром того времени. Кроме того, измерение времени вносит и сам зритель, который последовательно рассматривает изображения, перелистывает страницы – осуществляет движение. Однако, в статье внимание будет сосредоточено на трех обозначенных выше наиболее часто используемых приемах, связанных с присутствием времени.

### **ДВИЖЕНИЕ КАК ЗРИТЕЛЬНЫЙ ЭКВИВАЛЕНТ ВРЕМЕНИ**

Итак, движение – первая чрезвычайно важная для нас характеристика. Именно при помощи действий и движений герои романов «говорят». Повествование раскрывается посредством суммы эпизодов, действий, перемещений героев во времени и пространстве.

Ярким примером может послужить «Мой часослов». Это второй роман без слов Франса Мазереля, который вышел в 1919 году. Интересно, что позже, в Америке этот роман был издан под другим названием – «Страстное путешествие» («Passionate Journey»). Этот вариант названия ярко отражает сразу два характерных для романов без слов аспекта. Первый – это наличие религиозных параллелей, которые Мазерель проводил сознательно и это чрезвычайно важная особенность произведений художника. Хотя первоначальный вариант также содержит в себе те же очевидные





Илл. 1. воспроизводится по изданию Masereel. F. Mein Stundenbuch: 165 Holzchnitte. – Munich: Kurt Wolff, 1928 [год первого издания 1919] – р. 164

отсылки, именно американское название гораздо более ярко отражает их характер. Дело в том, что все произведения Мазереля остро социально ориентированы, наполнены критикой политической и общественной ситуации, и художник часто придает борьбе героя с системой оттенок мученичества, насыщая произведение христианскими символами, обращениями к христианской иконографии и другими религиозными параллелями. Однако, в

рамках этой статьи более интересна другая тема, которая также отражается в названии самого романа. Это мотив движения, путешествия.

Это произведение стало самым большим по объему из романов художника (167 листов) и, вместе с тем, самым известным. В 1926 году роман был выпущен с предисловием Томаса Манна, в котором были очень точно и емко сформулированы некоторые особенности романов без слов:

«Посмотрите на эти мощные черно-белые фигуры, их черты, отпечатанные светом и тенью. Вы будете захвачены с самого начала и до конца: от первого листа, на котором изображен поезд, вырывающийся из клубов дыма и несущий героя через его жизнь, до самого последнего листа, на котором предстает фигура с черепом вместо лица, блуждающая среди звезд. А где же Вы? Не оказывает ли это «страстное путешествие» на вас более глубокое и полное воздействие, чем что-либо до этого?» [5. с. 10].

Итак, центральной темой романа является путешествие героя – не случайно в Америке он был выпущен под таким названием. Он приезжает в большой город на поезде, и дальше его движение не прекращается. Меняются только средства транспорта: герой перемещается пешком, на велосипед, на лодках и кораблях, на лошадей и даже верблюде. Но, несмотря на наличие религиозных параллелей, этот путь – не паломнический путь и не путь к себе. Перед нами предстает скорее жизненный путь, наполненный бесконечным поиском и борьбой, который представлен через аллегорию путешествия. Именно поэтому у движений героя нет конкретной цели, конечной точки. Они не то чтобы хаотичны, но как будто представляют погоню за чем-то неуловимым, не до конца осозанным. Примечательно, что роман кончается смертью героя, однако путь его при этом не заканчивается. В конце произведения он возвращается после долгих скитаний из города (который также является своеобразным героем романа, возможно даже антагонистом) обратно к природе, где находит свою смерть. На последних страницах герой

предстает сначала сидящим в лесу, погруженным в чтение, на следующем мы видим мертвого героя, чья плоть уже истлела – остался лишь скелет. Он лежит на земле в окружении полуфантастических растений, в некоем подобии райских куш. Однако, последний лист романа представляет изображение достаточно иронично-жизнеутверждающее: главный герой, с черепом вместо лица, продолжает свое путешествие дальше, среди звезд и планет, в космическом пространстве (Илл.1). Конец не является точкой, за которой ничего не следует, а выступает одновременно началом чего-то нового. Мазерель своим финальным листом обозначает начало нового витка пути главного героя, движение продолжается, но уже в новом состоянии.

Помимо этого, важное место занимает и проблема формальных средств визуализации движения. Часто Мазерель показывает фигуру человека в неустойчивой позе: в беге, прыжке, идущим куда-то. Важную роль играет и язык тела или просто жесты, иногда довольно нарочитые: герои могут махнуть рукой на что-то, выражая пренебрежение, пожимают плечами, разводят руками и т.д. Иногда, аспект движения вносится за счет построения композиции. Например, даже если герой находится в устойчивой позе, например, сидит за столом, художник строит композицию под углом, что добавляет динамику. Яркий пример листы из романа «Идея» («Idée», 1920), где художник изображает сцену рождения идеи. Главный герой сидит за столом, но композиция построена диагонально, мебель – стол и стул, выглядят маленькими и непрочными, сам герой сидит раскинув руки, будто бы готовый упасть (Илл. 2). Все эти приемы

Илл. 2. Воспроизводится по изданию Masereel F. Die Idée: 85 Holzchnitte – Zürich: Im Insel-Verlag, 1959 [год первого издания 1920] – pp. 3 - 4



отражают внутреннюю динамику, визуализируют движение, внося тем самым временной аспект в изображение.

### **ФИКСИРОВАННЫЙ ВРЕМЕННОЙ ИНТЕРВАЛ, РАЗДЕЛЯЮЩИЙ СОБЫТИЯ**

Помимо динамики, движения, важную роль играют и другие аспекты темпоральности. Так, одно из основных средств, которое использует Линд Уорд, это временной интервал между событиями на изображениях. Он не должен быть слишком коротким, и, что еще важнее, слишком длинным, так как это может нарушить логическую последовательность развития нарратива в силу того, что создает слишком большую «пустоту», свободную для большого и разнородного количества интерпретаций, как об этом пишет сам Уорд [б. с.78]. Однако, следует отметить, что это прием не был изобретением Уорда. Скорее, он его вербально зафиксировал и обосновал необходимостью использования данного приема. Ранее его уже использовал немецкий художник Отто Нюкель. Он первым обратился к созданию романа без слов после Франца Мазереля, создав в 1926 году свой первый и единственный роман «Судьба. История в картинах» («Schicksal. Eine Geschichte in Bildern») (Илл.3). Надо отметить, что Уорд испытал чрезвычайно сильное влияние Нюкеля и в свое время отмечал [б. с.36] что хотя Нюкель и создал всего одно произведение в этом жанре, он во многом превзошел Мазереля, как с точки зрения проработки сюжета, так и с художественной. Нюкель в этом произведении впервые вводит очень важное нововведение, к которому в последствии будут обращаться другие художники – деление на главы и, вместе с этим, четкий временной интервал. Сюжет становится более подробным, последовательным и связанным, но за счет этого увеличивается и объем произведения – оно состоит из двухсот сорока двух листов. На первый взгляд наличие фиксированного временного интервала, разделяющего события, это очевидная особенность, характерная и для комиксов, которые в некоторой степени наследовали этому жанру, но на тот момент это было нововведением. У Франса Мазереля смысл иногда теряется, запутывается, в силу чего следить за ходом повествования сложнее, именно из-за отсутствия этого интервала. События на последующих листах в романах Мазереля иногда могут разделять минуты, а иногда и годы. За счет введения этого приема Нюкель, а вслед за ним и Уорд прорабатывают этот момент. Надо сказать, что этот аспект чрезвычайно важен в построении визуального нарратива в последовательных жанрах. Так, С. МакКлауд, в своем знаменитом труде «Понимание комикса» выделяет роль этого аспекта. Согласно МакКлауду, изображения, следующие друг за другом, разделяют время и пространство, часть повествования между ними зритель домысливает, в связи с чем чрезвычайно

важно зафиксировать этот промежуток. В свою очередь, этот интервал представляет собой переход. Всего МакКлауд выделяет шесть типов переходов, создающих визуальный нарратив: переходы от момента к моменту, от действия к действию, от объекта к объекту, от места к месту, от детали к детали и бессвязные переходы [2. с. 70-72]. Надо отметить, что эти аспекты применимы и для анализа визуального языка и специфики построения нарратива в романах без слов.

### **ВЛИЯНИЕ НЕМОГО КИНЕМАТОГРАФА НА ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК РОМАНОВ БЕЗ СЛОВ**

Время и, как следствие, движение проявляется через еще один чрезвычайно важный аспект – связь романа без слов с кинематографом, которая играет действительно огромную роль в становлении и выработке специфического языка произведений такого рода. О колоссальном влиянии на появление и развитие жанра именно кинематографа того времени говорили и сами художники, работавшие в жанре. Так, Уорд сравнивал процесс создания романа без слов с переводением воображаемого фильма в серию изображений. В предисловии к роману «Человек богов» («Gods' Man», 1929) Линд Уорд, рассказывая о процессе создания романа без слов и сложностях, с которыми художник сталкивается при этом, писал: «На самом деле, тот душевный подъем, который может ощущаться после того, как в воображении история оказывается сформулированной, преждевременен. После него следует долгий, тяжелый путь. То, что так последовательно воспроизводилось внутренним киноаппаратом, должно теперь быть разбито на отдельные статичные изображения, каждое из которых замораживает эти быстро бегущие в воображении кадры в последовательный нарратив, который дальше развивается при помощи средств графики» [б. с.21]. Таким образом, он описывает процесс, похожий на используемый в кинематографе прием – раскадровку, только обратный ему. Если раскадровка является способом перевода последовательности нарисованных сцен в кинематографический формат, своего рода кино-эскизом, то для Уорда процесс создания романа без слов является обратным процессом – переводом немого кино, пусть и воображаемого, в формат серии графических изображений. Эта близость жанра с кино и пространственно-временными видами искусств в целом, обозначает еще одну грань смыслообразующей роли времени в романах без слов. Кроме того, все художники, создававшие романы без слов мечтали об экранизации своих произведений, хотя удалось это и только один раз, с романом Мазереля «Идея» («Idée», 1920).

Связь с кинематографом очевидна при первом же взгляде на произведения такого рода: романы без слов чрезвычайно близки эстетике экспрес-



Илл. 3. воспроизводится по изданию Nüchel O. *Destiny. Novel In Pictures*– Mineola, New York: Dover Publications Inc, 2007 [год первого издания 1926] pp. 12-14

сионистского кинематографа. Если же говорить о более сложных взаимосвязях, то хорошим примером является роман Мазереля «Город» («La Ville», 1925). В этом романе художник выводит на первый план героя, который, на самом деле, является общим для всех предыдущих его произведений: город. Он делает это посредством визуальных самоцитат. «Город» наполнен отсылками к событиям и героям из других романов. Иногда художник полностью повторяет композиции и иконографические схемы. В этом произведении нет как такового сюжета. По сути, от графической серии его отличает только книжный формат и тот факт, что он значительно больше по размеру, чем средне-статистический графический цикл – роман состоит из ста листов. Однако, связь этого произведения Мазереля, в силу специфики его структуры и отсутствия нарратива, с немым кинематографом гораздо более сложна. В этом романе Мазереля нет главного героя, он раскрывает образ города, который на самом деле и является протагонистом произведения, через множественность – через переплетение судеб появляющихся и тут же исчезающих героев, и они, подобно краскам, создают общую картину (Илл.4). При этом, этот роман чрезвычайно насыщен социальной критикой, всего несколько листов представляют спокойные сцены, которые тут же перекрываются событиями совершенно другого рода. Так, за сценой появления на свет ребенка тут же следует изображение, на котором умирает рабочий и т.п. Если говорить о пересечениях с кинематографом того времени, то эта черта романа Мазереля – отсутствие главного героя, вызывает ассоциации с картиной, которая также и тематически и идеологически очень соответствует содержанию романов Мазереля в силу социальной критики и социалистического уклона. Это вышедший в том же году «Броненосец Потемкин» Эйзенштейна. Надо сказать, что эта черта присуща Эйзенштейну во всех его ранних работах – в «Стачке» и «Октябре» он также отказывается от «буржуазной концепции кинематографа», противопоставляя духовным метаниям центрального действующего лица другого героя – массу,

коллектив. Однако, Мазерель, хотя и также отказывается от главного героя, действует несколько иным образом. Он складывает портрет главного действующего лица – города, из мозаики отдельных действующих лиц, живых людей с их сложными судьбами, создавая тем самым, с одной стороны, картину, предельно насыщенную критикой, а с другой, показанную несколько отстраненно. Эта картина открывается перед глазами беспристрастного стороннего наблюдателя, которым становится и сам зритель, а вывод об увиденном ему остается сделать самому. В то же время, некоторые исследователи жанра сопоставляют этот роман Мазереля с кинолентами «Берлин – симфония большого города» («Berlin – Die Sinfonie der Großstadt», 1927) Вальтера Руттмана и «Человек с киноаппаратом» (1929) Дзиги Вертова. Учитывая, что оба фильма появились позже романа Мазереля, речь идет не о заимствованиях, а об общности языка кинематографа того времени и средств, которые использует художник. Мазерель, также, как и в вышеуказанных лентах, собирает образ города из сцен жизни его отдельных обитателей в течение одного типичного дня. Так, с точки зрения исследователя Перри Виллета, в романе Мазереля объединяется присущая ленте Вертова страсть и надежда с анархией и отчаянием «Симфонии...» [7. с.122].

Очевидная связь с немым кино прослеживается во всех «романах без слов», даже в парадоксальных случаях. Примером такого неоднозначного случая является роман «Он плохо с ней поступил» («He Done Her Wrong», 1930) Милта Гросса, который был задуман и реализован как пародия на этот жанр. В начале романа художник помещает фразу «Здесь нет ни одного слова – музыки тоже нет», что отсылает нас к кинематографу того времени и характерному для него музыкальному сопровождению. Сам же роман он выстраивает по принципу актуальной тогда в Америке «комедии пощечин». Один из основных принципов построения пародии – гиперболизация и утрирование наиболее характерных черт объекта, который пародируется. То, что Милт Гросс выбрал для

этих целей именно эту черту, говорит о том, что она действительно является одной из основополагающих

Итак, в визуальном языке романов без слов именно время, в различных его аспектах, играет одну из ключевых смыслообразующих и словозамещающих ролей. Визуальный язык романов без слов не имеет единой четкой структуры, художники, работавшие в этом жанре, приносили новые черты, использовали разные приемы. Однако, определенный набор базовых инструментов, из которых складывается основа визуального повествования в романах без слов, все же может быть выделен. Основное место в нем занимает именно категория времени. Таким образом, действия и движения, являясь визуализацией времени, заменяют слова, становятся их зрительным эквивалентом. Действие, которое состоит из движений в самых различных значениях понятия от перемещений в пространстве, до жестов и языка тела являются основным средством коммуникации в романах без слов. В связи с этим именно временная категория выдвигается в повествовании на передний план, а ее четкое упорядочивание, путем введения фиксированного временного интервала, разделяющего события на последующих изо-

бражениях, является чрезвычайно важным нововведением для формирования визуального языка романов без слов. В свою очередь, роль и влияние немой кинематографа на романы без слов и сопряженные с этим особенности присутствия категории времени в них, имеют место на очень глубоком уровне. В связи с чем чрезвычайно интересно наблюдение одного из авторитетных исследователей этого жанра - П. Виллета, о том, что пик развития романов без слов, после которого он начинает постепенно сходить на нет, приходится на промежуток между 1929 и 1931 годами – как раз то время, когда немой кинематограф замещается звуковым [7. с.131]. Это интересно и с той точки зрения, что одним из явных мотивов появления романов без слов было стремление поспорить с литературой, и с новым на тот момент видом искусства в лице кинематографа. Если вновь обратиться к дихотомии Лессинга, то роман без слов является попыткой заставить изобразительное искусство выполнять те функции, которые традиционно ему были чужды, сделать своим предметом не только тела, но и действия и построить на этой основе новый универсальный язык, одну из основных выразительных ролей в котором занимает именно темпоральный аспект в различных его проявлениях.



Илл. 4. воспроизводится по изданию Masereel, F. Die Stadt: 100 Holzchnitte. – Berlin: Verlag Rütten&Loening, 1961 [год первого издания 1925] pp. 7-8

**Примечания**

<sup>1</sup> Термин последовательное искусство (sequential art) предлагает Уилл Айснер в своей книге «Comics and Sequential Art (Eisner W. Comics and Sequential Art. Eclipse, 1985.); Скот МакКлауд продолжает развивать эту идею в своем труде, посвященном исследованию комикса, как отдельному виду искусства, которое нельзя отнести ни к литературе, ни к изобразительному искусству. (McCloud S., Understanding Comics: The Invisible Art. Tundra Publishing, 1993)

**Литература и источники / References**

1. Eisner W. Comics and Sequential Art. Eclipse, 1985. – 154 p.
2. McCloud S. Understanding Comics: The Invisible Art. Tundra Publishing, 1993. – 222 p.
3. Лессинг Г. Избранные произведения. М.: Художественная литература, 1953. – 640 с. (Lessing G. Selected Works. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1953. 640 p.)
4. Злыднева Н. В. Визуальный нарратив: опыт мифопоэтического прочтения. — М.: «Индрик», 2013. — 362 с. (Zlydneva NV Visual narrative: the experience of mythopoetic reading. Moscow: «Indrik» Publ., 2013. 362 p.)
5. Masereel F. Mein Stundenbuch: 165 Holzchnitte – Munich: Kurt Wolff, 1928 – 205 p.
6. Ward L. Storyteller Without Words. The wood engravings of Lynd Ward / L. Ward – New York: Harry N. Abrams Inc., 1974. – 350 p.
7. Willett P. The Cutting Edge of German Expressionism: The Woodcut Novel of Frans Masereel and Its Influences / A Companion to the Literature of German Expressionism // Ed. by Donahue N. – Camden House Publishing, 2005 – P. 111–134.
8. Beronă, D. A. Introduction. / D. A. Beronă // Mad Man's Drum: A Novel in Woodcuts. Dover Publications, 2005 – P. 3-6
9. Beronă D. A. Wordless Novels in Woodcuts / D. A. Beronă // Print Quarterly, 2003. Vol. 20, No. 1 – P. 61-73
10. Chute H. L. Disaster Drawn: Visual Witness, Comics, and Documentary Form / H. L. Chute – Harvard University Press, 2016 – 376p.
11. Coates P. The Gorgon's Gaze. German Cinema, Expressionism, and the image of Horror / P. Coates – Cambridge University Press, 1991 – 216p.
12. Cohen M.S. The Novel in Woodcuts: A Handbook / M.S. Cohen // Journal of Modern Literature. 1977. Vol. 6, No. 2 – P. 171-195
13. Gross M. He Done Her Wrong: The Great American Novel and not a Word in It - No Music, Too – NY: Doubleday, Doran & Company and Garden City, 1930 – 264 p.
14. Masereel F. Mein Stundenbuch: 165 Holzchnitte – Munich: Kurt Wolff, 1928 – 205 p.
15. Masereel F. Die Idée: 85 Holzchnitte – Zürich: Im Insel-Verlag, 1959 – 87 p.
16. Masereel F. Die Stadt: 100 Holzchnitte / F. Masereel – Berlin: Verlag Rütten&Loening, 1961 – 103 p.
17. Nückel O. Destiny. Novel In Pictures – Mineola, New York: Dover Publications Inc, 2007 – 242 p.
18. Spiegelman A. Lynd Ward: God's Man, Madman's Drum, Wild Pilgrimage – Library of America, 2010 – 812p.
19. Vorms P. Gespräche mit Frans Masereel / P. Vorms - Dresden : Verlag der Kunst, 1967. - 250 p.

© «Клио», 2020

© Дедюхина П.В., 2020

**УДК 94(47)**

Дата поступления (Submitted) 14.11.2020

Дата принятия к печати (Accepted) 27.11.2020

**OLGA NIKOLAEVNA EROSHKINA**

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the  
Department of History of the Herzen Russian State Pedagogical  
University 198510 St. Petersburg, Petrodvorets, Dashkevich  
street, house 11A / 9, apartment 2  
E-mail: o.eroshkina@mail.ru*

## **Large-circulation newspapers as a source of study international and anti-religious education in pedagogical universities of the RSFSR in the 1920s (on the example of Moscow)**

*(The research was carried out with the support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of project No. 20-09-00026 "Metamorphoses of the ethno-national policy of the Soviet state in the mirror of the higher pedagogical school. 1917-1939").*

The article analyzes the materials of large-circulation newspapers of pedagogical universities in Moscow in the 1920s. The purpose of the study is to find in newspaper publications a reflection of the activities of universities in the international and anti-religious education of students in the 1920s, to determine the main tasks, forms, methods and results of its implementation. In the process of studying this problem, two periods in the conduct of educational work by universities were identified, which corresponded to different courses of the Soviet political leadership in domestic and international politics. In the first half of the 1920s, in the Soviet Union, the main attention was paid to socio-economic recovery, the establishment of a peaceful public life and all-round support of the world revolutionary movement, counting on its assistance in the socialist reconstruction of the country. In the conditions of a decline in revolutionary activity, the leaders of the USSR approved a program for building socialism in one separate country. These changes have significantly influenced the definition of the goals and objectives of international education, which is fully confirmed by the materials of high school newspapers.

**Keywords:** *international and anti-religious education, pedagogical universities, large-circulation newspapers, periodicals of Moscow.*

**ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА ЕРОШКИНА**

*кандидат исторических наук, доцент,  
доцент кафедры истории Российского государственного  
педагогического университета имени А.И. Герцена.  
198510, Санкт-Петербург, Петро дворец, улица Дашкевича,  
дом 11А/9, кв. 2  
E-mail: o.eroshkina@mail.ru*

В статье анализируются материалы многотиражных газет педагогических вузов Москвы 1920-х годов. Цель исследования заключается в том, чтобы найти в газетных публикациях отражение деятельности вузов по интернациональному и антирелигиозному воспитанию студентов в 1920-е годы, определить основные задачи, формы, методы и результаты ее осуществления. В процессе изучения указанной проблемы были выявлены два периода в проведении вузами воспитательной работы, которые соответствовали разным курсам советского политического руководства во внутренней и международной политике. В первой половине 1920-х годов в Советском Союзе главное внимание уделялось социально-экономическому восстановлению, налаживанию мирной общественной жизни и всесторонней поддержке мирового революционного движения в расчете на его помощь в социалистическом переустройстве страны. В условиях спада революционной активности руководители СССР утвердили программу построения социализма в одной отдельно взятой стране. Эти изменения существенно повлияли на определение целей и задач интернационального воспитания, что в полной мере подтверждается материалами вузовских многотиражных газет.

**Ключевые слова.** *Интернациональное воспитание, антирелигиозное воспитание, педагогические вузы, многотиражные газеты, периодическая печать Москвы.*

## Многотиражные газеты как источник изучения вопроса интернационального и антирелигиозного воспитания в педагогических вузах РСФСР в 1920-е годы (на примере Москвы)

*(Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках проекта №20-09-00026 «Метаморфозы этнонациональной политики советского государства в зеркале высшей педагогической школы. 1917–1939 годы»).*

В стране с многонациональным и поликонфессиональным составом населения вопрос межэтнических отношений имеет большое значение. К сожалению, в дореволюционной России ему не уделялось должного внимания. Советская власть с самого начала ее провозглашения этнонациональную проблему поставила в своей политике на одно из ведущих мест. При этом, приступая к ее решению, Советское государство руководствовалось известным принципом: «прежде, чем объединиться, надо размежеваться». Он лег в основу «Декларации прав народов России», утвержденной 2 ноября 1917 года.

По прошествии пяти трудных лет революционных потрясений и войн Советская Россия смогла начать собирание бывших национальных окраин Российской империи, сыграв ведущую роль в создании в 1922 году Союза Советских Социалистических Республик. Это событие доказало правильность подхода к решению национального вопроса, построенного на доверии, равноправии, солидарности и сотрудничестве между разными народами. Однако успокаиваться на достигнутом нельзя было. Требовалось продолжение систематической работы не только в области строительства и развития многонационального государства, но и организации интернационального воспитания советского населения. Особое место в этом должна была занять общеобразовательная школа, а значит, учитель и вся система подготовки педагогических кадров в СССР.

История решения указанных задач давно и плодотворно изучается отечественными исследователями. Однако на современном этапе развития российского общества, в условиях стремительно меняющегося международного положения, а также с учетом новых знаний и подходов в изучении этно-национальной политики Советского государства в 1920-е годы представляется целесообразным и полезным вновь обратиться к ее рассмотрению. При этом специальный интерес вызывают не столько официальные партийно-государственные решения и установки по осуществлению национальной политики и интернационального воспитания в сфере подготовки советских педагогических кадров, сколько их реальное воплощение в жизнь в учительских вузах страны, восприятие преподавательской и студенческой средой данных учебных заведений. Важным источником, отражающим фактическое положение в деле проведения национальной политики и интернационального воспитания в системе советского высшего педагогического образования, являются вузовские многотиражные газеты. Их исследованию и по-

священа предлагаемая статья. Объектом исследования станут многотиражные газеты, выходявшие в 1920-х годах в Московских вузах, связанных с подготовкой советских педагогических кадров, работников системы народного просвещения, а именно: газета «Восточник» – печатный орган Коммунистического университета трудящихся Востока; газеты «Крепи смычку» и «Рабфаковец» Рабфака МГУ; газеты «Красный педагог» и «Акавист» – Академии коммунистического воспитания имени Н.К. Крупской; газета «За Лениным» 2-го МГУ; газета «Либкнехтовец» – печатный орган студентов и сотрудников Московского индустриально-педагогического института имени К. Либкнехта.

В начале 1920- годов Советская Россия переживала разруху во всех сферах жизни. Она коснулась в полной мере и печати. В резолюции XI съезда РКП (б) «О печати и пропаганде» отмечалось, что партийно-советская печать находится в состоянии тягчайшего кризиса» [1, с.46] Одновременно на съезде говорилось о необходимости возрождения как печати в целом, так и газет, включая местные периодические издания. Острота проблемы объяснялась условиями НЭПа и растущего влияния на советское общество буржуазной, нэпманской идеологии.

В соответствии с партийными требованиями печатная продукция, в том числе местные периодические издания, стали постепенно возрождаться. Главные политические установки для себя они черпали из партийных постановлений, касающихся печати в целом. Так, например, Циркуляр ЦК РКП (б) от 4 апреля 1921 года «О программе местной газеты» требовал отказаться в публикациях от общих рассуждений и сосредоточиться на конкретных фактах из местной жизни, связанных, в том числе, с вопросами народного просвещения, включая антирелигиозную пропаганду [1, с.213]. То же требование внимания к местному материалу содержалось и в основном на решении XI съезда РКП (б) Письме ЦК РКП (б) от 7 июня 1922 года «О плане местных газет» [1, с.223]. Но все же в начале 1920-х годов среди местных периодических изданий вузовские многотиражные газеты были явлением редким. Первые из них стали появляться в ведущих высших учебных заведениях Москвы и прежде всего ориентированных на подготовку специалистов с коммунистической закалкой, таких, как: коммунистические академии и университеты.

В 1921 году в Москве был учрежден Коммунистический университет трудящихся Востока, направленный на подготовку деятелей коммунистического движения, как для восточных регионов РСФСР,



так и для зарубежных стран Востока. Однако выпускники университета нередко становились во главе образовательных учреждений, трудились учителями в советских национальных школах. Об этом свидетельствуют многие факты, включая названия факультетов, как, например, «Естественно-педагогический». В 1923 году в университете стала издаваться своя многотиражная газета «Восточник». Она в полной мере отразила учебную обстановку и настроения, царившие в среде студентов. Так, в статье «О дисклубе» отмечалось: «При беспартийном составе большинства студентов и мелкобуржуазной среде остро стоит не всегда выявленный, но, что никем не оспаривается, безусловно существующий в разном племенном составе нашего Университета, национализм» [2, 1923. 6 апреля]. А в заметке «Религиозный вопрос в КУТВ» обращалось внимание на еще одну острую проблему: «Религиозный дурман еще ощущается в нашем университете» [2, 1923. 6 апреля]. Эти две выявленные проблемы и стали центральными, требующими внимания и решения, как в процессе обучения, так и в деле воспитания студентов. Значительную роль в изживании националистических и религиозных предрассудков играли преподаваемые в Университете учебные дисциплины, такие, как: история Запада, политэкономия, физика, химия, биология. Сложность ситуации заключалась в том, что многие студенты плохо или совсем не умели читать по-русски, а значит, были не способны ознакомиться с содержанием учебной литературы, журнала «Безбожник», как и прочесть саму университетскую газету «Восточник». Поэтому очень важную роль играли активные формы интернационального и антирелигиозного воспитания: проводившиеся во внеучебное время встречи, дискуссии, походы на производственные предприятия, вечера спайки молодежи Востока и Москвы. Так, в одном номере «Восточника» была описана встреча студентов Университета с польскими коммунистами, завершившаяся единением коммунистов Востока и Запада, прославлением III Интернационала, приветствием Ленину, утвердившая всех участников в мысли, что «близок час мировой революции» [2, 1923. 6 апреля]. А в другом выдвигалось предложение создать кружок по изучению национального вопроса для беспартийных, членов РКСМ и РКП с учетом того, что «в КУТВ национализм не совсем еще изжит» [2, 1923. 21 апреля]. Важную роль в интернациональном и антирелигиозном воспитании играл Комсомол. По инициативе комсомольской организации КУТВ организовывались комсомольское Рождество и комсомольская Пасха на местных районных предприятиях. Они были нацелены на разъяснение антинаучного содержания религиозных воззрений и религиозных праздников.

Темы интернационального и атеистического воспитания находились в центре внимания и партийно-комсомольского актива Рабфака МГУ. Перед всеми учащимися рабфака накануне лет-

них каникул были поставлены конкретные задачи проведения среди рабочих, а особенно крестьян сельской местности, в которой они могут оказаться во время отдыха, активной работы по разъяснению международного и внутреннего положения Советского государства. «Нужно еще мобилизовать сочувствие в крестьянах МОПРу. Каникуляры должны разъяснить, что МОПР помогает тем, без борьбы которых наша русская борьба обречена на неудачу. Пролетариат един. В нем нет деления ни национального, ни расового, ни религиозного» [3, 1924. Июнь]. Одновременно, отправляясь в деревню, учащиеся рабфака должны были взять с собой антирелигиозную литературу, включая газету «Безбожник», чтобы не только читать, но и разъяснять ее содержание. «Читай им вслух газету «Безбожник». Спорь, но доказывай. Ни в коем случае не допускай, чтобы это вылилось в насмешку над религией», – подчеркивалось в «Памятке-наказе рабфаковцу-отпускнику» [3, 1924. Июнь]. Не менее важные советы по проведению антирелигиозной пропаганды среди крестьян содержались в заметке «Живая газета», опубликованной в том же номере многотиражки. Но чтобы умело вести борьбу с религиозными предрассудками, надо, прежде всего, избавиться от них самому. На это обращалось внимание в заметке под рубрикой «Сучки и задоринки», в которой высмеивались некоторые рабфаковцы, считавшие, что ничего «не мешает в одно и то же время молиться и петь Интернационал» [4, 1924. 7 ноября]. Автор заметки замечал: «Парень только что приехал из деревни и сразу попал на рабфак. Ребята комсомольцы! Нам надо его серьезно обработать» [4, 1924. 7 ноября]. В другой же заметке анонимного автора высмеивалась учащаяся рабфака, не скрывавшая своих антисемитских настроений. Подобные публикации-фельетоны не только выявляли неприглядные проявления религиозности и антисемитизма, но и, безусловно, побуждали их искоренять.

Не менее важное место в подготовке и воспитании будущих советских педагогов занимала Академия коммунистического воспитания имени Н.К. Крупской. Ее предшественником был Педагогический институт имени П.Г. Шелапутина, реорганизованный в 1917 году в Академию социального воспитания, а в 1923 году - в Академию коммунистического воспитания. С 1925 года в Академии стала издаваться своя многотиражная газета «Красный педагог».

В первом номере газеты «Красный педагог» от 7 ноября 1925 года приводились данные о национальном составе нового приема студентов на 1925/26 учебный год. Из 28 национальностей – 56% составляли русские, 18% - евреи; 7 человек – украинцы, 5 человек – белорусы, остальные - по 2-3 человека других национальностей. В речи представителя Агитпропа К.А. Попова, опубликованной в следующем номере газеты, содержались рекомендации по укреплению связей студентов, особенно представителей национальных окра-

ин, с рабочей молодежью Москвы, а во время прохождения практики и каникул – с рабочими и крестьянами других регионов страны [5, 1925. 23 ноября]. Имея в виду, что пролетарии интернациональны по своей социальной природе, призывы укреплять с ними связь также должны были способствовать интернациональному воспитанию студентов Академии. Особенно активно эта смычка осуществлялась в связи с юбилейными датами важных политических событий прошлого. Так, в декабре 1925 года отмечалось 20-летие Первой Российской революции и Декабрьского вооруженного восстания в Москве. В газете было уделено много места празднованию этого события и призывам укреплять связь рабочей и студенческой молодежи. Параллельно с осуществлением интернационального воспитания Академия проводила активную антирелигиозную работу. В заметке М. Шумакова «Красный педагог на борьбу с религией», опубликованной в газете, отмечалось, что религия – одно из препятствий в борьбе за новую культуру и для каждого красного педагога антирелигиозная работа должна стать неременной обязанностью, особенно во время практики. Студент не должен уходить от вопросов о религии, а если не готов – избегать диспутов, записывать: факты хороших и плохих методов антирелигиозной пропаганды; случаи перехода в другую религию, проявления стыда за религиозные настроения, услышанные частушки о религии. Каждый должен прочесть сначала сам книгу Е. Ярославского «Мысли Ленина о религии», а потом рассказать ее содержание во время встреч и бесед с жителями деревни [5, 1925. 21 декабря].

Однако следует отметить, что проводимая в то время работа, как по интернациональному, так и антирелигиозному воспитанию студентов Академии еще не носила систематического, планового характера. Об этом свидетельствует тот факт, что в некоторых номерах «Красного педагога» за 1926 год о ней вообще не содержалось никакой информации. В других же были представлены лишь отдельные сведения в виде объявлений, например, о намечаемом Клубом Академии праздновании Дня Парижской Коммуны, или призывов уделять больше внимания ячейке МОПР и революционной борьбе пролетариев и крестьян угнетенных стран. Одновременно сообщалось о намерении проведения в Клубе Академии фестиваля Песни народов СССР. В связи с прошедшей Всесоюзной дошкольной конференцией, в которой участвовало много делегатов от национальных окраин СССР, обращалось внимание на проблемы с работой в нацменовской деревне. Даже в работе партийной ячейки Академии не прослеживается системный подход к организации интернационального и антирелигиозного воспитания студентов.

В условиях наметившегося спада в мировом революционном движении, провозглашенного XIV съездом ВКП (б) перехода к социалистической реконструкции в СССР, утвержденных XV съездом

ВКП (б) директив по составлению первого пятилетнего плана социалистического строительства с определением соответствующей триады задач: индустриализация, коллективизация, культурная революция – работа по интернациональному и антирелигиозному воспитанию по всей стране заметно активизировалась.

Огромную роль в этом процессе играла высшая педагогическая школа и средства массовой информации. В Постановлении ЦК РКП (б) от 22 февраля 1924 года «Об усилении партийного руководства печатью и работой издательств» отмечалось особо важное значение печати и партийного руководства ею в связи с ростом «культурно-политических запросов рабочего класса, культурной и хозяйственной активности передовых слоев деревни, культурно-хозяйственного строительства в национальных республиках» [1, с.225]. Резолюция XIII съезда РКП (б) «О работе среди молодежи» утвердила и дополнила эту установку, выделив молодежную категорию советского населения как требующую специального внимания со стороны партийно-государственного руководства страны, в том числе в вопросе периодических изданий для молодежи, особенно представлявшей нацменьшинства [1, с.70].

В новых исторических условиях потребовалось уточнение целевого назначения Академии коммунистического воспитания, что привело к реорганизации ее структуры и самого процесса обучения. В апрельском номере газеты «Красный педагог» за 1927 год отмечалось, что главная задача АКВ состоит в том, чтобы «дать нового педагога-организатора и методиста на фронте просвещения» [4, 1927. 29 апреля]. После XV съезда ВКП (б) задачи культурной революции в СССР начинают отражаться в планах текущей работы партийной и комсомольской организации Академии. В газетной рубрике «О новых задачах партпросвещения» проведение культурной революции и воспитание нового человека определяются как важные и значимые [5, 1928. 24 апреля].

Дополнительный импульс всей воспитательной работе придало решение АППО ЦК ВКП (б), отраженное в резолюции его комиссии, обследовавшей АКВ в 1928 году. Согласно ему АКВ определялась как высшая коммунистическая педагогическая школа, призванная готовить кадры квалифицированных партийных работников в области просвещения, культурного строительства и стать научно-исследовательским центром марксистской педагогики, распространителем идеи коммунистического воспитания [6, 1929. 8 апреля].

В соответствие с новыми задачами социалистического строительства в СССР, а также уточненными целевыми установками Академии в центре ее внимания оказываются внутрисоюзные проблемы коммунистического воспитания. Они все чаще находят отражение в многотиражной газете АКВ, которая с сентября 1928 года стала назы-

ваться «Акавист».

Одним из наиболее актуальных направлений в воспитательной работе Академии становится борьба с религиозным сознанием. Целая страница номера газеты «Акавист» за 19 декабря 1928 года под рубрикой «Готовься к бою с религией» была посвящена обсуждению антирелигиозных вопросов. В этом же номере была помещена информация о плане работы Штаба ликбеза на период каникул. Согласно ему предполагалось проведение двух антирелигиозных вечеров для обучающихся в ликпунктах. Со временем Президиум совета добровольных обществ АКВ включил в план своей деятельности пункт «об организации годичных курсов антирелигиозников» при факультете Политпросвета [6, 1930. 3 ноября]. В номере газеты «Акавист» от 4 января 1930 года в рубрике «Из писем читателей» была опубликована целая программа по развертыванию в АКВ антирелигиозной работы, предложенная неизвестным автором для обсуждения. Она включала создание: ячейки воинствующих безбожников, группы для антирелигиозной работы на предприятиях, бригады для антирелигиозной работы в подшефном районе, уголка «Безбожника» в газете «Акавист».

Особую остроту и актуальность вопросы атеистического воспитания приобрели после их обсуждения на XVI съезде ВКП (б). В связи с этим в газете «Акавист» была опубликована статья аспиранта К. Борковского под названием «Обеспечить воинствующему атеизму место в педагогической платформе АКВ». Автор статьи критиковал позицию прежнего руководства Наркомпроса во главе с А.В. Луначарским за «безрелигиозную установку» и призывал обеспечить антирелигиозной пропаганде «должное место при выработке платформы марксистской педагогики» [7]. В другой заметке К. Борковского «Лакеи поповщины» осуждалась религиозность заведующего кафедрой физики профессора Кашина, разместившего в физическом кабинете иконы. Подобные настроения среди преподавателей АКВ были нередкими, что побуждало Секцию научных работников Академии определять задачу антирелигиозной борьбы в своих рядах как актуальную [6, 1929. 26 февраля]. В то же время в нескольких номерах газеты «Акавист» была развернута публикация статьи В. Гмурмана с критикой Института научной педагогики, его директора А.П. Пинкевича за то, что такие проблемы «как антирелигиозное воспитание остаются до сих пор не уясненными» [8].

Проблема атеистического воспитания была тесно связана с задачей формирования интернационального сознания и поведения советского человека. Ведь нередко, особенно в изучаемый период времени, конфессиональная принадлежность людей ассоциировалась с их этнической принадлежностью. И борясь с религиозными предрассудками, можно было преодолеть национальные предрассудки.

Национальный состав Академии коммунисти-

ческого воспитания был очень пестрым. В приеме 1926 года среди студентов были представители 24 национальностей, большинство из которых: 57% – русские, 17% – евреи, 5% – украинцы, 3,4% – татары [5, 1926. 22 октября]. К 1930 году в студенческой среде АКВ уже насчитывалось 34 национальности. При этом русские по-прежнему преобладали. Их было 925 человек, евреев – 187, украинцев – 80, белорусов – 36, татар – 23 [6, 1930. 26 февраля].

Самую большую озабоченность в многонациональном коллективе АКВ вызывал антисемитизм. В период развернутой культурной революции его стали все чаще выявлять. Автор заметки, опубликованной 4 ноября 1929 года под названием «С позором гнать антисемитов из наших рядов!», Гаджиев открыто призывал «открыть огонь» как по антисемитам, так и по примиренцам к нему. А в другой публикации «О бытовом примиренчестве» автор Лapidус, приводя пример антисемитских настроений у студентки 4 курса Академии, заключал: «У нас не все ладно с антисемитизмом» [6, 1930. 30 мая]. О масштабе данной проблемы свидетельствует тот факт, что ее обсуждали партийные организации разного уровня. Так, в статье А. Вагина, опубликованной в газете «Акавист» 9 февраля 1929 года, сообщалось о партконференции Хамовнического района, к которому относилась АКВ, обратившей внимание на необходимость борьбы с антипролетарским влиянием на молодежь, проявляющимся в религиозности, антисемитизме и бытовом разложении.

26 февраля 1930 года в газете «Акавист» сообщалось об итогах проверки и чистки партийной организации Академии. Им был посвящен целый раздел «Слабая борьба с антисемитизмом и склопничеством», в котором приводились примеры обнаруженных при проверке проявлений антисемитизма. В результате, редакция газеты пришла к заключению, что работа по борьбе с этими негативными явлениями ведется еще недостаточно.

На страницах газеты «Акавист» сообщалось и о других проблемах, связанных с положением национальных меньшинств. Так, например, в одной из заметок рассказывалось о башкирском студенте Академии, который заявил, что «Советская власть ничего не делает для поднятия культурного и экономического уровня наименьшинств», что при царизме башкирам жилось лучше [6, 1930. 23 октября]. Автор публикации, Лазутин, пришел к выводу, что партгруппа вовремя не выявила описанный случай и не проработала вопрос о партийной политике в области межнациональных отношений в СССР.

Определенным вкладом в налаживание взаимопонимания и дружбы между студентами разных этнических групп были экскурсии, организованные АКВ совместно с другими вузами Москвы и Ленинграда. Так, в газете «Акавист» за 21 января 1929 года сообщалось о поездке студентов Академии в Карелию к лопарям-оленоводам. А в номере за 9 февраля 1929 года была помещена инфор-

мация о путешествии студентов по маршруту Москва-Ростов-Баку-Красноводск-Самарканд-Ташкент-Москва. Во время той экскурсии в Баку студенты АКВ устроили вечер смычки с тюрками.

Тем не менее, проблема взаимоотношений между студентами разных этносов и национальностей в Академии коммунистического воспитания продолжала оставаться еще не решенной в должной степени. На это обратила серьезное внимание IV партийная конференция АКВ, прошедшая осенью 1930 года. В ее решениях, опубликованных в газете «Акавист», отмечалось: «Учитывая наличие в АКВ 35 национальностей и фактов недопонимания ленинской национальной политики и проявление великодержавного и местного национализма, конференция постановляет: усилить интернациональное воспитание на основе борьбы на два фронта – с великодержавным русским и местным шовинизмом» [6, 1930. 21 ноября].

Другим направлением интернационального воспитания студентов АКВ продолжала оставаться деятельность по укреплению дружбы и солидарности с трудящимися и студентами зарубежных стран. Основные задачи по ее развитию определялись партийно-советским руководством Академии, а также Коминтерном и КИМом. Их решения в конце 1920-х годов стали чаще публиковаться и обсуждаться на страницах многотиражки АКВ. Из содержания этих публикаций следует, что главная цель интернациональных связей студентов изменилась. Она теперь заключалась не столько в том, чтобы способствовать дальнейшему развёртыванию мирового революционного процесса, а в том, чтобы пропагандировать советский опыт социалистического строительства и преимущества советского общественного строя, бороться с их очернительством.

В газете АКВ под рубрикой «Культурная революция и задачи Академии» так определялась цель интернациональных отношений с иностранными организациями и гражданами: «Путем связи с зарубежным революционным учительством наши достижения в коммунистическом воспитании делать достоянием педагогической заграницы» [5, 1928. 24 апреля]. В материалах, опубликованных в газете «Акавист» за 8 октября 1928 года в рубрике «Переписка Ленинского молодняка», содержались дополнения к содержанию интернациональной деятельности коллектива Академии. Они заключались в том, чтобы способствовать интернациональным связям и обмену опытом между ячейками КИМа в развитие решений V конгресса Коммунистического интернационала молодежи. В том же номере газеты в рубрике «Наркоминдел в АКВ» отмечалось, что надо использовать переписку с учителями, моряками, жителями стран Западной Европы, чтобы «рассказать об СССР, о новой педагогике, чтобы опровергнуть лживые сведения» о жизни в Советском Союзе. В качестве примера приводились письма от «Шведской и Чехословацкой комсомолии» [6, 1928. 8 октября]. В

дальнейшем газета АКВ регулярно размещала на своих страницах письма из зарубежных стран. Они публиковались в специальных рубриках. Кроме текстовых сообщений газета «Акавист» стала представлять фото свидетельства растущего внимания иностранной молодежи к СССР и солидарности с ним. Так, в номере за 23 февраля 1929 года в рубрике «За рубежом» было размещено фото «Rot front» с подписью под ним: «Молодые фронтовики всегда готовы встать на защиту Советского Союза». В газете появился и постоянный обозреватель по фамилии Ожгибесов, который освещал и комментировал интернациональные связи и контакты студентов Академии с жителями иностранных государств. В одной из его заметок под рубрикой «О связи АКВ с заграницей» обращалось внимание на то, что задача интернационального воспитания «еще не поставлена во всю ширь» [6, 1929. 8 апреля]. В качестве предложения Ожгибесов выдвинул целую программу оживления интернационального воспитания в Академии. Она заключалась в том, чтобы: создать иностранный отдел и выделить для его руководства представителем от управления АКВ; создать при отделе педагогическую, детскую, общественно-политическую секции. Созданные же секции, по мнению Ожгибесова, должны работать при соответствующих кабинетах с активным участием комсомола, эсперантистов и МОПРа. Каждая из предложенных секций должна наладить соответствующую связь с заграничным революционным учительством, организовать интернациональную работу советских школ, а общественно-политическая секция при парткабинете должна руководить всей связью с революционными рабочими организациями заграницы.

В своей программе Ожгибесов ссылался на уже существовавшие в Академии две основные организации, являвшиеся важными проводниками интернациональных связей АКВ. Первая из них – МОПР. Действительно, ячейка МОПР существовала в Академии и занималась организацией различных интернациональных мероприятий. Газета «Акавист» в номере за 8 апреля 1929 года сообщила о том, как в День МОПРа его ячейкой совместно с бюро ВКП (б) был организован праздничный вечер, на открытии которого выступил латвийский хор. Одновременно на вечере праздновалось 10-летие Коминтерна. Участникам вечера предлагалась также выставка, посвященная Парижской Коммуне. Однако редакция газеты с сожалением отметила, что вечер не вызвал большого отклика в среде студентов Академии. Многие из пришедших на вечер студентов быстро разошлись. А из 119 человек, записавшихся на посещение выставки, пришли только 17. Отмеченные в заметке факты доказывали справедливость невысокой оценки организации интернационального воспитания в АКВ.

Другим каналом развития международных связей Академии являлась ячейка эсперантистов. Она

так же, как и МОПР, налаживала и поддерживала важные зарубежные контакты АКВ. 8 октября 1928 года в газете сообщалось об организованной эсперантистами встрече с делегатами Профинтерна. Во время этой встречи, как отмечалось в газете, были разоблачены ложные сведения об СССР. В ячейку эсперантистов нередко приходили письма от зарубежных друзей СССР. Так, например, 4 ноября 1929 года газета «Акавист» разместила приветственное письмо из германского города Эссен, поступившее в ячейку эсперантистов. В нем содержалось поздравление с праздником Октября и заверения в солидарности с Коминтерном и СССР. Однако и эсперантисты ощущали недостаток внимания к себе со стороны руководства АКВ, что негативно сказывалось на организации и осуществлении международных контактов студентов Академии и их интернациональном воспитании. В номере газеты «Акавист» за 4 января 1930 года газеты содержалась небольшая заметка Ожгибесова под названием «Требуем руководства интернациональной связью». В ней отмечалось, что в течение двух лет ячейка эсперантистов требует от бюро ВКП (б) и правления Академии организовать руководство зарубежными связями и не может этого добиться. В результате оказались прерваны контакты с представителями 9 стран, за которыми может последовать разрыв отношений с адресатами еще 4 государств.

В дальнейшем проблемы, обнаруженные в организации международных связей АКВ и соответственно интернациональном воспитании студентов, неоднократно поднимались и обсуждались на страницах газеты «Акавист». 8 марта 1930 года в ней была помещена новая заметка автора Ожгибесова, в которой отмечалось, что интернациональную работу в АКВ продвигают 6-7 эсперантистов, 10-11 бригадников комсомольцев и 2 моприста. Обеспечить такими силами полноценную международную деятельность Академии невозможно. Ссылаясь на мнение ее рядовых участников, автор заметки в очередной раз предлагал улучшить организацию всей работы по интернациональному воспитанию студентов, в том числе создать для нее бригады добровольцев-эсперантистов. А в номере за 23 мая 1930 года той же теме была посвящена заметка «Состояние эсперантации в Академии» автора Н. Розенталя. В ней отмечалось, что полгода работа в этой области не проводилась, переписка с заграницей прекратилась, так как 7 человек ячейки эсперантистов, являясь студентами 3 курса, загруженные учебными занятиями, не в состоянии ее продолжать. При этом Н.Розенталь указывал на гораздо лучшее положение с подобными ячейками и их работой в других вузах Москвы.

В результате отсутствия должного руководства в организации международных связей и проведении работы по интернациональному воспитанию студентов Академии ответственность за ее выполнение ложилась на рядовых участников ячеек

МОПР и эсперанто. В очередной раз об этом свидетельствовали факты и материалы, содержащиеся в публикации «Массовая работа в АКВ», размещенной в номере газеты «Акавист» за 3 ноября 1930 года. Между тем, оценивая очередной грядущий выпуск студентов Академии коммунистического воспитания, редакция газеты выразила пожелание, чтобы Академия стала «в полном смысле слова интернациональной» [6, 1930. 30 декабря].

Все отмеченные тенденции в деле интернационального и связанного с ним антирелигиозного воспитания будущих организаторов народного просвещения и педагогов, проявившиеся во второй половине 1920-х годов, в полной мере подтверждаются на примере 2-го МГУ, учрежденного в 1918 году. В 1921 году во 2-ом МГУ был организован педагогический факультет, а в июне 1926 года вышел первый номер газеты «За Лениным» как орган партийной, комсомольской и профсоюзной ячеек университета. На страницах газеты стал размещаться материал, посвященный борьбе трудящихся Западной Европы за свои права. В целях оказания им помощи и поддержки студентов университета призывали вступать в МОПР и выплачивать взносы. «Для нас МОПР – не благотворительная организация, которой занимаются скукающие бездельники. Для нас МОПР – международная пролетарская солидарность за мировой Октябрь», – отмечалось в одной из заметок [9, 1927. 12 февраля]. В январском номере газеты за 1927 год сообщалось о настоящем вечере интернационального воспитания, устроенного в университете в честь пребывания в Москве представителей КИМа от Англии, Франции, Германии, Италии. Зал, в котором происходила их встреча, как сообщала газета, был набит до отказа. После торжественной части завязались беседы, в которых изъяснялись «кто как умеет» [9, 1927. 21 января]. Для достижения большего взаимопонимания во время подобных встреч и переписки с иностранной молодежью пропагандировалось изучение эсперанто. На это ориентировал и ЦК ВЛКСМ в своем циркуляре, о чем сообщалось в газете [9, 1926. 7 ноября].

Между тем, развивая интернациональные связи с революционным зарубежьем, руководство 2-го МГУ обращало также внимание и на взаимоотношения студентов, представлявших разные народы СССР. Все чаще на страницах вузовской газеты отмечались случаи антисемитизма и даже попытки оправдать его. Так в феврале 1927 года газета поместила большую публикацию, сообщавшую о студенте, предлагавшем сократить численность евреев среди студентов, что автоматически, по его мнению, решит проблему антисемитизма [9, 1927. 23 февраля]. Шовинистические настроения по отношению к себе ощутил и студент, приехавший из Якутии. В заключение заметки, посвященной этому случаю, приводились выводы самого студента: « «культурные намеки» на китайскую

грамоту, о евреях, о татарских ханах слышать частично приходится» [9, 1928. 6 ноября]. Руководство университета во главе с ректором А.П. Пинкевичем, конечно, знало о существовании национальной розни и предубеждениях в студенческой среде. В своей статье «Больше активности» он призывал создать в университете такую обстановку, чтобы студенты, приехавшие из разных уголков СССР, везде ощущали «высоту коллективной культурной работы» [10].

После XV съезда ВКП (б) воспитательная работа во 2-ом МГУ активизировалась. Об этом свидетельствуют материалы газеты «За Лениным». Как следует из ее публикаций, в ноябре 1928 года в университете начала действовать ячейка МОПР, планировавшая с помощью слушателей курсов иностранных языков укреплять интернациональные связи [9, 1928. 19 декабря]. А уже в заметке «Больше внимания работе МОПРа» от 21 марта 1929 года сообщалось, что в ячейке этой организации состоят 1800 человек из числа студентов, преподавателей и сотрудников университета, что они не только участвуют в массовых политических кампаниях, посвященных зарубежным революционным событиям, но и собрали вместе с членскими взносами 850 рублей, направив их в райком МОПРа. На общем собрании студентов, рабочих и служащих 2-го МГУ, состоявшемся, как писала газета, 30 апреля 1929 года, было принято решение всем студентам, рабочим и служащим вуза вступить в МОПР.

Возрастало внимание и к проявлению в студенческой среде национализма и антисемитизма. В рубрике «Культурная революция стучится в дверь» сообщалось о новых случаях подобного рода на бытовом уровне, в отношениях между студентами общежития [9, 1928. 28 февраля]. В передовице газеты за 8 марта 1929 года ее автор, секретарь ячейки ВКП (б) Балашов, освещая решения VII районной партийной конференции, подтвердил факты антисемитизма во 2 МГУ и призвал беспощадно бороться с ним. Публикуя сведения о культурной деятельности украинского землячества, редакция газеты предлагала другим национальным сообществам студентов развивать этот опыт и сообщать о такой работе. Для знакомства с историей и культурой народов СССР университет стал систематически организовывать экскурсионные поездки студентов. В июньском номере газеты за 1929 год сообщалось о поездке в Киев, в результате которой была «заложена спайка со студентами Украины» [9, 1929. 3 июня]

В разделе газеты «Нам пишут» отмечались по-прежнему существующие факты религиозных взглядов и настроений у студентов университета, слабо поставленная антирелигиозная работа при подготовке будущих педагогов. Для активизации этой деятельности авторы одного из обращений предлагали создать в университете ячейку Союза Безбожников [9, 1929. 6 ноября]. В конце ноября 1928 года она была создана. В выпуске газеты за

21 февраля 1929 года разделе «Объявления» уже приглашались к регистрации все, кто ранее занимался антирелигиозной пропагандой. А 21 марта 1929 года в том же разделе публиковался план работы ячейки. В соответствии с ним активисты ячейки организовали антирелигиозный семинар, 4 мая провели антирелигиозный карнавал, боролись с «религиозным дурманом» в пасхальные дни. К июню 1929 года, как сообщалось в газете «За Лениным», в ячейке насчитывалось 110 человек, но не было среди них ни одного научного работника, а «нужда в них большая» была [9, 1929. 3 июня].

Тем не менее, проблема с антирелигиозным воспитанием студентов продолжала оставаться очень острой. В заметке «К чистке нашей партийной ячейки», вышедшей в одном из осенних номеров газеты, отмечалась по-прежнему существующая необходимость избавиться от «антисемитов, скрытых сторонников религиозного культа». Но, как указывалось в публикации «Очередные задачи партпросвещения», трудность в развертывании работы заключалась «в недостатке пропагандистских кадров» [9, 1929. 28 октября].

Таким образом, вся воспитательная работа, включая интернациональное и антирелигиозное воспитание, во 2-м МГУ к концу 1920-х годов заметно активизировалась. Однако ей по-прежнему не хватало регулярности и системности. На одну из возможных причин этих недостатков указал в своей обзорной статье, опубликованной в газете «За Лениным», ректор 2-го МГУ А.П. Пинкевич: «Почти все десять лет жизни вуза прошли под знаком искания лучших форм учебной работы» [11]. Действительно, на протяжении всех 1920-х годов в центре внимания руководителей советской высшей школы, оставались вопросы ее организации, оттесняя тем самым постановку воспитательной работы.

Кроме того, в конце 1920-х годов вся страна жила планами социалистической индустриализации, досрочным их выполнением, организацией социалистического соревнования. Эти темы оказались в центре внимания и вузовских многотиражек. Особенно это проявилось в публикациях газеты Московского индустриально-педагогического института имени К. Либкнехта, которая стала выходить в 1928 году под названием «Либкнехтовец». Как сообщалось в статье ректора МИПИ Н. Барбашева, опубликованной в первом номере газеты, даже спустя пять лет со дня учреждения института, учебный процесс «требует уточнения, углубления и более гибкого приспособления целевой установки к запросам профтехнической школы различных отраслей промышленности и транспорта» [12, 1928. 26 октября]. При этом было и понимание, что в деятельность вуза «надо внести элемент воспитательной работы», вовлекать студентов в такие организации, как МОПР. Однако, анализируя деятельность партийной и комсомольской организации вуза, их руководители отмечали

низкий уровень интернациональной работы, которая сводилась, как правило, к организации редких встреч и переписки с немецкой молодежью [12, 1930. 20 марта]. Но «никаких признаков существования в институте» ячейки МОПР не было и в конце 1930 года [12, 1930. 9 декабря].

Нередко в публикациях газеты «Либкнехтовец» приводились факты существования в студенческой среде антисемитских настроений [12, 1930. 20 марта]. В одном из номеров газеты в заметке «Забывтый фронт» был поднят вопрос об отсутствии в институте ячейки Союза Безбожников и, как следствие, антирелигиозной работы. «Надо перевернуть «тишь и гладь и божью благодать!», – призывал автор заметки [12, 1930. 16 апреля]. Как отмечалось в публикации под рубрикой «За ленинскую партучебу», посвященной проработке

решений XVI съезда ВКП (б), низкий уровень организации и осуществления интернационального и антирелигиозного воспитания в институте свидетельствовал о непонимании его руководством установок съезда [12, 1930. 29 октября].

Таким образом, анализ материалов многотиражных газет педагогических вузов Москвы, позволяет прийти к выводу, что в условиях становления советской системы высшего образования, которое продолжалось на протяжении всех 1920-х годов, работа по интернациональному и антирелигиозному воспитанию студенчества постоянно нарастала и усиливалась. Однако задача по приданию ей регулярности и плановости, приведению в соответствие с внутренним и международным положением СССР сохранялась как актуальная и требовала решения в будущем.

### Литература и источники

1. Советская печать в документах. М.: Государственное издательство политической литературы. М.: 1961. 558 с.
2. Восточник.
3. Крепи смычку.
4. Рабфаковец.
5. Красный педагог.
6. Акавист.
7. Борковский К. Обеспечить воинствующему атеизму место в педагогической платформе АКВ // Акавист. 1930. № 19.
8. Гмурман В. Основы педагогики без основ политграмоты // Акавист. 1930. № 19.
9. За Лениным.
10. Пинкевич А.П. Больше активности // За Лениным. 1927. 12 февраля.
11. Пинкевич А.П. Путь второго университета после Октября // За Лениным. 1927. 7 ноября.
12. Либкнехтовец.

### References

1. Sovetskaja pechat' v dokumentah [Soviet press in documents]. Moscow: State Publishing House of Political Literature. 1961, 558 p.
2. Vostochnik.
3. Krepi smychku.
4. Rabfakovec.
5. Krasnyj pedagog.
6. Akavist.
7. Borkovskij K. Obespechit' voinstvujushhemu ateizmu mesto v pedagogicheskoj platforme AKV [Ensure militant atheism has a place in the AKV pedagogical platform] // Akavist [Akavist] .1930. № 19.
8. Gmurman V. Osnovy pedagogiki bez osnov politgramoty [Fundamentals of pedagogy without the basics of political literacy] // Akavist [Akavist] . 1930. № 19.
9. Za Leninyim.
10. Pinkevich A.P. Bol'she aktivnosti [More activity] // Za Leninyim [For Lenin]. 1927. 12 fevralja [february].
11. Pinkevich A.P. Put' vtorogo universiteta posle Oktjabrja [The path of the second university after October] // Za Leninyim [For Lenin]. 1927. 7 nojabr ja [ november].
12. Libknehtovec.

© «Клио», 2020

© Eroshkina O.H., 2020

### УДК 94(47).084.8

Дата поступления (Submitted) 08.11.2020  
Дата принятия к печати (Accepted) 29.11.2020

**TATIANA DMITRIEVNA RAKHMANOVA**

*Senior lecturer at the Department of Drama and Film Studies,  
St. Petersburg State Institute of Cinema and Television  
191119, St. Petersburg, st. Pravda, 13  
E-mail: pevica@yandex.ru*

## “Goodbye, Leningrad!”: The besieged city in the diary of Lena Mukhina

The article was funded by RFBR, project number 20-09-00170 «The visual and sound space of the war: the besieged Leningrad and its perception by the inhabitants»

The issue explores a teenager's perception of besieged Leningrad and strategies for survival in the besieged city. The besieged Leningrad consisted of such short routes with clear vital goals as getting food, firewood, water. When transport stopped, city distances acquired a physiological dimension - every meter of the way, every step for a hungry frozen person could be fatal. Leningrad shrank to several hundred meters for the blockade human, resembling a village rather than an urban space. Not only the space, but also the everyday practices of Leningraders themselves began to resemble the practices of the village: get food, take out the slops, wash clothes in the ice-hole. In addition to the obvious rescue strategies as standing in lines for six hours, working in a hospital, not being afraid of the dead, inventing recipes from surrogates, changing at a flea market, carrying water from the Fontanka, 17-year-old Lena Mukhina, emotionally and psychologically, is helped through this time by the ability to fantasize, to save herself in imagination, thoughts carried away into the past and the future, hiding from the catastrophic blockade reality. Lena's besieged Leningrad has two dimensions: a real city, a disaster background, devoid of cultural connotations, almost provincial. This "ill-fated city of misery and loneliness" needs to be left as soon as possible in order to survive. But there is another Leningrad, transformed by Lena's fantasies into a cinematic image, a city of the future sparkling with lights, where everyone is alive, well fed and happy, where the blockade has turned into a distant memory.

**Keywords:** *The Siege of Leningrad, Diary, Lena Mukhina, World War II, history, cinema, "Champagne Waltz", "The Adventures of Korzinkina", blockade everyday life, dream, survival strategies*

#### ТАТЬЯНА ДМИТРИЕВНА РАХМАНОВА

старший преподаватель кафедры драматургии и киноведения  
Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения  
191119, Санкт-Петербург, ул. Правды, 13  
E-mail: pevica@yandex.ru

Статья посвящена восприятию подростком осажденного Ленинграда и стратегиям выживания в блокадном городе. Добыть еду, дрова, воду - блокадный Ленинград отдельного человека состоял из подобных коротких маршрутов с ясными насущными целями. Когда остановился транспорт, городские расстояния приобрели физиологическое измерение – каждый метр пути, каждый шаг для голодного замерзшего человека мог быть фатален. Ленинград для блокадного человека сократился до нескольких сотен метров, напоминая скорее деревенское, а не городское пространство. Не только пространство, но и сами бытовые практики ленинградцев стали походить на практики деревни: добыть еды, вынести помои, постирать белье в проруби. Помимо очевидных стратегий спасения: стоять в очередях по шесть часов, работать в госпитале, не бояться мертвых, изобретать рецепты из суррогатов, меняться на толкучке, носить воду из Фонтанки, пережить это время эмоционально и психологически 17-летней Лене Мухиной помогает способность фантазировать, спастись в своем воображении, уноситься мыслями в прошлое и будущее, укрываясь от катастрофической блокадной реальности. Блокадный Ленинград Лены имеет два измерения: реальный город, фон катастрофы, лишенный культурных коннотаций, почти провинциальный. Этот «злополучный город несчастья и одиночества» нужно поскорее покинуть, чтобы выжить. Но существует и другой Ленинград, преображенный фантазиями Лены в кинематографический образ, сверкающий огнями город будущего, где все живы, сыты и счастливы, а блокада превратилась в далекое воспоминание.

**Ключевые слова:** *Блокада Ленинграда, Дневник, Лена Мухина, Вторая мировая война, история, кинематограф, «Шампанский вальс», «Приключения Корзинкиной», блокадная повседневность, фантазия, мечта, стратегии выживания*

### «Прощай, Ленинград!»: блокадный город в дневнике Лены Мухиной

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00170 «Визуальное и звуковое пространство войны: блокадный Ленинград и его восприятие горожанами»

**Б**локадный дневник Лены Мухиной - исторический источник, уникальный во многих отношениях. Достаточно объемный эгодокумент охватывает довоенное время, начало войны, блокады, «смертную» зиму 1941-1942 гг., в которую Лена теряет своих близких, долгожданную весну 1942 г., продолжаясь практически до эвакуации девушки в Горький. Интенсивность, спрессованность событий, непосредственное пе-

реживание совершающейся катастрофы мирной жизни, мучительный поиск языка в «слепоглухое» [1, с. 8] время, для описания небывалого опыта, знакомого девочке только «по радио, по книгам» [2, с. 84], фиксация блокадной повседневности, «стенограмма распада нравственных норм» [3, с. 13], каждодневной борьбы за выживание, голода, холода, отчаяния и поразительной стойкости духа делают дневник Лены Мухиной, по точному выра-



жению С.В. Ярова, «грандиозной фреской малого мира одинокого человека, фреской, которая помогает понять большой мир блокадного сообщества» [3, с. 13].

Одним из главных аспектов изучения блокады Ленинграда является исследование повседневности человека в катастрофе. Статья посвящена восприятию подростком осажденного Ленинграда и стратегиям выживания в блокадном городе.

Лена Мухина родилась 21 ноября 1924 г. в Уфе, в начале 1930-х гг. вместе со своей матерью Марией Мухиной переехала в Ленинград, но, поскольку Мария была серьезно больна, девочка была отдана на воспитание родной сестре матери, Елене Бернацкой [4, с. 5]. 1 июля 1941 г. Мария Мухина умерла. Елена Бернацкая решила рассказать Лене о смерти матери только 29 августа [2, С. 78]. Лена не знает, как подступиться к горю, как его высказать, балансирует между полуофициальными советскими штампами: «1 июля 1941 года, во время кровавой войны с немцами скончалась ты на 44 году жизни...» [2, с. 78] и языком мелодрамы [5]: «Как бы я хотела иметь любимого, чтобы в это грозное время мы дали друг другу клятвы...». В этот день она утешает себя приятными воспоминаниями о победах советских зениток и о своей маленькой победе, когда ей посчастливилось избежать длительных окопных работ, и все ей «завидовали», а завершается описание дня тем, что цыганка ей нагадала «счастье превеликое». Смерть матери девочка пытается «заговорить», эти тексты «из далекого прошлого» очень объемны, детализированы, как будто сам процесс продолжительного письма-воспоминания становится для Лены терапевтическим, спасительным.

Голодной осенью-зимой 1941 г. Лена научится многому – стоять в очередях по шесть часов, работать в госпитале, не бояться мертвых, изобретать замечательные рецепты из суррогатов, торговать на толкучке, носить воду из Фонтанки – навыкам, необходимым для выживания блокадного человека. Из этих коротких маршрутов с конкретными целями и состоит ее Ленинград в своем блокадном настоящем. Когда остановился транспорт, городские расстояния приобретают физическое, физиологическое измерение – город нужно преодолеть, осилить ногами, переместить свое изголодавшееся замёрзшее тело из пункта А (дом) в пункт Б и вернуться обратно в пункт А (дом), не упав на улице от голода. Чем меньше у человека оставалось сил, чем тяжелее давался каждый шаг, тем острее было это физическое ощущение пространства.

«Пошла в булочную», «пошла в школу, там давали желе», «сходила за водой», «дошла до госпиталя»: эти немногочисленные точки на карте города, как правило, расположенные близко друг к другу, («мама не пошла на работу... невозможно каждый день ходить голодной на Выборгскую сторону и обратно», 10 декабря) организовывали блокадную повседневность Лены. Ленинград для отдельного

человека сократился до нескольких сотен (а иногда и десятков) метров, напоминая скорее деревенское, а не городское пространство. «Война и блокада стали временем исчезновения городской цивилизации XX века. Ленинград превращался в Петербург, в нем стали обнаруживаться деревенские реалии» [6, с. 424]. Не только пространство, но и сами бытовые практики ленинградцев стали напоминать практики деревни: добыть еды, вынести помой, постирать белье в проруби.

Этими простыми физическими действиями – борьбой за выживание – был занят блокадный человек осенью-зимой 1941-1942 гг., Лена Мухина не стала исключением. В катастрофе Лена проявила себя как прагматичный человек, особенно это стало понятно после смерти второй мамы, Елены Бернацкой: если девушка и жалуется в дневнике на свою судьбу<sup>1</sup>, то это скорее риторические конструкции. Оставшись одна, Лена вынуждена моментально повзрослеть: она обрастает социальными связями, находит женщину, помогающую устраиваться в разные столовые, рассчитывает, насколько выгодно было бы ходить в школу, мечтает найти попутчицу по эвакуации («...Она такая старушка очень мягкая, податливая. Я могу завладеть ей, она будет для меня в дороге полезна» (29 апреля 1942 г.)). Важно отметить, что выживаемость в блокаду, по крайней мере, для Лены, во многом сосредоточена именно на социальных связях.

Все эти «взрослые» стратегии выживания очевидны, однако не будем забывать, что первой блокадной зимой Лене исполнилось 17 лет. Как справедливо заметил С.В. Яров, Лена оказалась на границе времен, между взрослой жизнью и детством [3, С. 14]. Это травматическое взросление под прессом трагических обстоятельств, как видится, наложило отпечаток и на послевоенную жизнь Лены – бесприютность, неустроенность, одиночество. Но в условиях блокады юный возраст дал Лене не только физические, но и психоэмоциональные преимущества. «У меня последнее время что-то такое творится в душе, что я сама ничего не понимаю... Как бы мне хотелось жить где-нибудь в другом месте, среди других ребят и еще что-то, и еще, сама не знаю, чего мне хочется... Мне хочется изучить по нитке, до атома всю природу. И все интересное в ней. И написать книгу о людях. И иметь альбомы с фото с разных концов нашей страны. И гору мне хочется, горы и море. Может быть, я хочу быть простым туристом? Нет! Я сама не знаю, кем я хочу быть. Путаница в голове! Хаос!...» (27 ноября 1941 г.). В дневниках и в художественной литературе трудно найти более точное описание юности, охваченной огнем собственной внутренней жизни, вне зависимости от того, что происходит с миром – блокада, война или всеобщее благоденствие.

«... самые страшные приметы блокады — трупы, брошенные на улицах, оскверненные и ограбленные, драки у булочных из-за сахара и

масла, воровство продовольственных «карточек», крысы, вши, нескончаемая череда «пеленашек»... залитые нечистотами лестницы и дворы — либо вовсе отсутствуют в ее записях, либо не получили здесь столь же подробного освещения, как в других блокадных дневниках. Она, может быть подсознательно, оберегает себя от всего жестокого» [3, с. 10]. Действительно, Лена пишет о страшных приметах блокады тогда, когда они уже перестали пугать, стали буднично соседствовать со школьными оценками: «Да, я никогда не думала, что кошачье мясо такое вкусное, нежное... Со школой у меня дела, можно сказать, — дрянь» (18 декабря).

Лена вообще неохотно пишет о самом больном. К примеру, только из ее короткой фразы «никто не посмеет назвать меня паразиткой», когда она устраивается работать в госпиталь зимой 1941 г., мы можем понять, какими непростыми были отношения в семье. Видимо, слова про паразитку были произнесены Бернацкой и очень задела девочку. Подобные свидетельства о проблемах в семье очень мало. В свой день рождения, 21 ноября 1941 г., она коротко напишет: «Только бы не ссориться, только бы все было тихо и мирно. Вот в чем мое горячее желание». В доблокдном мае она порадуетя, что можно будет остаться в городе и никуда не ехать: кто-то другой, но не Лена, откровенно пожаловался бы, что в семье нет денег.

Организм дает Лене важнейшую стратегию спасения: в самые тяжелые моменты жизни она «выключается» из реальности, укрывается в живописных картинах своих фантазий, уносится мыслями далеко, в мирное блистательное будущее или прячется в уютном прошлом, когда все были живы, все были вместе. В дневнике Лены эти тексты-фантазии, воспоминания, мечты, своеобразные сны наяву занимают много страниц и являются важнейшей его частью.

В ноябре 1941 г., когда начинает подступать настоящий голод («ужасно хочется есть», «как хочется хлеба, как хочется», «господи, когда это кончится», «как хочется поесть»), и приближается день рождения, «мой праздник, который бывает раз в году», Лена утешает себя перспективой роскошного послевоенного пиршества, с гоголевским, раблезианским размахом: «... я куплю кило черного хлеба, кило пряников, пол-литра хлопкового масла. Раскрошу хлеб и пряники, оболью обильно маслом и хорошенько все это разотру и перемешаю, потом возьму столовую ложку и буду наслаждаться, наемся до отвала... И мы будем кушать ушки со сметаной и пельмени, и макаронны с томатом и с жареным луком, и горячий белый, с хрустящей корочкой батон, намазанный сливочным маслом, с колбасой или сыром, причем обязательно большой кусок колбасы, чтобы зубы так и утопали во всем этом при откусывании...» (16 ноября).

Примерно в это же голодное время в мечтах Лены возникает детализированный образ замечательного будущего, в центре которого — отъезд из Ленинграда: «Мы с мамой сядем еще в мягкий ва-

гон с голубыми занавесочками, с лампочкой под абажуром... наш поезд покинет стеклянный купол вокзала и вырвется на свободу, и мы помчимся вдаль, далеко, далеко... И мы скажем, смотря, как уплывает вдаль назад Ленинград. Тот город, где мы столько пережили, столько перестрадали, где мы сидели голодные в холодной комнате и прислушивались к грохоту зениток и гулу вражеских самолетов. И мы отмахнемся от этих воспоминаний как от тяжелого кошмарного сновиденья и переведем взгляд вперед, туда, вдаль, куда мчит нас красноезвездный экспресс... Вспоминать и наслаждаться тем, что ты можешь об этом только вспоминать, что это уже прошло, что больше не вернется. Вспоминать, как отзвучал горн последнего отбоя, как запылал огнями, нет, не огнем пожаров, а радостными и светлыми огнями электричества праздничный Ленинград, засверкали вновь стекла витрин, сбросившие с себя бремя внос и песка, зазвенели трамваи и загудели автомобили, ослепительно вспыхнув фарами, и засветились тысячами окон счастливые дома...» (22 ноября). Ритм этого текста — движение фантазии, преобразующей происходящую в реальности катастрофу блокады в далекое воспоминание из безопасного мирного времени. Интересно, что объектом мечты Лены становится не иная (мирная) действительность, но сам процесс переживания. Процесс этого уютного воспоминания-сна приносит наслаждение, поскольку блокада безопасна и далека, она уже прошла «и больше не вернется».

Такое спасение в иллюзии, в своеобразном сне становится не менее важной для выживания стратегией, чем добыча еды, воды и дров, не давая человеку погибнуть от перенапряжения. Как видится, эти детализированные фантазии-сны выполняют роль защитного механизма, подобно охранительному торможению, которое, по И.П. Павлову, возникает, когда раздражение достигает такой степени сверхмаксимальной интенсивности, что может нести за собой нарушение или разрушение клетки [7, с. 185]. Защитную, охранительную функцию выполняют запредельное [8, с. 99] и сонное торможение.

Спасительные фантазии Лены организуются в форме, связанной для Лены с мирной жизнью, счастьем и безопасностью: кинокартины. Поезд, который со времен Люмьеров стал эмблемой кинематографа, покидает вокзал, камера отъезжает всё дальше и дальше, и Ленинград с крупного плана сегодняшней реальности переходит на общий план далекого мирного будущего. Главная героиня уехала, и Ленинград возникает только как флешбек. Ленинград, блокадный, разрушенный, искалеченный, холодный и голодный город настоящего, сменяется кадрами блистательного, праздничного, сверкающего огнями города будущего, эти два города монтируются встык, без скучных подробностей восстановления, без послевоенной тяжелой жизни, по-детски непосредственным, голливудским (фабрика грёз!) монтажом, по хич-

коковскому принципу «фильм – это жизнь, из которой вырезали всё скучное».

Лена – частый гость кинотеатров, в военное время в ее дневнике мелькают названия «Правды», «Октября», «Паризианы», «Колосса». После сильной бомбежки, от которой «дом содрогнулся до основания», Лена с подругой бегут в кинотеатр смотреть «Приключения Корзинкиной», за просмотром забывают про бомбы и от души хохочут (13 октября 1941 г.). Кино отвлекает от блокадной реальности, дает возможность переместиться в другую жизнь – кульминацией весны 1942 г. для Лены станет просмотр кинокартины «Шампанский вальс»: «...Ведь вот жизнь-то, роскошь, красивые женщины, разодетые по последнему крику моды женщины, обтянутые, прилизанные мужчины, рестораны, развлечения, джаз, танцы, блеск, вино, вино и любовь, любовь, бесконечные поцелуи и вино» (20 апреля). Кинематографические образы как мечты и фантазии помогают Лене пережить тяжелые моменты жизни. К примеру, маму Лену перед смертью она описывает как сильную духом красавицу, напоминающую героиню кинокартины: «Ты умерла мужественно. У тебя был очень сильный дух, но, к сожалению, очень слабое тело. Мамуля, ты умерла, слабела с каждым днем, но ни одной слезинки, ни жалоб, ни стонов, ты старалась ободрить меня, даже шутила.. Конечно, ты знала, что умрешь, но не считала нужным об этом говорить». Важно сказать, что это запись от 5 марта, Бернацкая умерла 8 февраля, девочка смогла хоть как-то описать для себя это событие только спустя месяц.

После смерти мамы Лены и до эвакуации, с февраля по июнь 1942 г., почти пять месяцев, Лена Мухина выживает в блокадном Ленинграде одна. Помимо очевидных стратегий спасения, перечисленных выше (добыча воды, дров, обменные операции на стихийных толкучках, обрастание необходимыми социальными связями и др.), эмоционально, психологически пережить это время ей помогает, как видится, одна главная идея – мечта об эвакуации из Ленинграда. «Прощай, Ленинград! ... я согласна ехать вовсе без вещей, только не оставаться в этом проклятом злополучном Ленинграде. Здесь меня ждет гибель. Уезд отсюда – мое спасенье» (11 апреля), «скорей бы уехать из этого проклятого Ленинграда... Город, где мне пришлось пережить столько горя, где я потеряла все, что имела. Город, где я осталась круглой сиротой. Город, где я познала весь ужас одиночества. Нет, этот город, его имя я буду всю жизнь вспоминать с содроганием в сердце. Скоро, скоро я уеду отсюда, и, надеюсь, навсегда» (13 апреля), «эти последние дни, что я живу здесь, в Ленинграде, я уже не живу, а проволакиваю» (22 апреля), «Я теперь из ленинградки сделаюсь москвичкой. С Ленинградом все кончено» (26 апреля) и т.д. Лена так навязчиво грезит отъездом, что даже постель на сундуке, которую ей устраивает Вера Милюткина, напоминает девочке вагон дальнего

следования, и, засыпая, ей кажется, что вместе с постелью она «куда-то движется и ее приятно покачивает» (9 мая). Важно сказать, что эта иллюзия «покачивания» была подкреплена и физическим состоянием Лены – у нее кружилась голова от голода и усталости.

Блокадный Ленинград Лены – это Ленинград удаляющийся, остающийся позади, превратившийся в воспоминание, «злополучный» город несчастья и одиночества. В отличие от многих блокадников (особенно образованных, занимающихся искусством ленинградцев) город Лены Мухиной не эстетизирован (см., например, описание города из дневника С.К. Островской: «Для Ленинграда нужны только Гойя и Эдгар По. ...Не люди, не город – призраки, фантомы, гиньоль, паноптикум, морг под открытым небом») [9, л. 59], красота и декоративность Ленинграда в блокаду не становится для Лены проблемой (см., например, «Мне кажется, никогда наш город не был так красив, красив какой-то суровой, идущей ему красотой») [10, с. 359], «Выйдя на Дворцовую площадь с Миллионной, я остановилась. Шел снег. Покрытая снегом черная шерстя на штабе неслась вверх. Колонна, штаб, Адмиралтейство, Зимний дворец казались грандиозными и вместе с тем призрачными, сказочными. А внизу по сугробам сновали маленькие, согнутые, сгорбленные, в платках и валенках темные фигурки с саночками, гробами, мертвецами, домашним скарбом, такие чуждые этой призрачной, царственной декорации» [11, с. 305], «Издвательно красивый город» [12, с. 619], город лишен традиционных литературных («Невский, пустой и пустынный ночами и такой фантастичный, как не снилось ни Гоголю, ни Достоевскому») [13, с. 169], или исторических (Петербург, Петроград) [6, с. 420], ассоциаций. Взгляд Лены – прямой взгляд человека, занятого выживанием, погруженного в свои переживания, лишенного рефлексии о декорациях, в которых совершается трагедия. Логика практичной Лены очень проста – если она останется надолго в этом пространстве одна, выжить она не сможет, значит, надо как можно скорее покинуть его.

«Когда переезжали мост, Лена опять любовалась... красавицей Невой. Какой простор, какая ширь и какие краски заката, и на этом фоне силуэт Петропавловской крепости, а вода зеркально-спокойная, и корабли военные, стоящие у берега, и здания на противоположном берегу реки — все отражалось в воде до мельчайшей подробности. Лена не могла оторваться, все любовалась...». Лена обнаруживает красоту города и по-настоящему любит его только при определенных условиях: когда она воображает себя отсутствующей, покинувшей его: «...она скоро уедет, и теперь, когда она имела возможность видеть красавицу Неву каждый день по два раза, ей хотелось запечатлеть в своей памяти эту реку. Неизвестно, когда она снова увидит ее, может быть, через несколько лет только» (16 мая).

28 апреля голодная Лена лежит под одеялом и мечтает: «Я открываю свой чемодан, отрезаю большой ломоть хлеба, смотрю в окно и ем. Я сыта. На вокзале перед отъездом нам дали хорошую порцию супа-лапши. Суп густой, густой и каши гороховой целый котелок. У меня еще каша осталась. Также нам дали 800 гр. кровяной колбасы и кило хлеба, это до Ладожского, а там опять дадут горячую пищу». Спасение опять обнаруживается в отъезде из Ленинграда, снова возникает успокаивающий образ отъезжающего поезда, а город и знакомые места, где она ходила с мамой, госпиталь, где работала, все кажется далеким с этого общего плана, а в городе продолжается жизнь, только уже без Лены: «Вон по дорожке, в белом халате и белой косынке, с какими-то бумагами в руке, идет девушка. Сколько раз и я так же, вот как и она, ходила по этой самой дорожке относить бюллетень... Прощай, Ленинград. Вот люди на трамвайной остановке смотрят на нас. Что у них в мыслях?». Этот отстраненный взгляд сверху, словно кадр аэрофотосъемки: мучительно трудное конструирование своего отношения к катастрофе, своей роли в ней принципиально и жизненно необходимо для Лены.

Последовательность такой позиции отражена и формально: «Я решила теперь писать свой дневник в новой форме. От 3-го лица. В виде повести. Такой дневник можно будет читать как книгу». (30 апреля) Рассказывая о себе в третьем лице, она как будто исчезает из блокадного города, стараясь смотреть на Лену как на другого человека. Интересно сравнить стратегии школьницы Лены Мухиной и писательницы, литературоведа Лидии Гинзбург, которые в блокадное время пришли к сходной форме универсализации своего опыта в катастрофе: «Мне нужно было показать не только общую жизнь, но и блокадное бытие одного человека. Этот человек суммарный и условный (поэтому он именуется Эн) интеллигент в особых условиях» [14, с. 311], - описывает своего героя Л.Я. Гинзбург, который в более ранних ее произведениях носит имя Оттер и имеет более отчетливые автобиографические коннотации [15, с. 507]. Имя Оттер в прозе Л.Я. Гинзбург – транслитерация французского *l'autre* (другой) или *l'auteur* (автор) [16, с. 64], [17, с. 273], что представляется функционально очень похожим на «другую» Лену, о которой Лена Мухина пишет в своем дневнике в третьем лице<sup>2</sup>. В конце дневника повествование ведется то от третьего, то от первого лица, и эта непоследовательность скорее всего связана с общей истощенностью, усталостью Лены, не выдерживающей этой холодной «художественности» до конца.

Степень удаленности реально существующей Лены и героини дневника со временем только радикализуется. «Силы в руках у меня никакой не было...Поэтому меня использовали в виде „лошади“: откуда-то притащенную металлическую ванну другие люди засыпали снегом и льдом, и несколько человек (а также и я) впрягались в сбрую из ве-

ревок и тащили эту ванну к Фонтанке.... прекрасно помню, что когда наконец кончилась эта попытка и можно было идти домой, то я на свой 4-ый этаж поднималась не по-человечески — на двух ногах — на это не было сил, а ползла на четвереньках», - так вспоминает работы по очистке города от снега и льда Лена (уже Елена Владимировна) Мухина в письме от 1982 г. [18, л. 14]. «Почему я все же выдержала эту муку — эту уборку льда? И не подохла» [18, л. 14], - спросит саму себя Елена Владимировна.

Ответ, как видится, прост. Достаточно обратиться к дневнику 17-летней Лены и посмотреть, как она описывает эти трудработы, находясь в блокадном настоящем: «Сегодня мне очень повезло. Я пошла работать к 8-ми часам утра. А к 11-ти я уже освободилась. Дело в том, что управхоз дал нам определенное задание: найти и очистить 3 люка, и сказал, что после того, как мы его выполним, сможем идти домой. Мы так и сделали. Это прямо счастье» (31 марта 1942 г.)<sup>3</sup>.

Лена выживает именно благодаря своему взгляду на мир, художественному (и человеческому) принципу – искать счастье и везение даже в самых жутких обстоятельствах. Этот контрапункт помогает не только выжить ей самой, но и читателю дневника войти в трагическое кромешное пространство блокадного города, которое освещает человечность Лены. Л. Лунгина в своей беседе с О. Дорманом сравнивала два текста, посвященные выживанию в катастрофе: «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына и «Колымские рассказы» В. Шаламова. Лунгина размышляет об успехе первого текста и долгой безвестности второго, который как «в бездну провалился». Успех «Одного дня...», по мнению Лунгиной, в том, что Солженицын догадался изобразить один *счастли- вый* день. День, в который у заключенного Ивана Денисовича всё складывается как нельзя лучше [19, с. 271-272].

Стратегия выживания Лены – это не мелодраматический побег (модальность, унаследованная от сентиментализма и романтизма, скрывшаяся от советской этики в фольклоре и городской песне) [5], но преобразование реальности. Лена твердо стоит на земле, она быстро овладевает практическими навыками выживания блокадного человека, не боится любой работы, она очень витальна. Когда ясная натура Лены чувствует необходимость в защите, в «охранении» от психологического и физического перенапряжения, она спасает себя сама – закрыв глаза, воображая далекие путешествия. Мечты и фантазии ее не абстрактны, они очень конкретны, детализированы, полностью растут из реальности и направлены на спасение. Эти пространства – физическая реальность блокады и реальность взгляда Лены – часто существуют вместе, соседствуют, парадоксальным образом не входя в противоречие, видимо, из-за присущей Лене наблюдательности, восприимчивости и открытости.

22 мая 1942 г. Лена ошиблась трамваем, и, усталая и голодная, вынуждена была идти 4,5 км пешком: «Сперва она плакала и думала только о том, как скорей бы пройти Лесной проспект. Она даже шла с закрытыми глазами, чтобы не видеть, что ей осталось так далеко еще идти». Замечательный и очень характерный эпизод, определяющий образ человека в катастрофе: Лена в отчаянии и ужасе перед реальностью закрывает глаза, но все равно, с закрытыми глазами, продолжает идти вперед!

Лена эвакуировалась из Ленинграда в июне 1942 г. Покинув блокадный город, она, как и мечтала, исчезла из большой истории, занялась своей отдельной личной жизнью. Факты этой послевоенной незаметной биографии настолько же скупы, насколько сконцентрирована была блокадная повседневность, эссенция существования, в которую пришлось вымотаться, изголодаться, продрогнуть на несколько жизней вперед. Город, в котором она столько претерпела, так страстно мечтала покинуть и проклинала, не оставит ее мыслей: «Я страшно скучаю по Ленинграду, по опере, по музеям. Но мне же негде жить там» (письмо Е.Н. Журковой от 1952 г.) [4, с. 360].

Лена жила в Горьком, Рыбинске, Москве, работала мукомолом, чернорабочей, копировщицей, надомницей на фабрике, умерла в 1991 г. в Москве. Она мечтала быть зоологом, заниматься наукой, «изучить до атома всю природу», иметь семью. Сбылось другое: «написать книгу о людях», которой никогда не было, «сохранить свою печальную историю». Дневник Лены Мухиной прекрасно из-

дан, скрупулезно и внимательно откомментирован публикаторами В.М. Ковальчуком, А.И. Рупасовым, А.Н. Чистиковым. Текст переведен на 11 языков. Предисловие к дневнику написал историк Сергей Яров, умевший, как никто, с уважением и сочувствием взглянуть в человека, исследовать его не только как свидетеля и участника политического, социального, исторического процесса, но и самого по себе, во всей его слабости и силе. Диалог, понимание, дружеское сочувствие, о котором так страстно мечтала Лена в блокадном городе, состоялся (к сожалению, посмертно) и будет продолжаться с новыми собеседниками: сердечно не откликнуться на «повесть о радостях и печалях ученицы 8 класса» очень сложно.

Простой, без стыда и кокетства, рассказ о небывалом опыте, фиксация себя и в триумфе и в распаде, поиск языка для описания непредставимого, умение мечтать, укрываясь от реальности в фантазиях, необъяснимая практичность природы и сила духа, способность каждый день подниматься с постели в ледяной темной комнате, в одиночестве вести бой не на жизнь, а на смерть, даже в блокадную зиму влюбляться, ходить в кино, хохотать, видеть себя героиней фильма, изматывающе тяжело работать и не сказать об этом ни слова, читать книги, горевать и плакать от бессилия и боли, радоваться первому весеннему грому и бабочке-крапивнице: дневник Лены Мухиной – ментальная фотография самого движения живой человеческой жизни, способного продолжаться в обстоятельствах, отвергающих факт её существования.

## Примечания

<sup>1</sup> Лена верит в предсказания и часто оперирует понятием «злой судьбы»: «Так вот он, первый удар, который наносит мне судьба!», «А что мне дальше готовит судьба», «Неужели судьба надо мной смилостивилась» и т.д. При этом обращения к судьбе для нее скорее этикетные, расхожие бытовые фразы. Мелодраматический штамп «невинная девушка в роковых обстоятельствах», который предполагает слабую страдающую героиню, жертву злого рока, не органичен самой деятельной практичной природе Лены, которая, по другой известной стратегии, «берет судьбу в свои руки» и побеждает.

<sup>2</sup> Сходств в этих двух эстетически полярных текстах о блокаде, «простодушном» дневнике школьницы и интеллектуальной «прозе ученого» намного больше, чем различий. И Мухина и Гинзбург преследуют одну цель – зафиксировать опыт блокадного человека, «написать о круге – порвать круг», «сохранить историю», написать не автобиографию, но книгу о людях в катастрофе, создав «суммарного» героя времени, на которого можно смотреть со стороны, анализируя себя как другого, расширяя и дистанцируясь, спасая этим письмом самого себя, автора. Гинзбург пишет о своем герое как «типичном представителе», это определение отсылает нас, по справедливому замечанию исследовательницы Э.Ван Баскирк, к «давней традиции русской прозы, представленную, в частности, «Героем нашего времени» М.Ю. Лермонтова. Интересно, что «Герой нашего времени» – одно из любимых произведений Лены, а Печорин – пример для подражания. В первой записи дневника Лена отмечает: «Я хочу писать в своем дневнике все свои переживания, все, все, как Печорин это делал. Ведь как интересно читать его дневник».

<sup>3</sup> Сравнение описаний одного и того же события в дневнике и воспоминании свидетеля видится очень продуктивным и интересным, предоставляется широкое поле для размышлений о восприятии катастрофы, интерпретации события, проблеме памяти и свидетельства.

## Литература и источники

1. Сандомирская И. Блокада в слове: Очерки критической теории и биополитики языка. М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 432 с.
2. «Сохрани мою печальную историю...»: Блокадный дневник Лены Мухиной. СПб.: Азбука, 2011. – 368 с.
3. Яров С.В. Лена Мухина на границах времен // «Сохрани мою печальную историю...»: Блокадный дневник Лены Мухиной. СПб.: Азбука, 2011. С. 5-14.
4. Ковальчук В.М., Рупасов А.И., Чистиков А.Н. Необходимое послесловие: Как была восстановлена биография Лены Мухиной // «Сохрани мою печальную историю...»: Блокадный дневник Лены Мухиной. СПб.: Азбука, 2011. С. 355-362.
5. Адоньева С.Б. Любовь к мелодраме. Российский случай // Сеанс [Электронный ресурс]. – URL: <https://seance.ru/articles/melodrama/>... (дата обращения: 02 ноября 2020).
6. Пянкевич В.Л. Декорации войны: блокадный Ленинград в восприятии горожан // Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX - середина XX в.: материалы международного коллоквиума. СПб.: Нестор-и-

стория, 2014. С. 411-425.

7. Павлов И.П. Условный рефлекс // Павлов И.П. О типах нервной деятельности и экспериментальных неврозах. М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1954. С. 137-188.
8. Павлов И.П. Проба физиологического понимания симптомологии истерии // Павлов И.П. О типах нервной деятельности и экспериментальных неврозах. С. 97-112.
9. Отдел рукописей Российской Национальной Библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1448. Ед. хр. 15.
10. Пунин Н.Н. Мир светел любовью. Дневники. Письма. М.: Артист. Режиссер. Театр. 2000. – 525 с.
11. Шапорина Л.В. Дневник. М.: Новое литературное обозрение, 2011. Т. 1. – 592 с.
12. Гинзбург Л.Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб.: Искусство-СПб, 2002. – 768 с.
13. Люблинский В.С. Блокадные дневники. Воспоминания. Стихи. Письма // В память ушедших и во славу живущих. Письма читателей с фронта. Дневники и воспоминания сотрудников Публичной библиотеки. 1941-1945. СПб.: РНБ, 1995. С. 147-200.
14. Гинзбург Л.Я. Проходящие характеры: Проза военных лет. Записки блокадного человека. М.: Новое издательство, 2011. – 600 с.
15. Ван Баскирк Э. Личный и исторический опыт в блокадной прозе Лидии Гинзбург // Гинзбург Л.Я. Проходящие характеры: Проза военных лет. Записки блокадного человека. М.: Новое издательство, 2011. С. 506-530.
16. Зорин А. Проза Л.Я. Гинзбург и гуманитарная мысль XX века // Новое литературное обозрение. 2005. № 6. С. 45-68.
17. Ван Баскирк Э. «Самоотстранение» как этический и эстетический принцип в прозе Л.Я. Гинзбург // Новое литературное обозрение. 2006. № 5. С. 261-281.
18. Центральны́й государственны́й архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб.) Ф. 495. Оп. 1. Д. 315. 14 об.
19. Дорман О. Подстрочник. Жизнь Лилианны Лунгиной, рассказанная ею в фильме Олега Дормана. М.: Астрель, 2010. 383 с.

## References

1. Sandomirskaya I. Blokada v slove: Ocherki kriticheskoi teorii i biopolitiki yazyka [Blockade in the Word: Essays on Critical Theory and Biopolitics of Language]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New literary review], 2013, 432 p.
2. «Sokhrani moyu pechal'nyuyu istoriyu...»: Blokadniy dnevnik Leny Mukhinoi [«Save my sad story ...»: Lena Mukhina's blockade diary]. St. Petersburg: Azbuka, 2011. – 368 p.
3. Yarov S.V. Lena Mukhina na granitsakh vremen [Lena Mukhina at the Borders of Time]. «Sokhrani moyu pechal'nyuyu istoriyu...» [«Save my sad story ...»]. P. 5-14.
4. Koval'chuk V.M., Rupasov A.I., Chistikov A.N. Neobkhodimoe posleslovie: Kak byla vosstanovlena biografiya Leny Mukhinoi [Necessary afterword: How Lena Mukhina's biography was restored] «Sokhrani moyu pechal'nyuyu istoriyu...» [«Save my sad story ...»]. P. 355-362.
5. Adon'eva S.B. Lyubov' k melodrame. Rossiiskii sluchai [Love for melodrama Russian case]. Seance. Available at: <https://seance.ru/articles/melodrama/...> (Accessed 2 November 2020).
6. Piankevich V.L. Dekoratsii voiny: blokadniy Leningrad v vospriyatii gorozhan [Scenery of the war: besieged Leningrad in the perception of citizens]. Malen'kii chelovek i bol'shaya voyna v istorii Rossii: seredina XIX - seredina XX v.: materialy mezhdunarodnogo kollokviuma [The Little Man and the Big War in the History of Russia: Mid-20th - Mid-20th Centuries: Materials of the International Colloquium]. St. Petersburg: Nestor-istoriya, 2014. P. 411-425.
7. Pavlov I.P. Uslovnyi refleks [Conditioned reflex] Pavlov I.P. O tipakh nervnoi deyatel'nosti i eksperimental'nykh nevrozakh [Conditioned reflex] Pavlov I.P. O tipakh nervnoi deyatel'nosti i eksperimental'nykh nevrozakh [On types of nervous activity and experimental neuroses]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo meditsinskoi literatury, 1954. P. 137-188
8. Pavlov I.P. Proba fiziologicheskogo ponimaniya simptomologii isterii [A test of the physiological understanding of the symptomology of hysteria] Pavlov I.P. O tipakh nervnoi deyatel'nosti i eksperimental'nykh nevrozakh [On types of nervous activity and experimental neuroses]. P. 97-112.
9. Otdel rukopisei Rossiiskoi Natsional'noi Biblioteki (OR RNB) [Department of Manuscripts of the Russian National Library] F. 1448. Ed. khr. 15.
10. Punin N.N. Mir svetel lyubov'yu: Dnevnik. Pis'ma [The world was bright with love: Diaries. Letters.]. Moscow: Artist. Rezhisser. Teatr, 2000. – 525 p.
11. Shaporina L.V. Dnevnik. Dnevnik [The Diary]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. V. 1. – 592 p.
12. Ginzburg L.Ya. Zapisnye knizhki. Vospominaniya. Esse [Notebooks. Memories. Essays], St. Petersburg: Iskusstvo-SPb, 2002. – 768 p.
13. Lyublinskii V.S. Blokadniye dnevnik. Vospominaniya. Stikhi. Pis'ma [Blockade diaries. Memories. Poems. Letters] V pamyat' ushedshikh i vo slavu zhivushchikh. Pis'ma chitatelei s fronta. Dnevnik i vospominaniya sotrudnikov Publichnoi biblioteki. 1941-1945 [In memory of the departed and for the glory of the living. Letters from readers from the front. Diaries and memoirs of the staff of the Public Library 1941—1945], St. Petersburg: RNB, 1995. P. 147-200.
14. Ginzburg L.Ya. Prokhodyashchie kharaktery: Proza voennykh let. Zapiski blokadnogo cheloveka [Passing characters: Prose of the war years. Notes of a blockade human], Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2011. – 600 p.
15. Van Baskirk E. Lichnyi i istoricheskii opyt v blokadnoi proze Lidii Ginzburg [Personal and historical experience in the blockade prose of Lydia Ginzburg] Ginzburg L.Ya. Prokhodyashchie kharaktery: Proza voennykh let. Zapiski blokadnogo cheloveka [Passing characters: Prose of the war years. Notes of a blockade human]. M.: Novoe izdatel'stvo, 2011. S. 506-530.
16. Zorin A. Proza L.Ya. Ginzburg i gumanitarnaya mysl' XX veka [L.Ya. Ginzburg prose and humanitarian thought of the XX century] Novoe literaturnoe obozrenie. 2005. № 6. P. 45-68.
17. Van Baskirk E. «Samoostranenie» kak eticheskii i estetcheskii printsip v proze L.Ya. Ginzburg [“Self-alienation” as an ethical and aesthetic principle in the prose of L.Ya. Ginzburg]. Novoe literaturnoe obozrenie. 2006. № 5. P. 261-281.
18. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva Sankt-Peterburga (TsGALI SPb.) [Central State Archives of Literature and Art of St. Petersburg] F. 495. Op. 1. D. 315.
19. Dorman O. Podstrochnik. Zhizn' Lilianny Lunginoi, rasskazannaya eyu v fil'me Olega Dormana [Interlinear. Lilianna Lungin life told her in the film by Oleg Dorman], Moscow: Astrel', 2010. 383 p.

УДК: 930.2.(94.481)

Дата поступления (Submitted): 27.11.2020

Дата принятия к печати (Accepted): 10.12.2020

**KIM VLADIMIROVICH LIKHOMANOV**

*The Applicant, Saratov State Conservatory (Saratov)*

*RF, Saratov region., Engels, st. Nesterova, 107A.*

*E-mail: AlisterOrm@gmail.com*

## **Archaic forms of “property” of the early Middle Ages by A. Ya. Gurevich: from socio-economic to socio-cultural paradigm**

The article considers the problem of studying archaic forms of property developing within the framework of the “Germanic” socio-cultural community. The work of the medievalist historian Aron Yakovlevich Gurevich, who devoted many of his works to this problem, was chosen as the object of research. It is shown that the historian began his journey from studying the forms of family property in the pre-Norman England society and, faced with a limited range of sources, turned to the material of early medieval Norway. Here A. Ya. Gurevich discovered in the law books the fact of land ownership – “odal”, which became his “ideal model” for the study of archaic forms of ownership, which required not only classical economic and law methods, but also methods of cultural history. The work shows how the historian’s approaches to the analysis of this institution changed, and the essence of the specifics of archaic “property” in ancient German society. The special importance of social communication and collective ideas in the formation of a general cultural paradigm, which gave rise, among other things, to such economic and law fact as “property”, is noted.

**Keywords:** *A. Ya. Gurevich, property, archaic society, socio-cultural relations, “odal”.*

**КИМ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛИХОМАНОВ**

*Соискатель, Саратовская государственная консерватория*

*им. Л.В. Собинова (Саратов)*

*РФ, Саратовская обл., г. Энгельс, ул. Нестерова, д. 107А.*

*Телефон: 89172129221.*

*Специальность: 07.00.09.*

*AlisterOrm@gmail.com*

В статье рассматривается проблема изучения архаичных форм собственности, развивающихся в рамках «германской» социокультурной общности. В качестве объекта исследования выбрано творчество историка-медиевиста Арона Яковлевича Гуревича, который посвятил этой проблеме немало своих трудов. Показано, что историк начал свой путь от изучения форм семейной собственности в донорманнском английском обществе и, столкнувшись с ограниченным кругом источников, обратился к материалу раннесредневековой Норвегии. Здесь А.Я. Гуревич открыл в судебных книгах феномен земельной собственности – «odal», который и стал его «идеальной моделью» для изучения архаичных форм собственности, потребовавший не только классических экономико-правовых методов, но и методов истории культуры. В работе показано, как менялись подходы историка к анализу этого института, и суть специфики архаичной «собственности» в древнегерманском обществе. Отмечается особая важность социальной коммуникации и коллективных представлений в формировании общей культурной парадигмы, которая порождала, в числе прочего, и такие экономико-правовые явления, как «собственность».

**Ключевые слова:** *А.Я. Гуревич, собственность, архаичное общество, социокультурные отношения, «odal».*

## **Архаичные формы «собственности» эпохи раннего Средневековья у А. Я. Гуревича: от социально-экономической к социально- культурной парадигме**

«Собственность» на протяжении всей истории человечества является одним из важнейших институтов общества, рефлексия и осмысление которой проходит через всю историю развития интеллектуальной мысли и интеллектуальной культуры. Споры вокруг неё

нашли своё отражение не только в трудах юристов, экономистов и историков, но и в памятниках искусства, мировой литературе, религиозных трактатах. Право «собственности» становилось предметом бурных обсуждений интеллектуалов ещё в античное время при разработке правовых норм Греко-римского мира, было важной частью исламской юридической науки, становилось камнем преткновения для дискуссий в средневековой Европе, занимало заметное место в социальной философии Просвещения. Таким образом, «собственность» стала не просто экономико-правовым понятием, но частью мировой интеллектуальной культуры.

Эти споры актуальны и в наше время, особенно в России, где право «собственности» даже не имеет чёткой юридической легитимности [1. с. 15], каждый год выходят работы, посвящённые этому институту. Однако, проблема по-прежнему остаётся очень спорной, не в последнюю очередь из-за неопределённости параметров «собственности», в самых разных аспектах социальной истории. По справедливому замечанию медиевиста И.С. Филлипова, «категория собственности принадлежит к числу наиболее богатых в познавательном плане и наиболее мистифицированных – в историографическом» [2, с. 550]. Это придаёт такому, казалось бы, исключительно экономико-юридическому понятию, глубинное смысловое содержание, изучение которого имеет сугубо междисциплинарный характер. В то время, когда данная работа уже была на стадии завершения, была издана коллективная монография «Концепт-явление «собственность» в общественной культуре западноевропейского средневековья» (2020) [3], выпущенная по итогам конференции «Собственность в средневековой Западной Европе (земля-власть-право)» (2017), что является лишним подтверждением того, что эта тема приобретает новое звучание в контексте современной историографии, и её актуальность не вызывает сомнений.

Вопрос о «собственности» был одним из самых важных и в советской историографии. Как было сказано Ф. Энгельсом, в его бурной полемике с Е. Дюрингом о природе естественного экономического господства крупных землевладельцев, «...вопрос состоит в том, кому принадлежит эта земельная собственность...» [4, с. 180]. Собственник средств производства имеет возможность воплощать в них свой труд, или использовать труд других людей, в последнем случае он является эксплуататором обладателя рабочей силы. Таково, вкратце, базовое классовое расслоение общества по линии «собственности», как это описывал К. Маркс, скажем, в главе «XXI» «Das Kapital» [5, 578-580]. Этот тезис был возведён в абсолют главным историософским документом сталинской эпохи - «История ВКП(б). Краткий курс» (1938). В центре внимания создателей (и главного редактора) были «производственные отношения», в основе которых лежит собственность на средства

производства. В классовом же обществе основные средства производства принадлежали классу эксплуататоров, в частности, при феодальном строе «основой производственных отношений является собственность феодала на средства производства...» [см. 6], в данном случае имеется в виду основа средневековой экономики – земля. В результате, вопрос о «собственности» в советской историографии стал частью истории классового антагонизма, выйдя за пределы экономической и правовой науки<sup>1</sup>, основное внимание уделялось не сущности «архаичной собственности», а складыванию собственности феодальной<sup>2</sup>. Вопрос об «архаичных» формах ставили не слишком часто, лишь А.И. Неусыхин уделял большое внимание этой проблеме, который с марксистских позиций описывал процесс возникновения и развития частной собственности – аллода – в недрах германского родового строя, параллельный распаду родовой общины и возникновения общины соседской, и разложению коллективной собственности, что вписывалось в заложенную отцами марксизма парадигму докапиталистического общества [см. наиболее полно: 10].

Ряд историков в постсталинскую эпоху разрабатывал иные подходы к социальной действительности, в частности, уделяя особое место «человеческому содержанию» истории, в частности – обращаясь к проблемам истории культуры. С одной стороны, история культуры открывала новые пространства познания, например, историю итальянского Возрождения и гуманизма, но, с другой стороны, позволяла по-новому взглянуть и на, казалось бы, совершенно чуждые этой области сферы, в особенности это касалось социально-экономических исследований.

На этом поприще отметился и один из самых известных историков-медиевистов XX века – А.Я. Гуревич. После защиты диссертации в 1950-м году, он долгое время преподавал в Калининском педагогическом университете (1950-1966 гг.), а с 1966 года являлся сотрудником Академии наук, сначала Института философии (1966-1969 гг.), а затем – Института всеобщей истории, где с 1989 года возглавлял «Центр исторической и культурной антропологии», и основал альманах «Одиссей». За 1960-70-е годы им были написаны монографии «Свободное крестьянство феодальной Норвегии» (1967), «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе (1970), «Категории средневековой культуры» (1972), «Проблемы средневековой народной культуры» (1981). В качестве ученика двух выдающихся историков экономики, Е.А. Косминского и А.И. Неусыхина, А.Я. Гуревич долгое время разрабатывал вопросы «аграрной истории», в том числе и проблему «собственности» в архаичных социальных структурах германских народов.

Итак, нашей целью станет рассмотрение эволюции подходов А.Я. Гуревича при анализе проблемы «собственности» в архаичном обществе. Для её осуществления необходимо проанализи-



ровать, каким образом изменялся подход А.Я. Гуревича к этой проблеме. В качестве задач стоит указать, во первых, анализ работ А.Я. Гуревича, посвящённых англосаксонскому и скандинавскому раннесредневековому обществу, и понимание того, каким образом он решал вопрос о развитии в них отношений «собственности»; во вторых, следует изучить, каким образом менялись подходы историка к проблеме «собственности», как он отвечал на возникающие при анализе «вызовы» со стороны эмпирического материала; какое место было отведено ей исследователем в концептуальной «картине мира» средневекового человека, отражённой в монографии «Категории средневековой культуры» (1972), и сознании скандинава эпохи викингов, отображённом в памятниках литературы. Мы оставляем в стороне многогранную юридическую составляющую самого термина «собственность» в разных её трансформациях в средневековом праве, поскольку этот вопрос не играл большой роли в творчестве А. Я. Гуревича.

Концепция «собственности» А. Я. Гуревича, в частности, его концепции «odal» специально в её полноте не изучена, хотя в отечественной, так и в зарубежной литературе обращали внимание на эту проблему. Полнее всего она обозначена в общих очерках Л.М. Баткина [11] и С.И. Лучицкой [12].

А.Я. Гуревич специализируясь в конце 1940-х – начале 1950-х гг. на аграрной истории донорманнской Британии, писал кандидатскую диссертацию под руководством Е.А. Косминского [13], и его работы тех лет выписаны в рамках традиционной «аграрной истории», изучается структура большой семьи и её распад, общинный строй и его разложение [14], расслоение общинников и выделение класса собственников [15], процесс формирования феодальных отношений [16]. Это показывает, что А.Я. Гуревич находится в рамках «вопросника», заданного исследованиями А.И. Неусыхина и его учеников, с их подходом к процессу феодализации через изучение истории разложения родовых структур.

Рассмотрим, как же в этих ранних работах излагался вопрос о «собственности». Как и предшественники, историк должен был рассмотреть процесс формирования частной земельной собственности, превращение общинников в индивидуальных собственников или зависимых крестьян, отчуждение земли правящим классом<sup>3</sup>. В качестве главных источников историк привлёк материалы дарственных грамот и законов. Их изучение дало неожиданный результат. Как оказалось, изначальный надел «большой семьи» не дробился при выделении из него «малых семей», право наследования предполагало сохранения «ядра» хозяйства, не подвергающегося разделению между наследниками, возможность отчуждения «ядра» была ограничена кругом ближайших родственников [14, с. 43-44; 15, с. 554]. Иными словами, в среде англосаксонских крестьян не происходило

концентрации земельной собственности в руках зажиточных хозяйственников.

Чтобы понять механизм наследования, А.Я. Гуревич обратился к терминологии памятников права. Он обнаружил, что единственное понятие, которое могло обозначать земельное владение крестьянина, в источниках получило название «folcland», чаще всего толковались и в старых, и в современных работах как «общинная земля». При этом, понятие редко встречалось в источниках<sup>4</sup>. По наблюдениям автора, этот загадочный термин «возникал» в источниках в связи с приданием земле определённого статуса, скрепляемой королевской грамотой (bos), и превращавшей свободную землю в королевское пожалование – «bocland»<sup>5</sup>. А.Я. Гуревич попытался «поймать» загадочный «folcland» в тот момент, когда он, по постановлению королевской грамоты, «конвертируется» в частную собственность [16, с. 67-72], однако в итоге сделал вывод, что, собственно, превращения «общинной собственности» в частную не происходит. По его мнению, передача земли из «folcland» в «bocland» означала прежде всего передачу владельцу права сбора для королевского «угощения», «гафоля»<sup>6</sup>, который позже стал правом сбора налогов<sup>7</sup>, являясь, таким образом, не собственностью в полном смысле этого слова, а правом осуществления власти над податным населением<sup>8</sup>. При этом, согласно трактовке молодого историка, земля оставалась в документах в качестве «folcland», одновременно являясь «bocland», то есть «собственностью» на один и тот же участок имела «двойной» характер, один круг прав имел сам крестьянин, другой – королевский ставленник<sup>9</sup>. Наследование же «folcland» в кругу родственников продолжало идти естественным путём, согласно нормам «обычного права»<sup>10</sup>. Таким образом, в глазах А.Я. Гуревича «bocland» не являлся частной собственностью, не был «феодальной вотчиной» в «классическом» смысле<sup>11</sup>. Какой-то порядок вещей удерживал землю англосаксонского крестьянина в рамках его круга родственников.

Как А.Я. Гуревич писал впоследствии в своих воспоминаниях, «*работа над англосаксонскими памятниками оставила меня неудовлетворённым: наиболее ранняя стадия отношений семьи и собственности, шире – социального строя в целом, англосаксонскими правовыми источниками почти вовсе скрыта...*» [24, с. 64]. Тем самым историк признал не только бедность источниковой базы для изучения наиболее сложных вопросов социальной истории, но и гипотетичность своих рассуждений. Тогда, в конце 1950-1960-х гг. историк обратился к компаративистскому методу, «требовавшему» отыскать общественный строй, находящийся на одной ступени с донорманнской Англией, в рамках которого функционировали те же самые институты. Концепция А. И. Неусыхина о «дофеодальном» обществе германских племён, позволяла искать такой аналог в общем ряду гер-

манской архаики.

Впоследствии историк вспоминал, что «в норвежской архаике мне чудились таящимися многие разгадки в области изучения скандинавского общества германцев» [24, с. 65]. Это означает, что в качестве «идеальной модели» германского общества А.Я. Гуревич почитал наиболее исторически корректным норвежский пример. Аргументов было два: он не нёс на себе отпечаток античного наследия, и отличался обилием источников<sup>12</sup>.

В своих первых скандиноведческих работах А.Я. Гуревич придерживался уже названных выше традиционных вопросов: распад большой семьи [25] и общинные отношения [26], складывание феодальной системы [27], развитие королевской власти [28], формы землевладения [29]. Это диктовалось воспринятой от А.И. Неусыхина методологией, и, одновременно, идеей-догадкой о важности «прощупывания» исследовательского поля норвежского аграрного общества. Важно было продолжить и изыскания о «собственности», которая могла оказаться представленной в Скандинавии в «чистой», «архаичной» форме, что позволило бы найти «разгадку», базовые элементы дофеодального социального строя. В результате учёным был выявлен феномен «odal», специфической скандинавской формы собственности.

Что же сумел обнаружить историк? Изложим основные наблюдения. Норвежское поселение чаще всего представляло собой обособленную усадьбу-хутор<sup>13</sup>, являющийся владением разветвлённой «большой семьи». Право обладания землёй и усадьбой и именуется в источниках «odal». Как и «folcland», его отчуждение за пределы круга семьи имело существенные ограничения, что отразилось и в праве: «если всякая приобретённая в собственность земля могла быть названа *eign*, то одалем становилось только такое земельное владение, которое находилось в обладании трёх последовательно сменявшихся наследников-родственников...» [25, с. 83]. Всплывает ещё одно понятие – купленная земля – «*eign*», а наследованная, причём наследованная на особых условиях земля суть «odal». Следовательно, «odal» – не «первичный» объект свободной купли-продажи, но исключительно семейная наследственная собственность, не выходящая за её пределы.

«*Eign*» и «odal» оказываются в некой связи между собой с точки зрения прав наследования. На «odal» такое право имел «одальмен». Если земля была куплена сторонним человеком (купленная земля называлась *eign*), то «одальмен» мог отсудить землю просто на том основании, что он имеет на неё право «odal», вне зависимости от совершённой сделки [25, с. 86-92]. Таким образом, как пишет историк в более поздней работе: «земля... которая служит объектом купли-продажи, не может считаться полноценным владением» [30, с. 196], отмечая тем самым не экономический, а мировоззренческий парадокс: земля должна была быть связана с людьми, владеющими ею, своего

рода «родственными» связями, закрепляемыми в течении поколений пользования и владения.

Таким образом возникло первое определение «odal» – «строго наследственный характер собственности, полнота прав по отношению к ней, необычайная прочность обладания землёй, не нарушающаяся целиком даже в результате её отчуждения...» [25, с. 84]. Если этот круг характеристик соединить с кругом прав одальмена, то становится ясно, что *odal* имеет не только экономическую, но и внеэкономическую природу, связанную не только с областью собственности на средства производства, даже если её привязать к понятию «большой семьи» как производственного коллектива. То есть, как подводит черту А.Я. Гуревич, «понятие одаль было шире понятия владения землёй...» [25, с. 84]. Следовательно, это понятие несёт в себе не только экономико-правовые коннотации, но и иные смысловые пласты.

Работы А.Я. Гуревича об «odal» появились в то время, когда широко пересматривались основные тезисы о природе «собственности» в рамках марксистской политэкономии<sup>14</sup>, что было отмечено появлением ряда новаторских работ. Для нас важна, например, работа экономиста М.В. Колганова «Собственность. Докапиталистические формации» (1962), где ставится вопрос о глубинном различии «капиталистических» и «докапиталистических» форм собственности, о невозможности последней быть полноценной «частной» собственностью, поскольку не складывается присущих капитализму товарных отношений [32, с. 5-7].

Итак, в 1960-х гг., когда А.Я. Гуревич обратился к вопросам общей методологии истории [см.: 33; 35; 36], уже становилось ясно, что традиционный «вопросник» марксистской науки, и, в частности, аграрной истории, и слишком беден для уяснения ряда сложных проблем социальной истории. Стоит упомянуть, что сама постановка вопроса, инициированная М.В. Колгановым, повлияла на работы А.Я. Гуревича [наиболее ярко: 36, с. 291]. Немаловажно, что на проработке 1970 г., когда разбирали монографию «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе» (1970), автора критиковали, в числе прочего, за то, что «он присоединяется к критическим замечаниям М.В. Колганова относительно принятой в советской историографии точки зрения на аллод как свободно отчуждаемую земельную собственность» [37, с. 156]. Что представляют из себя эти «критические замечания»? В эпоху ещё не сложившегося товарного производства и «вещных» отношений, контакты между людьми имели зачастую «личностный» характер [34, с. 24-25]<sup>15</sup>, что касается и, казалось бы, сугубо экономических взаимоотношений. С учётом этого фактора, считает учёный, и необходимо продолжать разрабатывать теорию и историю «докапиталистических формаций». А.Я. Гуревич предлагает: «требуется построение полной типологии общественных связей, принимавших экономические, политические, идеологические и иные

формы» [34, с. 26]. Теперь ясно, что он ведёт речь о построении своего рода типологической модели «картины мира», то есть мировосприятия человека «архаики», с учётом, в числе прочего, и экономико-правовых категорий, в состав которых входит и «собственность» [см.: 39].

Попытку построения типологической «модели», А.Я. Гуревич и предпринимает в самой «прорывной» своей работе «Категории средневековой культуры» (1972) [40]. «Собственность» становится в ней важной социокультурной категорией, одним из элементов мировоззрения человека средневековья, частью «картины мира». Для того, чтобы познать «человеческое содержание», как выражался историк, казалось бы, исключительно экономического и правового понятия, оказалось важнее выявить, как человек Средневековья воспринимал окружающий мир, почему он являлся частью его сознания.

В «Категориях...» «собственность» предлагается рассматривать как часть комплекса представлений о «пространстве», воплощение дуализма «микрокосмоса» и «макркосмоса». Стоит пояснить, что в данном случае под «микрокосмом» понимается уменьшенная воспроизведённая модель глобального «макркосмоса», самообытно воплощающая в себе все основные черты сущей Вселенной. Этот взгляд нашёл своё воплощение и в категории «собственности». А.Я. Гуревич таким образом реконструирует взгляд человека архаичного времени, опираясь на свои исследования скандинавского материала: «*преобладали небольшие деревушки с ограниченным числом дворов либо обособленные хутора... привязанный к земле хозяйством, поглощённый сельским трудом, человек воспринимал природу как интегральную часть самого себя и не относился к ней как к простому объекту приложения труда, владения и распоряжения*» [40, с. 53-54]. Историк рисует картину разбросанных небольших поселений, слабо контактирующих друг с другом, замкнутых в свой собственный «микрокосм», подчинённый хозяйственному циклу и целиком зависящий от окружающей природы. Автор «Категорий...» сообщает, что «*зависимость людей от природы ощущалась ими настолько сильно, что создаваемый ими образ мира включал многие черты, свидетельствующие о неспособности человека чётко отделить себя от природного окружения*» [40, с. 54]. Это хозяйственное бытие отчасти и определяло их сознание, но, их собственное существование целиком слито с их собственной землёй, причём вплоть до ассоциации с телесностью, что далеко выходит за пределы традиционного экономико-правового поля<sup>16</sup>. Эту эмоциональную связь не умаляла и социальная мобильность крестьянства в ходе «внутренней колонизации», ведь стремление освоить собственный участок и вести на нём хозяйство, сам по себе труд также способствовал укреплению связи с собственностью [40, с. 54].

В этих условиях отношение к земле, как уже

говорилось, в глазах историка не являлось «вещным». Историк пишет, что «*о каких-либо исключительных правах на определённые пространства земли ещё не могло быть и речи... до тех пор, пока не приходили в столкновение два коллектива*» [41, с. 90]. Другими словами, «собственность» как объект обладания является не столько, строго говоря, экономической категорией, сколько социальной, поскольку изначально «получает цену» при контакте одного коллектива с другим. Ещё ранее историк отмечал, что «*имущество сплошь да рядом не представляет собой «богатства» ... не было средством накопления и экономического могущества*» [42, с. 184]. «Собственность» становится частью социальной реальности, ещё не имея абстрактных правовых черт непосредственного института, а реализуясь в ходе непосредственных, личных контактов между людьми [36, с. 201]. Отношения собственности ещё не становятся субъектом экономико-правовой сферы, как во времена господства капиталистического способа производства, преобладают отношения «личностные», то есть социальные, являющиеся частью коллективного мировоззрения человека Средневековья. Поэтому они являются частью взаимоотношений не социально-экономического характера, детерминированного системой «господства-подчинения», но элементом *социально-культурных* взаимоотношений. В данном случае «собственность» является прежде всего понятием мировоззренческого свойства, поскольку завязана на мифологическую и психологическую связь человека с его «отчиной» и родом, который поколениями осуществлял своё право владения. Это и сделало возможным помещение «собственности» в ряд «категорий культуры».

Наиболее ярко связь человека с его «собственностью» А.Я. Гуревич иллюстрирует на скандинавском материале. В средневековой Норвегии собственный двор означал микрокосм, в котором была закольцована вся модель мира. Здесь А.Я. Гуревич предлагает оперировать «фактами» языка. Норвежский язык весь человеческий мир обозначает как «усадыбу», «Midgardr», находящуюся в центре мироздания, находящийся в противопоставлении миру – «Utgardr», внешнему, дикому пространству [39, с. 56]. Добавим, что в поэтическом пространстве оба эти обозначения фигурируют как в «Старшей», так и в «Младшей Эдде», то есть они «вписаны» в художественное пространство, пространство литературы, эпоса. Такое же противопоставление существует и в праве, где земли делятся на те, что в пределах владения, «ограды» - «innangardz», и те, что вне её – «utangardz» [30, с. 335; 37, с. 56]. И божество-ас, и знатный одальмен неизбежно связаны в сознании скандинава с местом проживания, с землёй и дворами, владельцами которых они являются [36, с. 56-57]<sup>17</sup>.

Отсюда исходит и новые грани толкования термина «odal», которое сплетало в единой связке и понятие о земле, и, одновременно, связанном с ней

роде. И не только это. Как пишет С.И. Лучицкая, «одадь – не просто форма земельной собственности... а в высшей степени своеобразный комплекс самых различных отношений, включающий наряду с вещными правами структуру семейно-родственных связей, специфические черты мировосприятия и эмоциональные связи» [12, с. 10]. Действительно, в «odal» к широкому контексту культуры добавляется и антропология, эмоциональный мир человека. Лингвистика показала, что семантическое значение термина «odal» глубже правового, что термин родственен слову «*ethel*», «благородный», и означало, помимо прочего, родовитость его носителя [30, с. 301-302; 41, с. 55]. Точно также, как и понятие «могучий, сильный бонд» (крестьянин-хуторянин) не всегда означало богатство как таковое, но и родовитость, то есть определённый наследственный социальный статус в норвежском обществе [30, с. 301]. Родовитость, долгое владение одним родом земли создавало крепкую, своего рода магическую связь между ними<sup>18</sup>.

Чтобы выявить структурные элементы магической связи человека с его «собственностью», А.Я. Гуревич обращается к памятникам литературы, особенно активно разрабатывая эту тематику в середине 1970-х гг. По словам историка, «исследования германского права и средневековой поэзии приводят... к выводу: они соприкасались между собой гораздо теснее и чаще, чем это можно предположить...» [30, с. 334], тем самым показывая, что право и литература не находились в разных сферах культурной деятельности жителей Скандинавии, наоборот, они были тесно связаны друг с другом [см. также: 44, с. 183-184]. И право, и литература здесь оказываются на одной плоскости мировоззренческой «модели мира», которая включает в себя культурное воспроизводство социальных практик. Она выступает в широком смысле как мета-культурный знак. Именно для анализа мировоззренческих моделей экономико-правовых категорий, содержащихся в скандинавской литературе, в середине 1970-х гг., А.Я. Гуревич и начинает разрабатывать собственный культурологический подход.

К примеру, исследуя эддическую героическую песнь «*Hymdloljod*» («Песнь о Хюндле», XIII в.) историк подробно рассматривает тяжбу между некими Оттаром и Ангантюром из-за родового наследства<sup>19</sup>. Асинья Фрейя, покровительница Оттара, чтобы представить своего подопечного одальменом, просит мудрую великаншу Хюндлю перечислить его родовитых предков («*О родичах древних / ты Расскажи мне / и родословья / ты перечисли! / Кто родом Скъёльдунг / кто родом Скильвинг / кто родом Аульвинг / кто родом Ильвинг / кто родом хёльд / кто херсира сын...*»<sup>20</sup>). Для доказательства права «odal» род Оттара прослеживается не только до легендарных героев-предков, но и до асов, и глубже, вплоть до их предшественников-турсов, встраивая генеалогии совершенно реальных людей, реальные социальные ячейки в ткань

мифологического пространства скандинавского эпоса<sup>21</sup>. Как пишет сам историк, «*Песнь о Хюндле*» - грандиозное воплощение социальной памяти общества, которое ещё в значительной степени мыслило категориями мифа» [30, с. 334], то есть отображением культурно-религиозных представлений о правовой реальности. Обладание землёй переходит в *отношение к ней*, отношение крепких уз, связывающих одальмена и его род с отчиной. Как подытоживает историк, «*отчина, земля рода не мыслится как инертная материя, безразличный объект; люди испокон веков... живут на ней, и «сила земли» как бы вливается в них, давая им могущество и преуспевание*» [30, с. 336]. Мы видели, что узы возникают постепенно, поколениями, причём древность рода и его связи с другими кланами служит дополнительным свидетельством его социального статуса, культурной значимости, поскольку зачастую происхождение ведётся от асов. Обладание землёй, «odal» становится частью также мифологической системы скандинавов, вероятно - культа предков. Эмоциональная и психологическая связь с землёй прослеживается А.Я. Гуревичем и по другим скандинавским сагам, скажем, по «Саге о Стурлунгах» [см.: 45] (XIII-XIV вв.), в одной из частей которой есть сюжет о призраке предка, который осуждает потомков, желающего переселиться с земли «odal», проявляющего тем самым пренебрежение к земле рода [30, с. 336]. Таким образом, как пишет С.И. Лучицкая, «... социальный строй и отношения собственности предстали перед ним как факты общественного сознания» [12, с. 11]. Они не были вторичны по отношению к экономике раннего Средневековья, наоборот, общая организация отношений собственности и производства были залогом существования определённой формы социальности, определённой формы культуры коммуникации, принадлежности к некой общности.

Со второй половины 1970-х гг. А.Я. Гуревич, окончательно переключился на изучение средневековой народной культуры, и практически не обращался к проблематике «собственности», в том числе – в аспекте открытой им социокультурной составляющей этого института<sup>22</sup>. В любом случае, в «Словаре средневековой культуры» (2003) [49], который был детищем А.Я. Гуревича, как редактор и автор не нашёл места ни для «odal», ни для «аллода», ни для «собственности». Весьма показательны, что и в методологических статьях 1990-х и 2000-х гг. он также не обращается ни к проблематике «собственности», ни, собственно, экономической истории<sup>23</sup>. Определённую роль здесь, безусловно, сыграла усталость от социально-экономической проблематики в целом. Стоит, однако, отметить повышенное внимание А.Я. Гуревича к народной культуре и ментальности человека средневековья, к которому он обращался в 1980-90-е гг., и поискам всё новых черт повседневной духовной жизни, религиозности, мировоззрения, в общем, черт, которые делали бы мировидение

«безмолвствующего большинства» «инаковым», позволяли бы избавиться от модернизирования структур сознания человека архаичного общества. Это отодвинуло вопросы социально-экономических отношений на второй план, в творчестве А.Я. Гуревича окончательно стала доминировать тема народной культуры и ментальностей.

Также стоит отметить, что историк не обращается в своих исследованиях к проблеме «Романо-германского синтеза», и его форма архаичного социального сводится лишь к германскому субстрату, в рамках которого он и ищет социокультурное содержание понятия «собственности», игнорируя влияние римского права. С одной стороны, это оправдано, когда речь идёт о феномене «*odal*» (и то с оговорками, когда речь идёт об эпохе укрепления церкви и королевской власти), однако становится более спорным при привлечении «континентального» материала. Видимо, исходя из попытки найти озвученный «германский субстрат», А. Я. Гуревич и старается брать наиболее «чистые» собственнические институты, процветающие, по его мнению, в Норвегии, донорманнской Англии и раннефранкском государстве эпохи «*Lex Salica*», игнорируя «правды» «средиземноморских» варварских королевств.

Подведём итоги. Во времена «Оттепели» гуманитарные науки переживали своего рода подъём, появлялись свежие и смелые работы в рамках гуманитарных наук, идущих и рука об руку с марксизмом, и постепенно выходящих за его пределы. Ревизия марксизма и гуманитарного знания, в частности, породила новое понимание социально-экономических отношений, и их связь с тем, что считалось ранее «надстройкой» - психологией, социологией, и, конечно же, культурой.

## Примечания

<sup>1</sup> Не самым типичным, но ярким примером является статья Б.Ф. Поршнева «Об основном экономической законе феодализма» [7].

<sup>2</sup> Несмотря на то, что в 1940 г. вышла оригинальная работа К. Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству», где рассматривается, в числе прочего, оригинальный концепт «германской формы собственности», она занимала второстепенные позиции в «каноническом своде» марксистских текстов. Так, Е.В. Гутнова в учебном пособии «Историография истории Средних веков» (1974) лишь упоминает его [9].

<sup>3</sup> На англосаксонском материале тоже самое делала: [19].

<sup>4</sup> См., например: [17, с. 144. Здесь в качестве хозяина «*folkland*» указывается «семейная община», подчинённая нормам родового права. Несколько другое содержится в работе «Исследования по социальной истории Англии в средние века» (1887): «...существовали обширные пространства, не попавшие при завоевании в раздельное владение, оставшиеся за государством (*folkland*)...» [18, с. 15-16]. Здесь «*folkland*» названа просто государственная земля, которая становится собственностью только с королевской грамотой в «*boctland*». М.Н. Соколова понимает «*folkland*» как крестьянскую усадьбу члена общины [19].

<sup>5</sup> Наиболее важной для критического пера советской историографии была концепция Ф. Сибомы, который оценивал «*boctland*» как ленное пожалование манора, то есть, частнособственнического поместья [20]. К примеру, П.Г. Виноградов считал «*boctland*» формой частной собственности [18]. М.Н. Соколова предположила, что «*boctland*» является формой аллода, землёй, оформляемой королевской грамотой как пожалование или прекарий и имеющее признаки частной собственности, по её мнению, королевское пожалование фиксировало фактические отношения в обществе [19, с. 21-28].

<sup>6</sup> Так называемый «гафоль», или «*feorm*» («дань продуктами», «кормление») – с точки зрения А. Я. Гуревича – поставка продуктов королю во время разъездов по стране: [21, с. 74]. Решая вопрос о форме ренты, одного из основных показателей уровня феодализации в советской историографии, он говорит о неопределённости её взимания, в силу «пестроты вотчинной структуры»: [21, с. 100].

<sup>7</sup> «Свобода» или «вольность» («привилегия вольности»), упоминаемые в грамотах, указывают не на свободу распоряжения землей, а на податной иммунитет»: [22, с. 31]; См. также: [16, с. 60].

<sup>8</sup> Сюда же включалась и судебная власть (*soca*). См.: [16, с. 63-64; 21, с. 112-113].

<sup>9</sup> «собственность на одну и ту же землю принадлежала отныне двум... лицам – непосредственному производителю... и крупному земельному собственнику, ставшему господином территории... «...один и тот же участок земли мог быть одновременно и фолькландом, и бокландом...»: [21, с. 70].

<sup>10</sup> Ещё П.Г. Виноградов отмечал невозможность распоряжения землёй со стороны королевской власти, а

Для отечественной медиевистики идея примата социальных («личностных») отношений над отношениями собственности выглядела своего рода «методологическим переворотом». Недаром М.М. Кром называл А.Я. Гуревича одним из самых важных творцов «культурологического поворота», его значение для отечественной историографии трудно переоценить, его научный путь всегда был отражением непрерывного поиска новых горизонтов, тем и методов их интерпретации. По словам Л.М. Баткина, «логика феодализма как структуры определённых вещных и личных связей... переворачивалась с ног... на голову» [11, с. 13]. А.Я. Гуревич, в отличие от сторонников теории феодального уклада, отношения собственности и наследования, обмена даром (продуктами) и «кормления» считал результатами, производными от социальной коммуникации в обществе, воплощением жизненно необходимых «личностных» контактов между группами и стратами. Из этого следует, что отношения собственности он объявляет фактом их сознания, то есть мировоззрения, в широком смысле мировосприятия культуры<sup>24</sup>.

Значение «переворота» сложно переоценить. Нельзя не согласиться с Л.М. Баткиным: «Там-то – на самом дне таких явлений, как «аллод», или «одаль»... «бокленд или фьеф»... родовая, а затем соседская община... А Я. Гуревича, затаясь, подстерегала историко-культурная проблематика» [11, с. 12]. Новизна «культурологического» компонента анализа в том, что историк объёмно и убедительно показывает, насколько повседневная жизнь человека, даже в самых, казалось бы, материальных проявлениях зависит от его сознания, традиционно сложившегося в результате поведенческой и мировоззренческой культуры.

также существенных ограничений со стороны рода в вопросе её дарения церкви: [см. 23].

<sup>11</sup> Как лаконично писал в своей поздней работе А.Я. Гуревич: «Мэтланд победил...»

<sup>12</sup> Скандинавия в течении долгих веков сохраняла весьма традиционный по своему укладу строй, правовые источники («Gulatingsslovi» и «Frostothingslovi») были записаны в XIII в., и были схожи с традиционными германскими Leges Barbarorum, и долгие века не подвергался существенному влиянию римского права, по крайней мере, в светской сфере.

<sup>13</sup> «Крестьянский двор охватывал группу строений, составлявших хозяйственный комплекс, и участок земли, иногда также расположенный в пределах ограды. В состав усадьбы могло входить и несколько пахотных участков»: [26, с. 8].

<sup>14</sup> Долгое время они были детерминированы позицией И.В. Сталина по этому вопросу, который отождествлял «собственность» с «производственными отношениями», понимая первое как основу второго: [31, с. 593-596].

<sup>15</sup> [34, с. 24-25]. В данном случае А.Я. Гуревич опирается на концепцию философа М.А. Виткина [38], который как раз и рассуждает о диалектике «личностного» и «вещного». Следует сказать, что в данном случае здесь раздел идёт по линии «докапиталистической» и «капиталистической» формаций: если последняя является, согласно К. Марксу, эпохой торжества «вещных» отношений, то в первой всё ещё имеют большой вес отношения непосредственно-личностные, в силу неразвитости собственно «производственных» отношений.

<sup>16</sup> Историк вспоминает строфы из «Старшей Эдды», и сотворении мира из тела турса Имира (Старшая Эдда. Речи Вафтруднира. 21): [40, С. 54-55].

<sup>17</sup> [40, с. 56-57]. Стоит заметить, что в «Старшей Эдде» большую роль играет перечисление дворов асов, которые перечисляются в «Речах Гримнира»,

<sup>18</sup> Впрочем, современный исследователь С.Ю. Агишев в своём толковании права «odal» (или «старого odal», характерного для института, изучаемого А.Я. Гуревичем) исходит из понятия «коллективной семейной собственности», и отдаёт должное позабытой героем этой статьи категории «труда», который вкладывался поколениями рода в обработку земли, и обходится без методов теории и истории культуры в своём исследовании: [См.: 43]. См. также о королевском «odal» как форме легитимизации власти: [3, с. 60-85].

<sup>19</sup> Ангантур спорит

С юношей Оттаром –

...

Помочь я хочу

Юному воину

Наследье добыть

Что оставили родичи (Песнь о Хюндле, 9 (Пер. А. Корсуна)

<sup>20</sup> Песнь о Хюндле, 11.

<sup>21</sup> Там же. 12-40.

<sup>22</sup> За исключением одной из глав в «Истории крестьянства» [47] и одной полемической статьи [48], работы, касающиеся «права собственности» и прочих экономических категориях представляют собой скорее редкое исключение [48].

<sup>23</sup> Весьма редкими исключениями являются рассуждения, носящие скорее характер ретроспективы, не прибавляющие никакого нового осмысления этой теме [50; 51; 52].

<sup>24</sup> Это может служить своего рода ответом польской исследовательнице А. Бжезинской, задававшееся в одной из своих работ вопросом о взглядах А.Я. Гуревича на проблему примата сознания: «главный герой моей статьи не обозначает прямо своей позиции по вопросу примата сознания над бытием...» [53, с. 95].

## Литература и источники

1. Медушевский А.Н. Проекты аграрных реформ в России: XVIII - начало XX века. М.: Наука, 2005, 639 с.
2. Филиппов И.С. Средиземноморская Франция в раннее средневековье. Проблема становления феодализма. М.: Скрипторий, 2000, 800 с.
3. Концепт-явление «собственность» в общественной культуре западноевропейского средневековья. СПб.: Алетейя, 2020, 398 с.
4. Энгельс Ф. Антидюринг // Маркс К., Энгельс. Полное собрание сочинений. Т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961, С. 1-338.
5. Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. Т. XXIII. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960, 907 с.
6. История ВКП(б). Краткий курс. М.: Государственное издательство политической литературы, 1945., 138 с.
7. Поршнев Б.Ф. Об основном экономическом законе феодализма // Вопросы истории. М., Наука, 1953. №6. С. 52-58.
8. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М.: Государственное издательство политической литературы, 1940, 52 с.
9. Гутнова, Е.В. Историография истории средних веков. М.: Высшая школа, 1974, 480 с.
10. Неусыхин А.И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М.: Издательство АН СССР, 1956, 420 с.
11. Баткин Л. М. О том, как А.Я. Гуревич возделывал свой аллод // Одиссей. Человек в истории: Картина мира в народном и учёном сознании. М.: Наука, 1994. С. 5-29.
12. Лучицкая С.И. Очерк жизни и творчества А.Я. Гуревича (1924-2006) // Образы прошлого. Сборник памяти А.Я. Гуревича. - СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2011. С. 7-36.
13. Гуревич А.Я. Крестьянство Юго-Западной Англии в донорманнский период: (Проблема образования класса феодально-зависимых крестьян в Уэссексе в VII – начале XI в.): Автореф. дис... канд. ист. наук. - М., 1950. 26 с.
14. Гуревич А.Я. Из истории имущественного расслоения общинников в процессе феодального развития Англии // Средние века. М.: Издательство АН СССР, 1955. Вып. 7. С. 27-46.
15. Гуревич А.Я. Мелкие вотчинники в Англии раннего средневековья // Известия АН СССР. Серия истории и философии. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 8, №6. С. 547-555.
16. Гуревич А. Я. Роль королевских пожалований в процессе феодального подчинения английского крестьянства // Средние века. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Вып. 4. С. 49-72.
17. Виноградов П.Г. Средневековое поместье в Англии. М.: URSS, 2012. 368 с.
18. Виноградов, П.Г. Исследования по социальной истории Англии в средние века. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1887, 259 с.
19. Соколова М.Н. Свободная община и процесс закрепощения в Кенте и Уэссексе в VII – X вв. // Средние века. М.: Изд-во АН СССР, 1955. № 6, С. 34-55.
20. Seebohm F. The English village community. London: Longmans, Green, And Company, 1915, 649 p.
21. Гуревич А. Я. Английское крестьянство в X – начале XI вв. // Средние века. М.: Издательство АН СССР, 1957.

Вып. 9. С. 69-131.

22. Гуревич А. Я. Язык исторического источника и социальная действительность: средневековый билингвизм // Гуревич А.Я. История – нескончаемый спор. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2006., С. 28-49.
23. Vinogradoff P. Das Buchland // Collected papers. Oxford, 1928. v. 1.
24. Гуревич А.Я. История историка. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012., 285 с.
25. Гуревич А. Я. Большая семья в северо-западной Норвегии в раннее средневековье (по судебнику Фростатинга) // Средние века. М.: Издательство АН СССР, 1956. Вып. 8. С. 70-96.
26. Гуревич А.Я. Норвежская община в раннее средневековье // Средние века. Вып. 11. М.: Издательство АН СССР, 1958, С. 5-27.
27. Гуревич А.Я. Норвежские лейлендинги в X – XI вв. (К вопросу о феодально-зависимом крестьянстве в Норвегии) // Скандинавский сборник. Таллин: Эстонское государственное издательство, 1963. Вып. 7. С. 7-43.
28. Гуревич А.Я. Свободное крестьянство и феодальное государство в Норвегии в X – XII вв. // Средние века. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Вып. 20. С. 3-31.
29. Гуревич А.Я. Архаичные формы землевладения в юго-западной Норвегии VIII – X вв. // Учен. зап. Калнинградского пед. ин-та. Калининград: Калининский гос. пед. ин-т им. М. И. Калинина, 1962. Т. 26. С. 135-166.
30. Гуревич А.Я. Норвежское общество в раннее средневековье // Избранные труды. Норвежское общество. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2009., С. 151-368.
31. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М.: Госполитиздат, 1952, 651 с.
32. Колганов М.В. Общественность. Докапиталистические формации. М.: Соцэкгиз, 1962, 496 с.
33. Гуревич А.Я. Общий закон и конкретная закономерность в истории // Вопросы истории. №8. М.: Изд-во АН СССР, 1965. С. 14-30.
34. Гуревич А. Я. К дискуссии о докапиталистических общественных формациях: формация и уклад // Вопросы философии. М.: Изд-во АН СССР, 1968. №2. С. 118-129.
35. Гуревич А.Я. Об исторической закономерности // Философские проблемы исторической науки. М.: Наука, 1969. С. 51-79.
36. Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М.: Высшая школа, 1970, 224 с.
37. Об учебном пособии «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе» (информация о ходе обсуждения книги А.Я. Гуревича) // Вопросы истории. М.: Правда, 1970. №9, с. 154-167.
38. Виткин М.А. Первичная общественная формация в трудах К. Маркса // Вопросы философии. М.: Наука, 1967. №5, с. 40-49.
39. Лихоманов К.В. Концепции «картины мира» и «модели мира» как часть методологии исследования культуры в научном наследии А.Я. Гуревича // Проблемы истории и культуры средневекового общества. СПб.: Своё издательство, 2015. Вып. XXXIV. С. 29-35.
40. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972, 318 с.
41. Гуревич А.Я. Проблемы земельной собственности в дофеодальных и раннефеодальных обществах Западной Европы // Вопросы истории. М., 1968. №4. С. 88-105.
42. Гуревич А.Я. Богатство и дарение у скандинавов в раннее средневековье // Средние века. Вып. 31. М.: Изд-во АН СССР, 1968., С. 180-196.
43. Агишев С.Ю. Эволюция форм собственности и семейной организации в средневековой Норвегии: Вторая половина XIII – первая половина XIV вв. автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.03 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. - Москва, 2004, 18 с.
44. Стеблин-Каменский М.И. Мир саги // Труды по филологии. СПб.: Фил. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2003., С. 125-222.
45. Bragason U. Sagas of Contemporary History (Sturlunga saga): Texts and Research. Blackwell, Blackwell Publishing, 2005.
46. Гуревич А.Я. Аграрный строй варваров // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М.: Наука, 1985. Т. 1. С. 90-136.
47. Гуревич А.Я. Историческая наука и научное мифотворчество // Исторические записки. М.: Наука, 1995. Вып. 1 (119). С. 74-98.
48. Гуревич А.Я. Крестьянская собственность на землю и римское право у германских народов раннего средневековья // Общества, государство, право России и других стран Европы. Норма и действительность: ранний и развитый феодализм: Чтения, посвящённые памяти С. Д. Сказкина и Л. В. Черепнина: Тезисы докладов и сообщений. Москва, 25-27 октября 1983 г. М.: Институт истории СССР, 1983. С. 14-17
49. Словарь средневековой культуры. М.: РОССПЭН, 2003., 632 с.
50. Гуревич А.Я. «Территория историка» // Одиссей. Человек в истории: Ремесло историка на исходе XX века. М.: Наука, 1996., С. 81-109.
51. Гуревич А.Я. Скандинавистика и медиевистика // Одиссей. Человек в истории: Русская культура как исследовательская проблема. М.: Наука, 2001., С. 94-104.
52. Гуревич А.Я. Феодализм перед судом историков, или о средневековой крестьянской цивилизации // Одиссей. Человек в истории: Феодализм перед судом историков. М.: Наука, 2006., С. 11-50.
53. Бжезинска А. Средневековье Арона Гуревича в свете исторической семантики // Образы прошлого. Сборник памяти А.Я. Гуревича. - СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2011. С. 82-106.

## References:

1. Medushevskij A. N. Proekty agrarnyh reform v Rossii: XVIII - nachalo XX veka [Agrarian reform projects in Russia: XVIII - early XX century]. Moscow, Nauka Publ., 2005, 639 p.
2. Filippov I.S. Sredizemnomorskaya Franciya v rannee srednevekov'e. Problema stanovleniya feodalizma [Mediterranean France in the early Middle Ages. The problem of the formation of feudalism]. Moscow, Skriptorij Publ., 2000, 800 p.
3. Konzept-yavlenie «sobstvennost'» v obshchestvennoj kulture zapadnoevropejskogo srednevekov'ya [Concept-Phenomenon "Property" in the Social Culture of Western European Middle Ages]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2020, 398 p.
4. Engel's F. Antidyuring [Antiduring]. Vol. 20. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1961, pp. 1-338.
5. Marks K. Kapital. T. I [Capital. Vol.1] Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1960, 907 p.
6. Istoriya VKP(b). Kratkij kurs [History of the CPSU (b). Short course.] Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1945. 138 p.
7. Porshnev B. F. Ob osnovnom ekonomicheskoy zakone feodalizma [On the basic economic law of feudalism]. Voprosy istorii. Moscow, Nauka Publ., 1953. №6, pp. 52-58.
8. Marks K. Formy, predshestvuyushchie kapitalisticheskomu proizvodstvu [Forms antecedent to capitalist production].

- Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1940, 52 p.
9. Gutnova E.V. Istoriografiya istorii srednih vekov [Historiography of the history of the Middle Ages]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1974. 480 p.
  10. Neusyhin A. I. Vozniknovenie zavisimogo krest'yanstva kak klassa rannefeodal'nogo obshchestva v Zapadnoj Evrope VI—VIII vv. [The emergence of the dependent peasantry as a class of early feudal society in Western Europe in the 6th-8th centuries] Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1956, 420 p.
  11. Batkin L. M. O tom, kak A. YA. Gurevich vozdeleyval svoj allod [About how A. Ya. Gurevich cultivated his allod] Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 5-29.
  12. Luchickaya S. I. Ocherk zhizni i tvorchestva A. Ya. Gurevicha (1924-2006) [Essay on the life and work of A. Ya. Gurevich (1924-2006)]. St. Petersburg, Centr gumanitarnykh iniciativ Publ., 2011, pp. 7-36.
  13. Gurevich A. YA. Krest'yanstvo Yugo-Zapadnoj Anglii v donormanskij period: (Problema obrazovaniya klassa feodal'no-zavisimyyh krest'yan v Uessekse v VII – nachale XI v.) [Peasantry of South-West England in the pre-Norman period: (The problem of the formation of a class of feudal-dependent peasants in Wessex in the 7th - early 11th centuries)]. Moscow, 1950, 26 p.
  14. Gurevich A. Ya. Iz istorii imushchestvennogo rassloeniya obshchinnikov v processe feodal'nogo razvitiya Anglii [From the history of property stratification of communes in the process of feudal development of England]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1955. I. 7, pp. 27-46.
  15. Gurevich A. Ya. Melkie votchinniki v Anglii rannego srednevekov'ya [Small estates in early medieval England]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1951. Vol. 8, №6, pp. 547-555.
  16. Gurevich A. Ya. Rol' korolevskih pozhalovaniy v processe feodal'nogo podchineniya anglijskogo krest'yanstva [The role of royal awards in the process of feudal subordination of the English peasantry]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1953. Vyp. 4, pp. 49-72.
  17. Vinogradov P. G. Srednevekovoe pomest'e v Anglii [Medieval manor in England]. Moscow, URSS Publ., 2012, 368 p.
  18. Vinogradov, P.G. Issledovaniya po social'noj istorii Anglii v srednie veka [Studies in the Social History of England in the Middle Ages]. St. Petersburg, Tipografiya V. S. Balasheva Publ., 1887, 259 p.
  19. Sokolova M. N. Svobodnaya obshchina i process zakreposhcheniya v Kente i Uessekse v VII – X vv. [Free community and the process of enslavement in Kent and Wessex in the 7th - 10th centuries]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1955. № 6, pp. 34-55.
  20. Seebohm F. The English village community. London, Longmans, Green, And Company, 1915, 649 p.
  21. Gurevich A. Ya. Anglijskoe krest'yanstvo v X – nachale XI v. [English peasantry in the X - early XI century]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1957. Vyp. 9, pp. 69-131.
  22. Gurevich A. Ya. Yazyk istoricheskogo istochnika i social'naya dejstvitel'nost': srednevekovyj bilingvizm [Historical Source Language and Social Reality: Medieval Bilingualism]. Moscow, Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet Publ., 2006, pp. 28-49.
  23. Vinogradoff P. Das Buchland. Collected papers. Oxford, 1928. v. 1.
  24. Gurevich A. Ya. Istoriya istorika [History of the historian]. Moscow, St. Petersburg, Centr gumanitarnykh iniciativ Publ., 2012, 285 p.
  25. Gurevich A. Ya. Bol'shaya sem'ya a severo-zapadnoj Norvegii v rannee srednevekov'e (po sudebniku Frostatinga) [Large family in northwestern Norway in the early Middle Ages (according to Frostating's code)]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1956. Vyp. 8, pp. 70-96.
  26. Gurevich A. Ya. Norvezhskaya obshchina v rannee srednevekov'e [Norwegian community in the early Middle Ages]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1958, pp. 5-27.
  27. Gurevich A. Ya. Norvezhskie lejtlendingi v X – XI vv. (K voprosu o feodal'no-zavisimom krest'yanstve v Norvegii) [Norwegian layering in the X - XI centuries. (On the question of the feudal-dependent peasantry in Norway)]. Tallin, Estonskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1963. Vyp. 7, pp. 7-43.
  28. Gurevich A. Ya. Svobodnoe krest'yanstvo i feodal'noe gosudarstvo v Norvegii v X – XII vv. [Free peasantry and feudal state in Norway in the X-XII centuries]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1961. Vyp. 20, pp. 3-31.
  29. Gurevich A. Ya. Arhaichnye formy zemlevladieniya v yugo-zapadnoj Norvegii VIII – X vv. [Archaic forms of land tenure in southwestern Norway in the 8th - 10th centuries]. Kalinin, Kalininskij gos. ped. in-t im. M. I. Kalinina, 1962. Vol. 26, pp. 135-166.
  30. Gurevich A. Ya. Norvezhskoe obshchestvo v rannee srednevekov'e [Norwegian society in the early Middle Ages]. St. Petersburg, Centr gumanitarnykh iniciativ Publ., 2009, pp. 151-368.
  31. Stalin I. V. Voprosy leninizma [Questions of Leninism]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1952, 651 p.
  32. Kolganov M. V. Sobstvennost' [Own]. Publ. Dokapitalisticheskie formacii. Moscow, Socekgiz, 1962, 496 p.
  33. Gurevich A. Ya. Obshchij zakon i konkretnaya zakonomernost' v istorii [General law and specific regularity in history]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1965, pp. 14-30.
  34. Gurevich A. Ya. K diskussii o dokapitalisticheskikh obshchestvennykh formaciyah: formaciya i ukklad [Toward a discussion of precapitalist social formations: formation and way of life]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1968. №2, pp. 118-129.
  35. Gurevich A. YA. Ob istoricheskoy zakonomernosti [About historical regularity] - Filosofskie problemy istoricheskoy nauki. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 51-79.
  36. Gurevich A. Ya. Problemy genezisa feodalizma v Zapadnoj Evrope [Problems of the genesis of feudalism in Western Europe]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1970, 224 p.
  37. Ob uchebnom posobii «Problemy genezisa feodalizma v Zapadnoj Evrope» (informaciya o hode obsuzhdeniya knigi A. YA. Gurevicha) [About the textbook "Problems of the genesis of feudalism in Western Europe" (information about the discussion of the book by A. Ya. Gurevich)]. Moscow, Pravda Publ., 1970. №9, pp. 154-167.
  38. Vitkin M. A. Pervichnaya obshchestvennaya formaciya v trudah K. Marksa [Primary social formation in the works of K. Marx]. Moscow, Nauka Publ., 1967. №5, pp. 40-49.
  39. Lihomanov K. V. Konceptii «kartiny mira» i «modeli mira» kak chast' metodologii issledovaniya kul'tury v nauchnom nasledii A. Ya. Gurevicha [The concepts of "worldview" and "model of the world" as part of the methodology for the study of culture in the scientific heritage of A. Ya. Gurevich]. St. Petersburg, Svoje izdatel'stvo Publ., 2015. Vyp. XXXIV, pp. 29-35.
  40. Gurevich A. Ya. Kategorii srednevekovoj kul'tury [Categories of medieval culture]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1972, 318 p.
  41. Gurevich A. Ya. Problemy zemel'noj sobstvennosti v dofeodal'nyh i rannefeodal'nyh obshchestvakh Zapadnoj Evropy [Problems of land ownership in pre-feudal and early feudal societies of Western Europe]. Moscow, 1968. №4, pp. 88-105.
  42. Gurevich A. Ya. Bogatstvo i darenie u skandinavov v rannee srednevekov'e [Wealth and Giving among the Scandinavians in the Early Middle Ages]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1968, pp. 180-196.
  43. Agishev S. Yu. Evolyuciya form sobstvennosti i semejnoy organizacii v srednevekovoj Norvegii: Vtoraya polovina XIII – pervaya polovina XIV vv. [Evolution of forms of ownership and family organization in medieval Norway: Second half of XIII - first half of XIV centuries]. avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.03 Moscow, 2004, 18 p.
  44. Steblin-Kamenskij M. I. Mir sagi [Saga world]. St. Petersburg, Fil. fak. S.-Peterb. gos. un-ta Publ., 2003, pp. 152-222.
  45. Bragason U. Sagas of Contemporary History (Sturlunga saga): Texts and Research. Blackwell, Blackwell Publishing



Publ., 2005.

46. Gurevich A. Ya. Agrarnyj stroj varvarov [Agrarian system of barbarians]. Moscow, Nauka Publ., 1985. Vol. 1, pp. 90-136.
47. Gurevich A. Ya. Istoricheskaya nauka i nauchnoe mifotvorchestvo [Historical science and scientific myth-making]. Moscow, Nauka Publ., 1995. Vyp. 1 (119), pp. 74-98.
48. Gurevich A. Ya. Krest'yanskaya sobstvennost' na zemlyu i rimskoe pravo u germanskih narodov rannego srednevekov'ya [Peasant ownership of land and Roman law among the Germanic peoples of the early Middle Ages] Moscow, Institut istorii SSSR Publ., 1983, pp. 14-17.
49. Slovar' srednevekovoj kultury [Dictionary of Medieval Culture]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003, 632 p.
50. Gurevich A. Ya. «Territoriya istorika» [Historian's territory]. Moscow, Nauka Publ., 1996, pp. 81-109.
51. Gurevich A. Ya. Skandinavistika i medievistika [Scandinavian and medieval studies]. Moscow, Nauka Publ., 2001, pp. 94-104.
52. Gurevich A. Ya. Feodalizm pered sudom istorikov, ili o srednevekovoj krest'yanskoj civilizacii [Feudalism before the court of historians, or about the medieval peasant civilization]. Moscow, Nauka Publ., 2006, pp. 11-50.
53. Bzhezinska A. Srednevekov'e Arona Gurevicha v svete istoricheskoy semantiki [The Middle Ages of Aron Gurevich in the light of historical semantics]. St. Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ Publ., 2011, pp. 82-106.

© «Клио», 2020

© Лихоманов К.В., 2020

**УДК 94(5)**

Дата поступления (Submitted) 18.11.2020  
Дата принятия к печати (Accepted) 02.12.2020

**NIKOLAY A. SAMOYLOV**

*Doctor of Historical Sciences, Professor,  
Head of the Department of Theory of Asian and African  
Social Development,  
Saint Petersburg State University (Russia)  
199034, Russian Federation, Saint Petersburg, Universi-  
tetskaya emb., 7-9.  
e-mail.: n.samoylov@spbu.ru*

## **Chinese Foreign Policy during the Reign of the Qianlong Emperor**

The article examines the main principles and directions of the Qing China's foreign policy during the reign of the Qianlong Emperor (1735-1796). The author makes an attempt to comprehend and analyze a number of the actions undertaken by the Qing Empire within the framework of its foreign policy from the point of traditional worldview and the concept of the "Chinese world order". The Qianlong Emperor's foreign policy and his military operations not only changed the configuration of international relations in East and Central Asia, but also influenced the overall geopolitical situation in the region. During his reign, using military force, the Qing Empire significantly broadened its borders, annexed vast territories of the Dzungar Khanate and East Turkestan, and sought to impose vassal dependence on many of its neighbors. The state expanded and strengthened, but at the same time, signs of a deep socio-economic crisis began to come forth in China itself, with grave consequences looming up, especially in the context of the growing Western expansion, which the Qianlong Emperor and his court did not take into account. The ruling elite could not accept the fact that the world situation had radically changed, and the traditional attitude towards other peoples as "barbarians" combined with the lack of foreign policy information led to their inability to assess objectively the actual balance of power in the world.

**Keywords:** *China, Qing Dynasty, Qianlong, Foreign policy, Central Asia.*

\* *The reported study was funded by RFBR, project number 19-09-00218 («The Chinese Historico-Ethnographic Album "Illustrated Tributaries of the Qing Empire" ("Huang Qing zhi gong tu") and its Role in Studying the Chinese Worldview on Other Countries and Nations in the mid-18th Century»*

**НИКОЛАЙ АНАТОЛЬЕВИЧ САМОЙЛОВ**

*доктор исторических наук, профессор,  
заведующий кафедрой теории общественного развития  
стран Азии и Африки  
Санкт-Петербургского государственного университета.  
199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург,  
Университетская наб., д.7-9. E-mail: n.samoylov@spbu.ru*

В статье рассматриваются основные принципы и направления внешней политики Цинского Китая в период правления императора Цяньлуна (1735-1796). Автор предпринимает попытку осмысления и анализа ряда внешнеполитических акций империи Цин с точки зрения господствовавшего в то время традиционного мировосприятия и концепции «китайского миропорядка». Внешняя политика императора Цяньлуна и его военные акции не только изменили конфигурацию международных отношений в Восточной и Центральной Азии, но и повлияли на общую геополитическую ситуацию в данном регионе. В период его правления Цинская империя, используя военную силу, значительно расширила свои границы, присоединила обширные территории Джунгарии и Кашгарии и стремилась навязать вассальную зависимость многим из своих соседей. Государство расширилось и укрепилось, однако в это же время внутри Китая появились признаки глубокого социально-экономического кризиса, что было чревато серьезными последствиями, особенно в условиях нарастающей экспансии западных держав, которую император Цяньлун и его окружение не принимали в расчет. Правящая элита не понимала, что ситуация в мире коренным образом изменилась, а традиционное отношение к другим народам как к «варварам» и недостаток внешнеполитической информации не давали возможности объективно оценить реальное соотношение сил на мировой арене.

**Ключевые слова.** *Китай, династия Цин, Цяньлун, внешняя политика, Центральная Азия.*

\*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00218 «Китайский историко-этнографический памятник «Изображения данников правящей династии Цин» («Хуан Цин чжи гун ту») и его значение в изучении представлений китайцев о других странах и народах в середине XVIII в.»

## Внешняя политика Китая при императоре Цяньлуэ

### Эпоха Цяньлуэ в глобальной истории

**И**мператор Цяньлуэ (乾隆)<sup>1</sup> (25 сентября 1711 г. – 7 февраля 1799 г.) – один из самых известных и выдающихся правителей Китая. Шестой император из маньчжурской династии Цин, правившей в Китае в 1644 – 1912 годах, четвертый сын императора Юнчжэна, он вступил на престол в 1735 г. и царствовал 60 лет и 114 дней. В феврале 1796 г., на шестьдесят первом году своего правления, в возрасте 85 лет, он отрекся от престола и передал власть сыну, посчитав, что не имеет права управлять страной дольше своего деда – великого императора Канси, который царствовал 61 год и 318 дней (1661–1722). Однако, получив титул «тайшанхуан» (太上皇 – «император-отец», «экс-император»), он сохранял в своих руках существенные рычаги власти вплоть до своей кончины 7 февраля 1799 г. на 88-м году жизни.

К концу его долгого правления империя Цин достигла зенита своего могущества и максимально расширилась. К 1790 г. ее территория, согласно современным подсчетам, составляла 14 700 000 кв. км (5 680 000 кв. миль) [1, с.223] и охватывала 10,91% земной поверхности, заняв таким образом четвертое место за всю историю человечества и уступая только Британской империи, которая в 1920 г. контролировала 26,35% всей Земли, Монгольской державе, занимавшей на рубеже XIII и XIV веков около 18% суши, и Российской империи, площадь которой в конце XIX в. составляла около 17% Земли.

Численность населения Цинской империи в 1795 г., к концу эры Цяньлуэ, достигла 313 280 000 человек [2, с.171], и Китай в то время являлся самым многонаселенным государством на нашей планете. На его территории в эпоху Цяньлуэ проживало более половины населения Азии и почти треть жителей всей Земли. Ежегодный прирост населения в 1760-1770-х гг. составлял в среднем 2,81 млн. чел. в год, а в 1780-1790-х – 2,44 млн. и был выше, чем в предшествующие периоды [2, с.172-173].

Во времена правления Цяньлуэ столица империи – Пекин (Бэйцзин) был самым большим по численности населения городом мира. К концу XIX в. число его жителей достигло миллиона, а вскоре даже превысило эту цифру. И если в середине XVII в. с ним по населению мог сравниться Стамбул, а в первой половине XVIII столетия (до разрушения в 1757 г. бирманской армией) – город-миллионник Аюттхайя (Аюття), то к концу XVIII века столица Китая прочно захватила первенство. В конце эры Цяньлуэ Пекин был больше Лондона и Парижа и существенно крупнее и масштабнее Вены, Берлина и Санкт-Петербурга.

Унаследовав от отца и деда процветающую империю, Цяньлуэ вел крупномасштабные военные кампании, максимально расширяя границы своей державы, завоевывая обширные территории и присоединяя целые государства. Однако в последние годы его царствования все сильно изменилось: империя Цин начала клониться к упадку, назрел глубокий социально-экономический кризис.

И все же эпоха Цяньлуэ вошла в историю как эра «непоколебимого и славного» правления, как период благоденствия и расцвета. В то же время для нее были характерны жесткое управление и активная территориальная экспансия.

В настоящее время понятие «всемирная история» приобретает гораздо более глубокий смысл и многогранный характер, чем это было раньше, а «глобальная история» признается в наши дни одним из наиболее перспективных направлений исторических исследований. Данная мысль была четко сформулирована академиком РАН С.П.Карповым, который писал о том, что мировая историография «мучительно преодолевая фрагментацию исторического знания, ... стремится создать *транснациональную* или *глобальную* историю с системой глубоких взаимосвязей и переплетений, выявляемых на междисциплинарной основе» [3, с.24].

И хотя первые серьезные разработки в области глобальной истории, равно как и начало ее преподавания в западных университетах обычно относят к 1990-м годам, китайские ученые давно задумывались над тем, что историю Европы нельзя изучать в отрыве от истории других континентов и вне исторических процессов, происходивших в азиатских странах, а всемирная история должна представлять собой прежде всего изучение взаимосвязанных исторических явлений. В этой связи можно вспомнить статью известного китайского историка Чжоу Гучэна с многозначительным названием: «Всемирная история без принципа всемирности», опубликованную еще в 1961 г. в газете «Гуанмин жибао» [4].

При глобальном взгляде на исторические процессы можно более отчетливо понять место и значение эры Цяньлуэ во всемирной истории.

Современниками императора Цяньлуэ были такие яркие правители XVIII века, как прусский король Фридрих II (годы правления: 1740-1786), российская императрица Екатерина Великая (1762-1796), австрийская императрица Мария Терезия (1740-1780) и шведский король Густав III (1771-1792), а также французские короли: Людо-

вик XV (1715-1774) и Людовик XVI (1774-1791) и британские монархи: Георг II (1727-1760) и Георг III (1760-1801). В Азии таких ярких личностей среди монархов – современников Цяньлуна, пожалуй, было поменьше. Здесь стоит вспомнить падишаха империи Великих Моголов Шах-Алама II (1759-1806) и, конечно же, основателя династии Афшаридов в Иране – могущественного Надир-шаха (1736-1747), которого историки называли «Мечом Ирана» и «Иранским Наполеоном»[5], создавшего одну из крупнейших империй Востока.

В эпоху Цяньлун на европейском континенте бушевали многочисленные войны: война за австрийское наследство, Семилетняя война, русско-шведские и русско-турецкие войны, произошли разделы Польши. В Азии Британская Ост-Индская компания вела военные действия за укрепление своих позиций в Индии, как со своими главными соперниками – французами, так и с индийскими государствами. В Индокитае разразились сиамо-бирманские войны, которые привели к гибели некогда мощного государства Аютия. В этот период началась колонизация Австралии европейцами. И, наконец, в конце эры Цяньлун на другом конце Земли произошли два события, повлиявшие на всю последующую историю человечества – Война за независимость США и Великая французская революция.

Однако цинский император в то время мог по-

зволить себе не замечать всего этого. Цяньлун весьма смутно представлял себе, кто же такие Георг III и Екатерина II, и ничего не слышал о Джордже Вашингтоне. Китай в эпоху Цяньлун оставался самодостаточным, а его император по-прежнему считал себя владыкой всего Поднебесного мира.

И все же в то время Китай не был полностью изолирован от остального мира. Развивалась китайско-европейская торговля через порт Гуанчжоу (Кантон), а Кяхта стала центром торговых связей Цинской империи и России. В Европе видные представители эпохи Просвещения активно интересовались Китаем и ее правителями. Некоторые историки проводят параллели между европейским «просвещенным абсолютизмом» и абсолютизмом императора Цяньлуна. Интерес к Китаю на Западе способствовал возникновению целого направления в архитектуре и декоративно-прикладном искусстве – «шинуазри» (подражание всему китайскому и использование китайских мотивов). Китайские веяния ощущаются и в появившемся в то время в Европе стиле рококо. В Китае также проявляли интерес к европейским вещам и начинали использовать иностранный опыт, приглашая миссионеров ко двору и обращаясь к ним за советами. В Гуанчжоу ремесленники создавали так называемые «экспортные» изделия и произведения искусства, соответствовавшие европейским



Рис.1-2. Россияне. Рисунок из ксилографа «Изображения данников правящей династии Цин» («Хуан Цин чжи гун ту»). XVIII в. Место хранения: Восточный отдел Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ, шифр Хул. 348.

вкусам. В эпоху Цяньлун развитие Китая и других стран шло параллельными курсами.

Однако в конце XVIII в. в Европе началась промышленная революция, которая ускорила экономическое развитие западных стран, а Китай начал безнадежно отставать.

### Внешнелитературная доктрина императорского Китая

Высшим геокультурным концептом в Китае, начиная с глубокой древности, являлось понятие «Тянься» («Поднебесная», «Поднебесный мир»), ассоциировавшееся одновременно и с Китаем, и со всем миром. Согласно представлениям, официально принятым в Китае на протяжении нескольких тысячелетий, китайский император, считавшийся «Сыном Неба», воспринимался как правитель Поднебесной, то есть всего мира, где «Срединное государство» (Китай) выступало в роли «цивилизующего» начала.

Дихотомия «Китай – варвары» (хуа – и) на протяжении длительного исторического времени являлась одним из самых существенных элементов этой традиционной модели мира и была отражением более общей дихотомии Ян – Инь. Согласно данной модели, земное пространство разделялось на две зоны: Ян и Инь, отделенные друг от друга естественными преградами. К зоне Ян относилось Срединное государство (собственно

Китай), а к зоне Инь – земли, населенные «варварами», которым были присущи воинственность, низость поведения и алчность. Таким образом, естественные для идеологии императорского Китая оппозиции: «Китай и варвары», «внутренние и внешние районы», «центр и периферия» всегда интерпретировались в духе представлений о двух началах мироздания – Инь и Ян.

Исходя из этой модели, император Китая, будучи законным представителем Неба на Земле, выполнял функции универсального медиатора, выступая в роли устроителя Поднебесной, что, в свою очередь, предполагало обязанность императора регулировать взаимоотношения Срединного государства и «варварской периферии» в духе гармонии Инь и Ян.

Благая сила дэ, ниспосланная Небом на Землю через посредство Сына Неба, была призвана облагородить не только ханьцев, но и «варваров четырех сторон света» в целях установления идеального порядка в Поднебесной. В данном контексте император выступал в качестве универсального устроителя «мира-социума», преобразующего как Срединное государство, так и «варварскую периферию». Из этого, в свою очередь, проистекала настоятельная необходимость постоянного и пристального внимания к соблюдению должного порядка и гармонии в отношениях между зоной высокой цивилизации (Китаем) и «варварами», а



Рис.3. Казах. Рисунок из ксилографа «Изображения данников правящей династии Цин» («Хуан Цин чжи гун ту»). XVIII в. Место хранения: Восточный отдел Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ, шифр Хул. 348.



Рис.4. Мусульманин из Коканда. Рисунок из ксилографа «Изображения данников правящей династии Цин» («Хуан Цин чжи гун ту»). XVIII в. Место хранения: Восточный отдел Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ, шифр Хул. 348.

также ведения тщательного учета и анализа этих отношений, для чего на протяжении длительного времени создавался целый пласт разного рода трактатов и сочинений, призванных обосновать и констатировать мироустроительные функции императора Китая.

Согласно сложившимся в императорском Китае представлениям, «варвары» подразделялись на «покорившихся» и «непокорных». «Покорившиеся варвары» – это те народы и государства, которые признавали сюзеренитет Китая и направляли в его столицу посольства с данью (чаще всего – символической), что должно было олицетворять их вассальную зависимость от китайского императора и служило доказательством результативности мироустроительной деятельности Сына Неба. В качестве ответных даров посланцы «варварских» государств обычно получали подарки от императора, ценность которых во много раз превосходила стоимость привезенной «дани», что было призвано убедить всех в величии и щедрости того, кто по воле Неба обустроивает Землю. Поднесение «дани» всегда обставлялось специальными церемониями, призванными продемонстрировать покорность «варваров»: китайские сановники часто требовали от посланников совершения церемонии «*коу тоу*» (во время аудиенции у императора иноземный посланец должен был трижды опуститься на колени, при этом отвечившая каждый раз по три земных поклона).

Согласно той же доктрине, выходящих из повиновения «варваров» Китаю следовало карать всей своей мощью, тем самым опять-таки приводя мир в гармоничный порядок. Любой военный поход против «варваров» интерпретировался как необходимые действия императора с целью облагораживания этих «варваров» и их приобщения к китайской цивилизации или как «карательная акция» в отношении нецивилизовавшихся «варваров». Китайский император сначала должен умиротворить «варваров» грозной силой вэй (威), а затем управлять при помощи благой силы дэ (德).

Установление равноправных отношений Китая с «варварскими» государствами или племенами было исключено, хотя на практике реальное развитие событий в различные исторические периоды вносило коррективы в подобную идеальную схему.

В ситуациях, когда со стороны «варваров» могла возникнуть реальная угроза китайскому государству, существующая доктрина предписывала руководствоваться принципом «*и и чжи и*» (以夷治夷, «с помощью варваров усмирять варваров»). При этом во всех случаях было удобнее иметь дело с «дальними варварами» с тем, чтобы с их помощью держать в узде «ближних варваров», поступая согласно традиционной стратегической установке: «*юань цзяо цзинь гун*» («привлекать дальних, нападать на ближних», 远交近攻). Этот традиционный подход к внешней политике был воспринят маньчжурской династией Цин, устано-

вившей в XVII веке свою власть над Китаем.

По мнению многих китаеведов, маньчжурская династия Цин была самой традиционалистской (в плане приверженности ортодоксальному конфуцианству) династией в истории Китая. Никогда до прихода этой династии к власти использование конфуцианской традиции не достигало таких грандиозных масштабов, никогда императорский двор не узаконивал в такой степени поклонение Конфуцию и его учению. Вместе с тем никогда в истории Китая не было такого явного стремления монополизировать конфуцианскую традицию, а также такого активного использования конфуцианского учения и имени Конфуция для идеологической обработки населения и для укрепления так называемого «китайского миропорядка» («*Chinese World Order*») [6; 7, с.27-32.].

Полностью заимствовав внешнеполитическую доктрину императорского Китая, сложившуюся в предшествующие эпохи, династия Цин восприняла и положение о том, что нужно привлекать «дальних варваров», чтобы держать в узде «ближних». И если Цинская империя активно стремилась присоединить земли «ближних варваров», чтобы укрепить свои границы, то с дальними государствами поддерживались внешне миролюбивые торгово-дипломатические связи, предполагавшие направление посланников этих государств ко двору цинского императора, а любые посольства, прибывавшие ко двору императора из других стран, именовались «данническими».

В ряду правителей из династии Цин император Цяньлун занимает особое место. Еще в молодые годы он поставил себе четкую цель – достичь высот в овладении конфуцианской ученостью. Однако не просто было совместить демонстрируемую приверженность учению Конфуция и других древних мудрецов с развертывавшейся внешней экспансией, поскольку конфуцианство не одобряло излишнее использование оружия и силовых действий. Еще в древнейшей «Книге истории» («*Шу цзин*»), включенной в конфуцианское Пятикнижие, содержался завет, адресованный правителю: «Прекращай военные действия и занимайся гражданскими делами» (偃武修文). Цяньлун не только был знаком с этим наставлением, но и упоминал его. Однако в своей концепции «десяти великих побед» ему удалось разрешить данную коллизию, объяснив военные действия необходимостью «умиротворения варваров» и единения своего сердца с волей Неба.

В эру Цяньлун империя Цин, используя военную силу, значительно расширила границы страны, присоединила обширные территории и стремилась навязать реальные даннические отношения многим из своих соседей. Цинские правители переняли у предшествующих династий основные положения традиционной внешнеполитической доктрины и отношение к «варварам», однако изменение общей ситуации и представлений об окружающем мире внесли свои коррек-

вы в дихотомию «Китай – варвары». В источниках цинского времени отчетливо прослеживается диверсификация зарубежных стран и выделение характерных черт, отличавших представителей различных народов друг от друга [8].

Как уже отмечалось, далеко не все государства и народы, посылавшие в столицу Китая своих представителей, в действительности находились в вассальной зависимости от него, часто их вассалитет был чисто номинальным, а иногда и не признавался вовсе. Однако в соответствии с доктриной «мироустроительной монархии» представители всех этих государств и народов считались в Китае «данниками», что фиксировалось в соответствующих текстах, сопровождавшихся изображениями обитателей различных стран.

В 1751 г. император Цяньлун следуя многовековой традиции, повелел создать альбом «Изображения данников правящей династии Цин» («Хуан Цин чжи гун ту» 皇清职贡图), который следует признать крупнейшим в истории императорского Китая изданием подобного рода [9]. В совокупности там упомянуты жители 265 стран и регионов, как находившихся под непосредственным управлением Цинской империи, так и фактически неподконтрольных ей.

#### **Десять великих военных кампаний (1755-1792)**

В китайской исторической традиции закрепились понятия «Шицюань угун» (十全武功) – «Десять военных подвигов» императора Цяньлуна [10]. Эти «десять подвигов» включают десять больших военных кампаний («Ten Great Campaigns» – в англоязычной историографии), проведенных по инициативе императора во второй половине XVIII века. Это три военные кампании, направленные на расширение контроля Цинской империи в Центральной Азии: два похода против Джунгарского ханства (1755–1757 гг.) и покорение Кашгарии (1758–1759 гг.); три военных операции в рамках уже установленных к тому времени границ: два похода против тибетских племен тубо в горном районе Цзиньчуань провинции Сычуань (1740 – 1760-е годы) и подавление восстания тайного Общества Неба и Земли под руководством Линь Шуанвэня, а также тайваньских аборигенов (1787-1788 гг.) и четыре заграничные экспедиции: против бирманцев (1765-1769 гг.), вьетнамцев (1788-1789 гг.) и дважды против гуркхов на границе между Тибетом и Непалом (1790-1792 гг.).

Вспоминая на склоне лет эти военные походы, император Цяньлун с пафосом называл себя «Старцем, совершившим десять подвигов» (十全老人). Будучи талантливым литератором, он в 1792 г. написал эссе «Записки о десяти свершениях» (十全记) [11], в котором перечислил свои победы и даже распорядился выгравировать на каменных стелах текст на четырех языках: маньчжурском, китайском, монгольском и тибетском<sup>2</sup>.

С современных позиций выглядит стран-

ным, что эти «десять великих военных компаний» включают в себя как военные акции, направленные вовне империи, так и подавление восстаний и антиправительственных выступлений внутри страны. Однако с позиций доктрины мироустроения все выглядит вполне логично, поскольку речь шла об «усмирении» или даже «умиротворении» внешних и внутренних «варваров», а это одна из важнейших обязанностей императора. И Цяньлун преуспел в этом деле.

В наименованиях всех «десяти подвигов» императора обязательно присутствует иероглиф *пин* (平) или бином *пиндин* (平定), что можно перевести, как «умиротворение», то есть речь там идет об «умиротворении джунгар», «умиротворении мусульманских народов», «умиротворении Тайваня» и т.д. Таким образом, исходя из мироустроительной модели, внешнеполитическая деятельность, включая завоевание сопредельных территорий, являлась для императора Цяньлуна закономерным процессом упорядочения Поднебесной и приобщения «варваров» к цивилизации.

#### **Завоевание Джунгарии и Кашгарии**

30-е годы XVIII века, на которые пришлось начало правления императора Цяньлуна, стали переломными в истории векового противоборства двух могущественных азиатских держав – Китая и Джунгарского ханства, когда эти страны от непрекращавшихся кровопролитных войн перешли к краткому периоду дипломатических переговоров. Это было время расцвета джунгаро-ойратского государства при правлении хана Галдан-Цэрэна (1727-1745),

Подписание в 1740 г. соглашения между Цинской империей и Джунгарским ханством явилось важным событием в международных отношениях в Центральной Азии. Стороны пришли к временному компромиссу и договорились, что Монгольский Алтай должен стать линией разграничения между ними. При этом цинский император, обращаясь к прибывшему в Пекин джунгарскому послу, заявил: «Теперь Галдан-Цэрэн согласился определить границу в соответствии с моими указаниями. Отныне жители пограничных районов всегда будут жить мирно и спокойно на своей родной земле, не возникнут между ними конфликты» [12, с.61-62].

Император Цяньлун разрешил джунгарским подданным вести торговлю в Китае, направляя туда свои караваны один раз в четыре года, и открыл дороги в Тибет для джунгарских паломников. И хотя Галдан-Цэрэн отказался признать свое государство вассалом цинского Китая, тон послания императора Цяньлуна джунгарскому правителю соответствовал тону сюзерена: «На этот раз [ты], тайцзи, выразил свое повиновение моим предписаниям по всем вопросам, я остался доволен. Придерживаясь традиций дружбы, дарю тебе в награду 16 кусков шелковых тканей различных расцветок» [12, с.63-64].

После смерти Галдан-Цэрэна трон унаследовал его сын Цеван-Дорджи Намжал, принявший титул «хунтайджи»<sup>3</sup>, который в тогдашней Джунгарии воспринимался как более высокий по сравнению с титулом «хан» из-за того, что в это время цинские императоры стали признавать ханами многих местных вождей на занятых или зависимых от них территориях [13, с.270].

В 1753 г., после смерти очередного правителя, в Джунгарии вновь развернулась активная схватка за трон ойратского хунтайджи, в ходе которой победителем вышел Давачи (Даваци, Дабачи). Однако против него выступили объединенные силы его бывшего сподвижника - нойона Амурсаны и его союзников, поддержанные казахским султаном Аблаем, но были быстро разгромлены. В это время цинский двор пристально наблюдал за ситуацией на западных границах. Потерпев поражение, Амурсана осенью со своими людьми откочевал на восток и начал искать покровительства императора Цяньлуна, который принял решение воспользоваться разразившимся в джунгаро-ойратском государстве конфликтом и поддержал Амурсану.

В сложившейся ситуации в марте 1755 г. цинская армия под командованием монгольского генерала Баньди двинулась на Джунгарию, а в ее авангарде шли ойратские отряды во главе с Амурсаной. В манифесте императора Цяньлуна говорилось о том, что поход был начат «с целью воз-

вращения на прежние кочевья ойратов, бежавших от притеснений со стороны Даваци, а также для наказания последнего, как узурпатора и насильника» [14, с.103]. В основе этого манифеста была заложена традиционная идеология: «Император не воюет, император – карает».

Давачи попытался с боями пробиться к Алтайским горам, но был вынужден повернуть в Кашгарию. 8 июля 1755 г. он был схвачен правителем Учтурфана и передан в руки Амурсаны, который доставил пленника цинскому командованию.

К концу лета 1755 г. военные действия закончились, и некогда могущественное Джунгарское ханство прекратило свое существование. Ойратские нойоны и зайсаны сдавались, не оказывая сопротивления маньчжуро-китайским войскам. В Пекине столь удачное завершение военной компании было воспринято как еще одно доказательство того, что император действует в соответствии с волей Неба. Китайский историк Хэ Цютао (1824—1862) позднее так написал об этих событиях: «Этот поход императорских войск длился не более ста дней. Ни один воин не был ранен, ни одна стрела не была сломана. Завоевана страна, взяты в плен известные князья... Поднебесная с древних времен не знала таких великих походов» [15, цз.4. л.14.].

19 июля 1755 г. был обнародован императорский Указ о триумфальном окончании за-



Рис.5. Мусульманка из Коканда. Рисунок из ксилографа «Изображения данников правящей династии Цин» («Хуан Цин чжи гун ту»). XVIII в. Место хранения: Восточный отдел Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ, шифр Хул. 348.



падной кампании, а на территории покоренной Джунгарии вводился китайский календарь, что должно было свидетельствовать о приобщении этих земель и населявших их народов к китайской цивилизации. Торжественная церемония присоединения к Цинской империи последнего монгольского государства – государства ойратов – должна была пройти на озере Долоннор, где за 64 года до этого таким же образом было оформлено присоединение Халхи. Император Цяньлун повелел Тушэту-хану и главе буддийской сангхи Монголии Богдо-гэгэну II срочно прибыть в Долоннор, куда планировал пожаловать и сам император, чтобы объявить «радостные и важные вести» [16, с.293].

Однако уже осенью 1755 г. обстановка коренным образом изменилась. Амурсана, рассчитывавший при поддержке императора Цяньлуна стать не только ойратским, но и всемонгольским ханом, не получив такой возможности, посчитал себя обманутым. Имея небольшой отряд ойратских воинов и действуя в сговоре с некоторыми халхаскими военачальниками, Амурсана напал на маньчжурские войска, охранявшие границу, разбил их и направился в Джунгарию.

В марте 1756 г. началось новое наступление маньчжуро-китайских войск, которые по численности существенно превосходили силы ойратов. В ходе этой кампании значительная часть местного населения была уничтожена. Весной и летом 1757 г. отряды ойратов, руководимые Амурсаной и его сторонниками, развернули боевые действия против цинской армии в горах Тарбагатай и в долине реки Или, однако были разбиты.

К лету 1757 г. остатки ойратов во главе с Амурсаной ушли в казахские степи, а затем двинулись к крепостным укреплениям российских войск, которые практически спасли их, взяв под свою защиту. Амурсана отправил своих послов в Санкт-Петербург с письмом на имя императрицы Елизаветы, в котором просил позволить ему собрать под своей властью всех ойратов, а также построить крепость между Иртышом и озером Зайсан. В Петербурге посланцу Амурсаны ответили, что выдвинутые условия неприемлемы для России, так как могут стать причиной серьезного конфликта с Китаем, однако сам Амурсана с небольшой свитой может получить личное убежище [16, с.300].

Потерпев окончательное поражение, Амурсана 28 июля 1757 г. появился вблизи Семипалатинской крепости, где вновь попросил убежища у русских властей. Через несколько дней он был отправлен в Тобольск, и все попытки цинской администрации добиться его выдачи не увенчались успехом. В сентябре 1757 г. Амурсана заболел оспой и скончался.

После завоевания Джунгарии император Цяньлун приступил к присоединению Кашгарии (Восточного Туркестана), ранее находившейся в вассальной зависимости от Джунгарского хан-

ства, обосновав свои действия тем, что Китай, безусловно, должен владеть всем, чем владела покоренная Джунгария.

Восточный Туркестан привлекал цинского императора богатыми природными ресурсами и имевшимися там крупными центрами ремесленного производства. Кроме того, в случае его присоединения могла быть решена важнейшая геостратегическая задача по укреплению позиций цинского Китая в Центральной Азии, а также ликвидация очага политической нестабильности в этом регионе, причиной которой были междоусобицы местной знати.

Братья-ходжи<sup>4</sup> Бурхан ад-дин и Ходжа Джихан из группировки «актаглык» («белогорцев») были освобождены из джунгарского плена цинскими войсками и поначалу обещали признать верховную власть императора Цяньлуна, который решил направить ходжу Бурхан ад-дина с войском на борьбу с яркендским ханом, надеясь, что он сумеет привлечь местное население на свою сторону. Военная операция завершилась успехом, и Бурхан ад-дин, свергнув ходжу из клана «черногорцев», захватил власть в Яркенде. Цинские власти объявили о «мирном покорении Кашгарии», и в конце 1756 г. в Пекин прибыли кашгарские послы с «данью». В императорском указе от 5 декабря 1756 г. говорилось: «Если ходжи смогут в соответствии с нашим указом платить дань и налоги, тогда не стоит применять военную силу» [17, с.8].

Однако в дальнейшем, воспользовавшись восстанием ойратских князей, кашгарские ходжи предприняли ряд мер по укреплению собственной самостоятельности, сумели разгромить своих противников и объединить населявшие Кашгарию мусульманские народы, чтобы противостоять цинам.

Цяньлун принял решение о карательном походе против кашгарских ходжей, а когда узнал, что один из них – Ходжа Джихан объявил себя ханом без санкции цинского императора, в указе от 5 марта 1758 г. объявил о «незаконности» этого акта и назвал стремления Ходжа Джихана «отвратительными» [17, с.10]. В цинских источниках действия Бурхан ад-дина и Ходжа Джихана именуются «Мятежом старшего и младшего ходжей» («Да сяо хэчжо чжи луань», 大小和卓之亂).

Летом 1758 г. цинская армия вступила на территорию Кашгарии для «искоренения мятежа», и речь вновь зашла о «карательном походе». После тяжелой осады были захвачены города Кучар, Аксу, Учтурфан и др. Продвижение маньчжуро-китайских войск по территории Восточного Туркестана встретило упорное сопротивление местного населения, но постепенно сказалось их военное превосходство (более совершенное вооружение, пушки, способные пробивать крепостные стены и т.д.). Силы братьев-ходжей были оттеснены к границам Бадахшана, но далее цинские военачальники не стали их преследовать, потребовав от бадахшанского правителя Султан-шаха их выдачи. Однако тот ограничился присылкой головы одно-

го из них. По другим сведениям, оба ходжи были захвачены специально подосланными людьми, которые передали их цинскому командованию, после чего они были обезглавлены [18, с.170]. В ноябре 1759 г. император Цяньлун в своем указе объявил об окончательном завершении военной кампании в Кашгарии [19, цз.596].

После завоевания Джунгарии и Восточного Туркестана обе области были включены в состав Цинской империи, и в 1760 году был создан новый административный район, получивший название Синьцзян («Новая граница»).

### **Дальнейшие отношения с народами и государствами Центральной Азии**

После присоединения территории Джунгарского ханства владения империи Цин вплотную подошли к землям, где располагались кочевья казахов и киргизов. Однако эти народы к тому времени уже установили довольно прочные отношения с Россией (в 1740 году в Оренбурге был заключен договор о покровительстве Российской империи над казахским Младшим жузом).

В целом международная обстановка после джунгаро-цинской войны коренным образом изменилась. Казахский ученый и просветитель Чокан Валиханов, правнук хана Аблая, так писал об этом: «В 1756, 1758 и 1760 годах китайские отряды вступили в земли киргизов Средней орды. Владетели киргизские: Нуралы, хан Малой орды, Абульмамат — Средней, и Аблай, спешили войти в сношения с Поднебесной империей. Аблай в 1756 году признал себя вассалом богдыхана и получил княжеский титул и календарь. Нуралы послал посольство в Пекин; коканский владелец Эрдене-бий в 1758 году, и впоследствии преемник его, Норбута-бий, также признали покровительство «Сына неба». Несмотря на эту наружную покорность, среднеазиатцы были очень встревожены; падение сильной Джунгарии и завоевание единой Малой Бухарии<sup>5</sup> навели на них панический и мистический страх, тем более, что по господствовавшему преданию, суеверные мусульмане верили, что перед окончанием света китайцы покорят весь мир» [20, с.3].

Когда в сентябре 1755 г. Амурсана перестал сотрудничать с маньчжурами и поднял антицинское восстание, император Цяньлун предпринял усилия, чтобы не допустить единства действий этого «мятежника» и казахов. Казахскому султану Аблау было направлено послание с требованием, чтобы, в случае появления Амурсаны в его пределах, Аблай немедленно его схватил и передал цинским властям. За это император обещал его наградить. А если он решит укрыть беглеца, ему грозила кара со стороны цинского императора [19, цз.496]. Тон этого послания и форма обращения говорили о том, что в Пекине традиционно рассматривали казахов, как и другие народы Средней Азии, в качестве своих вассалов (фань) и именовали их «внешними варварами» (вай и) [21,

с.43].

Когда в феврале 1756 г. Амурсана все-таки попытался скрыться в кочевьях казахов Среднего жуза, Цяньлун распорядился направить Аблау новое послание, в котором вновь потребовал задержать мятежника и передать его цинским властям [19, цз.508]. Поскольку четкого ответа на этот указ не последовало, цинские войска выступили в поход и начались стычки с ополчением Среднего жуза. В итоге военная кампания лета-осени 1756 г. на территории Казахстана завершилась для цинов безрезультатно: Амурсана не был пойман, а казахские правители не изъявили свою покорность.

После жестокого подавления джунгарского восстания маньчжуро-китайская армия в июне 1757 г. вновь подошла к границам казахских кочевий. К тому времени Амурсана уже бежал из владений Аблая в Россию. После того, как Аблай узнал о приближении цинских войск к кочевьям Среднего жуза, он решил прекратить военные действия и заключить мир. 18 июля 1757 г. в ставку маньчжурских военачальников Чжао Хуэя и Фудэ явился родственник султана Аблая – Абулфеиз, преподнес в подарок великолепных скакунов и сообщил, что столкновения с цинскими войсками произошли по недоразумению, а Аблай намеревался выдать Амурсану, но тот успел сбежать. «Если он снова появится у нас, – обещал Абулфеиз. – выдадим его вам» [22, с.22].

В сложившейся ситуации султан Аблай был вынужден признать сюзеренитет цинского императора и 28 июля 1757 г. направил в Пекин письмо, адресованное императору Цяньлуну:

«Высшему великому хану подношу [это послание]. Со времен моего деда и отца – Еим-хана и Янгир-хана – до сих пор [мы] ваши повеления не получали. Теперь [мы] услышали ваше повеление и очень обрадовались, что мы имеем счастье принять [его]. Я, Абулай, с сыновьями и все казахи стали вашими подданными. Покорнейше ждем проявления любой вашей высокой милости» [23, с.289].

С точки зрения цинской администрации Аблай превратился в вассального князя (вана), фактически сохранявшего полную самостоятельность, но уплачивавшего оговоренную дань. Отправка казахских послов в Пекин являлась для цинских властей не просто актом установления отношений, но соответствовала традиционной китайской доктрине мироустройства и служила доказательством изъявления покорности императору. Во время общения с казахскими посланниками цинские чиновники всячески старались подчеркнуть их «вассальную зависимость» от цинского Китая. В соответствующем указе императора Цяньлуна говорилось о том, что казахи «покорились», и император принимает их под свою руку, «побуждая постигать наставления Небесной династии» [19, цз.542].

В отношениях с казахами маньчжурские правители Китая также использовали концепцию

«родства» – происхождения от единого предка, в качестве которого назывался Чингис-хан. К.Ш. Хафизова отмечает: «Наряду с шаманизмом и исламом, широко распространенной формой религиозных верований у казахов была идея патриархально-родовых связей. Именно эта идея, как наиболее близкая китайскому, а, возможно, и маньчжурскому обществу того времени, и была взята на вооружение цинской дипломатией» [24, с.195].

Цины, исходя из идеи наличия общего предка, пытались обосновать необходимость признания казахскими правителями вассальной зависимости от китайского императора. Это подтверждает текст сообщения султана Аблая оренбургскому губернатору Неплюеву и генерал-майору Тевкелеву: «В сим декабре [1757 г.] из посланников китайских наперед четыре человека ко мне приехали и объявляют, что его величество [император Цяньлун] изволит, дабы я был ему яко сын, и утвердя мир, пребывал с ордою моею в покое и тишине, яко от единого отца произшедшие дети» [25, с.549].

Однако, учитывая нараставшее давление со стороны Цинской империи, Аблай, избранный в 1771 г. казахским ханом, активизировал свои контакты с Россией. 24 мая 1778 г. Екатерина II подписала грамоту, утверждавшую Аблая правителем Среднего жуза.

После окончательного завоевания Восточного Туркестана цинские власти вступили в непосредственные сношения не только с казахскими лидерами, но и с киргизскими старшинами. Эти контакты также рассматривались как отношения «сюзерена» с «вассалами». Прибытие киргизских посланников в Пекин с подарками (кони, соколы, кинжалы) интерпретировалось как принесение «дани». В ответ киргизским старшинам жаловались атрибуты и символы чиновничьих званий (шарики и павлиньи перья на шапки). Такие визиты воспринимались в цинской столице как еще одно доказательство мироустроительной роли императора Цяньлуна.

Присоединение Джунгарии к Цинской империи существенно изменило геополитическую обстановку в Центральной Азии. Китай оказался в непосредственном соприкосновении со странами и народами, с которыми не имел прямых контактов на протяжении длительного периода времени.

После захвата Восточного Туркестана Цинская империя установила отношения с Кокандским ханством и Бадахшаном, а также с Афганистаном.

Первые контакты Цинской империи с подданными Кокандского ханства имели место в 1759 г. по инициативе цинских властей, после чего император Цяньлун в своем указе уже именовал кокандского правителя «вассалом» и предписывал сообщить ему, что если он пожелает прибыть ко двору, то будет награжден [19, цз.596]. В 1760 г.



Рис.6. Испанец с острова Лусон (Филиппины). Рисунок из ксилографа «Изображения данников правящей династии Цин» («Хуан Цин чжи гун ту»). XVIII в. Место хранения: Восточный отдел Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ, шифр Хул. 348.

Пекин посетило посольство кокандского правителя Ирдана-бия, которое было интерпретировано в Пекине как признание сюзеренитета Цинской империи над Кокандом. Однако, если император Цяньлун считал кокандских правителей своими вассалами, то они в то время не воспринимали его как своего сюзерена [26, с.141]. В том же году Пекин посетило еще одно посольство от Ирдана-бия, которое привезло в подарок императору Китая замечательных скакунов. Эти посольства открыли кокандским торговцам возможность торговать на территории Китая.

С начала контактов с представителями Кокандского ханства цинские власти не допускали общения с этим центральноазиатским государством на равных и смотрели на правителей Коканда как на своих вассалов. Император Цяньлун в манифесте, адресованном Ирдана-бию, высокомерно объявлял: «Ты должен с почтением блюсти законы Небесной династии» [19, цз.678]. Однако правитель Коканда старался держаться достаточно независимо. В то же время Кокандскому ханству было необходимо сохранять нормальные отношения с Цинской империей, поскольку для него была очень важна торговля в Синьцзяне, которая теперь контролировалась цинской администрацией.

При новом правителе Нарбута-бие (1764—

1798) в Коканде наступило относительное политическое спокойствие и сложились благоприятные условия для экономического развития, что вызвало активизацию торговых связей с соседними государствами и, в первую очередь, с цинским Китаем.

Следует также обратить внимание на то, что в геополитическом плане Кокандское ханство представляло собой определенный буфер между империей Цин и Российской империей.

Еще более sporadическими были отношения Цинской империи с Бадахшаном. Как было сказано ранее, после того, как там пытались укрыться мятежные братья-ходжи, маньчжурский генерал Фудэ по приказу императора Цяньлуна блокировал все дороги, по которым бывшие правители Кашгарии могли бежать, и начал подготовку к вторжению в Бадахшан. В этой ситуации правителю Бадахшана Султан-шаху ничего не оставалось как вступить в переговоры с цинскими военачальниками и согласиться выдать Китаю голову одного из кашгарских ходжей, а в дальнейшем направить в Пекин посольство с дарами, где этот жест Султан-шаха был воспринят как знак того, что он признал себя вассалом императора Китая. За весь период правления Цяньлуна в Пекин приезжали лишь два бадахшанских посольства (в 1760 и 1763 гг.). Иных дипломатических контактов не было, при этом торговые связи развивались весьма активно.

Еще более редкими были контакты Пекина с Бухарским ханством. В начале 1760 г. Цяньлун приказал отправить в Бухару группу чиновников, чтобы вручить его личное послание и подарки [19, цз.605]. Однако в китайских источниках сведения о результатах этой миссии отсутствуют.

После завоевания в 1759 г. Восточного Туркестана территория Цинской империи приблизилась к границам недавно возникшей Дурранийской державы. В это время Ахмад-шах, основатель Дурранийской империи<sup>6</sup>, находившийся в зените своего могущества, вел войну против маратхов (1758-1761), завершившуюся полным разгромом их армии в битве при Панипате в 1761 г.

После победы над маратхами, одержанной ценой огромных потерь, Ахмад-шах начал искать пути установления мирных отношений с империей Цин и направил в Пекин первое афганское посольство. Окружение императора Цяньлуна интерпретировало данный факт как подношение дани. В императорском указе по поводу приезда посла говорилось следующее: «Афганистан – большой удел. Его посол впервые проезжает внутренние территории страны [Китая]... В каждом главном городе провинции, через который будет проезжать [афганское посольство], надлежит заблаговременно приготовить угощение, расставить нужные принадлежности, чтобы показать процветание и величие» [19, цз.672].

Афганское посольство прибыло к цинскому двору в начале 1763 г. и привезло в пода-

рок императору Цяньлуну четырех коней и меч, что в китайских источниках было обозначено как «дань» [19, цз.677]. Посол был принят лично императором и получил ответные подарки: парчу с изображением четырехпалого дракона, шелковые и атласные ткани. Участникам посольства были пожалованы атрибуты чиновного достоинства (чиновничьи шапки и халаты), что также символизировало включение афганцев в число вассалов цинского императора. В ответ на послание Ахмад-шаха послам был передан императорский манифест, в котором выражалось удовлетворение стремлением афганского правителя приобщиться к «добродетельной китайской цивилизации» [22, с.69] и разъяснялись причины войны против Джунгарского ханства: помощь местному населению, страдавшему от междоусобиц и произвола Давачи, а также наказание изменника Амурсанки. В манифесте говорилось и о «бунте» кашгарских ходжей. Император Цяньлун, которого беспокоила внешнеполитическая активность Ахмад-шаха и его военные успехи, порекомендовал ему дать отдых своим людям, уставшим от военных походов.

Таким образом, прибытие в Пекин афганского посольства послужило основанием для того, чтобы включить Афганистан в число вассалов Китая. Именно так эта страна стала именоваться во всех официальных документах и исторических сочинениях периода Цин. При этом цинский двор продолжил внимательно следить за внешними сношениями правителя Дурранийской державы, в частности за развитием его отношений с Кокандом.

### **Отношения со странами Юго-Восточной и Южной Азии**

После завоевания Джунгарии и Восточного Туркестана император Цяньлун также обратил свой взор в сторону Юго-Восточной Азии и пригломалайских государств. Эти регионы на протяжении многих веков привлекали внимание правителей Китая.

Взаимоотношения с государствами, располагавшимися на территории Бирмы (Мьянмы), империя Цин пыталась построить в соответствии с традиционным принципом: «сюзерен» – «вассал», и некоторые бирманские правители с этим были согласны. В 1750 г. Маха Дхаммараза Дипати – правитель из династии Таунгу – направил в Китай посольство с подарками (слона, золотую модель пагоды и т.д.), прося помощи против восставших монов [27, с.18].

Пришедшая на смену Таунгу династия Конбаун (1752-1885), объединившая монский юг и бирманский центр, превратила Бирму в одно из самых сильных государств Юго-Восточной Азии.

Воспользовавшись в качестве повода многочисленными пограничными инцидентами, вызванными агрессивными действиями правителей шанских княжеств, цинские войска во главе с губернатором провинции Юньнань в 1765 г. вступили на территорию Бирмы. Однако этот поход

завершился неудачей, при этом вторжение маньчжуро-китайских войск вынудило Бирму остановить победоносную войну против Сиама, в ходе которой было уничтожено государство Аютия, и отозвать оттуда войска для защиты своей территории.

В 1769 г. армия империи Цин вновь вторглась в пределы Бирмы, но была остановлена возле Каунгтона и оказалась перед угрозой полного уничтожения. В конце 1769 г. между Бирмой и цинским Китаем был заключен мирный договор, который не был ратифицирован ни одной из сторон и в последующие годы интерпретировался с диаметрально противоположных позиций. Бирманцы в дальнейшем утверждали, что договор установил равенство в отношениях между двумя государствами, а цины полагали, что Бирма признала себя «вассалом» Китая.

В 1792 г. в Пекин прибыло бирманское посольство, которое получило от императора Цяньлуна инвестицию - печать, на которой имелась надпись на маньчжурском и китайском языках: «ван Бирманского королевства» [18, с.345], олицетворявшая вассальную зависимость Бирмы от Китая.

Отношения между Китаем и Вьетнамом (Аннамом) при династии Цин долгое время были весьма спокойными и не выходили за рамки традиционной «даннической» модели после того, как в 1667 г. правитель Вьетнама Ле Хюйен-тонг получил от императора Канси инвестицию и печать с титулом «ван Аннама» [28, с.43]. Однако в XVII-XVIII вв. власть династии Ле над Вьетнамом была чисто номинальной. Реальными хозяевами страны являлись два клана: север контролировали князья Чинь, а всем южным Вьетнамом, включая город Хюэ, управляли князья Нгуен.

В 1771 г. в Центральном Вьетнаме вспыхнуло народное восстание, во главе которого встали три брата из местечка Тэйшон («восстание тэйшонов»). За короткое время восставшие разгромили войска Нгуенов, а затем – Чиней и создали свое государство. Один из братьев-тэйшонов Нгуен Хюэ проявил себя как выдающийся полководец и хороший организатор: он сумел создать мобильную и боеспособную армию, включавшую кавалерию и боевых слонов и усиленную неплохим флотом.

В сложившейся ситуации последний император из династии Ле — Ле Тьиеу-тхонг бежал в Китай и обратился за помощью к своему «сюзерену» – императору Цяньлуну, который в ответ на его просьбу в 1788 г. направил во Вьетнам 200-тысячную армию. Поначалу цинские войска одержали ряд побед над тэйшонами и даже вступили в столицу Вьетнама – Тханглонг (Ханой), где состоялась церемония вручения инвестиции императору Ле. В ответ Нгуен Хюэ провозгласил себя императором под девизом Куанг-чунг и стал готовиться к решающему сражению.

Пока цинская армия праздновала наступление Нового года по китайскому календарю, войска под командованием Нгуен Хюэ перешли в атаку и нанесли сокрушительное поражение цинам в сражении у деревни Донгда, тем самым вынудив их уйти из Вьетнама. Отступавшие из вьетнамской столицы маньчжуро-китайские войска были почти полностью уничтожены.

В сложившейся ситуации император Цяньлун решил направить во Вьетнам новую армию во главе с известным полководцем Фуканьянем. Осознавая, что силы далеко не равны, Куанг-чунг вернул военнопленных и в 1789 г. направил в столицу Китая посольство с дарами. В ответ император Цяньлун признал его правителем Дайвьета. Таким образом был восстановлен прежний статус Аннама как «данника» империи Цин. В 1790 г. Куанг-чунг лично прибыл в Пекин для того, чтобы поздравить императора Цяньлуна с 80-летием. Установившиеся даннические отношения, естественно, носили номинальный характер, однако цинский двор это вполне устраивало.

В конце 80-х годов XVIII в. осложнились отношения Цинской империи с Непалом, где в то время усилилось королевство Горкха, управлявшееся династией Шах, которая объединила Непал и перенесла свою столицу в Катманду. В 1788 г. армия гуркхов вторглась в Тибет и попыталась захватить часть его территории. Власти Тибета урегулировали инцидент, пообещав ежегодно выплачивать крупную сумму денег, однако гуркхи продолжили наступление. Тибет оказался не в состоянии отразить их вторжение и обратился за помощью к императору Цяньлуну. Цинский монарх был возмущен и издал манифест, обращенный к гуркхам: «Вы получили от великого императора высочайшую милость. Вас, [правители Непала], я наградил титулами вана и гуна. И тем не менее вы осмелились творить столь беззаконные дела. Это чрезвычайно дурно... я подниму войска, спрошу [с вас за ваши] преступления и жестоко покараю вас» [29, с.243]. В Тибет были направлены войска, которые смогли выбить оттуда гуркхов.

В 1791 г. непальцы вновь вторглись в Тибет и на этот раз значительно продвинулись в глубь его территории. Они захватили Шигадзе и разграбили резиденцию панчен-ламы. В конце 1791 г. император Цяньлун вызвал из Гуандуна опытного генерала Фуканьяня, возложил на него командование военной операцией и во время аудиенции в Запретном городе лично проинструктировал. В Тибет была направлена 70-тысячная цинская армия.

Гуркхи начали отступать, но были настигнуты Фуканьянем и потерпели сокрушительное поражение. Цинские войска быстро подошли к столице Непала и вынудили гуркхов начать переговоры о мире. В то же время правитель Непала Бахадур Шах попытался обратиться за помощью к англичанам, однако Британская Ост-Индская Ком-

пания не имела достаточных сил в Индии, чтобы направить их для помощи гуркхам. К тому же англичане не хотели поддерживать своего потенциального противника и не были еще готовы к столкновению с цинским Китаем.

В 1792 г. был заключен мир между Цинской империей и Непалом, по которому гуркхи были обязаны возвратить все, что было захвачено в Тибете, и должны были каждые пять лет направлять в Пекин посольства с данью. Непальский король признавал сюзеренитет Цинской империи. В Тибете для защиты границ были размещены две тысячи цинских военных, преимущественно китайцев и монголов. Численность тибетской армии была установлена в 3 тысячи человек [18, с.240].

В комментариях к «Собранию документов о войне с Непалом» («Цинь дин ко эр ка цзи люэ») в связи с заключением мирного договора говорится следующее: «Наше государство управляет всем миром. Даже самые окраинные земли и самые чуждые правящие дома перешли [под нашу власть] и крепко связаны [с нами]». Далее там шла речь о том, что Китай управляет «варварами», воздействуя на них «славой и поучением» (声教), а также при помощи «благодати и грозной силы» (德威) [29, с.245]. Используя данные приемы воздействия, Сын Неба способен поддерживать порядок среди «варваров». Текст этого документа убеждает, что в конце царствования Цяньлуна в Цинской империи сохранялась и даже усиливалась уверенность в абсолютном превосходстве Китая над остальным миром.

### Визиты европейских послов

В эпоху Цяньлун, как и прежде, все страны Запада воспринимались в Китае как «варварские» и отношение к их представителям было соответствующим, поэтому прибытие посольства из какого-либо европейского государства интерпретировалось в Пекине как факт признания вассальной зависимости. При этом в первый период правления династии Цин европейские Ост-Индские компании вели весьма активную торговлю в Гуанчжоу (Кантоне), а в Пекине находились католические миссионеры. Сам император Цяньлун увлекался разного рода европейскими диковинками и приказал возвести в огромном садово-парковом комплексе Юаньминъюань несколько дворцов в европейском стиле (сянлю) по проектам иезуитов Джузеппе Кастильоне и Мишеля Бенуа. Кастильоне в то время являлся придворным художником и написал знаменитый портрет императора Цяньлуна в церемониальных доспехах на коне, а Бенуа начертил большую карту мира, которая познакомила Цяньлуна с географией Европы.

После завоевания Джунгарии и Кашгарии Цинская империя увеличилась, и осознание собственного могущества и самодостаточности стало ключевым фактором, определявшим внутреннюю и внешнюю политику Китая во второй половине XVIII века. Ощущение всемогущества внутри и вовне



Рис.7. Польская женщина. Рисунок из ксилографа «Изображения данников правящей династии Цин» («Хуан Цин чжи гун ту»). XVIII в. Место хранения: Восточный отдел Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ, шифр Хл. 348.

империи привело к уверенности в том, что Китай не может получить ничего ценного извне, и оттуда может прийти только «хаос». Возникло стремление к изоляции от «заморских варваров», что привело к «закрытию» страны от внешнего мира.

В 1757 году была запрещена иностранная торговля во всех портах, кроме Гуанчжоу, но даже там европейцам не было позволено селиться в пределах городской черты. Им не разрешалось изучать китайский язык, а китайцев, обучающихся «заморских варваров», могли даже казнить. Китайским купцам было запрещено строить большие корабли, плавать на иностранных судах, общаться с «заморскими варварами» и изучать их языки. Вся торговля с иностранцами сосредоточилась в руках торговой корпорации «гунхан», находившейся под контролем властей.

Однако, даже при этих ограничениях кантонская торговля продолжалась, и в Гуанчжоу сложился особый рынок, обеспечивавший европейцев именно тем, что их интересовало в Китае и что они чаще всего заказывали. Например, часть фарфора, приобретаемого европейскими покупателями, изготавливалась в расчете на их вкусы.

В конце правления императора Цяньлуна в Китай прибыло первое официальное британское посольство во главе с лордом Джорджем Макарт-

ни. Эта миссия была сформирована и отправлена в Китай на средства британской Ост-Индской компании, но при этом представляла интересы английского правительства. Макартни было предписано добиться создания в Пекине официального британского представительства, открытия новых портов и ликвидации неудобной для иностранной торговли монополии корпорации «гунхан».

Посольство пробыло в Китае два года (1792-1794), но не добилось никаких существенных перемен в англо-китайских отношениях. Макартни был принят как посланник далекого «варварского» государства, пожелавшего стать «данником» Сына Неба, а присланные из Лондона подарки были восприняты как поднесение дани. К тому же лорд Макартни отказался выполнить обязательную церемонию коутоу и ни с чем возвратился на родину.

Отвечая на письмо английского короля Георга III, император Цяньлун высокомерно пообещал ему «свое покровительство»: «Ты, король, склоняя свое сердце к нашей цивилизации и стремясь воспринять наше влияние, направил своего посла через море, чтобы почтительно передать нам твоё послание. Я принял к сведению твой уважительный жест подчинения и с особой милостью отнесся к вашей миссии, одарив ее членов подарками. Помимо этого документа я посылаю ценные подарки и тебе, король. Таким образом, я проявляю свою снисходительность». На предложения о расширении торговых связей Цяньлун в самой резкой форме ответил отказом, подчеркнув, что английские купцы обязаны строго следовать закреплённому регламенту: «Иначе ваши торговцы-варвары впустую совершат долгое путешествие. Не говорите, что вас вовремя не предупредили! С трепетом повинуйтесь и не выказывайте небрежения!» [30].

В 1794-1795 гг. Пекин посетил посольство голландской Ост-Индской компании во главе с Исааком Титсингом [31, 477-478], представлявшим также интересы правительства Нидерландов. В состав делегации входили Андреас Эверардус ван Браам Хукгест и Кристиан Луи Жозеф де Гинь, чьи отчеты об этом посольстве китайскому двору были опубликованы в США и Европе [32]. Титсинг и сопровождавшие его лица были встречены в Пекине с почестями и приняты в Запретном городе, а затем во дворце Юаньминъюань. В отличие от Макартни, Титсинг приложил все усилия, чтобы соответствовать требованиям цинского дипломатического этикета, включая поклоны императору, однако каких-либо значимых результатов он не добился. Император Цяньлун посчитал, что расширение контактов с Западом для Китая бессмысленно.

### **Русско-китайские отношения**

Россия в то время была единственной европейской страной, которая установила договорные отношения с Цинской империей. Еще во времена императора Канси между двумя государ-

ствами был заключен Нерчинский договор (1689 г.). В 1727 г. был подписан российско-китайский Кяхтинский договор, который в значительной мере смягчил сложности, имевшие место в дипломатическом этикете и переписке. После его подписания русско-китайские отношения вступили в стадию устойчивого равновесия. Благодаря этому получили новый импульс торговые связи, и сложилась достаточно эффективная кяхтинская система торговли. В Пекине действовала Российская Духовная миссия, которая помимо религиозных задач выполняла определенные дипломатические функции.

Близость России стала существенным фактором, который пришлось учитывать императору Цяньлуну во время военных кампаний в Джунгарии и Кашгарии, поскольку соприкосновение двух держав в Центральной Азии могло нарушить геополитическую ситуацию в данном регионе. При этом в указе императора Цяньлуна членам Военного совета (Цзюньцзичу) было сказано, что «Россия тоже может поддерживать мир и согласие» с Цинской империей [19, цз.555].

Российское правительство стремилось не вмешиваться во взаимоотношения империи Цин с Джунгарским ханством, но когда в результате военных действий на российскую территорию хлынул поток ойратских беженцев, они были пропущены. Позднее цинский двор получил сведения о контактах мятежного Амурсаны с русскими властями [22, с.71].

Стремясь создать противовес русской политике в Центральной Азии, император Цяньлун рассчитывал упрочить позиции цинского Китая в казахских жузах, но безуспешно.

После завершения завоевания Джунгарии и Кашгарии Цинская империя оказалась более не заинтересованной в привлечении России на свою сторону в качестве союзника. С этого времени посольства, аналогичные тем, что направлялись в российскую столицу в 1730 и 1732 гг. в период активной борьбы с джунгарами, больше не посылались. Мелкие инциденты, связанные с незначительными нарушениями пограничного режима или правил ведения торговли, стали приводить к затяжной конфронтации, а все попытки российского правительства решать спорные вопросы путем переговоров, наталкивались на противодействие цинских чиновников.

Прибывшему 29 августа 1757 г. в Пекин для переговоров дипломатическому курьеру В.Ф.Братищеву чиновниками Лифаньюаня был оказан очень холодный прием. Император Цяньлун, прежде не видевший русских, поначалу хотел дать аудиенцию российскому посланнику, однако в дальнейшем изменил свои намерения. Русскому дипломату был передан отрицательный ответ на большинство поставленных вопросов, в том числе относительно возможности плавания русских судов по Амуру. Ему удалось лишь добиться возобновления кяхтинской торговли, прерванной на-

кануне цинскими властями [33, с.349-363].

В то же время российское правительство стремилось восстановить нормальные отношения. Екатерина II 28 августа 1762 г., практически сразу после вступления на престол, присутствовала на заседании Коллегии иностранных дел и, ознакомившись с записками по китайскому вопросу, подтвердила решение об отправке в Китай лейб-гвардии капитан-поручика И.И.Кропотова, принятое еще Петром III. Императрица приказала Кропотову объявить цинским сановникам, «что Ея Императорское Величество при вступлении на всероссийский престол склонна быть изволит к китайскому богдыхану отправить знатное посольство... как с объявлением об оном своем на престол восшествии, так и для разобранья обоюдных пограничных распрей и утверждения соседственной дружбы и согласия, напротив чего надеются изволит, что и от богдыхана равномерное посланство сюда прислано будет» [33, с.260].

Однако поездка И.И.Кропотова в Пекин не привела к разрядке напряженности в отношениях двух империй. В своем послании Екатерине II император Цяньлун отверг предложение о взаимном обмене посольствами.

В 1765 г., когда обострилась ситуация на южных и юго-западных границах Цинской империи, император Цяньлун повелел Лифаньюаню направить в российский Сенат письмо с предложениями об урегулировании спорных вопросов. Для переговоров в Пекин в 1767 г. был вновь направлен И.И.Кропотов, к этому времени уже имевший чин полковника.

18 октября 1768 г. в Кяхте состоялось подписание дополнительной статьи к Кяхтинскому договору 1727 года, которая регулировала режим русско-китайской границы. Это «Прибавление к Кяхтинскому трактату», заменявшее его 10-ю статью [31, с.266], было подписано представителями обеих сторон на русском, маньчжурском и монгольском языках и скреплено печатями. В новой версии 10-й статьи досконально разбирался вопрос о перебежчиках и беглых преступниках и указывались допустимые формы их наказания: «Со дня сего нынешнего договора обеим сторонам иметь в страхе своих подданных, и отнюдь не допускать их до своевольства и всяких шалостей... Ради сего ныне тому, как воров и плутов сыскивать, как следы здавать и как наказывать тех, кои за границу переходить будут, ясно написан здесь закон следующей» [34, с.23]. При этом

каждая сторона сохраняла право наказания преступников, исходя из своих норм: «Всяких преступников наказывать каждой стороне по своему обыкновению, человека Срединного государства плетью, а Российскаго палкою» [34, с.24].

8 февраля 1792 г. уполномоченные двух государств заключили так называемый «Международный акт», подписанный, как и предыдущее соглашение, на русском, маньчжурском и монгольском языках. Он подтверждал действие прежних договоров, а также регулировал кяхтинскую приграничную торговлю. Этот документ оказался прочнее предыдущих и не нарушался обеими сторонами в последующие годы. При этом китайские сановники добились включения в текст акта формулировок, которые, по их мнению, должны были возвеличить фигуру императора Цяньлуна: «Великий государь ниспослал милостивый указ о открытии торга в Кяхте», «Великий святейший государь соизволил рассмотреть прошение российского Сената», «оказал небесную милость» и т.д. [34, 24-26].

### Заключение

Внешняя политика императора Цяньлуна и его военные акции не только изменили конфигурацию международных отношений в Восточной и Центральной Азии, но и повлияли на общую геополитическую ситуацию в данном регионе. Цинская империя упрочила свое доминирование в этой части Евразии и попыталась включить в орбиту «китайского миропорядка» как можно большее число стран и народов. Государство расширилось и укрепилось. Однако в то же время внутри Китая назревали симптомы глубокого социально-экономического кризиса, что было чревато серьезными последствиями, особенно в условиях нарастающей экспансии западных держав, которую император Цяньлун и его окружение не принимали в расчет. Считая свою страну великой и самодостаточной, они позволяли себе не замечать существование государств, находившихся вне поля реальной политической активности Цинской империи. Правящая элита не понимала, что ситуация в мире коренным образом изменилась, а традиционное отношение к другим народам как к «варварам» и недостаток внешнеполитической информации не давали возможность объективно оценить реальное соотношение сил на мировой арене. Китай, как и вся Азия, постепенно втягивался в эпоху глобальных исторических перемен.

### Примечания

<sup>1</sup> Императоры из династий Мин и Цин вошли в историю не под личными, храмовыми или посмертными именами, а под своими девизами правления с прибавлением слова «император», так как в Китае действовало табу в отношении личного имени монарха и при его жизни оно не упоминалось. Таким образом, девиз правления был во многом аналогичен «тронному имени». Вместе с тем девиз правления всегда использовался для летоисчисления: первый год эры (эпохи) Цяньлун (в переводе: «Непоколебимое и славное» правление), название которой совпадает с названием девиза, отсчитывается с момента воцарения этого императора. Личное имя императора Цяньлуна – Хунли (弘历), Храмовое имя – Гао-цзун (高宗).

<sup>2</sup> Одна из таких стел в ознаменование «Десяти свершений» императора Цяньлуна сохранилась до наших дней около южных ворот дворца Потала в Лхасе (Тибетский автономный район КНР). Иероглифы были написаны самим императором Цяньлуном. Над стелой в целях сохранности был сооружен специальный павильон с крышей



из глазурованной черепицы. В 1965 г. стела и павильон были перенесены в парк Лунвантань. В 1990 г. возвращены на прежнее место к южным воротам дворца Потала. URL: [http://www.tibetol.cn/html/2013/bk\\_0307/146.html](http://www.tibetol.cn/html/2013/bk_0307/146.html) (Дата обращения 11.11.2020).

<sup>3</sup> Хунтайджи (монг.; кит.: 浑台吉 - «хуньтайцзи») - титул некоторых монгольских правителей, восходит к китайскому титулу «хуан тайцзы» (皇太子- «наследный принц»), его появление связывают с именем Хубилай-хана. Титул «хунтайджи» носили потомки Чингисхана, владевшие территориальными доменами. В середине XVII в. этот титул был пожалован Далай-ламой V одному из правителей Джунгарского ханства, хотя он и не был чингисидом, и в дальнейшем закрепился за правителями Джунгарии.

<sup>4</sup> Ходжа - человек, ведущий свое происхождение от первых миссионеров ислама. В Центральной Азии - титул потомков известного среднеазиатского суфийского учителя, шейха и крупного теоретика учения Накшбанди Ахмада Касани (1461–1542). Ходжи часто назначались на важные административные должности.

<sup>5</sup> Малая Бухария – прежнее название Восточного Туркестана.

<sup>6</sup> Дурранийская империя - пуштунское государство, включавшее в себя территорию современных Афганистана, Пакистана, северо-восток Ирана и северо-западную часть Индии. Основана в 1747 г. афганским полководцем Ахмад-шахом Дуррани, за что пуштуны Афганистана и сейчас называют его Ваба («отец»).

## Литература и источники

1. Turchin P., Adams J., Hall T. East-West Orientation of Historical Empires // Journal of World-Systems Research, 2006, no12(2), pp. 219-229.
2. 周源和. 清代人口研究 // 中国社会科学. 1982年. 2期. 161-188页. [Чжоу Юаньхэ. Исследование народонаселения в эпоху Цин // Чжунго шэхуй кэсюэ. 1982. № 2. С.161-188].
3. Карпов С.П. Историческая наука на современном этапе: состояние и перспективы развития // Новая и новейшая история. 2009. № 5. С.17-26.
4. Чжоу Гучэн. Всемирная история без принципа всемирности // Историческая наука в КНР. М.: Наука, 1971. С.256-260.
5. Axworthy M. The Sword of Persia: Nader Shah, from Tribal Warrior to Conquering Tyrant. London/New York: I.B.Tauris, 2006. – 348 pp.
6. The Chinese World Order: Traditional China's Foreign Relations / Ed. by J.K.Fairbank. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1968. - 416 pp.
7. The Modernization of China / Ed. by G.Rozman. New York – London: The Free Press, 1981. – 551 p.
8. Самойлов Н.А. Эволюция представлений о китайском миропорядке и даннической системе в эпоху Цин // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: К 150-летию академика В.В.Бартольда (1869-1930). 19-21 июня 2019 г.: Материалы конгресса. СПб.: Изд-во Студия «НП-Принт», 2019. Т.2. С.116-117.
9. Самойлов Н.А., Маяцкий Д.И. Китайский историко-этнографический памятник «Изображения данников правящей династии Цин»: предыстория создания и социокультурное значение // Научный диалог. 2019. № 9. С. 437-455.
10. 庄吉发. 清高宗十全武功研究. 北京: 中华书局, 1987. 644页. [Чжуан Цзифа. Изучение десяти военных подвигов цинского императора Гао-цзуна. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1987. – 644 с.]
11. Kahn H. Monarchy in the Emperor's Eyes: Image and Reality in the Ch'ien-lung Reign. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1971. – 314 pp.
12. Ходжаев А.Х. Джунгаро-цинский договор 1740 г. // Новое в изучении Китая: история и историография. М.: Наука, 1988. С.59-66.
13. Perdue P., China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge (Mass): Harvard University Press, 2009. – 747 pp.
14. Кузнецов В.С. Джунгарское ханство в 1745-1755 гг. // Н.Я.Бичурин и его вклад в русское востоковедение (К 200-летию со дня рождения). Т.2. М.: Наука, 1977. С.95-110.
15. 何秋涛. 朔方备乘. 北京, 1881. – 80 卷. [Хэ Цютао. Полное описание северных территорий. Пекин, 1881. – 68 цз.]
16. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. М.: Наука, 1983. - 335 с.
17. Кузнецов В.С. К истории завоевания империей Цин Восточного Туркестана (50-е гг. XVIII в.) // Десятая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Т.2. М.: Наука, 1979. С.7-14.
18. Китай и соседи в новое и новейшее время / С.Л.Тихвинский (ред.). М.: Наука, 1982. - 455 с.
19. 大清高宗纯皇帝实录 [Хроника правления совершенного императора великой династии Цин Гао-цзуна] – 1503 цз. // URL: <https://www.mingqingxiaoshuo.com/lshiyanyi/daqinggaozongchunhuangdishilu/> (Дата обращения 11.11.2020).
20. Валиханов Ч.Ч. Аблай // Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова / Под ред. Н.И.Веселовского. СПб., 1904. С.1-7.
21. Хафизова К.Ш. Казахская стратегия Цинской империи. Алматы: Издательский дом «Таймас», 2007. – 104 с.
22. Кузнецов В.С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1983. – 126 с.
23. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675-1821 гг. Сборник исторических документов 2-х т. Т. I: Письма казахских правителей. 1675-1780 гг. / Под ред. И.В. Ерофеевой. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2014 – 696 с.
24. Хафизова К.Ш. К характеристике политики Цинского Китая в отношении казахов (вторая половина XVIII в.) // Пятая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Т.2. М.: Наука, 1974. С.193-198.
25. Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках. (Сборник документов и материалов). Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1961. – 741 с.
26. Кузнецов В.С. Из истории взаимоотношений цинского Китая с Кокандским ханством // Третья научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Т.1. М.: Наука, 1972. С.141-149.
27. Бирма и Китай. М.: Наука, 1982. – 197 с.
28. Мурашова Г.Ф. Вьетнамо-китайские отношения XVIII-XIX вв. М.: Наука, 1973. – 159 с.
29. Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII-XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М.: Наука, 1978. – 283 с.
30. Qianlong's Letter to George III – URL: <https://rhs.rocklinusd.org/subsites/AP-World-History/documents/1450-1750/Qianlong.pdf> (Дата обращения 11.11.2020).
31. 近代来华外国人名辞典. 北京: 中国社会科学出版社, 1981 – 643 页. [Словарь имен иностранцев, приезжавших в Китай в Новое время. Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ, 1981. – 643 с.]
32. van Braam Houckgeest, A.E. An authentic account of the embassy of the Dutch East-India company, to the court of the emperor of China, in the years 1974 and 1795, Vol. I. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2011. – 352 pp.
33. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы. Т.6. М.: Памятники исторической мысли, 2011. – 429 с.
34. Русско-китайские отношения. 1689-1916. Официальные документы. М.: Издательство восточной литературы, 1958. – 140 с.

## References

1. Turchin P., Adams J., Hall T. East-West Orientation of Historical Empires. *Journal of World-Systems Research*, 2006, no12(2), pp. 219-229.
2. Zhou Yuanhe. Qingdai renkou yanjiu [Study on the Qing Period Population]. *Zhongguo shehui kexue [Chinese Social Sciences]*, 1982, no 2, pp.161-188.
3. Karpov S.P. Istoricheskaya nauka na sovremennom etape: sostoyanie i perspektivy razvitiya [Historical science at the present stage: state and development prospects]. *Novaya i noveishaya istoriya [Modern and Contemporary History]*, 2009, no 5, pp.17-26.
4. Zhou Gucheng. Vsemirnaya istoriya bez printsipa vsemirnosti [World history without the principle of universality]. *Istoricheskaya nauka v KNR [Historical science in the PRC]*. Moscow, Nauka, 1971, pp.256-260.
5. Axworthy M. *The Sword of Persia: Nader Shah, from Tribal Warrior to Conquering Tyrant*. London/New York, I.B.Tauris, 2006. 348 p.
6. *The Chinese World Order: Traditional China's Foreign Relations*. Ed. by J.K.Fairbank. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1968, 416 p.
7. *The Modernization of China*. Ed. by G.Rozman. New York – London, The Free Press, 1981, 551 p.
8. Samoylov N.A. The evolution of ideas about the Chinese world order and the tributary system in the Qing era. *XXX International Congress on Source Study and Historiography of Asia and Africa: on the Occasion of the 150th Anniversary of Academician V. V. Barthold (1869–1930)*. St. Petersburg, 2019, pp. 116–117. (in Russian).
9. Samoylov N. A., Mayatskiy D. I. Chinese Historical and Ethnographic Monument “Images of Tributaries of the Ruling Qing Dynasty”: the Background to the Creation and Socio-Cultural Significance. *Nauchnyi dialog*, 2019, no 9, pp. 437-455. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-437-455. (In Russian).
10. Zhuang Jifa. *Qing Gaozong shi quan wugong yanjiu (Ten Great Campaigns of the Qing Gao-zong)*. Beijing, Zhonghua shuju, 1987, 644 p.
11. Kahn H. *Monarchy in the Emperor's Eyes: Image and Reality in the Ch`ien-lung Reign*. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1971, 314 p.
12. Khodzhaev A.Kh. Dzhungaro-tsinskii dogovor 1740 g. [Dzungar-Qing Treaty of 1740] // *Novoe v izuchenii Kitaya: istoriya i istoriografiya [New in the study of China: history and historiography]*. Moscow, Nauka, 1988, pp.59-66.
13. Perdue P., *China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia*. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 2009, 747 p.
14. Kuznetsov V.S. Dzhungarskoe khanstvo v 1745-1755 gg. [Dzungar Khanate in 1745-1755]. *N.Ya.Bichurin i ego vklad v russkoe vostokovedenie (K 200-letiyu so dnya rozhdeniya) [N.Ya.Bichurin and his contribution to Russian oriental studies (to the 200th anniversary of his birth)]*. Vol.2. Moscow, Nauka, 1977, pp.95-110.
15. He Qiutao. *Shuo fang bei cheng [Complete Description of the Northern Territories]*. Beijing, 1881, 68 juan.
16. Zlatkin I.Ya. *Istoriya Dzhungarskogo khanstva [History of Dzungar Khanate]*. M., Nauka, 1983, 335 p.
17. Kuznetsov V.S. K istorii zavoevaniya imperiei Tsin Vostochnogo Turkestana [The history of Conquest of Eastern Turkestan by the Qing Empire (1750s)]. *Desyataya nauchnaya konferentsiya «Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae». Tezisy i doklady [10th scientific conference "Society and State in China". Abstracts and papers]*. Vol.2. Moscow, Nauka, 1979, pp. 7-14.
18. *Kitai i sosedi v novoe i noveishee vremya [China and Neighbors in Modern and Contemporary Period]*. Ed. by S.L.Tikhvinskii. Moscow, Nauka, 1982, 455 p.
19. *Da Qing Gaozong Chunhuandi shilu [Veritable records of the Qing Gaozong Emperor]*. 1503 juan, // URL: <https://www.mingqingxiaoshuo.com/lishiyanyi/daqinggaozongchunhuangdishilu/> (Accessed 11.11.2020).
20. Valikhanov Ch.Ch. Ablai [Ablai Khan]. *Sochineniya Chokana Chingisovicha Valikhanova [Works of Chokan Chingisovich Valikhanov]*. Ed. by Veselovsky SPb., 1904, pp.1-7.
21. Khafizova K.Sh. *Kazakhskaya strategiya Tsinskoi imperii [Kazakh Strategy of the Qing Empire.]*. Almaty, «Taimas» Publ., 2007, 104 p.
22. Kuznetsov V.S. *Tsinskaya imperiya na rubezhakh Tsentral'noi Azii [The Qing Empire on the Borders of Central Asia.]*. Novosibirsk, Nauka, 1983, 126 p.
23. *Epistol'yarnoe nasledie kazakhskoi pravyyashchei elity 1675-1821 gg. Sbornik istoricheskikh dokumentov 2-kh t. T. I: Pis'ma kazakhskikh pravitelei. 1675-1780 gg. [Epistolary Heritage of the Kazakh Ruling Elite in 1675-1821. In 2 volumes. Vol.1: Letters of Kazakh Rulers. 1675-1780]* Ed. by I.V.Erofeeva, Almaty: ABDI Company, 2014, 696 p.
24. Khafizova K.Sh. K kharakteristike politiki Tsinskogo Kitaya v otnoshenii kazakhov (vtoraya polovina XVIII v.) [Characteristic of the Policy of Qing China over the Kazakhs (the 2d half of the 18th century)]. *Pyataya nauchnaya konferentsiya «Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae». Tezisy i doklady [5th scientific conference "Society and State in China". Abstracts and papers]*. Vol.2. Moscow, Nauka, 1974, pp.193-198.
25. *Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVI-XVIII vekakh. (Sbornik dokumentov i materialov) [Kazakh-Russian Relations in the 16-18th centuries. (Collected documents and materials)]*. Alma-Ata, Izd-vo AN Kazakhskoi SSR [Publishing house of the Academy of Sciences of Kazakh SSR 1961, 741 p.
26. Kuznetsov V.S. Iz istorii vzaimootnoshenii tsinskogo Kitaya s Kokandskim khanstvom [From the History of Relations between Qing China and the Kokand Khanate]. *Tret'ya nauchnaya konferentsiya «Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae». Tezisy i doklady. [3d Scientific Conference "Society and State in China". Abstracts and Papers]*. Vol.1. M., Nauka, 1972, pp.141-149.
27. *Birma i Kitai [Burma and China]*. Moscow, Nauka, 1982, 197 p.
28. Murashova G.F. *Vietnamo-kitaiskie otnosheniya XVIII-XIX vv. [Vietnam-China Relations in the 18th-19th centuries]* Moscow, Nauka, 1973, 159 p.
29. Martynov A.S. *Status Tibeta v XVII-XVIII vekakh v traditsionnoi kitaiskoi sisteme politicheskikh predstavlenii [The Status of Tibet in the 17th-18th centuries in the Traditional Chinese System of Political Ideas]*. Moscow, Nauka, 1978, 283 p.
30. *Qianlong's Letter to George III*. URL: <https://rhs.rocklinusd.org/subsites/AP-World-History/documents/1450-1750/Qianlong.pdf> (Accessed 11.11.2020).
31. *Jindai lai Hua waugou renming cidian [Dictionary of the Names of Foreigners Coming to China in Modern Times]*. Beijing, Zhongguo shehui kexue chubanshe, 1981, 643 p.
32. van Braam Houckgeest, A.E. *An authentic account of the embassy of the Dutch East-India company, to the court of the emperor of China, in the years 1774 and 1795*. Vol. I. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 2011, 352 p.
33. *Russko-kitaiskie otnosheniya v XVIII veke. Dokumenty i materialy [Russian-Chinese Relations in the 19th century. Documents and materials]*. Vol.6. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli [Monuments of historical thought Publ.], 2011, 429 p.
34. *Russko-kitaiskie otnosheniya. 1689-1916. Ofitsial'nye dokumenty [Russian-Chinese Relations. 1689-1916. Official documents]*. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoi literatury [Oriental Literature Publishing House], 1958, 140 p.

**УДК 94 (624)**

Дата поступления (Submitted) 01.12.2020

Дата принятия к печати (Accepted) 10.12.2020

**DANIIL ANDREEVICH ALFEROV**

Postgraduate  
Faculty of Asian and African studies, St.  
Petersburg University.  
199034, Russian Federation, St. Petersburg  
Universitetskaya Emb., 7/9.  
E-mail: alferov\_d@list.ru

## The central district of Khartoum during the Anglo-Egyptian condominium period (1898-1956)

The article deals the history of the development of Khartoum - one of the largest cities in Africa and the capital of the Republic of Sudan, in the first half of the XX century. Until now, this topic has not received adequate coverage in domestic literature so far. From the moment the Anglo-Egyptian condominium was established and until the independence of Sudan, Khartoum expanded intensively and by the middle of the 20th century has developed into a major administrative center, which became an example of a European city located in the heart of Africa. At the early stages of the construction of the capital, the design of which took into account the most modern solutions in urban planning, used in the second half of the XX century in the largest cities of Europe and the USA, the specific features of Khartoum were laid, which can be traced up to this day. One of them is the division of the city according to ethnic and confessional along one of the main streets. The eastern part of the city was inhabited by British officers and officials, as well as other Europeans. In addition, it housed private educational institutions and medical centers. In the western part of the city, Islamic and Coptic religious institutions were concentrated, and the area itself was inhabited by immigrants from the Middle East.

**Keywords:** Sudan, Khartoum, Kitchener, Gordon, site plan

**ДАНИИЛ АНДРЕЕВИЧ АЛФЕРОВ**

Аспирант  
Восточный факультет, Санкт-Петербургский  
государственный университет  
199034, Россия, г. Санкт-Петербург,  
Университетская набережная, д. 7–9  
E-mail: alferov\_d@list.ru

Статья посвящена истории развития Хартума – одного из крупнейших городов Африки и столицы государства Республики Судан, в первой половине XX в. До сих пор эта тема не получила достаточного освещения в отечественной науке. С момента установления англо-египетского кондоминиума и вплоть до обретения Суданом независимости Хартум интенсивно расширялся и к середине XX в. превратился в крупный административный центр, ставший образцом европейского города, расположенного в сердце Африки. Уже на ранних этапах застройки новой столицы, при проектировании которой учитывались наиболее современные решения в городском планировании, применявшиеся во второй половине XX в. в крупнейших городах Европы и США, были заложены специфические черты Хартума, которые прослеживаются в нём до сих пор. Одной из них можно назвать разделение города по этно-конфессиональному признаку вдоль одной из главных улиц. В восточной части города проживали британские офицеры и чиновники, а также другие европейцы. Кроме того, в ней располагались частные учебные заведения и медицинские центры. В западной части города были сконцентрированы исламские и коптские религиозные учреждения, а сам район был населён выходцами из стран Ближнего Востока.

**Ключевые слова:** Судан, Хартум, Китченер, Гордон, генеральный план

## Центральный район Хартума в период англо-египетского кондоминиума (1898-1956 гг.)

Принято считать, что современный Хартум был основан в 1821 г. Однако, в истории столицы Судана был период, когда город, фактически, перестал существовать. Европей-

ские исследователи XX в. используют в своих работах чёткое разделение на «первый» и «второй» Хартум. Это связано с тем, что «первый» город, основанный на раннем этапе египетско-турец-

кого завоевания Судана, просуществовал лишь до 1885 г., когда войска под предводительством Махди захватили его. После этого Хартум потерял статус административного центра, со временем опустел и превратился в руины, став источником строительных материалов для новой столицы махдистского государства – Омдурмана, которая располагалась на противоположном берегу Нила на месте нескольких мелких деревень.

История «второго» Хартума берет своё начало спустя тринадцать лет с момента захвата «первого». В 1896 г. англо-египетские войска под командованием Герберта Китчинера<sup>1</sup> начали наступление на махдистское государство и в первой половине 1898 г. уже вплотную подошли к месту слияния двух Нилов, на котором располагались и старая столица Судана и новая столица махдистов. Как отмечал М. Дали, в работе «Empire on the Nile»: «Важной символической задачей англо-египетской кампании было возвращение Хартума. И, судя по всему, вопрос о том, что Хартум станет столицей завоевателей был решён: священные ассоциации придавали руинам города легитимность, которой Омдурман не мог соответствовать» [1, с. 25]. 2 сентября 1898 г. между англо-египетским экспедиционным корпусом, находившемся под командованием Г. Китчинера, и силами махдистского государства под командованием халифа Абдаллаха ибн Саида Мухаммада произошло генеральное сражение, которое получило название «Битва при Омдурмане». В ходе него англо-египетские силы одержали верх над значительно превосходящими силами противника. Как отмечал личный биограф Г. Китчинера: «Уже 21 ноября, пока Китчинер отмечал победу в Лондоне, он в частном порядке распорядился начать восстановление города, в первую очередь дворца» [1, с. 25]. Эту дату можно считать днём рождения «второго» Хартума, который до сих пор является столицей одного из крупнейших государств африканского континента.

Несмотря на то, что «второй» Хартум стоит на месте «первого», его мало что связывает со своим предшественником. Тем не менее, в развитии новой столицы можно проследить некоторые закономерности, которые были свойственны и старому городу. В обоих Хартумах одной из ключевых доминант был дворец, который сегодня носит название Президентский дворец. Именно о нём говорил Герберт Китчинер в распоряжении о начале восстановления столицы. Дворец стал отправной точкой в процессе планирования и возведения нового Хартума. Это было связано с несколькими причинами: во-первых, дворец был удачно расположен на берегу Голубого Нила и находился на достаточном удалении от места слияния двух рек, которое было подвержено сезонным наводнениям, что позволило спроектировать город относительно двух осей, о которых речь пойдёт далее; во-вторых, дворец можно было назвать сакральным местом, поскольку в нём был убит Чарльз

Гордон<sup>2</sup>; в третьих, на протяжении нескольких десятилетий, ещё до разрушения, дворец являлся главным символом власти не только в столице, но и на подконтрольных территориях.

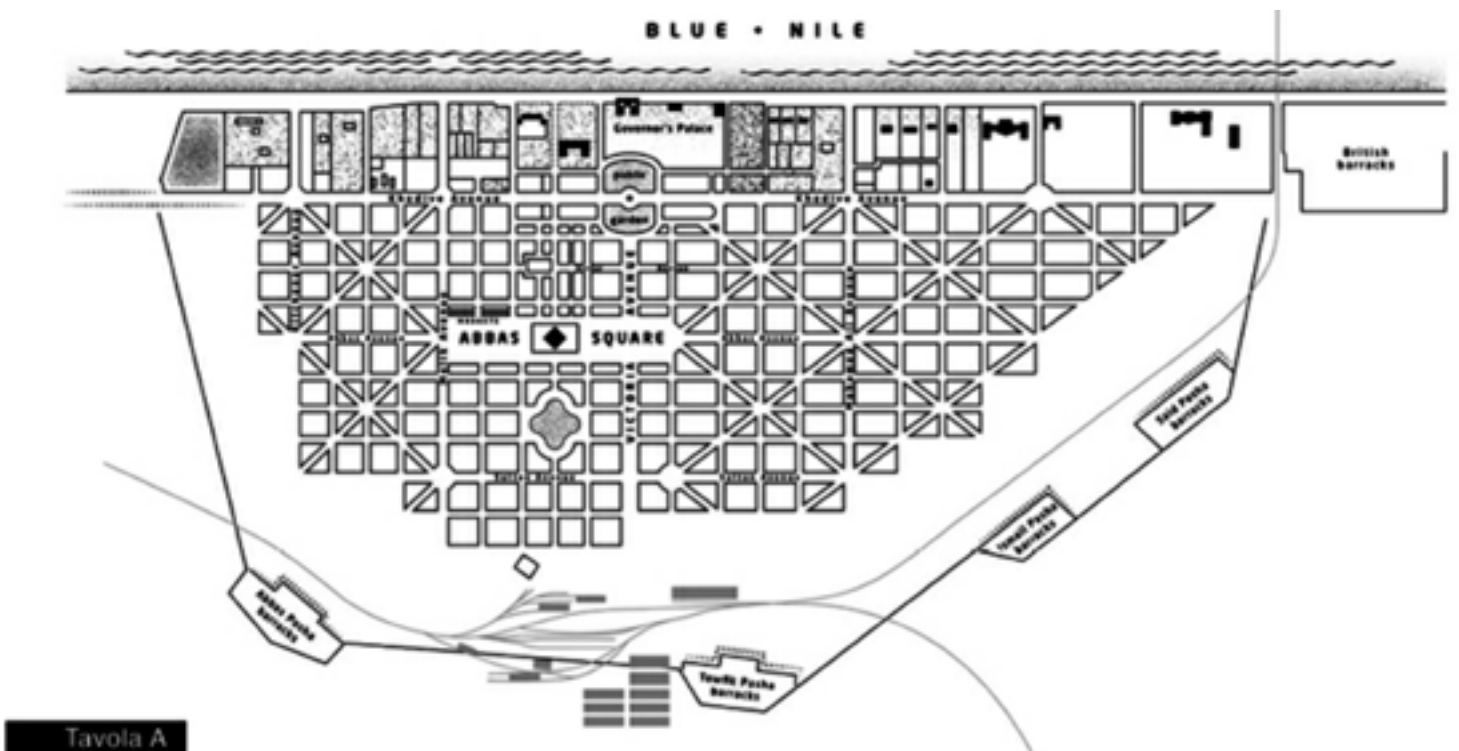
В отличие от «первого» Хартума, который, как и большинство городов Африки, расширялся и рос хаотично, «второй» Хартум изначально возводился согласно городскому плану, который был спроектирован с учётом богатого опыта, полученного в течение XIX в. в ходе строительства городов как в странах запада, так и в британских колониях. Как уже отмечалось ранее, город построен относительно двух осей, пересекающихся в форме буквы «Т», которые, по совместительству, стали главными улицами столицы. Первая – Хедив авеню, которая позднее была переименована в улицу Гордона<sup>3</sup> и после 1956 г. получила название аль-Джамиа (в переводе с арабского – университет). Она проходила с запада на восток параллельно Голубому Нилу и являлась линией раздела между административной частью города, расположившейся вдоль берега реки и объединившей дворец, гостиницу, университет, различные административные здания, и другими районами столицы. На начальном этапе строительства Хартума на западе обрывалась на границе земель, подверженных сезонным наводнениям, а на востоке была ограничена британскими казармами. Вторая главная улица – Виктория авеню<sup>4</sup>, после обретения Суданом независимости получила название аль-Каср (в переводе с арабского – дворец). Она начиналась в сквере, напротив дворца, образуя Т-образный перекрёсток с Хедив авеню и уходила в южном направлении, пересекая площадь рядом с главной мечетью Джамиа аль-Кабир. Одной из наиболее примечательных особенностей раннего «второго» Хартума можно назвать его необычную для городов современников планировку. Предусматривалось строительство множества городских кварталов, разделённых перпендикулярными улицами, через которые проходили сквозные, пересекающиеся друг с другом, диагональные линии вокруг которых сформировались городские легенды. Наиболее примечательной из них является теория о том, что они были добавлены по распоряжению Г. Китчинера для того, чтобы план города напоминал британский флаг. Данная версия встречается в мемуарах Станхопа Роутона Симпсона, чиновника, занимавшегося в середине XX в. вопросами администрирования суданских городов. Он писал: «Город, который в период оккупации лежал в руинах, в 1898 г. был спроектирован заново в форме британского флага по распоряжению Китчинера» [2, с. 79]. Он так же отмечал, что эти диагональные линии «... обеспечивали хорошую зону обстрела для удачно расположенного пулемёта» [2, с. 79]. Если версия о военном назначении вполне может быть правдива, и об этом речь пойдёт ниже, то версия о британском флаге в большей степени напоминает городскую легенду, поскольку ди-

агональные линии широко использовались при проектировании европейских городов XVIII-XIX вв. Примером могут послужить крупнейшие города США – Нью-Йорк или Чикаго. Основное назначение таких улиц – упрощение доступа с окраин города к его центру и наоборот. В целом наличие таких улиц скорее говорит о том, что ещё на самых ранних этап проектирования и строительства новой столицы ей пророчили статус одного из крупнейших мегаполисов Африки. Тем не менее, уже в первой четверти XX в. большая часть диагональных линий оказалась застроена. Причин для этого могло быть несколько, однако, одной из наиболее вероятных можно считать резкий рост нагрузки на инфраструктуру, связанных с высокими темпами внутренней миграции местного населения ближе к новой столице. На сегодняшний день в Хартуме сохранилось всего несколько диагональных линий, которые вместе пересечения образуют одну из достопримечательностей города – перекрёсток восьми дорог, расположенный, фактически в центре столицы.

Другой важной особенностью, определившей развитие Хартума в первой половине XX в. стала железная дорога. Она окружила город по периметру, отделив жилой массив от четырёх египетских казарм (Аббаса-паши, Тауфика-паши, Исмаила-паши и Саид-паши) и британской казармы на берегу Голубого Нила. Таким образом была определена граница столицы, а сам Хартум оказался буквально зажат на территории между железной

дорогой и Голубым Нилом. На южном окончании Виктория авеню был построен центральный железнодорожный вокзал, который гармонично дополнил ансамбль улицы, которая, теперь, с обеих сторон венчалась главными зданиями города. [3, с. 133-146] Описание Хартума двадцатых годов XX в. сохранилось благодаря работе египетского автора Мухаммада Хасина Хейкаля. Он подробно описывал свои впечатления от увиденного в городе, в частности он пишет: «... моё удивление от картины, открывшейся мне в Харутме, которая не соответствовала тому, что я себе воображал – ширина улиц действительно превышает тридцать метров», «...однако по краям улицы много пыли...», «...и на улице есть электричество, которое освещает её ночью...». [5, с. 25-28]

Кроме транспортной функции железная дорога могла выполнять и военные. Так, например, существует версия, согласно которой диагональные улицы были спроектированы таким образом, чтобы город мог хорошо просматриваться с поездов: «С поездов можно было обыскать всю столицу целиком: не было ни скрытых углов, ни возможных укрытий. Безопасность опиралась на всевидящую силу, способную смотреть в разных направлениях и с разных углов. И основными объектами наблюдения был дворец и окружающие его здания, находящиеся на осях пересечения с железной дорогой...». [5, с. 45] Принимая во внимание, что планирование города проходило как раз в период второй англо-бурской войны 1899-1902 гг., в ходе



**Fig. 2. Plan of Khartoum, 1904. Modified with the addition of the railroad**  
(Source: Norberg-Schulz 1997)

которой британские войска, в том числе и под руководством самого Г. Китчинера, использовали бронепоезда для борьбы с отрядами партизан буров, можно предположить, что представленная выше версия имеет право на существование.

На этапе становления города закладывались основные направления его развития. Так, уже в 1899 г., пока план столицы ещё был в разработке, на земле велись активные работы. Один из подчинённых Г. Китчинера, ответственных за возведение города, отмечал: «в начале января уже 2.000 человек были заняты на производстве кирпичей и подготовке строительной площадки. В феврале были проложены основные дороги, заказано 7.000 деревьев для оформления авеню и начато строительство административных зданий». [1, с. 26] В это же время был заложен Хартумский университет имени Гордона. М. Дали отмечал, что решение о начале строительства образовательного учреждения было неожиданным, в срочном порядке из Омдурмана был доставлен подходящий для торжественной закладки камень. На торжественном мероприятии 5 января 1899 г., в присутствии генерального консула и британского представителя, было заложено здание университета. Концентрация на застройке будущего административного центра вдоль Хедив авеню, уже на ранних этапах развития города, определила асимметричность в его развитии. Так, например, в период расширения города в границах железной дороги, который проходил на этапах становления и складывания современного центра, восточная часть Хартума развивалась более интенсивно, чем западная. В первую очередь это связано с физико-географическими особенностями берегов двух Ниллов. Восточная часть, находившаяся выше по течению Голубого Нила, также была выше и относительно уровня моря. Поэтому большая часть ключевых зданий (британские казармы, университет и часть административных зданий) были построены здесь. Западная же часть города располагалась в непосредственной близости от заболоченного берега Белого Нила, который находился в низине и часто подвергался сезонным наводнениям. В связи с этим, она застраивалась позже, и менее интенсивно. Но, несмотря на заболоченность берегов Белого Нила, со временем там появился мост, связавший Хартум и Омдурман, а во второй половине XX в. на этих землях начали появляться современные высотные здания.

Хартум середины XX в. можно разделить по условным зонам, каждая из которых имеет собственные особенности, как по социальному составу населения, так и по уровню и классу жилья. Прежде всего речь пойдёт о центре города. Чётко определить его границы довольно сложно, поскольку в процессе развития его центр постепенно разрастался. В центральной части Хартума располагались офисные здания, представительства компаний, банки, гостиницы и разные центры по предоставлению различного рода услуг. Вдоль

береговой линии центра находились административные здания. Отдельного упоминания заслуживает главная площадь города, на которой находилась центральная мечеть и рынок. Отличительной чертой Хартума является чёткое разделение на «западный» и «восточный» рынки. В северной части площади находился рынок европейского образца, в котором располагались современные торговые площади, а лавками владели иностранцы – в основном европейцы, а также египтяне и сирийцы. На противоположной стороне площади располагался базар в восточном стиле, который напоминал «африканский» рынок. Примечательно, что в современном городе оба этих рынка слились в единое пространство, где доминирует восточный стиль. Северная часть рынка ориентирована на торговлю различными видами современной техники начиная от мобильных телефонов, фотоаппаратов, ноутбуков, компьютеров и заканчивая многообразием бытовой техники, в то время как в южной части представлен широкий ассортимент непродовольственных товаров в том числе местного производства – от книг до одежды до сувениров.

Вокруг центра располагалась промежуточная зона, в которой находились учебные и медицинские учреждения, развлекательные центры и жилые кварталы. Стоит отметить, что восточная часть этого района в основном была заселена европейцами и сирийцами, в то время как западная часть являлась местом расселения египтян и, в частности, коптов. Здесь, недалеко от берега Голубого Нила располагалась коптская церковь, а также центр коптской общины в Хартуме. В целом, можно подчеркнуть, что восточная часть промежуточной зоны была развита, в ней находилось наибольшее количество медицинских центров, которые как правило обслуживались греками и египтянами, а также клубов и кинотеатров. Что касается образования, то в восточной части были сконцентрированы местные частные школы, образовательные центры иностранных общин и христианских центров, на западе, в свою очередь, сосредоточены коптские образовательные центры. Также считается, что большая часть евреев проживала именно в западной части города.

По краям опоясанной железной дорогой города находились жилые кварталы. Как уже отмечалось ранее, престижность районов города в большей степени определялась высотой над уровнем моря. Это было связано с тем, что в первой половине XX в. в Хартуме не было специальных систем для отведения сточных и дождевых вод, поэтому в первую очередь застраивали территории на возвышенности, что обеспечивало отвод воды естественным способом. Поэтому западная часть города была заселена в основном выходцами из арабских стран, занимавшихся торговлей, а восточная часть столицы была отведена для возведения просторных вилл с садами, в которых проживали представители европейской элиты – семьи

британских офицеров и чиновников, преподаватели университета, в том числе и наиболее успешные представители греческой общины. [6, с. 33]

В целом в Хартуме XX в. была широко представлена греческая община. Она проживала на обширной территории вдоль улицы Абу-Тулайх, организовав в промежуточной зоне полноценную колонию с собственными медицинскими центрами, школами, церквями, магазинами и клубами, которые были сориентированы скорее на обслуживание интересов общины, а не целого города. Тем не менее, представители греческой общины принимали участие в строительстве нескольких важных объектов Хартума: военного министерства, здания Медицинской школы и моста через Голубой Нил. [7, с. 598] Есть свидетельства, согласно которым, в части Хартума, где проживали греки, дорожные указатели, помимо английского и арабского, также дублировались на греческом языке.

После окончания Второй мировой войны в Хартуме начался новый этап расширения города, который был обусловлен несколькими фактора-

ми. В военные годы резко вырос объем лёгкой промышленности, который в послевоенные годы продолжил показывать положительную динамику; в город хлынула волна внутренних мигрантов (по большей части из северных провинций), стремившихся найти постоянную работу в столице или бежавших от боевых действий, развернувшихся на юге страны в первые годы войны. В целом можно отметить, что Судан в послевоенные годы переживал экономический рост, который отразился на многих городах страны, связанных, в первую очередь с сельским хозяйством.

В течение первой половины XX в. темпы роста Хартума были настолько высокими, что уже к середине XX в. территории внутри «железного кольца» были уже полностью застроены, на западе по-прежнему оставались непригодные для застройки области, а на востоке, помимо британских военных сооружений, появился аэропорт, что физически заблокировало возможность развития города в этом направлении. Таким образом, оказалось, что столица могла расти лишь в южном направлении – через железную дорогу.

#### Примечания

<sup>1</sup> Горацио Герберт Китченер (24 июня 1850 — 5 июня 1916) — британский военный деятель, в 1895—1898 гг. годах руководил подавлением восстания махдистов, в 1898 г. был назначен на должность генерал-губернатора Судана.

<sup>2</sup> Чарльз Джордж Гордон (28 января 1833, Лондон — 26 января 1885, Хартум) — один из наиболее известных британских генералов XIX в, погибший во время осады Хартума махдистами.

<sup>3</sup> В честь Чарльза Гордона.

<sup>4</sup> В честь Виктории - королевы Соединённого королевства Великобритании и Ирландии.

#### Литература и источники

- Daly, M. W. *Empire on the Nile: The Anglo-Egyptian Sudan, 1898-1934* / M. W. Daly. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 560 p.
- Simpson, S.R. *Town planning and Development during the Condominium: Two Extracts from a Memoir // Modernization in the Sudan – 1985.* pp. 73-84
- Абу Салим, Мухаммад Ибрагим *Тарих аль-Хуртум (История Хартума)*. Бейрут: Дар аль-джил, 1971. – 216 с.
- Хейкаль, Мухаммад Хасин Ашрат айам фи ас-Судан (*Десять дней в Судане*). Хартум: ад-Дар ас-Суданийя лиль кутуб, 2013. – 159 с.
- D'Errico, M. *The Tropical Utopia Khartoum: British Colony 1898-1910* / M. D'Errico. – Crocetta del Montello: Terra Ferma Edizioni, 2015. – 128 p.
- Hamdan, G. *The Growth and Functional Structure of Khartoum // Geographical Review, Vol. 50.* – 1960. pp. 21-40
- Герасимов, И. В. *Греческие периодические издания в Судане в XX в. // Балканистика. Алтаистика. Общее языкознание. Нестор-История.* ред. Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), 2019. С. 593-603.

#### References

- Daly, M. W. *Empire on the Nile: The Anglo-Egyptian Sudan, 1898-1934* / M. W. Daly. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 560 p.
- Simpson, S.R. *Town planning and Development during the Condominium: Two Extracts from a Memoir // Modernization in the Sudan – 1985.* pp. 73-84.
- Abu Salim, Muhammad Ibragim *Tarih al'-Hurtum (Istorija Hartuma)*. Bejrut: Dar al'-dzhil, 1971. – 216 p.
- Hejkal', Muhammad Hasin Ashrat *ajam fi as-Sudan (Desjat' dnei v Sudane)*. Hartum: ad-Dar as-Sudaniya lil' kutub, 2013. – 159 p.
- D'Errico, M. *The Tropical Utopia Khartoum: British Colony 1898-1910* / M. D'Errico. – Crocetta del Montello: Terra Ferma Edizioni, – 2015. – 128 p.
- Hamdan, G. *The Growth and Functional Structure of Khartoum // Geographical Review, Vol. 50.* – 1960. pp. 21-40.
- Gerasimov, I. V. *Grecheskie periodicheskie izdaniya v Sudane v HH v. // Balkanistika. Altaistika. Obshee jazykoznanie. Nestor-Istorija.* red. Sankt-Peterburg: Muzej antropologii i jetnografii im. Petra Velikogo RAN (Kunstkamera), 2019. pp. 593-603.

**УДК 94 (41/99)**

Дата поступления (Submitted): 01.12.2020

Дата принятия к печати (Accepted): 09.12.2020

**NATALIA E. PUKHOVSKAYA***Candidate of History, Associate Professor,  
Southern Federal University, St. B. Sadovaya,  
Rostov-on-Don, 344082.**+7(863)218-40-05, E-mail: nepuhovskaya@sfedu.ru*

## The Treaty of Versailles as a new round of Franco-German contradictions

The article is devoted to a new stage of contradictions between France and Germany, generated by French national egotism, thirst for revenge and desire to violate the international law, in order to form a new system of coordinates in the international relations of the post-war period. The author uses a causal approach which allows to consider various intentions and negotiation techniques of the defeated Germany and the winning countries, especially France, whose position during the development of the Treaty of Versailles was fundamental. It also allows to determine the motives and the style of behavior, the potential of opportunities, the specifics of relationships, the range of hopes and expectations, as well as to focus on individual details and episodes that make it possible to understand the logic of the inevitable confrontation between two irreconcilable rivals. Considering behavioral strategies of some French politicians, the causal approach made it possible to reveal the degree of interaction between individual political priorities and generally accepted mental and psychological stereotypes of the French in relation to the Germans, who are distinguished by hatred, a desire to humiliate and discredit the enemy, dictated by the negative historical experience of the past.

The author makes an attempt not only to consider the significance and scale of the Treaty of Versailles in the fate of the two rival countries, but also to identify the mental and psycho-emotional specifics of the French and German nations, which under the influence of new historical and political realities will contribute to the formation of other national identities, value attitudes and stereotypes, thinking and behaviour.

**Keywords.** *The Treaty of Versailles, France, Germany, victors of the First World War, Georges Clemenceau, the French, Marshal Ferdinand Foch, Germans, Ulrich von Brockdorff-Rantzau, Paris, conference.*

**НАТАЛЬЯ ЕВГЕНЬЕВНА ПУХОВСКАЯ***кандидат исторических наук, доцент, кафедра зарубежной истории и международных отношений,  
Южный федеральный университет, Большая Садовая ул., 33, г. Ростов-на-Дону, 344082, Россия. E-mail:  
nepuhovskaya@sfedu.ru*

## Версальский мирный договор: новый виток франко-германских противоречий

Статья посвящена новому этапу противоречий между Францией и Германией, порожденного французским национальным эгоизмом, жадной возмездия и стремлением попраения норм международного права, с целью формирования новой системы координат в международных отношениях послевоенного периода. Автор использует казуальный подход в изучении данной научной проблематики, позволяющий рассмотреть детали разнообразных приемов и намерений побежденной Германии и стран-победительниц, особенно Франции, чья позиция в период разработки версальских договоренностей была основополагающей. А также определить мотивы и стиль поведения, потенциал возможностей, специфику взаимоотношений, спектр предполагаемых ожиданий и надежд, сконцентрировать внимание на отдельных деталях и эпизодах, позволивших понять логику неизбежной конфронтации двух непримиримых соперников. Рассматривая стратегии поведения некоторых французских политиков, казуальный подход позволил выявить степень взаимодействия индивидуальных политических приоритетов и общепринятых ментально-психологических стереотипов французов в отношении немцев, отличающихся чувством ненависти, желанием унижить и дискредитировать противника, что было продиктовано негативным историческим опытом прошлого.

Автор предпринимает попытку не только рассмотреть значимость, масштаб Версальского договора в судьбе двух враждующих стран, но и выявить ментальную и психоэмоциональную специфику французской и немецкой наций, которые под воздействием новых исторических и политических реалий способствовали формированию иных национальных идентичностей, ценностных установок и стереотипов мышления и поведения.



**Ключевые слова.** Версальский мирный договор, Франция, Германия, страны-победительницы, Ж. Клемансо, французы, маршал Ф. Фош, немцы, У. фон Брокдорф-Рантцау, Париж, конференция.

**П**роблемы войны и мира, а также дипломатические практики разных исторических периодов сохраняют свою актуальность вплоть до сегодняшнего дня. Изучение стратегий французской и немецкой дипломатии в период разработки Версальского мирного договора, его обсуждения и подписания позволяют выявить стереотипы поведения враждующих сторон, основанные на конфронтационных типах мировоззрения и враждебных ценностных установках, сформированных под влиянием принципиально разного исторического прошлого.

Исследование версальских договоренностей и сопряженных с ними трудностей представляет интерес ввиду того, что позволяет проанализировать поведенческие модели двух враждующих сторон – Франции и Германии, выявляя при этом механизмы их социальной памяти довоенной эпохи, мощно влияющие на принятие судьбоносного международно-правового договора. Версальский мирный договор не только заложил основы франко-германского конфронтационного взаимодействия в межвоенный период, но и ознаменовал кризис европейской системы международных отношений, приведший к новому мощному мировому конфликту, виной которого во многом явился национальный эгоизм, отсутствие здравого смысла и нежелание идти на компромисс при принятии серьезных международно-правовых решений.

«7 ноября 1918 г. в 9 часов вечера автомобиль под белым флагом с германским уполномоченным М. Эрцбергером пересек линию траншей, подъехал к местечку Ордруа и был окружен французскими солдатами. Германская делегация пересела в вагон с опущенными шторами, и 8 ноября их поезд подошел к станции Ретонд в Компьенском лесу, где стоял вагон маршала Ф. Фоша» [1, с. 605]. Немцы решили начать переговоры о перемирии, рассчитывая на то, что оно будет основываться на «14-ти пунктах», которые были представлены в первом послании президента В. Вильсона М. Баденскому. Для Германии это означало бы наилучшее решение проблемы, поскольку немцы, осознавая всю неизбежность собственного поражения, тем не менее, считали капитуляцию неприемлемой для страны.

Однако у французов были собственные стратегические расчеты в отношении поверженной Германии, они не желали придерживаться рекомендаций американского президента. Маршал Фош, не теряя времени на переговоры, предъявил немцам условия перемирия и предоставил им 72 часа на размышления. Если по истечении этого времени перемирие не будет подписано, то, по заверениям маршала Фоша, военные действия немедленно возобновятся. «11 ноября в 12-м часу дня в Париже раздался первый из 101 выстрела, возвестивших об окончании Первой мировой вой-

ны» [1, с. 605]. Итак, Германия подписала перемирие, согласившись на условия, которые ей были предложены французской стороной.

Франция, завершив войну в статусе страны-победительницы, не скрывала своих победных эмоций. «Незабываемый день. Париж, который в опасные моменты, под неприятельскими бомбами и гранатами всегда сдерживал свое волнение, теперь дал волю своему веселью. Все дома вмиг покрылись флагами» [2, с. 346]. В центр Парижа устремились ликующие, радостные, поющие песни французы. «Это была огромная, несметная стихийная толпа. Кошмар войны кончился, мы победили, вздох облегчения вырвался из миллионной груди столицы», – так описывал реакцию парижан в день окончания Первой мировой войны историк и современник тех событий А. Зеваэс [2, с. 346]. Ярко выраженное французское ликование было вызвано не только фактом окончания войны, но и осознанием того, что Германия повержена, немцы побеждены, идея реванша, которую французы вынашивали на протяжении нескольких десятков лет, осуществлена.

Странам-победительницам предстояло разработать условия мирного договора, тем самым завершив эпоху войны и создав новую систему международных отношений. С этой целью была организована международная конференция, проходившая в Париже, которая стала грандиозным событием для Франции и Европы, в целом. На конференцию приехало более 1000 делегатов из 27 стран, которых сопровождало огромное число сотрудников: историки, юристы, статистики, экономисты, переводчики, секретари, стенографистки, машинистки [3, с. С.22]. Британская делегация насчитывала в своем составе около 200 членов и такое же количество вспомогательного персонала. Американская делегация насчитывала приблизительно столько же лиц; итальянская – несколько меньше. Малые государства представили делегации, состоявшие из 50-60 человек [4, с. 8]. «Работа, которую предстояло проделать участникам конференции, была огромна и не имела прецедентов, равно как огромна была и сама война, завершением которой должен был явиться мир» [5, с. 69].

Открывая конференцию 18 января 1919 г. в Зеркальном зале Версальского дворца, президент Франции Р. Пуанкаре напомнил делегатам, что ровно 48 лет тому назад в этом зале была провозглашена Германская империя, а далее он произнес речь, которая была наполнена колкостями и унижениями в адрес побежденной Германии. Французский президент, в частности, сказал: «По вине своих основателей она (*Германская империя – Н.П.*) была порочна в самом своем происхождении. Она хранила в себе зародыш смерти. Рожденная в несправедливости, она закончила

свое существование в бесчестии» [3, с. 26]. С самого начала французская делегация дала понять, что ее позиция в отношении поверженной Германии будет жесткой и бескомпромиссной.

Французы постоянно акцентировали внимание на тех страданиях, трудностях, бедах, которые они испытывали по вине немцев на протяжении нескольких десятков лет, поэтому желание как можно строже наказать своих давних неприятелей и обидчиков они считали вполне оправданным. Премьер-министр Франции Ж. Клемансо, который возглавлял французскую делегацию, а также являлся председателем конференции, напоминал политикам и дипломатам стран-победительниц, что «в течение 50 лет французы были благородными страдальцами... Пусть наши друзья и союзники изучат этот период нашей истории: они увидят, ценой наших испытаний заслужили мы нашу победу» [5, с. 3]. Французы без ложной скромности упоминали о том, что они остались верны великой освободительной традиции Франции, но они прекрасно понимали, что для абсолютной «победы недостаточно сокрушить военное и даже политическое могущество Германии. Нужно большее» [6, с. 95].

В составе французской делегации были Л. Буржуа, С. Пишон, Л. Лушер, Ж. Камбон, Ж. Лейг, А. Тардьё и другие. Тардьё на конференции был ближайшим помощником Клемансо, его роль в создании текста Версальского договора была весьма значимой. «Из 25 комиссий, созданных Советом четырех, на Парижской мирной конференции, Тардьё входил в 13, причем эти 13 были наиболее решающими» [5, с. 13]. Во многом из-за непримиримых требований французской делегации и лично Клемансо работа конференции неоднократно была на грани срыва, однако жесткие требования, которые будут прописаны в Версальском мирном договоре, появятся во многом благодаря упорству французской дипломатии.

Несмотря на то, что германский вопрос являлся первоочередным, немцы не были приглашены на конференцию; страны Антанты самостоятельно решали судьбу послевоенной Германии без ее участия. Немецкая делегация получила официальное приглашение для ознакомления с проектом Версальского мирного договора лишь 18 апреля 1919 года. С этой целью 28 апреля 1919 г. из Берлина и Потсдама отправились 3 специальных поезда, в которых находилось 180 делегатов комиссии по переговорам. Когда немецкая делегация достигла бельгийско-французской границы, то по приказу французских властей поезда снизили скорость до предельной отметки. Французы хотели, чтобы немцы могли хорошо рассмотреть разрушения на северо-востоке Франции, нанесенные немецкой армией. Немецкий журналист Виктор Шифф, находившийся в составе этой делегации, так описывал увиденное: «С каждым километром картина запустения усиливалась. ... Разрушенные дома, грязь, отсутствие деревьев, даже не было

земли, кругом только одни воронки. И всюду одни лишь камни, камни, камни» [7].

По приезде в Версаль в ночь на 29 апреля немецкая делегация была строжайшим образом изолирована. Первые впечатления от увиденного в Версале повергли немцев в шок. Вот как описывал ситуацию один из членов немецкой делегации Вальтер Вильгельм: «В день нашего прибытия на улицах была колючая проволока, в Версале было много военных. По улицам ходили вооруженные патрули» [8, с. 10]. Территория, отведенная для проживания немецкой делегации, была «окружена уродливой низкой оградой из штакетника, сооруженной в великой спешке для нас и охраняемой французскими постами. У решетчатых ворот постоянно стояли французы, чтобы увидеть гуннов, – большинство французских газет до сих пор используют это слово», - с горечью и болью сообщал Вильгельм [8, с. 10].

Германская делегация с первых часов пребывания во Франции ощутила «французское радушие и гостеприимство». Немцы были размещены в отелях, которые находились вблизи большого парка, однако посещение парковой зоны было запрещено, и «первоначально пространство для немецкой делегации было ограничено 800 м<sup>2</sup>. Однако уже на следующий день по представлению германского уполномоченного Ф. Перснера был открыт доступ в замковый парк площадью 160 га. Таким образом, можно было идти 2 часа, не будучи задержанным. Впрочем, отведенная для немцев часть парка была перекрыта постами и оградой» [8, с. 10]. Представителям немецкой делегации было разрешено перемещаться по улице исключительно между своими отелями и частью замкового парка. «За каждым шагом немцев следила служба безопасности в форме и в штатском. Выход в город, общение с французскими торговцами, а также какие-либо покупки в торговых заведениях были запрещены. Можно было только получить разрешение на выход в город Версаль в сопровождении сотрудника службы безопасности в штатском» [8, с. 10].

Проект договора был вручен немецкой делегации не сразу, а лишь на третий день. Бесспорно, промедление с передачей проекта договора явилось для немецких дипломатов тяжелейшим испытанием. Вильгельм с горечью и нескрываемым возмущением констатировал, что им «приходится ждать в условиях, в которых еще никогда не бывали посланцы мира великой державы, по крайней мере, в истории таких примеров нет. Мы, группа людей, окруженная со всех сторон стенами и забором, если называть вещи своими именами, находимся в плену. По ту сторону забора из штакетника, который вероломно устроен таким образом, что немцы, идущие от одного отеля к другому, могут использовать только проезжую часть, а не тротуар, стоят французы, которым теперь немцы действительно должны казаться чем-то нижестоящим, извергнутым из человеческого общества» [8,

с. 36].

В четверг, 1 мая 1919, в 3 часа 15 минут пополуночи, во дворце Трианон германские уполномоченные под руководством графа Ульриха фон Брокдорф-Рантцау впервые встретились с уполномоченными союзников для обмена доверенностями. Вильгельм так описывал происходящее: «Событие всемирно-исторического значения. Контакт есть. Встреча была церемонной, вежливой, торжественной. Дипломатический протокол строго соблюдался. К германским посланникам мира отнеслись как к полностью равноправным. Их полномочия, представленные в виде генеральной доверенности, переплетенной в красный атлас и подписанной Ф. Эбертом и Ф. Шейдеманном от имени Германской империи, были проверены комиссией Антанты под руководством Ж. Камбона; но и германские уполномоченные в рамках взаимности также проверили доверенности противника, которые были переданы в кожаной папке.... Эта встреча позволила устранить сомнения, что нам навязывают волю противника» [8, с. 22].

В действительности передача проекта договора производила впечатление официального и вполне достойного мероприятия, которое было лишено унижительных сцен, что давало немцам осторожную надежду на дальнейшее конструктивное взаимодействие с делегатами Парижской мирной конференции. К сожалению, эти робкие радужные надежды довольно быстро рассеялись, и членам немецкой делегации пришлось столкнуться с множеством крайне неприятных моментов, инициаторами которых были французы.

В непосредственный контакт с самой конференцией немецкая делегация вступила лишь 7 мая. За весь период работы конференции это был первый, единственный и последний раз общения победителей и побежденных вплоть до подписания мира.

7 мая 1919 г. германская делегация во главе с графом У. фон Брокдорф-Рантцау прибыла в 3 часа дня. «Граф был очень бледен. Его прибытие было громко объявлено служителем французского министерства иностранных дел с серебряной цепью на шее. Все собравшиеся одновременно поднялись для приветствия и тем самым выразили посланнику народа, который еще Вильсон в своей речи 9 июля 1918 года назвал самым сильным народом мира, подобающую ему честь. Граф Брокдорф-Рантцау и члены немецкой делегации приветствовали собрание поклонами. Затем они заняли свои места напротив Ж. Клемансо, В. Вильсона и Д. Ллойд Джорджа. Они сохраняли спокойствие римских сенаторов» [8, с. 54].

В своей речи председатель германской делегации граф Брокдорф-Рантцау заявил: «Мы не заблуждаемся в размахе нашего поражения, степени нашего бессилия. Мы знаем, что сила германского оружия сокрушена; мы знаем силу ненависти, с которой нас здесь встречают, и мы слышали страстные призывы, чтобы победители считали

нас сломленными и наказали как виновных.

От нас требуют, чтобы мы признали себя единственными виновниками войны; но подобное признание в моих устах было бы ложью. Мы далеки от того, чтобы снимать с Германии всякую ответственность за то, что дело дошло до мировой войны. Но... мы настоятельно возражаем, что вина должна быть возложена только на одну Германию, чей народ был убежден в том, что он ведет оборонительную войну» [9, с. 113].

Брокдорф-Рантцау совершенно справедливо заметил: «Мы явились сюда не для того, чтобы приуменьшать ответственность людей, которые вели войну политическими и военными средствами, и отрицать совершенные преступления против международного права» [9, с. 115].

Далее в своей речи граф Брокдорф-Рантцау напомнил своим оппонентам, что «каждая европейская нация знает деяния и персоны, о которых лучшая соотечественники вспоминают неохотно. Я не хочу отвечать упреками на упреки, заметил он, но когда от нас требуют покаяния, то нельзя забывать о перемирии. Шесть недель прошло, прежде чем мы его получили, и шесть месяцев, прежде чем мы узнали ваши условия мира. Можно не прощать преступления на войне, но они совершаются в борьбе за победу» [9, с. 115].

По убеждению Брокдорфа-Рантцау, «меру вины всех участников может определить только беспристрастное расследование, нейтральная комиссия, где слово получают все основные участники трагедии, для которой будут открыты все архивы» [9, с. 115]. «На этой конференции, где мы одни, без союзников, противостояем большому числу наших противников, мы не беззащитны. Вы сами дали нам союзника: право, которое нам гарантировано договором об основах мира» [9, с. 115]. Призывы немецкого министра иностранных дел к соблюдению норм международного права, а значит, взвешенному подходу в решении послевоенной судьбы Германии, противоречили французской дипломатической стратегии, а потому шансов быть услышанными у немецких дипломатов практически не было.

В своей речи председатель немецкой делегации Брокдорф-Рантцау настоятельно требовал, чтобы состоялось объективное, беспристрастное расследование всех злодеяний, совершенных разными странами в годы Первой мировой войны, для выявления степени их ответственности и вины за произошедшее, а также призывал представителей стран Антанты к соблюдению основ международного права.

В своей речи германский министр иностранных дел также стремился убедить делегатов Парижской мирной конференции в необходимости конструктивного решения имеющихся проблем в послевоенный период. В частности, он затронул тему восстановления разрушенных территорий на севере Франции и в Бельгии. При этом он заметил, что немецкая сторона готова приступить к

выполнению возложенных на нее обязательств, но «при этом мы рассчитываем на содействие наших прежних противников. Мы не сможем осуществить это без технического и финансового участия победителей» [9, с. 116]. Также он заметил, что «вы можете провести это только вместе с нами. Обнищавшая Европа должна желать, чтобы восстановление прошло с наибольшим успехом и наименьшими затратами, как только возможно. Это желание может быть осуществлено только при ясном деловом соглашении по поводу наилучших методов» [9, с. 117].

Стоит признать, что речь председателя германской делегации графа Брокдорф-Рантцау была конструктивной, хорошо продуманной, она была лишена раболепия и расшаркивания перед победителями. Поведение немецкого министра иностранных дел и членов немецкой делегации при встрече на конференции и за весь период пребывания на территории Франции выглядело вполне достойно, несмотря на множество нелепостей, которые нарочито демонстрировали французы.

Например, за весь период пребывания в Версале немцам не разрешалось разговаривать с французами. Французским и прочим журналистам стран Антанты было запрещено вступать в контакт с представителями немецкой прессы. Американцам эти меры не нравились, но кардинально повлиять на ситуацию они не могли, поскольку французское правительство придерживалось той точки зрения, что Франция все еще находится в состоянии войны с Германией, и поэтому все их меры, даже самые жесткие, не нуждаются в обосновании и оправдании [8, с. 10].

Французы предполагали, что Версальский мирный договор будет подписан спустя несколько дней после встречи победителей и побежденных, состоявшейся 7 мая. Однако договор подписали лишь через 7 недель, в течение которых велась напряженная борьба между побежденными и победителями. Немецкая делегация предпринимала решительные попытки смягчить наиболее одиозные и неприемлемые для Германии статьи мирных договоренностей, однако французы незаметно их отклоняли, не давая своим противникам ни малейшего шанса на положительное решение проблемы.

Стремление немецкой делегации кардинально повлиять на изменение версальских договоренностей не находило единодушного отклика в собственной стране, в частности, у депутатов Национального собрания и членов коалиционного правительства, что привело к дестабилизации внутриполитической обстановки в самой Германии.

Большинство депутатов Национального собрания Германии полагали, что договор необходимо подписать без каких-либо замечаний и поправок с тем, чтобы избежать оккупации страны войсками Антанты. Однако эту точку зрения разделяли далеко не все, было немало немецких политиков, которые считали, что если страны-победительницы не пойдут на уступки, то от подписания договора

следует отказаться. Активным сторонником этой точки зрения был Брокдорф-Рантцау, который считал, что если подписание договора затянуть на несколько месяцев, то победители окончательно запутаются в своих противоречиях и конфликтах, а революционные события в Германии убедят их в необходимости смягчить условия договора.

Далекой от идиллии была ситуация и у победителей. Отсутствие консенсуса у стран Антанты по многим ключевым вопросам в рамках мирной конференции было дополнено тревогой, связанной с известием о том, что в апреле 1919 г. была провозглашена Советская республика в Баварии. Тревога союзников была столь велика, что Совет четырех еще 8 апреля 1919 г. поручил военному совету во главе с маршалом Фошем разработать план военной оккупации Германии на случай: 1) если «не с кем будет подписывать договор», то есть, если веймарское правительство будет упразднено и в ходе революции придет к власти новый правительственный кабинет; 2) если веймарское правительство категорически откажется подписывать договор; 3) если договор будет подписан веймарским правительством, а правительство Баварии или какой-либо другой части Германии откажется это сделать [10, с. 85].

Вопрос о возможной оккупации Германии стал еще более активно обсуждаться союзниками после вручения немецкой делегации проекта мирного договора. 10 мая 1919 г. маршал Фош представил Совету четырех план военной оккупации Германии, который предполагал использование этих крайних мер в том случае, если немецкая сторона откажется подписывать договор на условиях, предъявляемых победителями. После этого согласно плану Фоша следовало создать новое немецкое правительство, которое и подпишет мирный договор. Этот план был одобрен Советом четырех [10, с. 85].

19 мая 1919 г. Фош сообщал, что «18 французских, 2 американских, 10 английских и 7 бельгийских дивизий, расположенных на левом берегу Рейна, приведены в полную боевую готовность и что в течение 8 часов после получения соответствующего приказа вся эта армия может двинуться в Германию». Несмотря на заверения маршала Фоша о готовности союзнических войск к осуществлению плана оккупации Германии, Ллойд Джордж, Клемансо и Вильсон тем не менее испытывали беспокойство по поводу того, что возможно, Германия предпримет попытку установить военное сотрудничество с Советской Россией, и в таком случае ситуация могла принять совершенно неожиданный оборот.

16 июня 1919 г. Фош выступил с докладом перед Советом четырех, однако на этот раз он с грустью признавал, что для оккупации Германии у союзников не хватит сил. Дивизий, имеющихся в распоряжении у стран-победительниц, по мнению Фоша, недостаточно для того, чтобы «с боями пройти 480 км, отделяющих Рейн от Берлина», а если немцы

окажут вооруженное сопротивление, то «союзные войска не смогут его преодолеть в густонаселенных районах страны» [10, с. 86].

По мнению маршала Фоша, в сложившейся ситуации предстояло осуществить «стратегию разделения» Германии, суть которой заключалась в наступлении войск союзников на юге и принуждении к подписанию сепаратных мирных договоров южно-германскими территориями - Баварией, Вюртембергом и Баденом. «Эти сепаратные договоры, - доказывал Фош, - немедленно отнимут у Германии 12 или 15 млн. человек, а это даст нашим войскам возможность идти на Берлин» [10, с. 86]. Несмотря на то, что этот план вызвал определенное замешательство в Совете четырех, тем не менее, он обсуждался 20 июня 1919 г. с участием высших представителей союзных армий. Результатом обсуждения явилось решение о том, что если до 7 часов 23 июня 1919 г. Германия не даст согласия подписать договор, войска «Франции, Англии, США и Бельгии при активном содействии английского флота, а также армий Польши и Чехословакии перейдут в наступление вглубь Германии» [10, с. 86].

Таким образом, немцы заставили победителей изрядно поволноваться, прежде чем договор был подписан. Германский вопрос и судьба Версальского договора не сходили с повестки дня Совета четырех с начала апреля и до конца июня 1919 г.

В Германии обсуждение Версальского договора и дебаты вокруг него привели к первому правительственному кризису молодой немецкой республики. Рейхсканцлер социал-демократ Ф. Шейдеманн после четырехмесячного пребывания у власти 20 июня 1919 г. подал в отставку, потому что не намеревался подписывать Версальский договор, а сплоченной позиции коалиционных партий в этом вопросе добиться было невозможно [11, с. 114].

Президент Ф. Эберт прекрасно понимал, что его страна не в состоянии противостоять странам-победительницам, особенно Франции. Его опасения были подтверждены высказываниями генерала Пауля фон Гинденбурга, по заверениям которого даже если немецкие войска смогли бы удержать границы на востоке в случае военных действий, то на западных рубежах добиться этого не представлялось возможным [11, с. 115].

Объективно оценивая положение собственной страны в сложившейся ситуации, понимая бесперспективность возобновления противоборства со странами-победительницами, с учетом их крайней неуступчивости, президент Эберт поручил членам немецкой делегации «заключать мир на условиях, поставленных врагом» [12].

Подписание договора стало возможным после того как большинство депутатов Национального собрания Германии (преодолев несогласие НННП, ННП, НДП и части партии Центр) в силу обстоятельств заявило о своей готовности к его безоговорочному подписанию [11, с. 115]. Соглашаясь на

крайне невыгодные для Германии мирные договоренности, немцы не отказались «от своего мнения о неслыханной несправедливости мирных условий» и осознания того, что «акт насилия не затрагивает чести германского народа» [4, с. 14].

В три часа дня пополудни 28 июня 1919 г. в Зеркальный зал Версальского дворца, в котором уже находились лидеры стран Антанты во главе с Клемансо, вошел «очень бледный, в старом черном сюртуке, новый германский министр иностранных дел Г. Мюллер» [13, с. 36]. В этот момент появилось солнце, которое своими лучами озарило Зеркальный зал, а Клемансо не преминул с сарказмом заключить: «О солнце, спутник победителей! Солнце Аустерлица... Солнце Марны, останься нам верным! Согревай всегда наши сердца и древнюю землю Франции» [13, с. 38].

Затем началась процедура подписания договора, согласно которой заведующий протокольным отделом поименно вызывал немецких делегатов, а затем в порядке очередности представителей всех делегаций и министров, обладающих правом подписания этого судьбоносного для Европы документа. Подписание договора завершилось в 3 часа 50 минут. Именно в это время раздался гром орудийных салютов, а Клемансо произнес заключительные слова: «Господа, все подписи поставлены. Подписание условий мира между союзными и присоединившимися державами и Германской республикой свершилось. Карта освобожденного мира окончательно установлена. Заседание закрывается» [13, с. 38-39].

Над созданием Версальского договора политики и дипломаты работали в течение полугода; он составлялся, изучался, обсуждался «более чем 50 техническими комиссиями, которые провели 1646 заседаний», в комиссиях работали ведущие специалисты стран-участниц мирной конференции [5, с. 326]. Результаты заключений комиссий тщательно «проверялись 26 расследованиями на местах, обсуждались между 10 января и 28 июня 1919 г. тремя органами: Советом министров иностранных дел, заседавшим 39 раз, Советом десяти, заседавшим 72 раза, Советом четырех, заседавшим 145 раз» [5, с. 326].

Итак, Версальский договор был подписан, а это значит, что для Германии начался новый весьма сложный исторический этап, путь которого был предопределен статьями мирных договоренностей. Согласно статьям Версальского договора Германии предстояло уступить часть своей территории преимущественно на западе и востоке, потери которой составили около 70 тыс. км<sup>2</sup>, а также немцы лишались всех своих колоний [14, с. 237].

По Версальскому договору Германия возвращала Франции Эльзас и Лотарингию, угольные копи Саарского бассейна переходили в собственность Франции, а управление областью было передано Лиге наций сроком на 15 лет. Эйпен и Мальмеди по результатам плебисцита отошли к Бельгии, а Шлезвиг-Гольштейн – к Дании. Герма-

ния делала территориальные уступки в пользу Польши и Чехословакии. Территориальные потери привели к утрате Германией 13% территории и 10% немецкого населения, а также сокращению добычи железной руды на 50%, каменного угля – на 25%, сбора урожая картофеля – на 17%, пшеницы – на 13% [12].

К значительным территориально-политическим изменениям следует отнести определение Версальским договором нового статуса западной границы Германии. Левый берег Рейна и 50-километровая полоса вдоль его правого берега подлежали демилитаризации. Западный берег Рейна подвергался временной оккупации. Устанавливались 3 оккупационные зоны для ввода союзнических войск, а также были оговорены сроки их вывода. Оккупационную зону в районе Кельна союзные войска должны были покинуть через 5 лет; в районе Кобленца – через 10 лет и район Майнца – через 15 лет.

Германия обязана была нести так называемые «оккупационные расходы» на содержание войск Антанты на своих оккупированных территориях. Только на начальном этапе, в период с 11 ноября 1918 г. по 30 апреля 1921 г. на эти цели Берлин израсходовал 3640 млрд. золотых марок, в том числе 278067610 долларов уплатил США, 2304850470 франков – Франции, 52881298 фунтов стерлингов – Великобритании, 378731390 бельгийских франков – Бельгии и 15207717 французских франков – Италии» [15, с. 62]. Однако финансовые расходы Германии этим не ограничивались. Согласно договору «были арестованы и секвестированы германские заграничные активы в размере 7 млрд. долларов, а также взяты многие германские патенты» [16, с. 19].

Версальский мирный договор практически лишил Германию боеспособной армии. Согласно договору всеобщая воинская повинность в Германии должна была быть отменена. Армия, состоявшая из добровольцев, не должна была превышать 100 тыс. человек, включая контингент офицеров, не превышающий 4 тыс. человек. Генеральный штаб распускался [3, с. 51]. Все укрепления Германии уничтожались, за исключением южных и восточных рубежей.

Военный флот сводился к 6 броненосцам, 6 легким крейсерам, 12 контрминоносцам и 12 миноносцам. Оставшиеся после войны военные суда следовало передать странам Антанты, либо уничтожить. Иметь военный флот, равно как и авиацию, тяжелую артиллерию Германии было запрещено [3, с. 51].

Кроме того, 835 немецких высших офицеров во главе с самим кайзером были объявлены преступниками на том лишь основании, что Германия являлась главной виновницей в развязывании Первой мировой войны. Статьи 227–230 Версальского мирного договора возлагали на кайзера Вильгельма II и германское правительство персональную ответственность за развязывание войны и наруше-

ние международной морали [17, с. 52].

«Версальский мир представлял собой одну из позорнейших страниц в истории международных отношений. Изучение его текста с ясностью показывает его неприкрыто насильственный характер; знакомство с его историей обнаруживает исключительное по своему цинизму лицемерие» [4, с. 1]. Стоит признать, что «жесткость и международно-правовая несправедливость статей Версальского мирного договора во многом были продиктованы непримиримой позицией Франции, которая старалась максимально унижить и дискредитировать побежденную Германию. Именно поэтому немецкая общественность не скрывала своего крайне негативного отношения к договору» [18, с. 82]. По мнению немецкой общественности, ввиду того, что мир формируется на столь несправедливых по отношению Германии началах, подобные меры можно расценивать не иначе, как «возврат противника к политике ненависти и мести» [19, с. 22].

По мнению Вильгельма II, «отдельные пункты Версальского договора, в сущности, бесцельны, ибо ни Антанта, ни Германия не могут выполнить их... Временно можно, конечно, применить насилие над какими-либо народами, навязав им невыполнимые решения, но в таком случае от этого страдают и победители и побежденные» [20, с. 319]. Немецкий государствовед Филипп Цорн выразил мнение коллег и общественности, написав, что «мирный договор – это ужасное и вопиющее противоречие с идеей права» [21, с. 123].

Однако о несправедливом характере мирного договора заявляли не только немцы, например, британский премьер-министр Ллойд Джордж утверждал, что «мир, исторгнутый торжествующей силой у беспомощного противника, никогда не бывает хорошим миром» [22, с.7].

Зато у французов было совсем иное восприятие Версальского договора. По мнению Тардьё, которое, судя по всему, разделяло большинство французов, «Германия полная владычица безропотно покорившегося континента, долгое время не переставала щетиниться угрозами, но теперь она урезана, разоружена, осуждена, за ней установлен надзор» [5, с. 328].

В своих мемуарах Тардьё, описывая ситуацию после подписания мира, погрузился в размышления, суть которых сводилась к следующему: «Когда 28 июня 1919 г. представители германской делегации подписали Версальский мирный договор, вся Франция невольно вспомнила 8 января 1871 г., контраст разительный, еще более глубокий, чем могли думать современники. Версальский договор вычеркивал не только Франкфуртский договор, но и полтора столетия превратностей и неудач, полтора столетия, за время которых наша судьба в силу своей парадоксальности сочетала необычайный размах французской мысли со все усиливающимся упадком французской политики: упадком в XVIII в., когда кусок за куском монархия бестол-

ково растеряла нашу колониальную империю; упадком на пороге XIX в., когда договоры 1815 г., удалив нас с Рейна, водворили там Пруссию; упадком в конце этого века, когда из-за ошибок Второй империи, орудия бисмарковского господства, Бисмарку были отданы Эльзас и Лотарингия. А затем наступили 43 года мира, – мира угрожающего, отмеченного в 1911 г. уступкой части Конго, мира, закончившегося агрессией 1914 г. и шесть недель спустя вторжением улан в Люзарх. Подписав в 1919 г. Версальский договор, Франция испустила 150 лет разочарований и неуверенности в собственной безопасности; это было чудесное возрождение, блестящая удача которого диктовала участникам переговоров закон поведения» [5, с. 326].

Размышления Тардьё, бесспорно, позволяют понять ту степень боли, обиды, разочарования, которую испытывали французы вплоть до окончания Первой мировой войны, которая оказала мощное воздействие на стратегию поведения французских политиков в отношении поверженной Германии в послевоенный период. Их отношение к Германии и немцам, переполненное чувством ненависти, мести, жаждой возмездия и унижения во многом определили их непримиримую позицию в отношении поверженного врага и самым негативным образом отразились на условиях мирного договора.

Отдельные аспекты поведения французских дипломатов и политиков, которые оказали решающее воздействие на формирование неприемлемых договоренностей, а по сути, новой нормативной модели международных отношений в Европе, нарушающей принципы международного права, были отражением санкционированной французским обществом модели поведения в отношении Германии.

В то время, когда немецкий народ погрузился в состояние непреодолимой боли, скорби и бесконечного унижения, французы, приступили к осуществлению репертуара символических действий, направленных на укоренение в общественном сознании соотечественников идеи о том, что Франция является «славной обителью галлов», а ее путь к победе был «увенчан славой и обильно полит кровью» [6, с. 134].

В послевоенной Франции появилось множество новых национальных ритуалов с целью формирования памяти о прошедшей войне и героическом подвиге соотечественников. Во Франции устраивались торжественные встречи демобилизовавшихся солдат и офицеров, чтобы подчеркнуть масштаб победы французских воинов. 14 июля 1919 г. в Париже проходил парад победы, который открывали ветераны-инвалиды Первой мировой войны.

Британский посол в Париже Ф. Берти, поздравляя французского политика и дипломата Ж. Камбона с торжествами, проходившими по случаю парада победы, справедливо заметил, что

он рассматривает эти мероприятия «как выражение радости по поводу прекращения войны на французских границах, но не по поводу перспектив длительного мир» [23, с. 204]. Камбон, которого решительно не устраивали многие положения версальских договоренностей, в ответ процитировал остроумного и прозорливого француза, который сказал: «Мирный договор носит в себе все зародыши справедливой и длительной войны» [23, с. 204].

Бесспорно, французская политическая элита прекрасно понимала, что Версальский договор весьма противоречив и не способен в полной мере гарантировать безопасность Франции на длительное время. Однако французы не желали всерьез задумываться о предстоящих внешнеполитических трудностях, они были опьянены победой и активно формировали в собственной стране «культуру победы» [24]. Устраивая различные церемонии — начиная от проведения 14 июля 1919 года парада победы и заканчивая торжественным открытием Могилы Неизвестного Солдата под Триумфальной аркой 11 ноября 1920 года, — государство подчеркивало значимость победы. Благодаря многочисленным военным мемориалам, сооруженным в течение последующих пяти лет, победа и те страдания, которые пришлось вынести по пути к ней, стали неотъемлемой частью французской гражданской и религиозной жизни [24].

Таким образом, навязчиво культивируя статус победителей, французы формировали новую ментальную идентичность, замешанную на национальном эгоизме и чувстве национального самолюбования собственными военными и политико-дипломатическими успехами, наивно полагая, что отныне Франция будет доминировать в системе международных отношений. Однако это было иллюзорное восприятие действительности, сформированное на сугубо эмоциональной основе, не способное рассмотреть пагубность и масштабность грядущей катастрофы, спровоцированное недалекновидной и реваншистской политикой французской элиты.

В то время, когда французы переживали незабываемые моменты национального ликования и триумфа, немецкая нация столкнулась с крушением империи, поражением в войне, множеством непреодолимых трудностей социально-экономического, политико-идеологического характера. К сожалению, Версальский мирный договор в тот непростой для немецкой нации период способствовал тому, что «тяжесть военного поражения была многократно усилена позором политического унижения. В стране бушевали эмоции, не дававшие людям трезво сопоставить преступление войны и наказание мира» [25, с. 47]. Безусловно, немецкое общество винило в своих бедах французов. По мнению адмирала А. Тирпица, «проиграв мир и войну, погубив нашу силу и честь, виновные стоят теперь на развалинах и фальсифицируют историю; они отнимают у нашего бедного... наро-

да веру в себя и в закономерность его истории, хулят наше прежнее государство, его расцвет и достижения» [26]. Подобного рода высказывания, которые были отнюдь не единичными, являлись индикатором формирования в Германии ярко выраженных реваншистских и антифранцузских настроений, которые будут умело использоваться немецкими праворадикальными силами.

Таким образом, окончание Первой мировой войны и последовавшие за этим события (Парижская мирная конференция, подписание Версальского договора), к сожалению, продемонстрировали недалёковидность французской политической элиты, действующей с позиций доминантно-агрессивной державы в отношении поверженной Германии. Французы сознательно избрали тактику унижения и дискредитации Германии, что нашло отражение не только в статьях версальских договоренностей, но и проявилось в своеобразной политической символике. Например, дата начала работы Парижской мирной конференции (18 января), место ее проведения (Версальский дворец), подписание Версальского договора (28 июня), были наполнены глубоким символическим смыслом, суть которого состояла в том, чтобы за-

ставить немцев еще глубже ощутить собственную национальную трагедию, пробудив в их сознании воспоминания о былом немецком величии. К числу сугубо символических актов следует отнести недоброжелательный прием немецкой делегации, прибывшей в Версаль, граничивший с недопустимыми нормами поведения, которые демонстрировали французы-победители.

Поведение немецких дипломатов во главе с графом Брокдорф-Ранцау, прибывших для ознакомления с проектом договора, было наполнено достоинством, демонстрировало не только подчеркнуто-деловой стиль, но и было продиктовано неготовностью выступать с позиций второстепенной державы. Попытки немецких дипломатов достичь конструктивного решения послевоенных проблем натолкнулись на нежелание французов идти на компромисс и принимать взвешенные решения, лишённые эмоциональной окраски.

Неудивительно, что недостойное поведение Франции в отношении Германии способствовало формированию в недалёком будущем новой немецкой коллективной идентичности, основанной на идее реванша, непримиримой ненависти к французам и национализме.

#### Литература и источники

1. История Франции. в 3-х т. Т. 2. М.: Наука, 1973. 658 с.
2. Зеваэс А.Л. История Третьей республики (1870-1926). Пер с фр. Ф. Капелюша. Ред., пер и прим. Т.Л. Аксельрода, Ж. Шавароша. М.: Гос. Изд-во. Л.: Гос. Изд-во, 1930. 399 с.
3. История дипломатии в 3-х т. Т. 3. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919 -1939 гг.). Под ред. акад. В.П. Потемкина. М.: Изд-во Политической литературы. Л.: Политической литературы, 1945. 883 с.
4. Версальский мирный договор. Полн. пер. с фр. и под ред. проф. Ю.В. Ключникова и А. Сабанина. Со вступит. ст. проф. Ю.В. Ключникова. М.: Литиздат НКВД, 1925. 198 с.
5. Тардые А. Мир. Пер. с фр. под ред. и с вступит. ст. Штейна. М.: Госполитиздат. 1943. 432 с.
6. Эррио Э. Из прошлого. Между двумя войнами 1914-1936. Пер. с фр. О.В. Волкова и В.Б. Княжинского. Ред. и вступит. ст. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 772 с.
7. Breuer I. 100 Jahre Versailler Vertrag. Ein Frieden ohne Versöhnung. URL: [https://www.deutschlandfunk.de/100-jahre-versailler-vertrag-ein-frieden-ohne-versoehnung.1148.de.html?dram:article\\_id=448700](https://www.deutschlandfunk.de/100-jahre-versailler-vertrag-ein-frieden-ohne-versoehnung.1148.de.html?dram:article_id=448700) (дата обращения: 1.06.2020).
8. Wilhelm W. Versailles: Einsichten und Aussichten von Dr. Wilhelm Teilnehmer der deutschen Friedensdelegation. Dresden: Oskar Laube Verlag, 1919. 123 s.
9. Brokdorf-Rantzau U. Dokumente und Gedanken um Versailles. Berlin: Verlag für Kulturpolitik, 1925. 221 s.
10. История международных отношений и внешней политики СССР в трех томах. Т.1. 1917-1937гг. под общей ред. члена-корреспондента АН СССР В.Г. Трухановского. М.: Международные отношения, 1967. 440 с.
11. Меллер Х. Веймарская республика. Опыт одной незавершенной демократии. М.: РОСПЭН, 2010. 311 с.
12. Sturm R. Kampf um die Republik 1919-1923. URL: <https://www.bpb.de/geschichte/nationalsozialismus/dossier-nationalsozialismus/39531/kampf-um-die-republik-1919-1923>
13. Табуи Ж. 20 лет дипломатической борьбы. Перевод с фр. Вступит. ст. и ред. В.И. Антюхиной-Московченко. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1960. 463 с.
14. Müller H.M. Slaglichter der deutschen Geschichte. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2002. 528 s.
15. Космач В.А. Германия в 1918-1919 гг.: рождение республики. Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2008. 169 с.
16. От Версаля до «Барбароссы». Великое противостояние держав. 1920-е – начало 1940 г. // Богданов В.Н., Васильева Н.В., Гаврилов В.А., и др. М.: Алгоритм, 2017. 688 с.
17. Болдырев Р.Ю., Невский С.И., Плюмпе В. Репарационная политика в отношении Германии // Новая и новейшая история. 2016. №6. С.51-65.
18. Пуховская Н.Е. Эволюция франко-германских противоречий: от Вестфальского до Версальского мирного договора // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2019. №4. С.75-85.
19. Rassow P. Die Vertümmelung Deutschlands//Die Wirkungen von Versailles heute und morgen. Wo stehen wir? Wie helfen wir uns? Ein Handbuch für Politiker, Wirtschaftspolitiker, Vortagsredner und Laien. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1920.
20. Кайзер Вильгельм II. Мемуары. События и люди. 1878-1918. М.: Вече, 2017. 336 с.
21. Штолляйс М. История публичного права в Германии. Веймарская республика и национал-социализм. М.: РОСПЭН, 2017. 661 с.
22. Ллойд Джордж Д. Европейский хаос. Пер. с англ. П.Константинова. М.: Юрайт, 2019. 145 с.
23. Берти Ф. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже: 1914-1919. Пер. и прим. Е.С. Берловича. М.: Госиздательство, 1921. 230 с.
24. Хорн Д. Защитить победу: военизированная политика во Франции. 1918-1926 годы. Контрпример. // Война во время мира: военизированные конфликты после Первой мировой войны 1917-1923 гг. М.: Новое литературное обозрение. 2014. URL: <https://coollib.net/b/409974> (дата обращения: 25.04.20).
25. Ватлин А.Ю. Германия в XX в. М.: РОСПЭН, 2005. 335 с.
26. Тирпиц фон А. Воспоминания. М.: Воениздат, 1957. URL: <http://militera.lib.ru/memo/german/tirpitz/20.html> (дата обращения: 15.05.2020).



## References

1. Istoriya Frantsii v trekh tomakh [History of France in 3 volumes]. Vol. 2. Moscow, Nauka, 1973. 658 p.
2. Zevaes A.L. Istoriya Tret'ei respubliki (1870-1926) [The History of the Third Republic]. Moscow, Gos. Izd-vo. L.: Gos. Izd-vo, 399 p.
3. Istoriya diplomatii [The History of Diplomacy]. Vol. 3. Diplomatiya v period podgotovki Vtoroi mirovoi voyny (1919 -1939 gg.) [Diplomacy on the Eve of World War II (1919-1939)]. Pod red. akad. V.P. Potemkina. Moscow, Izd-vo Politicheskoi literatury. L.: Politicheskoi literatury, 883 p.
4. Versal'skii mirnyi dogovor [The Treaty of Versailles]. Moscow, Litizdat NKID, 1925. 198 p.
5. Tardieu A. Mir [The Peace]. Moscow, Gospolitizdat, 1943. 432 p.
6. Errio E. Iz proshlogo. Mezhdvumya voynami 1914-1936 [From the Past. Between the Two Wars 1914-1936]. Moscow, Izd-vo inostrannoi literatury. 1958. 772 p.
7. Breuer 100 Jahre Versailler Vertrag. Ein Frieden ohne Versöhnung. Available at: [https://www.deutschlandfunk.de/100-jahre-versailler-vertrag-ein-frieden-ohne-versoehnung.1148.de.html?dram:article\\_id=448700](https://www.deutschlandfunk.de/100-jahre-versailler-vertrag-ein-frieden-ohne-versoehnung.1148.de.html?dram:article_id=448700) (accessed: 1.06.2020).
8. Wilhelm W. Versailles: Einsichten und Aussichten von Dr. Wilhelm Teilnehmer der deutschen Friedensdelegation. Dresden: Oskar Laube Verlag, 1919. 123 s.
9. Brokdorf-Rantzau U. Dokumente und Gedanken um Versailles. Berlin: Verlag für Kulturpolitik, 1925. 221 s.
10. Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii i vneshnei politiki SSSR v trekh tomakh [History of international relations and foreign policy of the USSR in three volumes]. Vol.1. 1917-1937. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 440 p.
11. Meller Kh. Veimarskaya respublika. Opyt odnoi nezavershennoi demokratrii [The Weimar Republic. An experience of one unfinished democracy]. Moscow, ROSEN. 2010. 311 p.
12. Sturm R. Kampf um die Republik 1919-1923. Available at: <https://www.bpb.de/geschichte/nationalsozialismus/dossier-nationalsozialismus/39531/kampf-um-die-republik-1919-1923> (accessed: 27.02.2020).
13. Tabouis G. 20 let diplomaticheskoi bor'by [20 Years of Diplomatic Struggle]. Perevod s fr. Vstupit. st. i red. V.I. Antyukhinoi-Moskovchenko. Moscow, 1960. Izd-vo Inostrannoi literatury. 463 p.
14. Müller H.M. Slaglichter der deutschen Geschichte. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2002. 528 s.
15. Kosmach V.A. Germaniya v 1918-1919 gg.: rozhdenie respubliki [Germany in 1918-1919. The Birth of Republic]. Vitebsk: VGU im. P. M. Masherova, 169 p.
16. Versalya do «Barbarossy». Velikoe protivostoyanie derzhav. 1920-e – nachalo 1940 gg. [From Versailles to Barbarossa. Great Power Confrontation. 1920s - early 1940s]. Moscow, Algoritm, 688 p.
17. Boldyrev R.Yu., Nevskii S.I., Plyumpe V. Reparatsionnaya politika v otnoshenii Germanii [Reparations policy towards Germany] // Novaya i noveishaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2016, №6. Pp. 51-65.
18. Pukhovskaya N.E. Evolyutsiya franko-germanskikh protivorechii: ot Vestfal'skogo do Versal'skogo mirnogo dogovora [Evolution of Franco-German contradictions: from the Peace of Westphalia to the Treaty of Versailles] North Caucasian region. Social Sciences. Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki [University Proceedings. North Caucasian region. Social Sciences]. 2019. №4. Pp. 75-85.
19. Rassow P. Die Vertümmelung Deutschlands//Die Wirkungen von Versailles heute und morgen. Wo stehen wir? Wie helfen wir uns? Ein Handbuch für Politiker, Wirtschaftspolitiker, Vortagsredner und Laien. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1920.
20. Wilhelm II. Memuary. Sobytiya i lyudi. 1878-1918 [Memoirs. Events and people. 1878-1918]. Moscow, Veche, 2017. 336 p.
21. Shtollyais M. Istoriya publichnogo prava v Germanii. Veimarskaya respublika i natsional-sotsializm [The History of Public Law in Germany. The Weimar Republic and National Socialism]. Moscow, ROSEN, 661 p.
22. Lloyd George D. Evropeiskii kaos [European Chaos]. Moscow, Yurait, 145 p.
23. Berti F. Za kulisami Antanty. Dnevnik britanskogo posla v Parizhe: 1914-1919 [Behind the scenes of the Entente. Diary of the British Ambassador to Paris: 1914-1919]. Moscow, Gosizdatel'stvo, 230 p.
24. Khorn D. Zashchitit' pobedu: voenizirovannaya politika vo Frantsii. 1918-1926 gody. Kontrprimer [Defending Victory: The Militarized Policy in France. 1918-1926. Counterexample] // Voyna vo vremya mira: voenizirovannye konflikty posle Pervoi mirovoi voyny, 1917-1923 gg. [War in the Time of Peace: Paramilitary Conflicts after World War I, 1917-1923]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 2014. Available at: <https://coollib.net/b/409974> (accessed: 25.04.20).
25. Vatlin A.Yu. Germaniya v XX v. [Germany in the Twentieth Century]. Moscow, ROSEN, 335 p.
26. Tirpitz von A. Vospominaniya [Memoirs]. Moscow, Voenizdat, 1957. Available at: <http://militera.lib.ru/memo/german/tirpitz/20.html> (accessed: 15.05.2020).

# ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ/ NATIONAL HISTORY

УДК 327:339(470+571)(574+575.141)"18"

Дата поступления (Submitted) 25.11.2020

Дата принятия к печати (Accepted) 03.12.2020

**KONSTANTIN ALEKSEEVICH ABDRAKHMANOV**

*Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University, 460014, Russian Federation, Orenburg, Sovetskaya St., 19.  
E-mail: kostya.abdrakhmanov@mail.ru*

## **The specifics of interaction of the Russian regional and central authorities with the Kazakh steppe and Bukhara in the course of ensuring the safety of merchant trade operations in the first third of the 19th century**

The article analyzes the diplomatic contacts of the Orenburg provincial administration and the imperial leadership with the Kazakh steppe and the Bukhara Emirate in the first third of the 19th century. Participants of the negotiations from Russian and Bukharan sides wanted to protect their merchants who transported goods across the steppe with trade caravans from attacks by nomadic raiders. To solve this problem, the military governors of the Orenburg region corresponded with the ruling group and the clan elite of the Kazakhs. However, the leaders of those nomads who plundered caravans were often outside the jurisdiction of the Kazakh rulers, or, knowing about the precarious position of the latter, openly ignored any attempts at negotiations initiated by the sultans and khans of the Kazakhs. The merchants of the Emirate of Bukhara were often the victims of nomad attacks, so their government actively contacted Orenburg and St. Petersburg to get as much help from Russia as possible in catching the raiders and returning the stolen property. The factual material of the work consists of a large volume of archival data which confirms that attacks on merchant caravans were an important problem, and that they were treated as such in Russian-Kazakh and Russian-Bukhara relations of the period under study.

**Keywords:** *Orenburg province, Kazakh steppe, nomads, caravan, Emirate of Bukhara, security of trade routes, diplomacy.*

**КОНСТАНТИН АЛЕКСЕЕВИЧ АБДРАХМАНОВ**

*кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России. Оренбургский государственный педагогический университет.  
460014, Оренбург, ул. Советская, 19. Тел.: 8 (961) 940-30-56,  
E-mail: kostya.abdrakhmanov@mail.ru*

В статье предпринят анализ дипломатических контактов оренбургской провинциальной администрации и общеимперского руководства с казахской степью и Бухарским эмиратом в первой трети XIX в. Участники переговоров с российской и бухарской сторон желали обезопасить своих коммерсантов, переправлявших грузы через степь в составе торговых караванов от разбойных нападений кочевников. Для решения проблемы военные губернаторы Оренбургского края вели переписку с правящей верхушкой и родовой элитой казахов. Однако промышлявшие грабежом караванов предводители степняков зачастую находились вне юрисдикции казахских правителей или же, зная о шатком положении последних, в открытую игнорировали любые попытки переговоров, инициированные султанами и ханами казахов. Правительство Бухарского эмирата, купцы которого часто становились жертвами нападения номадов, активно контактировало с Оренбургом и Петербургом, стремясь получить от России максимально возможную помощь в поимке участников налетов и возврате похищенного имущества. Фактический материал работы представлен большим объемом архивных данных, подтверждающих злободневность проблемы разграбления купеческих караванов в российско-казахских и российско-бухарских отношениях исследуемого периода.

**Ключевые слова:** *Оренбургская губерния, казахская степь, кочевники, караван, Бухарский эмират, безопасность торговых путей, дипломатия.*

## Специфика взаимодействия региональных и центральных властей России с казахской степью и Бухарой в рамках решения вопроса безопасности купеческих торговых операций в первой трети XIX в.

**Р**азработка проблем международных отношений всегда была востребована мировым и российским научным сообществом. Обращение к вопросам истории взаимодействия Российского государства со своими ближайшими соседями поможет понять уровень взаимовлияния культуры этнически и конфессионально различных народов, оценить масштаб и характер хозяйственного обмена между несхожими в плане организации экономики странами.

Деятельность имперских чиновников из министерства коммерции, иностранных дел и руководства Оренбургской губернии в начале XIX в. во многом была направлена на обустройство и расширение российско-казахских и российско-среднеазиатских дипломатических и торгово-экономических связей. По мере продвижения российского политического влияния в казахскую степь, сбора сведений о культуре и быте коренного населения этого региона и освоения центральноазиатских рынков отечественным бизнесом, информация, поступающая от участников торгового и дипломатического обмена, начинает фиксироваться письменно. Конечно, материалы, датированные второй половиной XVIII – XIX вв., практически не представлены научно-исследовательской литературой, а относятся к этнографическим и географическим очеркам, путевым заметкам, мемуарам, деловой переписке и т.д. Так П. И. Небольсин, говоря об опасности, исходящей от банд кочевников, отметил, что у обитателей казахской степи «одинакова с Хивинцами склонность к хищничеству» [1, с. 293]. Ф. И. Лобысевич, описывая историю вхождения Младшего казахского жуза в состав Российской империи обратил внимание на наличие у правящей верхушки номадов существенной автономии в плане взаимодействия с русскими властями. Он писал, что договор между ханом Абулхаиром и имперской администрацией обязывал последнюю «выбирать ханов непременно из рода Абул-Хаира», что по мнению автора «делало самую ханскую власть независимой от нашего правительства» [2, с. 5].

Советский период ознаменовался повышенным интересом советских ученых к вопросу колонизаторской политики царских властей России в среднеазиатском регионе. Известный исследователь проблем взаимодействия России с Центральной Азией в дореволюционный период Н. А. Халфин писал о значимости для империи иметь возможность вести трансасиатскую торговлю в изучаемый период. При этом ученый акцентировал внимание на том, что благодаря коммерческому взаимодействию с государствами Средней Азии, экономическую выгоду получают не только приграничные области страны. «Торговля со среднеази-

атскими ханствами и “киргизской степью” имела огромное значение как для Оренбургского края и соседних областей России, подчас весьма отдаленных от границ, так и для всего государства», – сказано в работе историка [3, с. 38]. Приоритет сотрудничества России и казахской степи именно в торгово-экономической сфере отметил С. З. Зиманов. Ученый высказал мнение, что «расширение торговли было главной целью в экономической политике царского правительства» [4, с. 39]. Разрабатывая проблемы экономического и политического взаимодействия Российской империи со Средней Азией и казахской степью в XVIII–XIX вв., все исследователи сходятся во мнении, что именно Оренбургский край являлся ключевым звеном организации взаимовыгодных деловых связей. «Оренбургская администрация, наделенная широкими полномочиями, предпринимала всяческие меры, чтобы превратить Оренбург в форпост русско-среднеазиатской торговли», – отмечено в работе Г. А. Михалевой [5, с. 78].

В современной России интерес исследователей к изучению истории земель, когда-то входивших в состав империи и Советского Союза, только усилился. Ученые обращаются к изучению политико-правовых, культурно-религиозных и торгово-экономических особенностей как всей Средней Азии в целом, так и отдельных государств региона – Бухары, Хивы, Коканда. Так же в научной среде популярным направлением до сих пор остается вопрос коммерческих связей Российской империи и Средней Азии в XVIII–XIX вв. Историки, политологи и экономисты на страницах своих работ рассматривают особенности отношений России с казахской степью и Средней Азией сквозь призму торгово-экономического обмена между этнически и культурно разными субъектами международного права. В своей статье Р. Ю. Почакаев, отвечая на вопрос о мерах, предпринимаемых руководством России для укрепления влияния империи на ханства Центральной Азии, отмечает, что «прежде всего речь идет о безопасности торговых путей в Бухару, Хиву и Коканд...» [6, с. 110]. Наиболее тематически смежной данной статье является работа Ю. А. Лысенко, где автор так же подвергла анализу контакты российского руководства с казахской элитой в первой половине XIX в., направленные на обеспечение безопасности транзита товаров через степные пространства. Исследователь констатирует, что «предпринимаемые коммерческими кругами Российской империи попытки расширения центральноазиатской торговли в первые десятилетия XIX в. неизменно наталкивались на проблему безопасности торговых караванов» [7, с. 139].

В данной статье мы также рассматриваем вза-

имодействие оренбургского и общеимперского правительств с кочевой элитой казахской степи и бухарским эмиратом в контексте внешних деловых операций российских и азиатских купцов. Главенство торгово-экономического фактора в деле усиления влияния Российского государства в казахской степи и Средней Азии подчеркнул в своей работе П. И. Небольсин. Русский путешественник, рассуждая о специфике контактов между Россией, степью и Азией отметил, что «первый двигатель тут – торговля; все остальное – только ее естественные последствия» [1, с. 293]. Но для обеспечения быстроты доставки товара, его сохранности в пути и минимизации физических и психологических издержек со стороны участников караванного торгового дела всем заинтересованным лицам (от владельцев груза до высших региональных и имперских чиновников) предстояло решить ряд серьезных задач.

Насущной проблемой предпринимателей, ведущих в начале XIX в. внешнеторговую деятельность с Бухарой, Хивой и Кокандом, от разрешения которой во многом зависела быстрота доставки товаров и их сохранность, являлся поиск надежных и опытных караванных возчиков и проводников. Столь востребованные российскими купцами «опции» предоставлялись, находившимися в российском подданстве кочевниками из казахских родов, которые, по сути, монополизировали рынок оказания услуг по доставке товаров из империи в Среднюю Азию и обратно. А. И. Левшин писал, что во время передвижения по степи «вожатые делают господами: избирают направление путешествия, располагают дневками, ночлегами, временем выходов, привалов и проч., повинуюсь только своему караван-баше, т.е. главе каравана, и то не всегда» [8, с. 398]. Получается, что в подобных условиях в руках казахо-проводников находилось не только имущество предпринимателей, но здоровье и жизнь последних также зависели от надежности и усердия возчиков.

Качественно исполняя обязанности по перевозке купеческих коммерческих грузов из России в Центральную Азию и обратно, казахские старшины обращались к руководству Оренбургской губернии с просьбами о предоставлении им каких-либо преференций. В 1804 г. руководивший группой возчиков К. Шукуралиев попросил у военного губернатора Г. С. Волконского разрешения для кочевников, занимающихся сопровождением караванов, использовать пастбища близ Троицка. Казахский старшина писал, что он и его братья «..казанских татар и прочих купцов караваны препровождаем в Бухарию» [9, л. 1]. Желая иметь возможность пасти свои табуны недалеко от уездного центра, К. Шукуралиев обращал внимание руководителя края на эффективность своей деятельности в качестве караванного вожака. Проситель указывал, что подчиненные ему казахи всегда доставляли имущество российских купцов до пункта назначения в целостности и после этого

следовали обратно в российские пределы для оказания услуг следующим нанимателям: «...мы, проводив караван в Бухарию, возвращались благополучно» [9, л. 1]. В дальнейшем Г. С. Волконский посчитал необходимым удовлетворить эту просьбу. Видимо, такое решение было связано с намерением губернатора сохранить преданность Шукуралиева и его рода интересам отечественных предпринимателей, так как действительно надежных проводников, способных благополучно водить караваны по казахской степи в тот период, было немного. А. И. Левшин в своей работе обратил внимание на тот факт, что «слабые роды почти никогда не отваживаются провожать караваны», поэтому тем важнее для оренбургского руководства была лояльность достаточно сильного казахского рода [8, с. 398].

Конечно, наиболее тесные и интенсивные контакты у военных губернаторов Оренбуржья и других региональных чиновников были с высшим кочевым руководством казахов в лице их султанов и ханов.

В конце XVIII – первом десятилетии XIX в. предводителем Младшего жуза являлся сын Абулхаира Айшуак. О лояльности Айшуак-хана имперским властям писал А. И. Левшин: «Айчувак много раз отличал себя не только преданностью России, но и влиянием на киргизский народ во время управления оным хана Нурали, а потому возведение его в ханское достоинство обещало полезные следствия» [8, с. 320]. Далее этот же автор повествует о некоем разочаровании имперского руководства в лидерских качествах престарелого правителя. «Ожидание сие однако ж не оправдалось опытом. Согбенный летами хан не мог действовать по-прежнему и был начальником весьма слабым. Внутренние междоусобия, баранты, разграбления караванов и нападения на границу Русскую...», – говорится в работе Левшина [8, с. 320].

Надо отметить, что в конце XVIII в. руководство Российской империи не имело приемлемой альтернативы фигуре Айшуака. Как записал Ф. И. Лобысевич, принимая Младший казахский жук в российское подданство, правительство империи «обязалось выбирать ханов непременно из рода Абул-Хаира, что исполнялось в течение почти ста лет, совершенно наперекор воле народа, стесняя его выбор и коренное начало свободы» [2, с. 5]. Поэтому конкуренцию сыну Абулхаира составлял только Каратай, доводившийся Айшуаку племянником, то есть как и последний – выходец из легитимного правящего семейства. Каратай пользовался большей, нежели его оппонент, популярностью среди верхушки номадов, но для империи представлялся персоной *non grata*. «Значительная часть Орды хотела возложить сие звание [хан – К.А.] на султана Каратая – сына Нуралиева. Но преданность его России была сомнительна», – описал проблему выбора хана А. И. Левшин [8, с. 319].

В силу возраста и отсутствия необходимого

авторитета даже среди соплеменников, Айшуак не имел возможности контролировать степь, тем самым обеспечивая безопасность прохода караванов российских и среднеазиатских купцов. В деловой переписке с оренбургскими властями правитель Младшего жуза неоднократно сетовал на невозможность призвать к повиновению кочевников, промысляющих грабежом караванов. Объясняя обстановку внутри своих владений, Айшуак писал Г. С. Волконскому, что среди казахов «довольно имеется таких развратных, кои ни старейшин ни биев не слушают» [10, л. 2]. Хан, признавая собственное бессилие, просил у начальства губернии военной поддержки и для предотвращения междоусобиц, сопровождающихся взаимным угоном скота. В письме, отправленном в мае 1804 г. на имя военного губернатора Оренбуржья, Айшуак указывал на страх кочевников перед военными возможностями империи. «Когда киргизы хотя небольшое количество войска увидят, тогда б воров киргизцы имели страх, и отогнанных лошадей возвращать хозяевам повиновались...», – сказано в послании хана [10, л. 2]. Подтверждая верность империи, на просьбы оренбургского руководства о содействии в доставке купеческих товаров на рынки городов Средней Азии, Айшуак неизменно отвечал согласием «предать достойных наших вожаков» [11, л. 1 – 1об.].

Анализируя послания казахской степной элиты военному губернатору Г. С. Волконскому, мы понимаем, что многие предводители номадов были настроены весьма лояльно по отношению к империи. Контактывали с оренбургскими руководством не только верховные предводители Младшего жуза – ханы, но и правители рангом ниже – султаны. Одним из них являлся султан Жанторе, занявший ханский престол в 1805 г. Главной темой обсуждения, поднятой на листах переписки Жанторе к Г. С. Волконского в 1804 г., была все та же проблема нападения на торговых людей России и Средней Азии, перевозивших имущество через казахскую степь. Султан ставил военного губернатора в известность о том, что жители «Гурьевского городка» (сов. г. Атырау в Казахстане) «отправясь на судах по морю... захватили самых тех киргизцов, которые возвращающегося из Бухарии с товаром казанского купца Габайдуллу Шихмуратова ограбили и самого его убили...» [12, л. 1].

Демонстрируя подданническую верность империи, Жанторе уведомил Г. С. Волконского о покровительстве степным разбойникам со стороны казахского султана Пирали, который в 1802 г. с позволения Александра I официально был признан ханом туркменом [13, с. 119] недавно присоединенного к России Мангышлака [14, с. 160]. Церемония наделения Пирали должностными полномочиями состоялась в Оренбурге в декабре 1802 г. [13, с. 119]. Жанторе информировал оренбургского военного губернатора о ненадежности Пирали-хана как союзника и о действиях последнего, в корне противоречивших желанию России искоренить

преступность в степи. Уже упомянутый русский отряд из г. Гурьева взял в плен не только казахов, причастных к нападению на караван и убийству купца Г. Шихмуратова, но и захватил в результате этой вылазки несколько черкесов, судя по всему, входящих в состав банды налетчиков. Казахский султан убеждал Г. С. Волконского, что «...Пирали им вора помогает», и просил довести уголовное преследование черкесов до финальной стадии. «Прошу не благоугодно ли будет приказать их воров черкесов из-под стражи не освобождать, а поступить с ними за вышеписанную чинимую ими продерзость по высочайшим Его Императорского Величества узаконением», – просил правосудия султан Жанторе [12, л. 1].

Кочевой предводитель считал, что суровое наказание пойманных преступников сможет удержать других кочевников, стремящихся к легкой наживе, от противоправных действий. Через решительные действия оренбургского руководства Жанторе рассчитывал «их воров привести в раскаяние, да и прочих неблагомысленных киргизцов впредь от подобных продерзостей воздержать» [12, л. 1].

Контактировал с оренбургским правительством в русле решения вопросов безопасности нахождения в степи граждан Российской империи и не пользовавшийся доверием у русской стороны султан Каратай. Представитель казахской элиты докладывал в мае 1804 г. Г. С. Волконскому о своих трудах на пользу России и ее жителей. Решая проблему с похищением путешествующих по степи купцов, военных, казаков и дипломатов, Каратай «саратовского ведомства деревни служилых татар Алимбета Салихова с братом его Фейзуллою из порабощения киргизского высвободил и с братом его Чукой султаном в уральской городок возвратил» [15, л. 6]. В своем письме султан всячески указывал на долгосрочность намерений поддерживать дружеские отношения с Российской империей. По его словам он «по обязанности своей не преминет и впредь стараться в отыскании по орде и в выдаче в линейные крепости увлеченных киргизцами российских людей, пограбленных купеческих товаров и отогнанного скота» [15, л. 7об.].

Руководство Оренбургского края и местных таможенных ведомств активно вело переписку с казахскими родовыми старейшинами и предводителями отрядов, заняты сопровождением торговых караванов и доставкой купеческих грузов до рынков сбыта. Во втором десятилетии XIX в. военный губернатор Г.С. Волконский и пограничная комиссия принимали участие в расследовании ограбления купца из города Арска Казанской губернии Абзалила Галиева. К следственно-розыскным мероприятиям кроме таможенно-пограничных чиновников подключился один из султанов казахской меньшей орды Темир Иралин [16, л. 36]. Часть виновных в нападении на казанского предпринимателя была выявлена довольно быстро. Ими оказались казахи «Чумекеевского рода тю-

бетского и асманского отделений», подвластные султану Иралину, поэтому именно ему пришлось решать вопрос с компенсацией ущерба пострадавшему купцу [16, л. 36]. В июле 1812 г. Т. Иралин отписал Г. С. Волконскому о согласии родовых старшин и прочей степной элиты расплатиться с купцом за преступление, совершенное их родичами. В послании говорилось, что «упоминаемых отделений беи и батыри, согласно предписанию Вашего Сиятельства делая расчет так, как сам претендатель Галиев за навьюченных на четырех верблюдах тюков согласился получить в уплату 23 верблюда, которые с ближних киргизцев по собирании я и отдал» [16, л. 36]. Текст источника наглядно показывает, что ради поддержания дружеских отношений с оренбургской администрацией предводителям кочевников приходилось принимать личное участие в урегулировании финансово-имущественных споров между пострадавшими от рук разбойников купцами и родовыми объединениями казахов, к которым принадлежали нападавшие.

Порой, когда опасность разграбления нависала над очень богатым караваном, а возможным источником этой угрозы являлся какой-либо казахский правитель, то адресованные ему послания военных губернаторов Оренбуржья были написаны довольно резким тоном.

Летом 1817 г. П. К. Эссен получил сведения о том, что в ставке одного из султанов был остановлен насчитывающий 3000 верблюдов купеческий караван. Руководитель Оренбургской губернии направил в ставку султана письмо следующего содержания: «Степенному и знаменитому султану киргиз-кайсацкой Средней орды Джуме Худаймендину. Дошло до моего сведения, что купеческий караван, вышедший из троицкого менового двора на 3000 верблюдах задержан киргизцами на пути к Бухарии неблагонамеренным образом. Крайне удивляясь, что киргиз-кайсаки кои суть верноподданные Российской империи осмеливаются на таковые поступки, совершенно противные долгу присяги и подданства» [17, л. 84об.]. Султану рекомендовалось оказывать «во всяком случае торгующему с нами купечеству должное покровительство, вспомоществование и защиту. Если уже и за сим ход караванов подвержен будет опасности, а купечество утеснениям и грабежу, то я принужден буду употребить другие средства по силе власти высочайше мне вверенной Великим Государем Императором; о чем и поручаю Вашему Степенству объявить подведомственным Вам киргизцам» [17, л. 85]. В ответном письме султан Жума заверил Эссена в том, что эти меры приняты лишь для того, чтобы переждать период разгула кочевых банд в данной местности. Со снижением же риска налета на караван, купцы смогут беспрепятственно продолжить свой путь в Бухару.

Возможно решительность П. К. Эссена, умеренного использовать против казахского предводителя в случае необдуманных действий

последнего весь доступный арсенал военно-административных средств, предотвратила гибель каравана. А может казахский правитель действительно остановил продвижение торговой миссии, дабы дожидаться улучшения обстановки в степи, и избежать конфликта с империей, который безусловно бы возник в случае разграбления каравана на территории, подведомственной султану Жуме. Однако тревога оренбургского руководства являлась вполне обоснованной, так как ситуация, при которой предводитель номадов задерживал караван именно для дальнейшего его разграбления, вполне соответствовала обстановке в степи начала XIX в. О проблеме налетов на торговые караваны Н. А. Халфин высказался так: «как правило, в набегах и грабежах участвовали шайки какого-нибудь хана, султана или бека» [3, с. 42].

Когда же с правительством государства, в подданстве которого состояли налетчики, не были выстроены дипломатические отношения, шансов предотвратить нападение на караван или добиться возврата похищенных купеческих товаров не было никаких. В 1816 г., при движении из Троицка в Бухару, подвергся нападению многочисленной банды налетчиков крупный караван, принадлежавший предпринимателям из различных регионов России [17, л. 22]. Разбой совершили «хивинского владетеля каракалпаки и трухменцы» [17, л. 22]. Конечно же, пострадавшие коммерсанты направили не одно письмо в аппарат оренбургского военного губернатора с просьбой о помощи в деле поиска преступников и возврата имущества, но результат ходатайства был отрицательным. Военный губернатор П. К. Эссен 6 июня 1817 года писал министру финансов Д. А. Гурьеву по поводу жалобы екатеринбургского купца К. В. Якушева: «поелику грабеж произведен подданными неподвластного России хивинского владетеля, то должен он [купец Якушев – К.А.] убытки свои отнести к тем неизбежным утратам, в ходе торговых дел часто случающихся» [17, л. 53об.].

Свое бессилие в плане содействия соотечественникам П. К. Эссен объяснил тем, что Российская империя в этот период не имела дипломатических связей с властями Хивы. Если же «правительство решилось войти с хивинским владетелем по какому-либо случаю в дипломатическое сношение, употребил по мере удобства мое домогательство, дабы были удовлетворены лица, потерпевшие от грабежа убытки», [] объяснял ситуацию военный губернатор [17, л. 54]. О невозможности привлечь к ответу промышленящих грабежом караванов кочевников в случае их нахождения на территориях, неподвластных российской юрисдикции, писал К. К. Крафт. Автор указал, что русские войсковые отряды «отражали нападения в тех местах, где это было возможно, разбивали и наказывали хищников, но преследовать их и уничтожать хищничество внутри степи, тогда мало известной и к тому же граничившей с беспокойными ханствами Средней Азии, где хищ-

ники находили безопасное убежище, не могли» [18, с. 2 – 3].

В начале XIX в. Бухарский эмират был основным торгово-экономическим партнером России в пределах Центральной Азии. Как и российское купечество, предприниматели из Бухары активно снаряжали курсирующие между Оренбургской губернией и эмиратом торговые караваны. Соответственно, среднеазиатские коммерсанты тоже весьма часто становились жертвами налета банд номадов. Одним из наиболее резонансных происшествий в тот период являлось нападение казахов на дипломатическую миссию поручика Я. П. Гавердовского в 1803 г. К посольству Гавердовского примкнули купцы из различных регионов империи и бухарские дипломаты, занимающиеся коммерческим промыслом. После трагедии, постигшей отряд Гавердовского, бухарские власти приняли решение повременить с выходом из Троицка караванов своих земляков.

Находящийся в Оренбурге посланник правителя Бухары эмира Хайдара – диван бей Мир-Галавиддин Мир-Мухаммет Аминов просил оренбургскую пограничную комиссию о принятии мер по обеспечению безопасности находящихся в Троицке бухарских торговцев. Бухарский дипломат указывал на то, что самым эффективным средством избежать возможного нападения кочевников в этот период является такой превентивный способ, как запрет для купцов, уже находящихся в городах Оренбуржья, покидать безопасные рубежи империи. Представитель эмирата писал, обращаясь к руководству таможенной службы: «покорнейше прошу приказать как здесь находящимся в Оренбурге, равно и в городе Троицке азиатским купцам до времени возвращения тех нарочных воспретить выезжать за границу» [19, л. 6об.]. Далее дипломат указывал на свои полномочия принимать подобные решения в отношении бухарских подданных: «мне от владетеля повелено, в случае подобных неприятных происшествий [нападение степняков на миссию Я.П. Гавердовского – К.А.] настоять здесь требованием, чтобы азиатцы были удержаны в России до времени минования явной опасности» [19, л. 6об.].

Запертые в Троицке бухарские предприниматели не оценили подобную заботу и направили жалобу Г. С. Волконскому, устроив перед этим скандал на пропускном пункте. Руководство оренбургской пограничной комиссии, отвечая на письмо военного губернатора с требованием разъяснить ситуацию с пропуском азиатских купцов через таможню Троицка, объяснило правомочность своего решения. Служащие троического контрольно-пропускного пункта действовали исключительно лишь «по уважению к требованию посланника, желавшего не вредить им, но спасти целость соотчичей своих» [19, л. 8об.]. Пограничная комиссия заверяла руководителя Оренбургской губернии в отсутствии какого-либо произвола со стороны своих служащих и подчеркивала,

что ведомство «всегда будет знать обязанности свои в обхождении с иностранцами и не стеснять их свободы» [19, л. 7].

Необходимо отметить, что на начальном этапе организации торгово-экономических отношений между Россией и Средней Азией в первой половине XIX в. бухарские предприниматели, торгующие в российских приграничных провинциях, пользовались значительными льготами со стороны имперских властей. Поэтому оренбургская пограничная комиссия не решилась бы предпринять какие-либо меры, ограничивающие деловую активность иностранных купцов, без санкции со стороны бухарских уполномоченных лиц или руководства губернии.

В исследуемый период правительство Бухарского эмирата старалось максимально обезопасить имущество и жизни своих соотечественников, занимающихся международной торговлей с Российской империей, и, вследствие чего, участвующих в рискованных караванных переходах через казахскую степь. Для этой цели находившиеся при императорском дворце в Петербурге посланники эмирата обращались с просьбами о содействии к руководству Оренбургского края при посредстве профильных министров (иностранных дел, внутренних дел и коммерции). Так, министр иностранных дел А. Р. Воронцов в феврале 1803 г. препроводил оренбургскому военному губернатору Н. Н. Бахметеву царский рескрипт об «отводе пастбищных мест для скота, принадлежащего бухарским купцам» [20, л. 1]. Этот документ появился в результате прошения бухарского посла Иш-Мухамета Байкишева на имя Александра I [20, л. 1].

В этом же письме содержалась информация о нападении степняков на бухарский караван в 1801 г. Обращаясь к Н. Н. Бахметеву, А. Р. Воронцов записал, что посланник бухарского эмира Хайдара «изъясняет, что в проезде его из Бухарии в октябре месяце прошлого 1801 года, как сам он, так и следовавший с ним караван бухарских и российских купцов были ограблены киргизцами меньшей орды неподалеку от Орской крепости» [20, л. 2]. Далее в тексте прописано волеизъявление Александра I, адресованное руководителю Оренбургской губернии: «Государь Император в следствии того соизволил сообщить вашему превосходительству высочайшую волю его дабы вы как главный того края начальник приняли строжайшие меры к прекращению таковых грабежей киргизцами, предписав хану, султанам, биям и старшинам, чтобы они от подобных наглостей подвластных им удерживали...» [20, л. 2 – 2об.].

Представленный фрагмент официальной корреспонденции позволяет сделать вывод о твердом намерении Российской империи иметь дружественные отношения с самым могущественным государством Центральной Азии. Для решения этой геополитической задачи Н. Н. Бахметеву предписывалось добиться того, чтобы «бухарцы имели полную защиту и покровительство в про-

изведении своей торговли» [20, л. 3об.], а также оперативно обнаруживать и изымать у налетчиков «вещи ими похищаемые у бухарцев, и последним оные возвращать» [20, л. 3об.].

В первой половине XIX в., участвуя в переговорах с Россией о наращивании обоюднорыбодных деловых контактов между предпринимательским сообществом двух государств, власти Бухарского эмирата всячески старались не допустить доминирования на внутреннем рынке капиталов российских купцов, оказывая всевозможные меры поддержки своим землякам и единоверцам в ущерб интересам приезжих торговцев-немусульман. В тоже время бухарские лидеры не стеснялись просить у России надлежащего обхождения с подданными своего государства и оказания поддержки своим торговым и политическим деятелям, пострадавшим от налетов степных разбойников.

Летом 1818 г. оренбургскому военному губернатору П. К. Эссену было доставлено послание от бухарского правителя Хайдара ибн Шахмурада. По поводу содержания данного письма П. К. Эссен вступил в переписку с управляющим иностранной коллегией К. В. Нессельроде. «Бухарский хан Мирхайдар в июле 1818 года прислал ко мне с караванным начальником Бекназаром Габдулкаримовым письмо, в котором объяснив жалобу на киргизских родоначальников, что взыскивают они с проходящих из Бухарии караванов непомерную проезжую пошлину, просил предоставить им получить ее по согласию самих хозяев каравана», – передавал суть дипломатической переписки с Бухарой П. К. Эссен [21, л. 27]. Поддерживая авторитет Российской империи как надежного торгового и политического партнера, руководитель Оренбургской губернии потребовал от казахских султанов и предводителей кочевых родов «чтобы никто не осмеливался чинить каких-либо притязаний караванам, а напротив того, чтобы каждый султан и старшина всеми мерами способствовал заграничной торговле и купцам оказывали в нужном случае вспоможение» [21, л. 27].

В качестве ответной услуги П. К. Эссен попросил эмира решить проблему с освобождением российских пленных, находящихся в Бухаре, и впредь воздерживаться от приобретения похищаемых кочевниками российских подданных. «На се хан Мирхайдар письмом ко мне доставленным ныне через того же караванного начальника Бекназара отвечает, что когда из России будут привозимы в Бухарию пленные, и когда о том получит от меня уведомление, в таком случае имеет он повелеть их возвратить. Из сего отзыва видно только обещание о возвращении пленных наших, когда в Бухарию впредь привозимы будут, а представление мое об освобождении семи человек, там уже находящихся, бухарский владетель оставляет без всякого действия», – писал об отсутствии взаимопонимания со стороны бухарского эмира П. К. Эссен [21, л. 28].

Представленный выше архивный материал как

нельзя лучше подтверждает отсутствие всякого желания у бухарского руководства идти навстречу империи в вопросах защиты интересов российских подданных, волей или неволей оказавшихся в Бухаре. О том, что бухарский эмир ставит интересы своего народа гораздо выше проблем иностранных граждан и очень неохотно решает вопросы с безопасностью российских купцов, свидетельствует донесение приказчика малмыжских купцов 1-й гильдии Утямышевых. В результате нападения в 1803 г. на следующий в Бухару караван, потери купцов Утямышевых составили 85 000 рублей [22, л. 5]. Добравшись до столицы эмирата, купеческий приказчик Таир Баширов сразу же отправился просить аудиенции у местного правителя с целью добиться содействия в возврате похищенного груза. Результат этой встречи описан в источнике так: «означенный приказчик Баширов по приезду в Бухарию настоял просьбою у тамошнего владельца Мирхайдара, который принял его просьбу с уважением более потому, что в том грабеже претерпели многие бухарцы, а потому послал он Мирхайдар из своих начальников с караванным вожаком киргиз-кайсацкой меньшей орды к хивинскому владельцу с требованием о возвращении того ограбленного трухменцами приказчика Баширова» [22, л. 5].

Бухарские власти также отказывались снизить таможенно-пошлинные сборы, взимаемые с российских предпринимателей немусульманской конфессии. О неудачном результате переговоров с послом эмирата по поводу уравнивания в правах при совершении деловых операций купцов-христиан с представителями ислама К. В. Нессельроде писал министру финансов Д. А. Гурьеву в 1820 г. По словам главы иностранной коллегии, прибывший в Санкт-Петербург посол бухарского эмира диван беги мурза Азимжан Мулимжанов заявил, что «пошлина у них с христиан вдвое против магометан взыскивается по точным правилам веры их, а потому самому ни какая перемена учинена быть не может, ибо власть самого хана в сем случае не действительна» [21, л. 34 – 34об.]. Обращает на себя внимание дипломатичность ответа бухарского политика, сославшегося на установленные религией, а следовательно, нерушимые догматические правила ведения торговых дел с иноплеменниками.

Сложившаяся ситуация выглядела следующим образом: бухарское руководство, всячески настаивая на соблюдении прав своих земляков, прибывающих в Россию с торгово-дипломатическими целями, в свою очередь не могло или не хотело гарантировать безопасность российских подданных в пределах своего государства.

Подводя итог результатам работы, можно сказать, что в первой половине XIX в. дипломатические контакты российских официальных лиц с казахскими старшинами, султанами и ханами осуществлялись по большей части с целью достижения безопасного прохода торговых караванов



через малоизученные степные пространства. Так как успех транспортировки купеческих товаров через степь зависел от опыта и сноровки проводников из того или иного казахского рода, надежности родовых старшин, и лояльности предводителей более высокого ранга – султанов и ханов, то оренбургское региональное руководство вело деловую переписку со всеми представителями кочевой элиты от низшего до высшего уровней.

Одним из ключевых вопросов русско-бухарской дипломатии исследуемого периода являлся поиск решения проблемы бандитских налетов на караваны российских и бухарских купцов. Орудующие в степи кочевники не делали различий между имуществом, принадлежавшим подданным Российской империи и товарами среднеазиатских купцов. Поэтому правительство Бухары, зная о существенном влиянии России в казахской степи, во многом обусловленном наличием на границе с этим регионом крупных российских войсковых

соединений, настойчиво просило власти империи следить за безопасностью подданных эмирата, занятых во внешнеторговой деятельности. В жалобах ограбленных бухарских купцов и диппредставителей на имя оренбургских военных губернаторов и имперских министров, содержались просьбы о поиске и конфискации у кочевников краденого имущества, реализация которого проводилась в городах Оренбуржья.

Желая иметь дружественные отношения с центральноазиатским соседом и наращивать объемы товарооборота, российское руководство стремилось удовлетворять ходатайства официальной Бухары о содействии пострадавшим предпринимателям. Основная сложность удовлетворения прошений бухарцев о наказании причастных к разбою номадов заключалась в том, что вопрос продуктивного и мирного взаимодействия с населением казахской степи для российской стороны был не менее важен.

### Литература и источники

1. Небольсин П. И. Рассказы проезжего. Павла Небольсина. СПб.: Типография Штаба военно-учебных заведений, 1854. 345 с.
2. Лобысевич Ф. И. Киргизская степь Оренбургского ведомства. М.: Типо-литография И.Н. Кушнерев и К°, 1891. 40 с.
3. Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М.: Наука, 1974. 406 с.
4. Зиманов С. З. Россия и Букеевское ханство. Алма-Ата: Наука, 1982. 171 с.
5. Михалева Г. А. Узбекистан в XVIII – первой половине XIX века. Ремесло, торговля и пошлины. Ташкент: «Фан», 1991. 112 с.
6. Почекаев Р. Ю. Шкура неубитого медведя: место среднеазиатских ханств в проектах развития российской торговли в Средней Азии 1860-х гг. // IX Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен. Сб. стат. междунаrod. науч.-практич. конф. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т, 2018. С. 109 – 112.
7. Лысенко Ю. А. The Problem of Security of Trade Caravans in Russian-Kazakh Relations in the first half of the XIX century // *Былые годы. Российский исторический журнал*. 2019. № 51 (1). С. 138 – 148. doi 10.13187/bg.2019.1.138
8. Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
9. Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 6. Оп. 10. Д. 56.
10. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 74.
11. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 75.
12. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 84.
13. Ерофеева И. В. Казахские ханы и ханские династии в XVIII – середине XIX вв. // Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования. Материалы к Летнему Университету по истории и культуре Центральной Азии и Казахстана (4 – 23 августа). Алматы, 1997. С. 46 – 144.
14. Росляков А. А. Краткий очерк истории Туркменистана (до присоединения к России). Ашхабад: Туркменское государственное издательство, 1956. 195 с.
15. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 76.
16. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 824.
17. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1598.
18. Крафт К. К. Из киргизской старины. Оренбург: Типолитография Ф. Б. Сачкова, 1900. 157 с.
19. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 132А.
20. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11.
21. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644.
22. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 165.

### References

1. Nebol'sin P. I. *Rasskazy proezzhego* [Stories of a traveller]. Saint Petersburg: Tipografiya Shtaba voenno-uchebnykh zavedenii Publ., 1854. 345 p.
2. Lobysevich F. I. *Kirgizskaya step' Orenburgskogo vedomstva* [Kirghiz steppe of the Orenburg Department]. Moscow: Tipo-litografiya I.N. Kushnerev i Ko Publ., 1891. 40 p.
3. Khalfin N. A. *Rossiia i khanstva Srednei Azii (pervaya polovina XIX veka)* [Russia and the Khanates of Central Asia (first half of the 19th century)]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 406 p.
4. Zimanov S. Z. *Rossiia i Bukeevskoe khanstvo* [Russia and the Bukey Khanate]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1982. 171 p.
5. Mikhaleva G. A. *Uzbekistan v XVIII – pervoi polovine XIX veka. Remeslo, trgovlya i poshliny* [Uzbekistan in the 18th – first half of the 19th century]. Tashkent: «Fan» Publ., 1991. 112 p.
6. Pochekaev R. Yu. *Shkura neubitogo medvedya: mesto sredneaziatskikh khanstv v proektakh razvitiya rossiiskoi trgovli v Srednei Azii 1860-kh gg.* [The skin of an unskilled bear: the place of the Central Asian khanates in the projects for the development of Russian trade in Central Asia in the 1860s] // *IX Bol'shakovskie chteniya. Orenburgskii krai kak istoriko-kul'turnyi fenomen. Sb. statei mezhdunarod. nauch.-praktich. Konf* [9th Bolshakov readings. Orenburg region as a historical and cultural phenomenon. Collected articles of the international scientific-practical conference]. Orenburg: Orenburgskii gos. ped. un-t Publ., 2018, pp. 109 – 112.
7. Lysenko Yu. A. The Problem of Security of Trade Caravans in Russian-Kazakh Relations in the first half of the XIX century. *Bylye gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal* [The past years. Russian historical journal], 2019, vol. 51, issue 1, pp. 138 – 148 (in Russian). doi 10.13187/bg.2019.1.138

8. Levshin A. I. *Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh, ord i stepei* [Description of the Hordes and steppes of the Kirghiz-Kazaks, or Kirghiz-Kaisaks]. Almaty: Sanat Publ., 1996. 656 p.
9. Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti (GAOO) [State Archive of Orenburg oblast]. F. 6, op. 10, d. 56.
10. GAOO. F. 6, op. 10, d. 74.
11. GAOO. F. 6, op. 10, d. 75.
12. GAOO. F. 6, op. 10, d. 84.
13. Erofeeva I. V. *Kazakhskie khany i khanskie dinastii v XVIII – seredine XIX vv.* [Kazakh khans and khan dynasties in the 18th –mid-19th centuries] *Kul'tura i istoriya Tsentral'noi Azii i Kazakhstana: problemy i perspektivy issledovaniya. Materialy k Letnemu Universitetu po istorii i kul'ture Tsentral'noi Azii i Kazakhstana (4 – 23 avgusta)* [Culture and history of Central Asia and Kazakhstan: problems and research prospects. Materials for the Summer University on the history and culture of Central Asia and Kazakhstan (August 4 – 23)]. Almaty, 1997, pp. 46 – 144.
14. Roslyakov A. A. *Kratkii ocherk istorii Turkmenistana (do prisoedineniya k Rossii)* [A brief outline of the history of Turkmenistan before its accession to Russia]. Ashgabat: Turkmenskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1956. 195 p.
15. GAOO. F. 6, op. 10, d. 76.
16. GAOO. F. 6, op. 10, d. 824.
17. GAOO. F. 6, op. 10, d. 1598.
18. Kraft K. K. *Iz kirgizskoi stariny* [From Kyrgyz olden times]. Orenburg: Tipo-litografiya F. B. Sachkova Publ., 1900. 157 p.
19. GAOO. F. 6, op. 10, d. 132A.
20. GAOO. F. 6, op. 10, d. 11.
21. GAOO. F. 6, op. 10, d. 1644.
22. GAOO. F. 6, op. 10, d. 165.

© «Клио», 2020

© Абдрахманов К.А., 2020

**УДК 94(47).082**

Дата поступления (Submitted) 06.11.2020

Дата принятия к печати (Accepted) 22.11.2020

**ARSENIY PAVLOVICH SOLOPOV***Bachelor student,**Department of Russian History of the**Nineteenth – Early Twentieth Century,**Faculty of History, Lomonosov Moscow State University.**Russian Federation, 119192, Moscow,**Lomonosovsky Prospekt, 27-4.**E-mail: arssolopov@mail.ru*

## **Orientalism in tobacco advertising in the Russian Empire in the second half of the 19th century**

The article examines the specificity of usage of images of residents of the Muslim East in promoting tobacco products in the Russian Empire in the second half of the 19th century. The article analyzes common patterns of application of oriental aesthetics, stereotypes about the oriental way of life and culture, as well as images of the inhabitants of the Ottoman Empire, their way of life and characteristic attributes for advertising purposes, their connection with the processes of orientalization of the East, the formation of stable connotations among the mass audience associated with the archetypal perception of the Muslim culture, its aestheticization. The scientific novelty of the article lies in the fact that, based on the analysis of advertising posters, it turns out that oriental images in advertising of the period under review served as a manifestation of an atmospheric approach to marketing: without directly emphasizing any positive qualities of the product, they created around it the image of a prestigious, foreign product, an element of high everyday culture and luxury, thus promoting smoking as a habit rather than promoting a certain brand of tobacco. At the same time, the active use of images of oriental women contributed, in particular, to the spread of smoking among the female audience, since it additionally aestheticized this habit, weakening the connotations with masculinity and militancy that had previously characterized the smoking process, thereby making it more accessible to the emerging in the considered period of the so-called “*émancipée*” women.

**Keywords.** *advertising, smoking, tobacco products, poster graphics, orientalism, emancipation, East, Ottoman Empire.*

**АРСЕНИЙ ПАВЛОВИЧ СОЛОПОВ**

студент бакалавриата  
кафедры истории России XIX века – начала XX века  
исторического факультета  
МГУ имени М.В. Ломоносова.  
Россия, 119192, Москва,  
Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4.  
E-mail: arssolopov@mail.ru

В статье рассматривается специфика использования образов жителей мусульманского Востока в продвижении табачной продукции в Российской империи во второй половине XIX века. Анализируются распространенные паттерны применения ориентальной эстетики, стереотипов о восточном образе жизни и культуре, а также изображений жителей Османской империи, их быта и характерной атрибутики в рекламных целях, их связь с процессами ориентирования Востока, формирования у массовой аудитории устойчивых коннотаций, связанных с архетипическим восприятием мусульманской культуры, ее эстетизацией. Научная новизна статьи состоит в том, что в ней на основе анализа рекламных плакатов выясняется, что ориентальные образы в рекламе рассматриваемого периода служили проявлением атмосферного подхода в маркетинге: не акцентируя напрямую какие-либо положительные качества продукта, они создавали вокруг него образ престижного, заграничного товара, элемента высокой бытовой культуры и роскоши, таким образом более пропагандируя курение как привычку, нежели продвигая определенную марку табака. В то же время активное использование изображений восточных женщин способствовало, в частности, распространению курения среди женской аудитории, поскольку дополнительно эстетизировало эту привычку, ослабляя коннотации с маскулинностью и воинственностью, которыми процесс курения характеризовался ранее, тем самым делая ее более доступной для зарождающегося в рассматриваемый период слоя женщин-«эмансипэ».

**Ключевые слова.** Реклама, курение, табачная продукция, плакатная графика, ориентализм, эмансипация, восток, Османская империя.

## Ориентализм в табачной рекламе Российской империи второй половины XIX века

Во второй половине XIX века в Российской империи началась интенсивная модернизация. Бурно развивались промышленность и торговля, что привело к стремительному росту объема наружной рекламы. Городская среда наполнялась яркими вывесками, афишами, плакатами. Если прежде большинство продавцов ограничивались торговыми вывесками непосредственно у своих точек продаж, то теперь размещение и, следовательно, сфера воздействия рекламы стала практически повсеместной. Возраставшая потребность в привлечении аудитории и постоянно увеличивавшиеся расходы на рекламу неизбежно приводили к диверсификации и усложнению и ее функций, и тех методов, которыми рекламодатели стремились достичь своих целей [15, с. 112–113]. Происходил переход от скромных, сугубо информационных материалов, демонстрировавших потенциальному покупателю место расположения и сферу специализации того или иного магазина, к полноценной рекламе, фокусирувавшейся на формировании у массового потребителя позитивного восприятия продвигаемого продукта [12, с. 4].

Значительную часть российского рекламного рынка составляли материалы, продвигавшие табачную продукцию. Несмотря на то, что курение начало распространяться в России относительно поздно, лишь во времена Петра I, к середине XIX

века оно становится привычкой, часто встречающейся среди всех слоев населения. Благодаря этому обстоятельству реклама товаров этого сегмента представляла собой обширный и многообразный корпус материалов.

С самого своего появления на рынке Российской империи табачная продукция обладала сильными коннотациями с образами чего-то пришедшего извне, товаров, ассоциировавшихся с чем-то иностранным. К примеру, О.В. Сляднева упоминает о содержащихся в собрании лубков Д. Ровинского материалах, которые принято считать одними из первых образцов рекламы табачной продукции, точнее – пропаганды ее потребления как чего-то диковинного, а значит – подлежащего ритуализации. На интересующем нас лубке изображены восемь мужчин, нюхающих табак. Рисунок сопровождается следующим текстом: «Иностранные народы нюхают табак на разные манеры, нас табак забавляет и глаза наши исцеляет».

Если в данном случае рекламный материал показывал употребление табака как интернациональную привычку с российскими особенностями, то с развитием рынка курительных принадлежностей стал формироваться иной образ, наиболее часто фигурировавший в этом секторе рекламы, – фигура араба с трубкой [15, с. 28, 94].

Такая тенденция усиливалась именно в XIX

веке, когда на указанную специфику восприятия продукта начал накладываться резкий всплеск моды на восточную эстетику и характерные для мусульманского мира элементы образа жизни [14, с. 160].

Несмотря на то, что столкновение с реальностью нередко приводило к разрушению мифов, связанных с идеализацией людей Востока, что выражалось в искусстве и публицистике, стереотипные представления об «азиатской роскоши» и «восточной мудрости» продолжали бытовать в российском обществе, особенно среди широких масс городского населения, составлявших значимую часть целевой аудитории для производителей табачной продукции. Это не могло не учитываться рекламщиками рассматриваемого периода, причем по всей стране [10, с. 42].

В целом рассмотрение наружной рекламы, эксплуатирующей ориентальную эстетику, через призму искусствоведческих атрибуционных методик, а также эмоционально-эстетической оценки представляется в данном случае наиболее эффективной методологией исследования. Такая методология позволяет выделить две основные тематические группы: работы, демонстрировавшие бытовые сцены из жизни мусульманских стран, и женские образы, изображенные в нарочито восточном окружении.

Бытовая проблематика в рекламных материалах проявлялась по-разному. К примеру, на рекламном плакате, продвигавшем продукцию табачной фабрики «Оттоман» [1], располагавшейся в Санкт-Петербурге, можно видеть двух жителей Османской империи в характерной национальной одежде. Оба они курят, судя по лежащим на столе рядом с ними упаковкам, продукцию рекламируемой фабрики. По деталям на плакате мы можем определить основные идеи, которые рекламист пытается донести до аудитории. В первую очередь, следует отметить, что представленные персонажи явно призваны символизировать достаток и богатство. Об этом свидетельствуют золотые украшения и узоры на одежде изображенных на рекламе курильщиков, богато украшенное оружие и т.д. В сочетании с яркими и насыщенными цветами изображения, а также детализованной, явно не дешевой прорисовкой это должно было привлекать внимание потребителя, подчинять его смысловому наполнению рисунка, подавать готовую трактовку. Следует отметить, что ориентация на массового покупателя была ключевой для данного производителя: так, благодаря диверсификации продукции, включавшей как относительно дорогие папиросы, так и линейки предельно дешевых папирос, к началу XX века «Оттоман» стал наиболее прибыльной табачной фабрикой в российской столице [6, с. 65]. Этой же тенденции соответствует и другой элемент рассматриваемого изображения, а именно – лежащие на столе упаковки рекламируемой продукции: здесь мы видим разнообразие ассортимента фабрики, выпускав-

шей как папиросы, так и трубочный табак.

Нередко информация о турецком происхождении сырья становилась центральным смысловым посылом рекламы, и именно на нем делался главный акцент в рекламном объявлении. Пример такой подачи продемонстрировала одесская табачная фабрика Попова и Замария [2] в колоритно, броско оформленном прейскуранте, призванном показать разнообразие и доступность для всех слоев населения производимой ею продукции. Помимо акцентированного методом удвоения названия – «табачная фабрика турецкого табака и папирос», – в композиции объявления доминируют еще два элемента: марки имевшихся в продаже и рекомендовавшихся к приобретению папирос и табака «высшего качества», а также портрет женщины, облаченной не просто в восточную одежду, но в узнаваемую турецкую (халат, феска).

Очевидно, что абсолютизированное, практически карикатурное изображение этого образа демонстрирует характерное для имперского ориенталистского сознания низведение жителей Востока и особенно женщин из этого региона до некоей диковинной экзотики, элемента чуждой эстетики [8, с. 28]. Именно через это ощущение экзотики, поддерживавшееся всей стилистикой объявления – яркими, контрастными цветами, обилием причудливых, эклектичных деталей, портретом прекрасной турчанки, – акцентируется не просто заграничное, а именно турецкое происхождение табака, что реализовывало рекламный замысел фабрики.

Упомянутая выше объективация образа восточной женщины вообще, восприятие ее исключительно как части определенного экзотического антуража или ассоциативного ряда причудливо сочетаются с историческим контекстом, так как именно во второй половине XIX века оформились и получили поступательное распространение процессы, связанные с женской эмансипацией, обретением женщинами более широких прав, их полноценным выходом на рынок труда и, как следствие, превращением представительниц женского пола в полноправных экономических агентов [13, с. 312], вовлеченных в массовое потребление.

Одновременно с этими процессами к концу века начал формироваться сегмент периодической печати, ориентированный исключительно на женскую аудиторию [9, с. 36] и, соответственно, таргетировавший ее в рамках своей рекламной активности. Очевидно, что подобные тенденции не могли также не найти отражения в наружной рекламе, в частности, продвигавшей табачную продукцию. И среди множества женских образов, фигурировавших в табачной рекламе того времени и демонстрировавших формальное уравнивание курящей женщины с курящим мужчиной через прямое потребление табачной продукции, среди рекламных плакатов, отсылающих к восточной эстетике, встречается немало тех, которые используют образ восточной женщины не как объ-

ект и потенциального покупателя, но как субъект рекламы, средство продажи.

Этот тип рекламы, пожалуй, можно назвать наиболее единообразным среди всех рассмотренных нами. Здесь встречаются вполне очевидные паттерны, стилистически и концептуально объединяющие работы, продвигающие продукцию различных фабрик.

Среди наиболее известных рекламных плакатов интересующей тематики в первую очередь заслуживает упоминания реклама, продвигавшая продукцию табачной фабрики «Габай» [5]. Она очень показательна с точки зрения общих приемов, характерных для данного сегмента рекламного рынка. Изображенная на плакате женщина полулежит на шелковых и бархатных подушках и покрывалах, в которых явно угадываются восточные мотивы. Фон оформлен нейтрально и однотонно, благодаря чему все детали изображения контрастно и рельефно выделяются, привлекая к себе внимание. Несмотря на приглушенные цвета натуральных оттенков и сравнительно небольшую композиционную загроможденность, плакат очевидно транслировал образы материальной состоятельности и высокого статуса [8, с. 29]: детализированная, богатая одежда женщины, узорчатая мебель, дорогой кальян – все это атрибуты, ассоциировавшиеся в массовом сознании с привилегированными слоями восточного общества. Разбросанные по полу перед женщиной коробки с образцами различной продукции продвигаемой фирмы в очередной раз подчеркивают многовариантность доступного товара, однако подпись внизу изображения, содержащая отдельную рекомендацию приобретать любительские табачки, позволяет нам более конкретно очертить целевую аудиторию, охватываемую данной рекламой. Любительский табак представлял собой наименее дорогую и престижную разновидность табака, продаваемого на развес, в противоположность, например, отборному [13, с. 337], то есть табачу высшего качества.

Это подтверждает уже высказанный ранее тезис о том, что реклама табачной продукции рассматриваемого периода, эксплуатирующая ориентальную эстетику [10, с. 42], была адресована в первую очередь небогатой целевой группе, которую не затронул процесс деконструкции стереотипов, культивируемых ориентализмом, в связи с чем Восток сохранял в их сознании коннотации с понятиями изобилия, роскоши и комфорта.

Аналогичные паттерны в оформлении рекламных плакатов данной группы встречаются повсеместно. Так, плакат, призванный популяризировать омскую фабрику Серебрякова [4], являет собой картину, практически идентичную рассмотренной выше. Здесь снова показана женщина, лежащая на богатом ложе, украшенном узорчатыми тканями, в окружении предметов роскоши, дорогой посуды, цветов. Основным отличием от рекламы, разобранной выше, является то, что изо-

бражаемая особа курит не кальян, но папиросу, создавая столь же притягательный, чувственный, манящий образ, но романтизируя при этом другой вид курения. Минареты на горизонте, пальмы и экзотические фрукты, характерная одежда, призывный взгляд – все это также создает иллюзию причастности и доступности чужого прекрасного далека.

Сходно, однако еще более ярко романтизация процесса курения представлена в рекламе продукции фабрики торгового дома Шишман и Дурунча [3]. Здесь нарисованы мужчина и женщина в красочных, изысканных и ярких восточных костюмах. Минарет, в отличие от предыдущего рисунка, не вынесен в плоскость фона, но является по сути третьим действующим лицом. А вся картина озаряется полумесяцем, символизирующим ночь – «время влюбленных» – и вместе с тем один из считаваемых символов ислама. На этот раз изображение самой табачной продукции не доминирует в композиции, это лишь акцент, органично вписывающийся в общую атмосферу чувственности (еще одной черты, приписываемой восточным культурам ориенталистской парадигмой мышления) [8, с. 27]. Сюжетно обоснованная коробка с папиросами, которую юноша распакивает перед своей возлюбленной, становится атрибутом подлинной восточной романтики, как она должна была представляться потенциальному потребителю по мысли создателя рекламы.

То есть образы женщин Востока использовались в рекламе в первую очередь как элемент антуража – архетипические роковые красавицы, манящие, сулящие наслаждение, призванные формировать или поддерживающие стереотипные представления [14, с. 161] о специфической локальной эстетике. Тем не менее у подобной рекламной политики нетрудно обнаружить и иное направление воздействия, если проанализировать рассматриваемые рекламные изображения в контексте времени их возникновения. В конце XIX века в Российской империи шло оформление социального феномена, который может быть назван «женщина нового типа». Процессы демократизации и постепенной женской эмансипации приводили к ослаблению традиционных паттернов межполового общения, в первую очередь в городах. Образ жизни и поведенческие модели, характерные для возникшей в результате этих процессов группы женщин-«эмансипэ», характеризовались, в частности, осознанным стремлением отказаться от анахронистических установок и пристрастий [11, с. 123], продиктованных устоявшимися традиционными гендерными ролями. В связи с этим допустимо предположить, что реклама, подобная рассмотренной выше, вполне могла воздействовать и на этот сегмент женской аудитории. Будучи рассчитанной в первую очередь на пропаганду курения среди мужчин посредством применения стандартного для рекламы того времени инструментария (вроде создания коннотаций между про-

двигаемым товаром и образом богатства, успеха или экзотики), она параллельно достигала и иного результата. Эстетизируя и романтизируя исконно мужскую [7, с. 38] привычку к курению, она делала ее более доступной и привлекательной для органичного восприятия постепенно отходящих от гендерных ограничений женщин. Эта реклама создавала в указанном сегменте женской аудитории позитивное впечатление о товаре, который в тот момент конвенционально признавался мужским – именно через эту очевидную мужскую принадлежность табак становился интересен и «эмансипэ». Вместе с тем визуализация табачной рекламы в женских образах упрощала, делала уже не столь воинственной и маскулинной мужскую привычку курить. Это был перекидной мостик, через который делались первые робкие шаги к курению и теми женщинами, которые оставались искренне приверженными традиционным семейным ценностям [11, с. 122]. Привычка курить – до недавнего времени чисто мужская – получила изысканную эстетизацию в рекламе, которая хотя и не могла вывести женское курение из плоскости открытого

вызова обществу, но тем не менее смягчала ситуацию.

В целом в табачной рекламе Российской империи второй половины XIX века практически безраздельно преобладает так называемый атмосферный подход [12, с. 16]. В создании рекламных изображений, призванных популяризовать тот или иной продукт, идейно господствовали не рациональные смысловые установки, доносившие до потенциального покупателя реальные или мнимые достоинства продукции конкретной фирмы, но общий антураж, эмоциональная составляющая, аллюзии, призванные сформировать у аудитории положительные коннотации с продуктом. В результате рекламные творческие находки в большей степени способствовали популяризации самого курения как привычки, а не конкретного продукта потребления. Репрезентация же мусульманского Востока в табачной продукции связывалась с типичными, узнаваемыми обывателем позитивными стереотипами об ориентальной культуре – роскошью, комфортом, пышностью, чувственностью.

#### Литература и источники

1. Табачная фабрика «Оттоман», реклама [Электронный ресурс] // URL: [https://yandex.ru/images/search?pos=0&cbir\\_id=2972534%2Fq3MLFFn520C6FqLw7sXVA&img\\_url=https%3A%2F%2Fi.ucrazy.ru%2Ffiles%2F%2F2012.9.16%2Fthumbs%2Ffreklambs.jpg&rpt=imagelike](https://yandex.ru/images/search?pos=0&cbir_id=2972534%2Fq3MLFFn520C6FqLw7sXVA&img_url=https%3A%2F%2Fi.ucrazy.ru%2Ffiles%2F%2F2012.9.16%2Fthumbs%2Ffreklambs.jpg&rpt=imagelike) (дата обращения 16.11.2020).
2. Табачная фабрика М. Попова и Замария, реклама [Электронный ресурс] // URL: [https://yandex.ru/images/search?pos=0&cbir\\_id=3523530%2F7JihX86HGBLcX3fmgNqS7A&img\\_url=http%3A%2F%2Fi.mycdn.me%2F%3Fr%3DAzEPZsRbOZEKgbhR0XGMT1Rkn2adiJpLX7AevlpFNFqRgKaKTM5SRkZCeTgDn6uOyic&rpt=imagelike](https://yandex.ru/images/search?pos=0&cbir_id=3523530%2F7JihX86HGBLcX3fmgNqS7A&img_url=http%3A%2F%2Fi.mycdn.me%2F%3Fr%3DAzEPZsRbOZEKgbhR0XGMT1Rkn2adiJpLX7AevlpFNFqRgKaKTM5SRkZCeTgDn6uOyic&rpt=imagelike) (дата обращения 16.11.2020).
3. Табачная фабрика торгового дома Шишман и Дурунча, реклама [Электронный ресурс] // URL: [https://yandex.ru/images/search?img\\_url=https%3A%2F%2Fbuybook.ru%2Fwa-data%2Fpublic%2Fshop%2Fproducts%2F91%2F64%2F26491%2Fimages%2F41109%2F41109.745.jpg&cbir\\_id=2186118%2Fo4zOUSQyK14g47JTl5LGoA&rpt=imagelike&pos=0](https://yandex.ru/images/search?img_url=https%3A%2F%2Fbuybook.ru%2Fwa-data%2Fpublic%2Fshop%2Fproducts%2F91%2F64%2F26491%2Fimages%2F41109%2F41109.745.jpg&cbir_id=2186118%2Fo4zOUSQyK14g47JTl5LGoA&rpt=imagelike&pos=0) (дата обращения 16.11.2020).
4. Табачная фабрика Я.М. Серебрякова, реклама [Электронный ресурс] // URL: [https://yandex.ru/images/search?img\\_url=https%3A%2F%2Fstatic.life.ru%2Ftmp%2F32706760\\_bf928ffff5bf-1581422224413.jpg&cbir\\_id=2923378%2FAHBJg7VIF-LDAmAp4TNpWg&rpt=imagelike&pos=0](https://yandex.ru/images/search?img_url=https%3A%2F%2Fstatic.life.ru%2Ftmp%2F32706760_bf928ffff5bf-1581422224413.jpg&cbir_id=2923378%2FAHBJg7VIF-LDAmAp4TNpWg&rpt=imagelike&pos=0) (дата обращения 16.11.2020).
5. Товарищество табачной фабрики «Габай», реклама [Электронный ресурс] // URL: [https://yandex.ru/images/search?pos=1&cbir\\_id=2191550%2F7zsw90vJ-LTqzhs8zy5DbA&img\\_url=https%3A%2F%2Flive.staticflickr.com%2F65535%2F50116160727\\_a283b5362c\\_n.jpg&rpt=imagelike](https://yandex.ru/images/search?pos=1&cbir_id=2191550%2F7zsw90vJ-LTqzhs8zy5DbA&img_url=https%3A%2F%2Flive.staticflickr.com%2F65535%2F50116160727_a283b5362c_n.jpg&rpt=imagelike) (дата обращения 16.11.2020).
6. Богданов И.А. Дым отечества, или Краткая история табакокурения. М., 2007.
7. Веременко В.А. Женская домашняя прислуга в России второй половины XIX – начала XX в.: состояние здоровья и факторы профессиональной заболеваемости // Известия Самарского научного центра РАН. 2017. № 3-1. С. 37–40.
8. Говорунов А.В., Кузьменко О.П. Ориентализм и право говорить за другого // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 2 (11). С. 26–43.
9. Громова А.И. Идеал красоты в отечественных женских журналах начала XX в.: изменение паттернов контроля за женским телом // Вестник КГУ. 2016. № 3. С. 33–39.
10. Жуков К.А. Формирование представлений об Османской империи в России в XVIII – начале XX в. // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2012. № 1. С. 36–48.
11. Меньшикова Е.Н., Семенов М.Ю. Конструирование репрезентативного образа женщины «нового типа» конца XIX – начала XX века // Историческая психология и социология истории. 2014. № 2. С. 117–131.
12. Очковская М.С. Реклама в царской России во второй половине XIX – начале XX вв.: поиск национальной специфики // Реклама. Теория и практика. 2014. № 1. С. 2–22.
13. Пушкарева Н.Л., Секенова О.И. Преподавательницы Бестужевских женских курсов как феномен российской эмансипации второй половины XIX – начала XX в. // Вопросы образования. 2020. № 1. С. 302–316.
14. Прохоров Д.А. Крымские караимы и развитие табачной промышленности в Российской империи в конце XIX – начале XX века // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2018. № 10. С. 334–370.
15. Родионова О.В. Проблема феномена Востока в культуре России XIX–XX веков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 9. С. 160–176.
16. Сляднева О.В. Очерки истории российской рекламы: Учебное пособие. В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2001.

#### References

1. Tabachnaya fabrika "Ottoman", reklama [Advertisement of the Tobacco Factory "Ottoman"]. Available at: [https://yandex.ru/images/search?pos=0&cbir\\_id=2972534%2Fq3MLFFn520C6FqLw7sXVA&img\\_url=https%3A%2F%2Fi.ucrazy.ru%2Ffiles%2F%2F2012.9.16%2Fthumbs%2Ffreklambs.jpg&rpt=imagelike](https://yandex.ru/images/search?pos=0&cbir_id=2972534%2Fq3MLFFn520C6FqLw7sXVA&img_url=https%3A%2F%2Fi.ucrazy.ru%2Ffiles%2F%2F2012.9.16%2Fthumbs%2Ffreklambs.jpg&rpt=imagelike) (accessed 16.11.2020).
2. Tabachnaya fabrika M. Popova i Zamariya, reklama [Advertisement of the Tobacco Factory of M. Popov and Zamaria]. Available at: [https://yandex.ru/images/search?pos=0&cbir\\_id=3523530%2F7JihX86HGBLcX3fmgNqS7A&img\\_url=http%3A%2F%2Fi.mycdn.me%2F%3Fr%3DAzEPZsRbOZEKgbhR0XGMT1Rkn2adiJpLX7AevlpFNFqRgKaKTM5SRkZCeTgDn6uOyic&rpt=imagelike](https://yandex.ru/images/search?pos=0&cbir_id=3523530%2F7JihX86HGBLcX3fmgNqS7A&img_url=http%3A%2F%2Fi.mycdn.me%2F%3Fr%3DAzEPZsRbOZEKgbhR0XGMT1Rkn2adiJpLX7AevlpFNFqRgKaKTM5SRkZCeTgDn6uOyic&rpt=imagelike) (accessed 16.11.2020).

3. Tabachnaya fabrika trgovago doma Shishman i Duruncha, reklama [Advertisement of the Tobacco Factory of Shishman and Duruncha Trade House]. Available at: [https://yandex.ru/images/search?img\\_url=https%3A%2F%2Fbuyabook.ru%2Fwa-data%2Fpublic%2Fshop%2Fproducts%2F91%2F64%2F26491%2Fimages%2F41109%2F41109.745.jpg&cbir\\_id=2186118%2F04zOUSQyK14g47JTl5LGoA&rpt=imagelike&pos=0](https://yandex.ru/images/search?img_url=https%3A%2F%2Fbuyabook.ru%2Fwa-data%2Fpublic%2Fshop%2Fproducts%2F91%2F64%2F26491%2Fimages%2F41109%2F41109.745.jpg&cbir_id=2186118%2F04zOUSQyK14g47JTl5LGoA&rpt=imagelike&pos=0) (accessed 16.11.2020).
4. Tabachnaya fabrika Ya.M. Serebryakova, reklama [Advertisement of the Tobacco Factory of Ya.M. Serebryakov]. Available at: [https://yandex.ru/images/search?img\\_url=https%3A%2F%2Fstatic.life.ru%2Ftmp%2F32706760\\_bf928fff5bf-1581422224413.jpg&cbir\\_id=2923378%2FAHBjg7VIF-LDAmAp4TNpWg&rpt=imagelike&pos=0](https://yandex.ru/images/search?img_url=https%3A%2F%2Fstatic.life.ru%2Ftmp%2F32706760_bf928fff5bf-1581422224413.jpg&cbir_id=2923378%2FAHBjg7VIF-LDAmAp4TNpWg&rpt=imagelike&pos=0) (accessed 16.11.2020).
5. Tovarishchestvo tabachnoi fabriki "Gabai", reklama [Advertisement of the Tobacco Factory of Partnership Gabai]. Available at: [https://yandex.ru/images/search?pos=1&cbir\\_id=2191550%2F7zsw90vJ-LTqzhs8zy5DbA&img\\_url=https%3A%2F%2Ffive.staticflickr.com%2F65535%2F50116160727\\_a283b5362c\\_n.jpg&rpt=imagelike](https://yandex.ru/images/search?pos=1&cbir_id=2191550%2F7zsw90vJ-LTqzhs8zy5DbA&img_url=https%3A%2F%2Ffive.staticflickr.com%2F65535%2F50116160727_a283b5362c_n.jpg&rpt=imagelike) (accessed 16.11.2020).
6. Bogdanov I.A. Dym otechestva, ili Kratkaya istoriya tabakokureniya [Smoke of the Fatherland, or a Brief History of Tobacco Smoking]. Moscow, 2007.
7. Veremenko V.A. Zhenskaya domashnyaya prisluga v Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.: sostoyanie zdorov'ya i faktory professional'noi zabolevaemosti [Female Domestic Servants in Russia in the Second Half of the 19th – early 20th Centuries: Health Status and Factors of Occupational Morbidity] // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN [Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2017. № 3-1. P. 37–40.
8. Govorunov A.V., Kuz'menko O.P. Orientalizm i pravo govorit' za drugogo [Orientalism and the Right to Speak for Another] // Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury [International Journal of Cultural Research]. 2013. № 2 (11). P. 26–43.
9. Gromova A.I. Ideal krasoty v otechestvennykh zhenskikh zhurnalakh nachala XX v.: izmenenie patternov kontrolya za zhenskimi telom [The Ideal of Beauty in Russian Women's Magazines at the Beginning of the 20th Century: Changing Patterns of Control over the Female Body] // Vestnik KGU [KGU Bulletin]. 2016. № 3. P. 33–39.
10. Zhukov K.A. Formirovaniye predstavleniy ob Osmanskoy imperii v Rossii v XVIII – nachale XX v. [Formation of Ideas about the Ottoman Empire in Russia in 18th – early 20th Century] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedeniye [Moscow University Bulletin. Series 13. Oriental Studies.]. 2012. № 1. P. 36–48.
11. Men'shikova E.N., Semenov M.Yu. Konstruirovaniye reprezentativnogo obraza zhenshchiny "novogo tipa" kontsa XIX – nachala XX veka [Construction of a Representative Image of a "New Type" Woman of the Late 19th – Early 20th Century] // Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii [Historical Psychology and Sociology of History]. 2014. № 2. P. 117–131.
12. Ochkovskaya M.S. Reklama v tsarskoy Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: poisk natsional'noi spetsifiki [Advertising in Tsarist Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: the Search for National Specifics] // Reklama. Teoriya i praktika [Advertising. Theory and Practice]. 2014. № 1. P. 2–22.
13. Pushkareva N.L., Sekenova O.I. Prepodavatel'nitsy Bestuzhevskikh zhenskikh kursov kak fenomen rossiiskoi emansipatsii vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [Teachers of the Bestuzhevsky Women's Courses as a Phenomenon of Russian Emancipation in the Second Half of the 19th – Early 20th Century] // Voprosy obrazovaniya [Education Issues]. 2020. № 1. P. 302–316.
15. Prokhorov D.A. Krymskie karaimy i razvitiye tabachnoi promyshlennosti v Rossiiskoy imperii v kontse XIX – nachale XX veka [Crimean Karaites and the Development of the Tobacco Industry in the Russian Empire in the Late 19th – Early 20th Century] // Materialy po arkhologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya [Materials on Archeology and History of the Ancient and Medieval Black Sea Region]. 2018. № 10. P. 334–370.
14. Rodionova O.V. Problema fenomena Vostoka v kul'ture Rossii XIX–XX vekov [The Problem of the Phenomenon of the East in the Culture of Russia of the 19th–20th Centuries] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences]. 2017. № 9. P. 160–176.
15. Slyadneva O.V. Ocherki istorii rossiiskoi reklamy: Uchebnoe posobie [Essays on the History of Russian Advertising: A Study Guide]. In 2 parts. Part 1. SPb., 2001.

© «Клио», 2020

© Солопов А.П., 2020

**УДК 94(47)**

Дата поступления (Submitted) 30.11.2020  
 Дата принятия к печати (Accepted) 06.12.2020

**LUBOV SAMARINA,**

*applicant, Pushkin Leningrad State University  
 196605, Russia, St. Petersburg, Pushkin, Petersburg highway, 10.  
 E-mail: ravel-poletika@mail.ru*

**ALEKSEY SEMENOV,**

*applicant, Pushkin Leningrad State University  
 196605, Russia, St. Petersburg, Pushkin, Petersburg highway, 10.  
 E-mail: ivanova.olga.al@mail.ru*

## **Goals and means of mutual aid funds for servants in Russia in the second half of the XIX-early XX centuries**

This article examines the organization of financial mutual assistance of servants in Russia in the second half of the XIX-early XX centuries. On the example of the auxiliary cash register for gardeners and their families, the savings and auxiliary cash register of workers and servants of the trading house "P. V. Shchetinkin in Kazan", the St. Petersburg artel of domestic male servants, the Riga society of mutual assistance "Vostok", the auxiliary

cash register for watchmen and servants at the St. Petersburg society of mutual credit, the society for mutual assistance of waiters, number plates, doormen and innkeepers in Odessa analyze the goals, means and types of assistance provided. The authors conclude that the statutory documents of mutual aid funds clearly defined the range of circumstances requiring financial assistance and provided for different forms of its provision: a repayment loan, a loan with interest, and a non-refundable allowance. Upon receipt of the application, each case was considered separately, and assistance was assigned according to the family circumstances and the applicant's ability to pay. The system of mutual financial assistance of companies and cash registers was quite flexible and took into account the individual characteristics of those in need, but only depositors who made their contribution to the capital for a long time and regularly could use the service of such organizations.

**Keywords:** *domestic servants, mutual aid, funeral Fund, a gang, a society of mutual assistance.*

**ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА САМАРИНА,**

соискатель, ЛГУ им. А.С. Пушкина  
196605, Россия, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.  
тел. 8(921)434-15-63, e-mail ravel-poletika@mail.ru

**АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ СЕМЁНОВ,**

соискатель, ЛГУ им. А.С. Пушкина  
196605, Россия, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.  
тел. 8(921)55-05-714, e-mail ivanova.olga.al@mail.ru

В статье исследуются организации финансовой взаимопомощи прислуги в России во второй половине XIX – начале XX вв. На примере вспомогательной кассы для садовников и их семейств, сберегательно-вспомогательной кассы рабочих и прислуги торгового дома «П.В. Щетинкин в Казани», Санкт-Петербургской артели домашней мужской прислуги, Рижского общества взаимного вспоможения «Восток», вспомогательной кассы для сторожей и прислуги при Санкт-Петербургском обществе взаимного кредита, общества взаимопомощи официантов, номерных, номеранток, швейцаров и трактирослужащих в Одессе анализируются цели, средства и виды оказываемой помощи. Авторы приходят к выводу, что уставные документы касс взаимопомощи четко определяли круг обстоятельств, требовавших финансовой помощи, и предусматривали разные формы ее оказания: возвратная ссуда, ссуда с процентами, безвозвратное пособие. При получении заявления каждый случай рассматривался отдельно, и помощь назначалась сообразно семейным обстоятельствам и платежеспособности заявителя. Система финансовой взаимопомощи обществ и касс была достаточно гибкой и учитывала индивидуальные особенности нуждающихся, но воспользоваться сервисом таких организаций могли только вкладчики, достаточно долго и исправно вносившие свой взнос в капитал.

**Ключевые слова.** *Прислуга, кассы взаимопомощи, похоронные кассы, артель, общества взаимопомощи.*

## Цели и средства касс взаимопомощи для прислуги в России во второй половине XIX – начале XX вв.

*(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00297)*

Особое значение имеют вопросы, связанные с исследованием социального состава пореформенной России во второй половине XIX в. По данным переписи 1897 г. работа прислужкой была одной из самых распространенных форм занятости, в то же время отсутствовало правовое поле, фиксирующее положение социо-профессиональной группы в социальной системе Российской империи [1]. Значительную часть городской прислуги составляли крестьяне, ушедшие на заработки, и вынужденные искать себе место в незнакомом городе, без связей и семьи. В такой ситуации наиболее остро стоял вопрос о социальной помощи.

Социальная защита прислуги, задействованная в различных отраслях общественного производства, оставалась на низком уровне. Законо-

дательство в части регламентации деятельности различных профессий прислуги пошло по пути установления ограничений и требований, при этом правам и социальным гарантиям не отводилось должного внимания. Во второй половине XIX в. в России начали появляться организации взаимопомощи, страховые, похоронные и пенсионные кассы, деятельность которых была направлена на поддержку экономически активного населения.

Интерес современных исследователей вызывают вопросы социальной защиты населения в регионах. Так, А.Ф. Волков, рассмотрев особенности государственного регулирования на Дальнем Востоке, пришел к выводу, что система социальной помощи существовала без достаточной законодательной базы, института пенсий не существовало, а поддержкой в отдельных случаях пользовались



только военные и чиновники [2]. Е.Ю. Казакова-Апкаримова дала характеристику обществ взаимопомощи на примере уставов и подробно описала деятельность касс подрядчиков в Перми и Екатеринбурге [3]. В Петербурге варианты социальной защиты в Первом обществе взаимного кредита и Санкт-Петербургском обществе взаимного кредита уездного земства рассмотрены в статье А.В. Зотовой [4]. Также проведены исследования функций обществ и артелей для прислуги, в которых существенное внимание уделено финансовой поддержке членов и социальной защите [5, 6, 7, 8]. О специфике положения прислуги и предоставляемых социальных гарантиях в центральных государственных учреждениях Российской империи анализируется в работе В.А. Веременко и Е.Н. Крыловой [9].

**Целью** нашего исследования является анализ организаций финансовой взаимопомощи прислуги в России во второй половине XIX – начале XX вв.

Профессиональные объединения прислуги, использовавшие общую кассу, носили статус организаций мелкого кредита [10] и должны были действовать согласно уставу и постановлений Общего собрания [5, с. 35]. Бюджет организации складывался из единовременного вступительного взноса, периодических взносов (обычно ежемесячных), штрафных денег, дохода от благотворительных или иных мероприятий (а также добровольных пожертвований), и кружечного сбора (обычно устанавливался в артелях, предполагал сбор чаевых) [6]. Отдельная статья расходов в бюджете отводилась оказанию помощи нуждающимся членам общества. Для получения ссуды или пособия заявитель должен был соответствовать ряду требований (напр.: быть в составе общества минимум 1 год и исправно платить взносы, обстоятельство для получения денег должно быть веским – свадьба, похороны, потеря кормильца, болезнь, пожар и т.д.). В зависимости от объема бюджета и средних доходов, для каждого случая правление организации устанавливало оптимальный размер выплаты.

Рассмотрим условия оказания помощи в отдельных профессиональных сообществах.

**А) Вспомогательные кассы для садовников и их семейств** преследовали следующие цели: а) делать вспомоществования всем нуждающимся садовникам и их семействам; б) выдавать пенсии семействам тех садовников, которые были участниками вспомогательной кассы; в) выдавать ежемесячные или единовременные пособия нуждающимся из участников вспомогательной кассы [11, с. 1]. Участниками кассы могли стать только лица, удовлетворяющие таким условиям, как быть «садовником, т. е. изучившие садоводство в каком-либо казенном или известном частном садовом заведении», или же владельцем «торговых садовых и семенных заведений», или, наконец, состоящем «на службе при казенных или известных

частных садах в качестве садовников; ... членами общества садоводства...» [11, с. 3]. Общество взаимной помощи садовников Одесского градоначальства и Одесского уезда отдельно выделяло, что оно имело «целью содействовать улучшению материальных и нравственных условий жизни своих членов» [12, с. 1, 4]. Кроме того, некоторые кассы безвозмездно оказывали врачебную помощь и содействовали приобретению лекарств бесплатно или по сниженной цене; заботились о призрении и воспитании детей умерших членов; выдавали пособия на погребение умерших членов и оказывали материальную помощь оставшимся после умерших членов семьям; призревали престарелых, увечных и неспособных к труду членов общества; открывали для своих членов и их семейств больницы, амбулатории, приюты, общежития, дешевые квартиры, школы, детские сады, летние колонии, библиотеки, читальни; учреждали для детей и сирот членов общества стипендии в различных учебных заведениях; устраивали лекции и чтения [12, 13, 8].

Основной капитал кассы для садовников и их семейств носил название «капитал Кассы бедных садовников», который состоял из добровольных пожертвований, доходов с определенных дней выставок, процентов. Доход вспомогательной кассы составляли проценты с основного капитала, взносы участников вспомогательной кассы, сбор одного дня во время публичных выставок, устраиваемых обществом садоводств, за вычетом текущих расходов этого дня, особые сборы от продления выставок и добровольные взносы [11, с. 2].

Участники должны были ежегодно вносить по 5 руб. сер. в пользу кассы, производя этот взнос за год вперед, с 1 ноября по 1 января, и единовременный взнос сообразно возрасту. Расчет производился по следующей схеме: лица до 40 лет по 10 руб., от 40 до 50 – 25 руб., от 50 до 60 – 50 руб., от 60 до 80 – 100 руб. [11, с. 3]. В примечании было сказано, что «члены или участники-основатели кассы, единовременные взносы не делают» [11, с. 3].

По уставу действовало правило, что «на помощь нуждающимся садовникам и их семействам должно быть израсходовано ежегодно не более 200 руб. серебром» [11, с. 4]. Ежемесячные пенсии выдавались из расчетов: 1. вдовам – до 10 руб. сер. в месяц. При вступлении в новый брак, выдача пенсии прекращалась; 2. круглым сиротам – до 10 руб. сер. в месяц. Выплата производилась до достижения 17 лет; 3. пенсии сирот, по усмотрению комиссии выплачивались опекунам малолетних, или непосредственно расходовались на их воспитание; 4. сиротам, которые не могли обеспечивать по состоянию здоровья сами себя, получали пенсию и после 17 лет [11, с. 5]. В случае смерти участника кассы, оставшемуся семейству выдавалось единовременное пособие до 50 руб. Участникам кассы, нуждающимся в помощи, ко-

миссия могла дать не свыше 10 руб. сер. в месяц или 25 руб. сер. одновременно. К примеру, к 1 января 1875 г. вспомогательная касса выдала пособия 10 лицам на 115 руб. и пенсий 3 вдовам на сумму 340 руб. [14].

**Б) Сберегательно-вспомогательная касса рабочих и прислуги торгового дома «П.В. Щетинкин в Казани»** создавалась для «доставления участникам возможность сделать сбережение, а также для выдачи денежной помощи нуждающимся участникам, в случае их смерти - их семьям» [15, с. 3]. Участниками кассы могли стать все рабочие и прислуга обоего пола, имевшие постоянную работу в торговом доме и получавшие ежемесячное жалование. Участие в кассе прекращалось вследствие увольнения, по собственному желанию, или в случае смерти. Уволенный участник получал весь капитал, принадлежащий ему и числящийся по день выхода из кассы на его личном счету. В случае смерти члена кассы, его капитал выдавался лицу, указанному в письменном его заявлении комитету, в случае отсутствия заявления отдавали наследникам по закону или по завещанию [15, с. 4].

Из кассы выдавались единовременные, периодические или пожизненные безвозвратные пособия. При распределении размера пособия комитет руководствовался состоянием кассы вспомогательного капитала, а также возрастом, семейным положением, способностью к труду [15, с. 10]. Пособия «с возвратом» выдавались на срок не более 1 года и должны были погашаться равными ежемесячными вычетами из жалования в продолжение всего того времени, на которое выдано пособие. Если в случае смерти, увольнения или выбытия из кассы, участник не вернул долг, сумма этого долга удерживалась из заработной платы.

**В) В уставе Санкт-Петербургской артели домашней мужской прислуги** был раздел, посвященный вспомогательной кассе. В нём говорилось, что на получение ссуды из вспомогательного капитала имели право только участники артели, пробывшие артельщиками не менее года. Желающие воспользоваться ссудой заявляли об этом правлению письменно, обозначив размер испрашиваемой ссуды, срок и способ уплаты – разом или по частям, в установленные сроки. При большом количестве желающих получить денежную помощь, преимущественное право на ссуду имели лица, которые могли «представить исключительные семейные обстоятельства, такие как женитьба, смерть кого-либо из близких, потерю имущества от пожара или кражу и т.п., затем вообще люди семейные перед бессемейными» [16, с. 5]. В срок с 1 мая 1895 г. по 1 января 1897 г. в отчете была зафиксирована только одна выплата 170 руб. «на похороны члена артели Закревского и на выдачу пенсии вдове его» [17, л. 22].

Ссуды, для упрощения расчетов, выдавали круглыми суммами 5, 10, 15 и т.д. руб. Полученную сумму полагалось вернуть, крайний срок для воз-

врата ссуды и размер взимаемых за них процентов определялся общим собранием артельщиков. Причем крайний срок для ссуды не превышал 12 месяцев, а размер процентов 6 % в год [16, с. 6]. Участник, получивший ссуду, мог воспользоваться новой только тогда, когда погасит долг.

**Г) Рижское общество взаимного вспоможения «Восток»** имело цели: 1) оказывать помощь действительным членам во время болезни; 2) выдавать пособия на погребение умерших действительных членов, их жен, мужей и детей; 3) выдавать ежемесячные пособия неспособным к труду действительным членам и их вдовам; 4) выдавать пособия на рождение детей; 5) выдавать пособия при вступлении в законный брак; 6) выдавать в случае действительной нужды ссуды по определенным процентам; 10) содействовать приобретению членами различных предметов потребления и домашнего обихода по удешевленной цене; 12) оказывать вспомоществование в случае действительной нужды вдовам и сиротам умерших [18, с. 4].

Для действительных членов и членов-соревнователей устанавливалась дифференцированная плата по различным статьям бюджета (напр.: единовременный взнос 1 р.50 коп. и 1р. соответственно).

Глава «Порядок выдачи пособий» содержит подробную роспись случаев и сумм с большим списком примечаний. В разделе «Пособия больным» уточняется, что неизлечимо или хронически больной не может получить стандартное пособие в размере 3 р. первые 8 недель болезни, 2 р. 50 коп. следующие 8 недель и 1 р. 50 коп. в последние 8 недель. Женщины не имели права получать пособие в случае болезни. Состоящий действительным членом общества менее 6 месяцев не мог претендовать на пособие, член-соревнователь вообще не получал пособие [18, с. 24]. Раздел «Пособие на похороны» устанавливал размеры выплат для различного статуса умершего члена семьи. «Пособие на приданое» и «Пособие на рождение детей» содержали исключение: если один родитель платил взносы в кассу, то он получал ссуду 10 р., если двое родителей – то на двоих им полагалось 15 р. [18, с. 32].

В целом, общество «Восток» имело обширный список статей дополнительного дохода, что достаточно подробно отражено в уставе: средства общества образовывались из вступительных взносов членов, ежемесячных взносов членов, ежегодных взносов членов-соревнователей и членов-гостей, единовременных взносов вводимых гостей, взносов на погребение самих членов и членов их семейств, взносов членов на рождение, взносов членов при вступлении в законный брак, процентов на капиталы общества, доходов с недвижимостей общества, штрафных денег, сумм от продажи уставов и расчетных книжек, пожертвований, чистых прибылей от устраиваемых мероприятий, плат за обучение, взносов за пользование библио-

текой общества, процентов по ссудам, отказов по завещаниям, сумм от продажи жетонов, сборов по подписным листам, прибылей от экономии, разных субсидий и случайных поступлений [18, с. 8].

**Д)** От С.-Петербургского общества взаимного кредита действовала **вспомогательная касса для сторожей и прислуги**. Целью ее являлось обеспечение прислуги после прекращения службы в Обществе и поддержание семейств членов после смерти кормильцев. Участниками являлись рассыльные, сторожа, кухарки, повара, швейцары, дворники и кочегары, состоявшие в Обществе взаимного кредита.

Правом на получение пожизненных пособий могли пользоваться а) участники кассы, прослужившие в обществе 25 и более лет; б) участники кассы, прослужившие от 15 до 25 лет, выбывшие по болезни или инвалидности; в) вдовы и сироты участников кассы, прослуживших минимум 15 лет; г) узаконенные дети участников кассы [19, с. IV].

Пожизненные пособия рассчитывались по среднему годовому окладу за последние 5 лет и назначались в следующем размере [19, с. V]:

За 15 и более лет службы 20% год. оклада, но не свыше.....120 р.

За 20 и более лет службы 40% год. оклада, но не свыше.....240 р.

За 25 и более лет службы 60% год. оклада, но не свыше.....360 р.

За 30 и более лет службы 80% год. оклада, но не свыше.....480 р.

За 35 и более лет службы 100% год. оклада, но не свыше.....600 р.

Из пособия, получаемого умершим участником кассы, полагалось выдать родственникам в следующем размере: бездетная вдова – 50%; вдова с одним ребенком, имеющим право на пособие, –  $\frac{3}{4}$ ; вдова с двумя и более детьми – полное пособие; один круглый сирота –  $\frac{1}{3}$  пособия; двое круглых сирот –  $\frac{2}{3}$ ; трое и более сирот – полный размер пособия в равных долях каждый.

Выдача пособия прекращалась: а) в случае смерти получавшего; б) сыновьями умершего по достижении 21 года; в) дочерьми по достижении 21 года или выходом замуж; г) если пособие не востребовано в течение 2-х лет [19, с. VI].

**Е)** В Одессе в начале XX в. действовало **общество взаимопомощи официантов, номерных, номеранток, швейцаров и трактирслужачих**. Целью этой организации было содействие улучшению материальных и нравственных условий жизни своих членов. Для достижения цели выдавались пособия и беспроцентные ссуды, оказывалась помощь в приискании места, оказывалась медицинская и юридическая помощь, осуществлялись призрение, воспитание и образование детей членов общества, сирот и малолетних, также призревались вдовы, престарелые и неспособные к труду родители; выдавались пособия на погребение [20, с. 4].

Действительными членами общества могли стать служащие трактиров, гостиниц и ресторанов, почетными членами – сделавшие пожертвования, членами соревнователями могли стать лица, оказывавшие обществу помощь личным трудом (врачи, акушерки и пр.) или вносящие ежегодно не менее 25 руб. или одновременно не менее 300 руб. Почетные члены не платили членские взносы и, как и соревнователи, не пользовались ссудами, пособиями и содействием общества [20, с. 5].

Бюджет составлялся из вступительного взноса, ежемесячного взноса и единовременных членских, процентов на капиталы общества, доходов от имущества, пожертвований и случайных поступлений.

Определение случаев, в которых могло быть выдано пособие, его размер и условия получения устанавливались общим собранием. После смерти члена, пособия и ссуды могли получать вдова, сироты, родители, малолетние братья и сестры умершего, находившиеся на его попечении. Для получения пособия необходимо было подать в правление письменное заявление с изложением своих нужд.

Средства для нуждающихся были и у Московского общества взаимопомощи официантов и другой гостиничной и трактирной прислуги. Эти средства формировались за счет членских взносов; пожертвований, как членов общества, так и посторонних лиц; процентов на капитал общества и доходов от принадлежащего обществу имущества; сборов с устраиваемых обществом спектаклей, концертов, публичных чтений, танцевальных вечеров, в количестве не более 4-х в год [21, с. 3; 22, с. 50].

**Таким образом, мы видим, что** уставные документы касс взаимопомощи четко определяли круг обстоятельств, требующих финансовой помощи. Большинство статей содержали примечания для членов обществ с особым положением (гости, соревнователи, почетные члены) и фиксировали объемы возможных выплат. Пенсионные начисления производились по прогрессивной шкале в зависимости от возраста и опыта работы, данную меру можно классифицировать, как косвенную мотивацию держаться за место работы и исполнять обязанности без нареканий, влекущих штрафные санкции.

Приведенные размеры взносов скромнее членских сумм при вступлении в артель (напр.: от 10 до 200 р. [5]), и были по силам горничным, кухаркам и дворникам. Однако малый размер отдельных сборов компенсировался количеством статей, по которым было необходимо заплатить. Очевидным минусом для вновь прибывших членов касс и обществ взаимопомощи был накопительный эффект взносов: чтобы получить право воспользоваться ссудой или пособием, требовалось исправно платить от 6 месяцев до 1 года. Специфика трудовой деятельности и условий жизни прислуги на рубеже XIX- XX вв. не могла гарантировать трудоспо-

способность членов касс на протяжении 1 года, или того, что прислуга продержится на рабочем месте до окончания накопительного срока [23].

Общества и кассы не ограничивали участников в количестве обращений за ссудой, значит, согласно уставам, могла быть реальной ситуация, при которой действительный член кассы получал пособие по болезни и, в ходе лечения, на похороны какого-либо члена семьи. Поэтому уставы предусматривали разные виды денежной помощи: возвратная ссуда, ссуда с процентами, безвозвратное пособие. При получении заявления каждый случай рассматривался отдельно, и вид помощи назначался сообразно семейным обстоятельствам и платежеспособности заявителя.

Система финансовой взаимопомощи обществ и касс была достаточно гибкой, и учитывала индивидуальные особенности нуждающихся, но воспользоваться услугами таких организаций можно было только после длительных взносов в капитал.

Описанные преимущества отдельных финансовых организаций не могли повлиять на положение прислуги в целом, так как наиболее востребованная форма труда – в частных домашних хозяйствах, и такая прислуга не имела возможности консолидироваться в силу дефицита сво-

бодного времени и денег. Больше всех именно «самозанятые» (то есть трудящиеся по устной договоренности на индивидуальных условиях без официальной зарплаты и трудового договора) на должностях прислуги нуждались в помощи, и у них было меньше всего возможностей для вступления в коммерческие организации взаимопомощи. Кроме того, служащие горничными, прачками, поденщицами и т.д. не могли гарантировать стабильную платежеспособность, вступая в кассы; часто работников названных профессий нанимали на сезон, после чего мог последовать длительный период безработицы.

В результате, несмотря на эффективность различного рода касс взаимопомощи, мы констатируем незаинтересованность этих учреждений в помощи тем профессиям прислуги, кто в ней действительно нуждается, в виду их неплатежеспособности. Целевой аудиторией организаций взаимопомощи становились более образованные и квалифицированные служащие со средним и высоким для прислуги заработком, для которых были актуальны просветительские мероприятия касс, публичные лекции, игры в бильярд, открытие библиотек, школ и больниц на собранные средства.

#### Литература и источники

1. Самарина Л.А. Российская прислуга второй половины XIX века в современной историографии // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 6. С. 105-113.
2. Волков А.Ф. Особенности формирования системы социальной защиты на Дальнем Востоке России в XIX и начале XX вв. // Власть и управление на Востоке России. 2007. № 4(41). С. 123 – 127.
3. Казакова-Апкаримова Е.Ю. Общества взаимопомощи Перми и Екатеринбурга в конце XIX – начале XX века как социокультурный феномен // Известия Уральского государственного экономического университета. 2006. № 5 (17). С. 200 – 209.
4. Зотова А.В. Петербургские общества взаимного кредита в XIX в. // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 9. С. 88 – 100.
5. Веремченко В.А., Самарина Л.А. Мужская прислуга в России второй половины XIX - начала XX в.: от двора к артели // Przeglad Wschodnioeuropejski. 2019. № X. С. 35 – 49.
6. Самарина Л.А. Артельная организация работы прислуги в России в конце XIX – начале XX в. (на примере уставов артелей посыльных, перевозчиков и переносчиков) // XIX Царскосельские чтения. Материалы международной научной конференции / под общ. ред. В.Н. Скворцова. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. С. 62–69.
7. Семёнова О.А., Семёнов А.М. Положение официантов в России в конце XIX – начале XX в. // XXIII Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф., 23–24 апр. 2019 г. / отв. ред. А. А. Беляева. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2019. Т. I. С. 209 – 212.
8. Семёнова О.А. Кто такой садовник в России на рубеже XIX–XX вв.? // История повседневности. 2020. № 1 (13). С. 23 – 33.
9. Веремченко В.А., Крылова Е.Н. Низшие служащие (прислуга) государственных учреждений Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2020. № 9. С. 210-218.
10. Положение об учреждениях мелкого кредита (Свод законов, том XI, часть 2, Раздел X, Устава Кредитного, по Сводному Продолжению 1912 года). Комментированное / сост. Н.С. Доброхотов. М., 1914. URL: <http://www.bibliophika.ru/book.php?book=3625> (дата последнего обращения: 27.11.2020).
11. Правила вспомогательной кассы для садовников и их семейств, учрежденной при Российском обществе садоводства в Санкт-Петербурге. Б.и. 1864. 76 с.
12. Устав Общества Взаимной Помощи Садовников Одесского Градоначальства и Одесского Уезда. Одесса: Тип. Я.М. Сагала, 1907. 16 с.
13. Устав Варшавской Ссудо-Сберегательной Кассы Земледельцев и Садовников. Варшава: Druk A.T. Jezierskiego, 1905. 55 с.
14. Протокол № 189. Собрание 24 апреля 1876 г. URL: [https://viewer.rusneb.ru/ru/000199\\_000009\\_60000207578?page=1&rotate=0&theme=white](https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_60000207578?page=1&rotate=0&theme=white) (дата обращения 09.08.2020).
15. Устав сберегательно-вспомогательной кассы рабочих и прислуги торгового дома «П.В. Щетинкин в Казани». Казань: лито-типография И.Н. Харитонов, 1910. 11 с.
16. Устав Санкт-Петербургской артели домашней мужской прислуги. СПб.: типолитография А. Мячкова, 1904. 17 с.
17. Российский государственный исторический архив. Ф. 1287. Оп. 7. Д. 2513.
18. Устав рижского общества взаимного вспоможения «Восток» (Austrums). Рига: б.и., 1908. 61 с.
19. Правила Вспомогательной кассы для сторожей и прислуги С.-Петербургского общества взаимного кредита. СПб., 1907. IV с.
20. Устав Общества взаимопомощи официантов, номерных, номеранток, швейцаров и трактирслужащих. Одесса, 1906. 14 с.
21. Устав Московского общества взаимопомощи официантов и другой гостиничной и трактирной прислуги. М., 1902. 16 с.

22. Годовой отчет Московского общества взаимопомощи официантов и другой гостиничной и трактирной прислуги. 1902-1903 г. М.: тип. М. Борисенко, 1904. 52 с.
23. Веремченко В.А. «Безвластная власть»: статус женской домашней прислуги в России во второй половине XIX - начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 320 – 354.

## References

1. Samarina L.A. Rossijskaya prisluga vtoroj poloviny XIX veka v sovremennoj istoriografii [Russian servants of the second half of the XIX century in modern historiography]. Gumanitarnyj vektor [Humanitarian vector]. 2019. Vol. 14. № 6. P. 105-113.
2. Volkov A.F. Osobennosti formirovaniya sistemy social'noj zashchity na Dal'nem Vostoke Rossii v XIX i nachale XX vv. [Features of the formation of the social protection system in the Russian far East in the XIX and early XX centuries]. Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii [Power and management in the East of Russia]. 2007. № 4 (41). P. 123 – 127.
3. Kazakova-Apkarimova E.YU. Obshchestva vzaimopomoshchi Permi i Ekaterinburga v konce XIX – nachale XX veka kak sociokul'turnyj fenomen [Mutual aid societies of Perm and Yekaterinburg in the late XIX-early XX century as a socio-cultural phenomenon]. Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta [Proceedings of the Ural state University of Economics]. 2006. № 5 (17). P. 200 – 209.
4. Zotova A.V. Peterburgskie obshchestva vzaimnogo kredita v XIX v. [St. Petersburg mutual credit societies in the XIX century]. Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta [Proceedings of the faculty of History of Saint Petersburg University]. 2012. № 9. P. 88 – 100.
5. Veremenko V.A., Samarina L.A. Muzhskaya prisluga v Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XIX v.: ot dvorni k arteli [Male servants in Russia in the second half of the XIX-early XX century: from the yard to the artel]. Przeglad Wschodnioeuropejski. 2019. № X. P. 35 – 49.
6. Samarina L.A. Artel'naya organizaciya raboty prislugi v Rossii v konce XIX – nachale XX v. (na primere ustavov artelej posyl'nyh, perevozchikov i perenoschikov) [Artel organization of work of servants in Russia in the late XIX-early XX Century (on the example of the charters of artels of messengers, carriers and carriers)]. XIX Carskosel'skie chteniya. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [XIX Tsarskoye Selo readings]. pod obshch. red. V.N. Skvorcova. St. Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina, 2015. P. 62–69.
7. Semyonova O.A., Semyonov A.M. Polozhenie oficiantov v Rossii v konce XIX – nachale XX v. [The situation of waiters in Russia in the late XIX-early XX century.]. XXIII Carskosel'skie chteniya [XXIII Tsarskoye Selo readings]: materialy mezhdunar. nauch. konf., 23–24 apr. 2019 g. otv. red. A. A. Belyaeva. St. Petersburg: LGU im. A. S. Pushkina, 2019. T. I. P. 209 – 212.
8. Semyonova O.A. Kto takoj sadovnik v Rossii na rubezhe XIX–XX vv.? [Who is a gardener in Russia at the turn of the XIX-XX centuries?]. Istoriya povsednevnosti [History of everyday life]. 2020. № 1 (13). P. 23 – 33.
9. Veremenko V.A., Krylova E.N. Nizshie sluzhashchie (prisluga) gosudarstvennyh uchrezhdenij Rossijskoj imperii v konce XIX – nachale XX v. [Lower employees (servants) of state institutions of the Russian Empire in the late XIX-early XX centuries]. Voprosy istorii [Question of history]. 2020. № 9. P. 210-218.
10. Polozhenie ob uchrezhdeniyah melkogo kredita [Regulations on small-scale credit institutions] (Svod zakonov, tom XI, chast' 2, Razdel X, Ustava Kreditnogo, po Svodnomu Prodolzheniyu 1912 goda). Kommentirovannoe sost. N.S. Dobrohotov. Moscow, 1914. URL: <http://www.bibliophika.ru/book.php?book=3625> (data poslednego obrashcheniya: 27.11.2020).
11. Pravila vspomogatel'noj kassy dlya sadovnikov i ih semejstv, uchrezhdennoj pri Rossijskom obshchestve sadovodstva v Sankt-Peterburge [Rules of the auxiliary cash register for gardeners and their families established at The Russian horticultural society in Saint Petersburg]. B.i. 1864. 76 p.
12. Ustav Obshchestva Vzaimnoj Pomoshchi Sadovnikov Odesskogo Gradonachal'stva i Odesskogo Uezda [Charter Of the society for Mutual assistance of Gardeners of the Odessa city Administration and the Odessa District]. Odessa: Tip. YA.M. Sagala, 1907. 16 p.
13. Ustav Varshavskoj Ssudo-Sberegatel'noj Kassy Zemledel'cev i Sadovnikov [Charter of the Warsaw Loan and Savings Bank of Farmers and Gardeners]. Varshava: Druk A.T. Jezierskiego, 1905. 55 p.
14. Protokol № 189. Sobranie 24 aprelya 1876 g. URL: [https://viewer.rusneb.ru/ru/000199\\_000009\\_60000207578?page=1&rotate=0&theme=white](https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_60000207578?page=1&rotate=0&theme=white) (data obrashcheniya 09.08.2020).
15. Ustav sberegatel'no-vspomogatel'noj kassy rabochih i prislugi trgovogo doma «P.V. SHCHetinkin v Kazani» [Charter of the savings and auxiliary cash register of workers and servants of the trading house “ P. V. Shchetinkin in Kazan”]. Kazan': lito-tipografiya I.N. Haritonova, 1910. 11 p.
16. Ustav Sankt-Peterburgskoj arteli domashnej muzhskoj prislugi [Charter of the St. Petersburg artel of domestic male servants]. St. Petersburg: tipo-litografiya A. Myachkova, 1904. 17 p.
17. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian state historical archive]. F. 1287. Op. 7. D. 2513.
18. Ustav rizhskogo obshchestva vzaimnogo vspomozheniya «Vostok» (Austrums) [Charter of the Riga mutual aid society “Vostok» (Austrums)]. Riga: b.i., 1908. 61 p.
19. Pravila Vspomogatel'noj kassy dlya storozhej i prislugi S.-Peterburgskogo obshchestva vzaimnogo kredita [Rules of the Auxiliary cash register for watchmen and servants Of the St. Petersburg mutual credit society]. St. Petersburg, 1907. IV p.
20. Ustav Obshchestva vzaimopomoshchi oficiantov, nomernyh, nomerantok, shvejcarov i traktirosluzhashchih [Charter Of the society for mutual assistance of waiters, license plates, doormen and innkeepers]. Odessa, 1906. 14 p.
21. Ustav Moskovskogo obshchestva vzaimopomoshchi oficiantov i drugoj gostinichnoj i traktirnoj prislugi [Charter of the Moscow society for mutual assistance of waiters and other hotel and tavern servants]. Moscow, 1902. 16 p.
22. Godovoj otchet Moskovskogo obshchestva vzaimopomoshchi oficiantov i drugoj gostinichnoj i traktirnoj prislugi. 1902-1903 g. [Annual report of the Moscow society for mutual assistance of waiters and other hotel and tavern servants]. Moscow: tip. M. Borisenko, 1904. 52 p.
23. Veremenko V.A. «Bezvlastnaya vlast'»: status zhenskoj domashnej prislugi v Rossii vo vtoroj polovine XIX - nachale XX v. [“Powerless power”: The status of female domestic workers in Russia in the second half of the 19th – early 20th century]. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii [RUDN Journal of Russian History]. 2019. T. 18. № 2. P. 320 – 354.

**УДК 94(47)**

Дата поступления (Submitted) 24.11.2020

Дата принятия к печати (Accepted) 02.12.2020

**MIKHAIL POLYANSKY**

*Chief Scientist at the Research Center  
(fundamental military-historical problems)  
Military University of the Russian Defense Ministry,  
Doctor of Educational Sciences, Professor  
125047, Moscow, 14 Great Garden Street.  
Contact: 8 (916) 410-38-06  
e-mail: m-s-pol@yandex.ru*

**OLEG SAKSON**

*lead researcher of the research center (fundamental  
military-historical problems) of the Military University of the  
Russian Defense Ministry, Ph.D. in Historical Sciences,  
Associate Professor  
125047, Moscow, 14 Great Garden Street  
Contact: 8 (916) 900-12-13  
e-mail: osaksonov@mail.ru*

## **The Council of State Defense is the first highest body of military administration in Russia**

The article, based on little-known documents and materials, is based on the creation and activity of the first supreme body of the Russian military administration, the State Defense Council, in the early 20th century. The author shows that already at that time the state's defense capability depended not only on the activities of the military department, which was in possession of the Armed Forces, but also on other structures, such as, for example, defense industry, transport, energy. It was the first experience of establishing a body whose task was to coordinate the activities of all government departments and institutions related to the defense power of the state.

**Keywords.** *State Duma, State Defense Council, Military Ministry, Higher Appraisal Commission, Military Reforms, Military Administration, Army, Navy.*

**МИХАИЛ СЕМЕНОВИЧ ПОЛЯНСКИЙ**

*главный научный сотрудник научно-исследовательского центра  
(фундаментальных военно-исторических проблем)  
Военного университета МО РФ,  
доктор педагогических наук, профессор  
125047, г. Москва, ул. Большая Садовая д.14.  
Контактный номер: 8 (916) 410-38-06  
e-mail: m-s-pol@yandex.ru*

**ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ САКСОНОВ**

*ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра  
(фундаментальных военно-исторических проблем) Военного уни-  
верситета МО РФ, кандидат исторических наук, доцент  
125047, г. Москва, ул. Большая Садовая д.14  
Контактный номер: 8(916) 900-12-13  
e-mail: osaksonov@mail.ru*

В статье на основе вводимых в научный оборот малоизвестных документов и материалов, рассматриваются создание и деятельность – первого высшего органа военного управления России – Совета Государственной обороны в начале XX века. Авторы показывают, что уже в то время обороноспособность государства зависела не только от деятельности военного ведомства, в распоряжении которого находились Вооруженные Силы, но и от других структур, таких как, например, оборонная промышленность, транспорт, энергетика. Это был первый опыт создания органа, в задачи которого входила координация деятельности всех государственных ведомств и учреждений, имеющих отношение к оборонной мощи государства.

**Ключевые слова.** Государственная Дума, Совет Государственной обороны, военное министерство, Высшая аттестационная комиссия, военные реформы, военное управление, армия, флот.

## Совет Государственной обороны – первый высший орган военного управления в России

**В** период проведения военной реформы 1905-1912 гг. произошли серьезные изменения в области военной политики. До этого, «жизнь государства мало отражалась, за исключением путей сообщения, на подготовке к войне, – отмечал А.М. Зайончковский, – Армия жила своей отдельной жизнью, а страна своей. Вся подготовка к войне ложилась на заботы военного министерства, которое своими военными заводами, заказами за границей, своим военным хозяйством, пополнением магазинов, скоплением запасов и другими мерами подготавливало театр войны в отношении удовлетворения на первые месяцы военных действий армии всем необходимым. В дальнейшем теми же способами административных распоряжений страна должна была питать войну» [1, С. 65].

После обнародования 17 октября 1905 г. известного манифеста в стране произошли крупные преобразования, приведшие с некоторыми оговорками к изменению государственного строя. Россия становится конституционной монархией, формируется собственный парламент – Государственная Дума. Новые государственные образования начинают настойчиво требовать вовлечения вопросов военной политики в свою компетенцию.

Но, прерогатива военной политики оставалась у царского правительства. Только с открытием Третьей Государственной Думы 1(12) ноября 1907 г. этот вопрос вновь стал обсуждаться. 8(20) ноября фракция октябристов внесла заявление об образовании комиссии по государственной обороне, уже 10(22) ноября Дума постановила избрать комиссию, а 15(27) ноября комиссия была избрана в составе 37 членов. А.М. Гучков был избран председателем. В дальнейшем военные вопросы занимали в Думе значительное место [2, С.57]. «Я должен констатировать, – вспоминал генерал Лукомский, – что за время работы III и IV Государственной Думы ни одно из представлений Военного министерства, касавшихся улучшения боеспособности армии и обороны страны не было отклонено. Государственная Дума на вопросы, касавшиеся обороны страны обращала самое серьезное внимание и неоднократно, по соглашению с комиссией обороны, нами вносились в Думу такие представления, о проведении которых в жизнь без участия Государственной Думы нельзя было и думать, так как они вызывали значительные расходы на которые министерство финансов затруднялось бы дать согласие» [3, С. 26].

В этот период остро встал вопрос о необходимости создания органа военного управления, который мог бы координировать усилия законода-

тельных и исполнительных ветвей власти. Таким органом стал Совет Государственной Обороны (СГО). СГО был создан 5(17) мая 1905 года рескриптом Николая II «О необходимости приступить к преобразованиям высшего управления военным ведомством», по инициативе дяди императора, профессионального военного, генерала от кавалерии и генерал-инспектора кавалерии русской армии великого князя Николая Николаевича. Ему было поручено разработать Положение о СГО.

Попытка конкретизировать этот вопрос осуществлялась на «Особом совещании», которое проводилось с 8(11) по 21 мая (2 июня) 1905 г. Уже во втором заседании 9-го мая совещание приступило к выработке общего плана обороны государства. Выявились различные взгляды. Наиболее четкую позицию имел А.Ф. Редигер (заслуженный профессор военной администрации, с 1880 г. занимал должность начальника кафедры военной администрации академии Генерального штаба, автор одного из лучших трудов своего времени по этому предмету, знаток организации западно-европейских армий. С 1884 г. проходил службу в различных штабах и канцелярии Военного министерства. За 20 лет штабной работы обрел богатый опыт в проведении различных реорганизаций в некоторых частях управления вооруженными силами. Он принимал участие в работах комиссии для пересмотра положения о пособиях военного времени, для разработки положения об этапах в военное время, об укомплектовании офицерами и чиновниками полевых управлений в военное время и др. Некоторое время Редигер пребывал в княжестве Болгарском, занимая должность товарища военного министра в период проведения в болгарской армии улучшений на основе опыта русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Редигер лучше, чем другие военные министры Николая II, понимал необходимость буржуазных реформ во всем государственном управлении, особенно в армии) [4, С. 300-301]. Он докладывал участникам совещания: «Только при наличии согласованных планов военного и морского ведомства можно правильно освятить и выяснить нужды и потребности государственной обороны. Намечить ближайшие и более отдаленные задачи в развитии вооруженных сил и определить, в зависимости от степени их настоятельности, последовательность мероприятий в военном и морском ведомствах по усилению боевой годности и готовности» [5, Л. 6-7]. Далее, приветствуя создание нового коллегиального органа по выработке военной политики – Совета Государственной Обороны, он отмечал: «Вот почему в числе обязанностей Совета Государственной

Обороны надлежит поставить на первое место выработку, соответственно политической обстановке, общего плана ведения войны» [6, С.27-29]. Соответственно этой задаче, Редигер предлагал определить функции Совета Государственной Обороны (СГО). Он представлял его как рабочий орган, действительно постоянно и во всех деталях направляющий, согласованную по единому плану работу всего государственного аппарата по усилению военного могущества России.

К 14(26) мая 1905 г. разработка «Положения о Совете Государственной Обороны» была закончена. Великий князь Николай Николаевич был назначен на должность председателя СГО 8 (20) июня 1905 года, одновременно с утверждением «Положения о СГО».

Совет Государственной обороны оказывался органом, стоящим над всем правительственным аппаратом самодержавия, его председатель входил в кабинет, а затем в совет министров, все ведомства обязаны были представлять в СГО проекты всех предположений, министр иностранных дел был обязан согласовывать с СГО всякий дипломатический шаг правительства. Таким образом, в СГО решались как оборонные вопросы (как локального, технического уровня, так и стратегического масштаба), так и вопросы внешней и внутренней политики государства.

Согласно «Положения», Совет был создан для «объединения деятельности высшего военного и морского управления и согласования её с деятельностью других правительственных учреждений». СГО состоял из «постоянных членов» (назначенные по личному указу царя). А также из «непременных членов» (являющиеся членами ввиду высоких постов: военный и морской министры, министр иностранных дел, генерал-инспектор родов войск). Причем все решения СГО могли быть приняты и без участия «непременных членов».

Текущая работа СГО состояла из работы «Особых совещаний при СГО» (периодичность – раз в месяц-полтора, фактически занимались «проработкой» локально-технических вопросов) и непосредственно заседаний СГО, на которых выносились решения по важнейшим оборонным вопросам. При СГО образована канцелярия, которая работала постоянно.

В состав СГО в 1905 году входили:

«Непременные члены»: А.Ф. Редигер (военный министр, 1905-1909), Ф.Ф. Палицын (начальник ГУГШ, 1905-1908), А.А. Бирилев (морской министр, 1905-1907), А.Г. Нидермиллер (и.о. начальника Главного морского штаба, 1905-1906), О.К. Гриппенберг (генерал-инспектор пехоты, 1905-1906), великий князь Сергей Михайлович (генерал-инспектор артиллерии, 1905-1908), великий князь Константин Константинович (генерал-инспектор над военными училищами, 1905-1908), великий князь Петр Николаевич (генерал-инспектор инженерных войск, 1905-1909).

«Постоянные члены»: генералы Н.И. Гродеков,

М.А. Газенкамф, Н.П. Зарубаев, Н.И. Иванов, С.Н. Мылов, К.К. Случевский, П.З. Костырко, Ф.В. Дубасов (председатель Морского технического комитета, 1905-1907), И.М. Диков (1906-1909), А.П. Вернандер (1907-1908), В.А. Сухомлинов (1908-1909). Начальником канцелярии СГО состоял генерал А.А. Гулевич.

Председатель совета, согласно «Положения» имел личный доклад у государя, а по делам совета мог обращаться к министрам с запросами; министры же военный, морской и иностранных дел должны были своевременно извещать его о важнейших начинаниях и предположениях, имеющих связь с государственной обороной. Совет помимо председателя, должен был состоять из шести постоянных членов, назначаемых ежегодно 1 января. И непременных членов по занимаемым должностям, к которым были отнесены: военный министр, управляющий морским министерством, начальники главного и главного морского штабов и генерал-инспекторы; на правах членов, кроме того, могли быть приглашаемы министры и высшие начальники армии и флота [7, С. 8].

Во второй половине марта, а точнее 19 (31), 21, 24, 26, 28, и 30 марта (2, 5, 7, 9 и 11 апреля) 1908 г. состоялось шесть заседаний СГО. В работе, помимо постоянных членов принимали участие семь командующих военными округами, председатель Совета министров П.А. Столыпин, руководители важнейших министерств, в том числе иностранных дел и финансов, Государственный контролер и другие. Столыпин довел до сведения всех руководителей требование царя о выработке общего плана обороны государства. «Общий план обороны государства, – гласила Высочайшая резолюция, – должен быть выработан короткий и ясный на одно или два десятилетия. По его утверждению, он должен быть неуклонно последовательно приведен в исполнение» [8, Л. 2].

Началась работа над созданием такого плана. Начальник Генерального штаба Ф.Ф. Палицын 22 августа (3 сентября) 1908 г. был представлен расширенный и переработанный «Доклад о мероприятиях по обороне государства подлежащих осуществлению в ближайшем десятилетии» [8, Л. 12]. Именно этот доклад во многом определил дальнейшее развитие вооруженных сил России, характер военной реформы, военную доктрину и явился основой для последующих документов.

Доклад устанавливал три вида мероприятий по усилению военной мощи Российского государства. Первый вид мероприятий говорил о необходимости удовлетворения насущных нужд армии, о ликвидации последствий русско-японской войны и восстановлении боеспособности армии.

Второй вид мероприятий предусматривал проведение на основе опыта русско-японской войны реорганизацию сухопутных сил, усиление кадров мирного времени, улучшение и увеличение вооружения.

Третья группа мероприятий представлялась в



виде коренных реформ военного устройства, которые требовали продолжительного времени и были связаны с общими вопросами государственной жизни России, с развитием экономики, с подъемом культуры и науки. Они требовали огромных средств на свое осуществление. Но зато, как подчеркивал доклад, в результате их проведения «государство может войти на путь широкой активной политики, так как важнейшее оружие политики вооруженная сила государства, приобретает мощност, соответствующую мировому значению России и ее историческим заделам» [8, Л. 58]. Эти меры включали воссоздание больших флотов на Балтийском море и Тихом океане. Обеспечение армии в широком размере тяжелой артиллерией, новой инженерной и воздухоплавательной техникой. Также проведение реформы военно-учебных заведений в соответствии с новыми потребностями в офицерских кадрах и их качеством.

Предполагалось осуществить переход к территориальной системе комплектования и целый ряд других мероприятий, которые можно начать частично в 1908-1909 гг. с тем, чтобы распределить их на 10-20 лет равномерно, без излишнего напряжения финансовых ресурсов России.

С самого начала работы III Государственной думы внимание депутатов корпуса было поглощено вопросами восстановления военного потенциала державы, подорванного поражением в Русско-японской войне 1904-1905 гг. Большинство парламентариев III Думы стремились к конструктивному сотрудничеству с правительством. Кроме земельной проблемы, с самого начала работы их внимание было поглощено восстановлением военного потенциала державы, подорванного поражением в Русско-японской войне. Того требовал исторический момент и настроения в общества [9, Л. 1-3].

Первым из новых органов высшего военного управления, образованных вслед за СГО, был самостоятельный Генеральный штаб армии. Новая форма высшего военного управления, создаваемая с образованием СГО, по замыслу ее творцов, предусматривала наличие при Совете учреждения призванного исполнять его директивы и независимого от военного министерства. Отмечалось, что «деятельность СГО может принести пользу в том лишь случае, если будет учреждена должность начальника Генерального штаба армии. Особое совещание признало желательным установление этой должности одновременно с учреждением Совета». [10, Л. 37]. Приказом по военному ведомству от 21 июня (3 июля) 1905г № 424 была утверждена должность Начальника Генерального штаба.

В своих воспоминаниях лидер фракции октябристов в III Государственной думе, председатель думской Комиссии по государственной обороне (КГО) А. И. Гучков отмечал «...В 1905 г. были произведены чрезвычайно крупные перемены в высшем управлении армией. Высочайшим рес-

криптом от 5 мая 1905 г. на имя Великого Князя Николая Николаевича был образован постоянный Совет Государственной Обороны; высочайшим повелением от 25 июня 1905 г. было сформировано в Военном министерстве особое Главное Управление Генерального Штаба. Вот эти два учреждения и разделили власть Военного министра, обессилили и обезличили его. А рядом с ними был создана еще сеть новых учреждений...» [11, С. 7].

В ходе реорганизации высшего военного управления была учреждена Высшая Аттестационная Комиссия (ВАК) при Совете Государственной Обороны. До осени 1905 г. назначения на высшие командные и военно-административные посты от командира бригады и выше, как правило, производились по представлению военного министра приказами царя по военному ведомству. Приказом по военному ведомству № 216 от 7 апреля 1906 г. было объявлено, утвержденное царем «Положение о Высшей Аттестационной Комиссии». Комиссия учреждалась при СГО и председательствовал в ней председатель Совета.

«На обязанности Комиссии, – определяла ст. 3 Положения, – возлагается всестороннее рассмотрение аттестаций на генеральских чинах армии, выяснение степени их пригодности к службе. А также предоставление достойных к зачислению в кандидаты на должности командующих войсками в округах, их помощников, командиров корпусов, комендантов крепостей, начальников дивизий и отдельных бригад» [12, Л. 3].

Вскоре же после учреждения Комиссии, права ее были еще более расширены. 13(27) мая 1906 г. последовало указание царя «все дела и вопросы о зачислении на все генеральские должности должны сосредоточить в ВАК» [12, Л. 5].

14 (26) апреля 1906 г. приказом по военному ведомству № 237 было: «Признано необходимым учредить должность помощника военного министра, как для авторитетного, по мере необходимости, замещения военного министра в упомянутых высших установлениях, так и для ближайшего руководства разработкою вопросов особой важности». [13, С. 19-22]. На эту должность был назначен генерал-лейтенант А.А. Поливанов.

В результате проведенных преобразований к 1907 г. организация высшего военного управления России состояла из следующих независимых между собой органов, подчиненных непосредственно царю: 1. Военное министерство во главе с военным министром; 2. Главное управление Генерального штаба во главе с начальником Генерального штаба; 3. Четыре генерал-инспектора по артиллерии, инженерной части, кавалерии и пехоте; 4. Совет Государственной Обороны во главе с председателем. Разделение высшего военного управления привело к тому, что между отдельными взаимно независимыми органами возникали неизбежные разногласия, несогласованность и дублирование одним другого.

Завершив перестройку системы военного

управления, высшее руководство попыталось приступить непосредственно к реорганизации армии.

Военное министерство 9 (21) декабря 1906 г. предоставило СТО доклад «О некоторых сокращениях в составе армии и об осуществлении в связи с этим мероприятий по улучшению боевой подготовки армии и по удовлетворению некоторых насущных ее потребностей». В этом докладе, составленном Редигером, были намечены основные меры по частичной реорганизации армии. СГО постановил образовать Особую подготовительную комиссию по реорганизации армии под председательством генерала М.А. Газенкампа для обсуждения проекта и выработки новой организации армии. В августе 1907 г. комиссия приступила к работе и отвергла большинство из предложенных военным министром мер. Из представленного проекта комиссия особо выделила и рассмотрела единственный вопрос – об улучшении материального положения офицерского состава. По единогласному мнению комиссии превыше всех преобразований и мероприятий стоит вопрос и требует безотлагательного разрешения вопрос об обеспечении армии соответствующим офицерским составом. Комиссия отмечала, что «все усилия должны быть направлены к удержанию на службе младших» ибо в них будущность армии. Старослужащие и сами не уйдут: во-первых, свыклись, а во-вторых, им гораздо труднее устроиться на стороне... Через 3-4 года, много через 5 лет, все способнейшие, лучшие молодые офицеры уже покидают службу. Для командования ротами и эскадронами остаются лишь те, кому не удалось выбраться из строя. Удивительно, ли, что общий качественный уровень не только не повышается, но даже понижается с повышением служебного положения. Это опасность вопиющая...» [14, Л.152]. Далее комиссия предлагала: «Во-первых, увеличить офицерское содержание настолько, чтобы выгоднее было оставаться в строю, а не уходить. Во-вторых, обставить само прохождение службы в строю так, чтобы будущая карьера была наглядно выгоднее» [14, Л.118]. В обоснование этих мер комиссия выдвинула следующее положение: «Главная опора государства, армия, должна получать осязательное доказательство правительственной заботливости о тех, кем она держится... Если правительство упустит почин вопроса об увеличении офицерского содержания – оно сделает непоправимую ошибку, чреватую самыми печальными последствиями» [14, Л.121]. В заключении комиссия постановила: «Вопрос об увеличении содержания строевым офицерам и врачам выделить из всех других. И немедленно внести его на обсуждение СТО, с целью дальнейшего затем его направления законодательным порядком. Комиссия считает в высшей степени важным, чтобы соответствующий законопроект мог быть внесен на уважение Государственной Думы, в начале наступающего ноября» (1907 г. – авт.) [15, Л. 171]. В соответствии с рекомендациями комис-

сии, военному министру рескриптом царя от 6 (18) декабря 1907 г. было предложено приступить к разработке законопроекта о прибавке жалования младшим офицерским чинам.

Таким образом, в ходе первого этапа военной реформы основные усилия были сосредоточены на перестройке системы высшего военного управления, в целях обеспечения развития вооруженных сил. Создание единого военного центра – Совета Государственной Обороны и других новых органов должно было явиться решающей предпосылкой для проведения реформы армии. Однако, новые независимые органы управления лишь усугубили положение военного ведомства. Более того, предлагавшиеся программы реорганизации армии, которые явились реальным воплощением военной реформы, всячески тормозились и отвергались. Большинство членов СГО и комиссий при нем, получившие большие властные права стремились оставить организацию русской армии без изменений. Но реальность все настойчивее требовала кардинальных преобразований в армии. К концу 1907 г., то есть через два с половиной года после окончания русско-японской войны организация русской армии оставалась прежней, сохраняя все недостатки, еще более осложненные войной. Она не была обеспечена средствами новейшей техники в необходимом количестве. Не были созданы необходимые мобилизационные запасы. Штатный командный состав не был укомплектован.

Второй этап реорганизации русской армии характеризовался выработкой программ ее проведения и попытками подвести под эти программы необходимую материально-техническую базу. 22 декабря (3 января) 1907 г. Генеральный штаб представил в СГО «Программу развития и реформ сухопутных вооруженных сил России», подписанную генералами Ф. Палициным и А. Алексеевым.

Программа включала в себя две группы мероприятий, которые необходимо было провести для усиления боевой мощи армии. Первая группа заключалась в мерах по ликвидации последствий русско-японской войны. По данным Главного штаба неприкосновенные запасы к 1 января 1907 г. составляли от 34 до 70% от установленных норм [16, Л. 210-215]. Согласно докладу военного министра только в пехоте некомплект офицеров составлял 17188 чел. или 18% штатного состава офицеров [16, Л. 43].

Вторая группа предусматривала проведение реорганизации сухопутных войск на основе опыта минувшей войны. Предлагалось увеличить общую численность армии мирного времени, как в Германии до 1% населения, что составляло бы для России 1512 тыс. человек при ежегодном контингенте новобранцев в 504 тыс. человек [16, Л. 26-54].

Однако 27 мая 1908 года на общем заседании III Государственной думы по военной смете председатель КГО А. И. Гучков произносит речь, ставшую впоследствии одной из самых значительных

речей в его политической карьере. В ней он неприкрыто раскритиковал верховное военное руководство страны, отметил тормозящую функцию СГО и безответственность великих князей. Председатель Думы Н. А. Хомяков после этого выступления прервал заседание, а глава фракции кадетов П. Н. Милюков воспринял ее как угрозу для роспуска Думы [11, С. 70-72].

26 июля 1908 года не без помощи Государственной Думы последовал Высочайший рескрипт на имя великого князя Николай Николаевича об отставке того от должности председателя СГО [18. С. 223-224].

Тем не менее, свертывание деятельности СГО растянулось на год. В первой половине 1909 года СГО (под формальным руководством и. о. председателя И. М. Дикова) провело ещё 12 заседаний.

Существует также мнение, что Совет государственной обороны был ликвидирован к лету 1909 года по причине того, что не был согласен с планами императора по строительству флота в ущерб армии.

Победив Совет Государственной обороны, моряки одолели главного противника широких планов военно-морского строительства, ибо Совет министров не собирался становиться в оппозицию царю в этом вопросе.

Практически СГО прекратил свою работу, хотя официально был упразднен лишь 12 (25) августа 1909 г. Но кардинальных изменений это не вызвало.

В годы, когда в вооруженных силах Российской империи главенствовал СГО, были проведены мероприятия по улучшению боевой подготовки армии. Составлено мобилизационное расписание, сформированы новые войсковые части, принято на вооружение ряд новых образцов оружия и техники. Были созданы программы судостроения и приведения флота в боевую готовность.

Кроме того, был составлен план обороны на Дальнем Востоке; усилены войска Туркестанского военного округа, образован Иркутский военный округ, создана Амурская флотилия. Проведены подготовительные мероприятия на случай войны с Турцией, устройству крепостей и усилению их обороноспособности, организации береговой обороны. Пересмотрены финансовые расходы военного и морского ведомств. Были выработаны положения о генерал-инспекторах, предельном возрастном цензе генералов и офицеров, порядке их аттестации и назначения на должности, развитию отечественного коневодства; постановке пулеметного дела в армии; организации обороны Черноморского побережья; взаимоотношению сухопутного и морского командования. Были сокращены сроки действительной службы (в пехоте и полевой артиллерии с 5 до 3 лет, в других родах войск с 5 до 4 лет, на флоте с 7 до 5 лет). Омоложен офицерский состав; улучшен быт солдат и матросов (питание и вещевое довольствие) и материальное положение офицеров и сверхсрочнослужащих.

Таким образом, создание СГО по замыслу своему, должно было обеспечить более качественное решение важнейших вопросов военной доктрины и всей военной политики. Но, недопонимание всей значимости стоявших перспективных задач большинством членов СГО привело к тому, что данный высший орган превратился в еще одну бюрократическую структуру управления армией и флотом. Круг вопросов, рассматриваемых СГО в течение 1905-1908 гг., то есть в период его существования, редко выходил за рамки военного ведомства. Более того, СГО стал забирать часть обязанностей военного министерства, что вносило путаницу и вызывало резкое недовольство не только высших военных чинов, но и широких кругов общественности. Это привело к ликвидации СГО.

## Литература и источники

1. Зайончковский А.М. Подготовка России к империалистической войне: Очерки военной подготовки и первоначальных планов. М., Гос. воен. изд-во. 1926.
2. Гучков А.М. К вопросу о государственной обороне. Речи в Государственной Думе третьего созыва. 1908-1912 гг. СПб. 1912; Государственная Дума. Сессия I. ч. III. Стенографические отчеты. СПб. 1908; Сессия 2. ч. III. СПб. 1909; Сессия 3. ч. III. СПб. 1910; Обзор деятельности Государственной Думы Третьего созыва. Ч. I-III. СПб. 1912.
3. Лукомский А.С. Воспоминания генерала А.С. Лукомского. Берлин. 1922. Т. 1.
4. Столетие Военного министерства. Конспекты исторических очерков столетия Военного ведомства. СПб. Тип. П.Ф. Пантелеева, 1911.Т.3.
5. РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 11.
6. Кузин В.В. О создании, деятельности и роли Совета Государственной Обороны подробнее см.: Совет Государственной Обороны в России (1905-1909 гг.); Дисс. канд... ист. наук. М. 1950.
7. Приказ по военному ведомству № 412 от 18 июня 1905 г.
8. РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д. 155.
9. ГАРФ. Ф.555. Оп.1. Д.1174. Л.1; Письмо к А.И. Гучкову «Надежная оборона берегов возможна только при помощи подводного флота». ГАРФ. Ф.555. Оп.1. Д.136.
10. РГВИА. Ф.830.Оп. 1. Д. 1. 28.
11. Гучков А. И. А. И. Гучков в Третьей Государственной Думе (1907—1912). Сборник речей. СПб., Тип. А.С.Суворина «Новое время», 1912
12. РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 65.
13. Незнамов А. Из опыта минувшего. Русский инвалид. 1906. № 85
14. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 306.
15. РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 128.
16. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 601.
17. Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х тт. М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1999. С. 223,224.

## References

1. Zajonchkovskij A.M. Podgotovka Rossii k imperialisticheskoj vojne: Oчерki voennoj podgotovki i pervonachal'nyh planov [The preparation of Russia to the imperialist war: Essays on the military preparations and the original plans]. Moscow, Gos. voen. izd-vo. 1926.
2. Guchkov A.M. K voprosu o gosudarstvennoj oborone. Rechi v Gosudarstvennoj Dume tret'ego sozyva. 1908-1912 gg. [On the issue of state defense. Speeches in the State Duma of the third convocation. 1908-1912 years]. SPb, 1912; Gosudarstvennaya Duma. Sessiya I. ch. III. Stenograficheskie otchety. SPb. 1908; Sessiya 2. ch. III. CPb. 1909; Sessiya 3. ch. III. SPb. 1910; Obzor deyatel'nosti Gosudarstvennoj Dumy Tret'ego sozyva. [Review of the activities Of the state Duma of the Third convocation]. CH. I-III. SPb. 1912.
3. Lukomskij A.S. Vospominaniya generala A.S. Lukomskogo. [Memoirs of General A. S. Lukomsky]. Berlin. 1922. Vol. 1.
4. Stoletie Voennogo ministerstva. Konspekty istoricheskikh oчерkov stoletiya Voennogo vedomstva. [Centenary of the War office. Synopses of historical essays of the centenary of the Military Department]. SPb. Tip. P.F. Panteleeva, 1911. Vol. 3.
5. RGVIA. F. 830. Op. 1. D. 11.
6. Kuzin V.V. O sozdanii, deyatel'nosti i roli Soveta Gosudarstvennoj Oborony podrobnее sm.: Sovet Gosudarstvennoj Oborony v Rossii (1905-1909 gg.) [For more information about the creation, activities, and role of the State Defense Council, see: state Defense Council in Russia (1905-1909)]; Diss. kand... ist. nauk. M. 1950.
7. Prikaz po voennomu vedomstvu № 412 ot 18 iyunya 1905 g. [Order for the military Department No. 412 of June 18, 1905].
8. RGVIA. F.2000. Op.1. D. 155.
9. GARF. F.555. Op.1. D.1174. L.1; Pis'mo k A.I. Guchkovu «Nadezhnaya oborona beregov vozmozhna tol'ko pri pomoshchi podvodnogo flota» [Letter to A. I. Guchkov "Reliable defense of the coast is possible only with the help of a submarine fleet"]. GARF. F.555. Op.1. D.136.
10. RGVIA. F.830.Op. 1. D. 1. 28.
11. Guchkov A. I. A. I. Guchkov v Tret'ej Gosudarstvennoj Dume (1907—1912). Sbornik rechej. [A. I. Guchkov in the Third state Duma (1907-1912). Collection of speeches]. SPb., Tip. A.S.Suvorina "Novoe vremya", 1912.
12. RGVIA. F. 830. Op. 1. D. 65.
13. Neznamov A. Iz opyta minuvshego [From past experience]. Russkij invalid. 1906. № 85.
14. RGVIA. F. 2000. Op. 2. D. 306.
15. RGVIA. F. 830. Op. 1. D. 128.
16. RGVIA. F. 2000. Op. 2. D. 601
17. Rediger A. F. Istoriya moej zhizni. Vospominaniya voennogo ministra. The story of my life. Memoirs of the Minister of war]. Moscow, Kanon-press; Kuchkovo pole, 1999.

© «Клио», 2020

© Полянский М.С., Саксонов О.В., 2020

УДК 94 [(520).032:330.322+(571.61/64)]»1918/1922»

Дата поступления (Submitted) 24.11.2020

Дата принятия к печати (Accepted) 03.12.2020

**NATALYA VLADIMIROVNA POTAPOVA,**

*Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian and World History, Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia, 693000, Yuzhno-Sakhalinsk, st. Lenin, 290, office. 29. Tel. 8 4242 4848888, email: napotapova@yandex.ru*

**ANDREY LEONIDOVICH KISELEV,**

*post-graduate student, Department of Russian and General History, Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia. 693000, Yuzhno-Sakhalinsk, st. Lenin, 290, office. 29. Tel. 8 4242 4848888, email: and9485961@yandex.ru*

## **Involvement of the Japanese military administration in monetary expansion into the economy of the Russian Far East (1918-1922)**

The article examines the role of the Japanese military administration in the Japanese monetary expansion into the economy of the Russian Far East during the period of foreign intervention in 1918-1922. The study of the problem is undertaken for the first time in Russian historiography. A study of the complex of documentary sources (archival materials and publications of the regional press) leads to the conclusion about the direct and active participation of the Japanese military administration in the process of Japanese monetary expansion in the Russian Far East during the period of intervention. The financial part of the economic intervention was purposeful; its preparation was carried out in advance, before the start of the military intervention. The participation of the military administration was expressed in organizing the intervention of the yen and military

banknotes in the economy of the Far East by administrative methods (establishing the exchange rate of the yen, transferring settlements with the local population to yen and Japanese military money, etc.) in cooperation with Japanese banks, which were located in localities deployment of the military administration and guarded by the military. The study covering different regions of the Far East (Primorye, Zabaikalia, Amur Region) shows the identity of the measures for the introduction of the yen. An analysis of this aspect of the financial activities of the Japanese military administration leads to the conclusion that it was part of the purposeful policy of the Japanese Empire, aimed at the economic enslavement of the Russian Far East.

**Keywords:** *Civil War; The Russian Far East; intervention; money turnover; war money; Japanese yen monetary expansion.*

**НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА ПОТАПОВА,**

*доктор исторических наук, профессор, кафедра российской и всеобщей истории, Сахалинский государственный университет. Россия, 693000, г. Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290, каб. 29. Тел. 8 4242 4848888, email: napotapova@yandex.ru*

**АНДРЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ КИСЕЛЕВ,**

*соискатель, кафедра российской и всеобщей истории, Сахалинский государственный университет, Россия. 693000, г. Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290, каб. 29. Тел. 8 4242 4848888, email: and9485961@yandex.ru*

В статье рассматривается роль японской военной администрации в японской денежной экспансии в экономику Дальнего Востока России в период иностранной интервенции 1918-1922 гг. Исследование проблемы предпринимается впервые в отечественной историографии. Изучение комплекса документальных источников (архивных материалов и публикаций региональной прессы) приводит к выводу о непосредственном и активном участии японской военной администрации в процессе японской денежной экспансии на Дальнем Востоке России в период интервенции. Финансовая часть экономической интервенции была целенаправленной, подготовка её велась заранее, до начала военной интервенции. Участие военной администрации выражалось в организации интервенции иены и военных денежных знаков в экономику Дальнего Востока административными методами (установление курса иены, перевод расчетов с местным населением на иены и военные японские деньги и т.п.) в сотрудничестве с японскими банками, которые располагались в местах дислокации военной администрации и охранялись военными. Исследование, охватывающее разные районы Дальнего Востока (Приморье, Забайкалье, Амурскую область), показывает идентичность мероприятий по внедрению иены. Анализ этого аспекта финансовой деятельности японской военной администрации приводит к выводу, что она являлась частью целенаправленной политики Японской империи, направленной на экономическое закабаление Дальнего Востока России.

**Ключевые слова.** *Гражданская война; Дальний Восток России; интервенция; денежное обращение; военные деньги; японская иена; денежная экспансия.*

## **Участие японской военной администрации в денежной экспансии в экономику Дальнего Востока России (1918-1922 гг.)**

**В** апреле и июне 1918 г. Японская империя, воспользовавшись произошедшей в России Революцией, начавшейся после нее Гражданской войной, децентрализацией власти, политической нестабильностью и экономической разрухой, под предлогом защиты своих подданных, высадила свои первые военные подразделения в дальневосточном порту Владивосток. Массовая высадка войск интервентов началась во Владивостоке в августе 1918 г. В интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке России участвовали, кроме Японии, США, Англия, Франция, Италия и др. страны. Если военная интервенция дальневосточного региона иными иностранными державами про-

должалась с 1918 по 1920 гг., то японское присутствие охватило 1918-1922 гг. на континентальной части Дальнего Востока и 1920-1925 гг. на Севере Сахалина. В значительной степени интервенция была не только военным, но и геоэкономическим мероприятием держав-интервентов.

Вопросы оборота японских денежных знаков на финансовом рынке Дальнего Востока России и их влияния на местный денежный оборот в период Гражданской войны и военной интервенции в отечественной историографии рассматривались различными авторами в рамках ряда научных и серьезных научно-популярных публикаций, начиная с 1920-х гг. Так, одним из важнейших иссле-

дований и одновременно – источников по теме, до сих пор остаётся работа А.И. Погребницкого [1], опубликованная в Харбине в 1924 г. В советский и постсоветский период изыскания в данном направлении продолжили Н.Д. Наволочкин, Е.М. Османов, Г.И. Рогов и др. [2, 3, 4, 5, 6] На современном этапе признанным специалистом в данной проблематике является Д.И. Петин [7]. Однако, вопрос участия в этом процессе японской военной администрации оставался за пределами их исследований. Источниковая база настоящего исследования включает материалы фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК) и региональной периодической печати.

Япония готовила финансовую основу для интервенции Дальнего Востока России заранее. 29 июля 1918 г., за 4 дня до официального заявления об отправке экспедиционных войск, правительство Японской империи для оплаты военных расходов своего экспедиционного корпуса в Сибири отправляет в отделение «Чосен Банка»<sup>1</sup> в Даляне<sup>2</sup> военные банкноты на сумму 1 000 000 иен, и деньги на сумму 100 000 иен. Кроме того, было отдано указание о подготовке облигаций банка на сумму 300 000 иен для обмена на военные деньги [8, с. 20].

2 августа 1918 г. было официально сообщено об отправке японского экспедиционного корпуса в Сибирь. И уже 12 августа 1918 г. 12-ая японская дивизия прибыла во Владивосток [8, с. 3]. Современник происходящего А.И. Погребецкий в своем исследовании так писал о тех событиях: «Экспедиционные войска японского Императорского Правительства сошли на русский берег не только прекрасно экипированными и снабженными аэропланами, ружьями, пушками и пулеметами, но и... «особыми денежными знаками». Предусмотрительность готовящейся интервенции была велика. Интервенция, по своей форме военная, таила в себе интервенцию экономическую; и, понимая, что лучшим символом экономической оккупация являются обращающиеся в крае денежные знаки оккупанта, «японские экспедиционные войска привезли с собой изготовленные по особому заказу иены с надписями на русском языке для более скорого усвоения и приятия их русским рынком и широкими массами. Эти денежные знаки были изготовлены купюрами разного достоинства, но, главным образом, разменная «разно-сеновая мелочь», так как правильно было учтено, что при недостатке русских разменных знаков этой мелочью наиболее легко будет причить население к переходу в счете на японскую денежную единицу» [1, с. 33]. Образно, но весьма верно было подмечено А.А. Щелоковым в работе [9, с. 60–61], что японская интервенция была «интервенцией штыка и иены». Имея, в первую очередь, цели экономической эксплуатации ресурсов Дальнего Востока России, Япония создавала финансовую основу для этой эксплуатации, вливая свои денежные знаки в циркулирую-

щие на местном рынке финансовые потоки.

Первая информация о появлении японских военных денег на Дальнем Востоке России появилась уже в сентябре 1918 г. Объявление в № 284 газеты «Голос Приморья»<sup>3</sup> от 8 сентября (26 августа) 1918 г. [7, с. 245] гласило: «Принимайте японские денежные знаки без всякого опасения. Японские денежные знаки, которыми японская армия уплачивает повсюду за провизию, жмыхи и другие боевые припасы и за рабочий труд, имеют хождение наравне с японскими государственными кредитными билетами. Принимайте японские денежные знаки равно так же, как японские государственные кредитные билеты. Японские денежные знаки могут быть разменяны на японские государственные билеты во всякое время по желанию кассиров интендантской части 12 дивизии и в банкирской конторе С. Мацуда<sup>4</sup>, Светланская 35, без всякой за это комиссии. Купюры японских денежных знаков являются следующие: 10 сен, 20 сен, 50 сен, 1 иен и 10 иен». Примечательно для нашего исследования то, что это объявление было опубликовано за подписью Интенданта штаба японской армии С. Итояма [10, с. 42].

Местные «белые» власти возмутил данный факт. 23 сентября 1918 г. он был отражен в докладе Л.Ю. Геймана Министерству иностранных дел Временного правительства автономной Сибири<sup>5</sup> «О правонарушениях, допущенных органами японской власти». В докладе указывалось, что выпускать денежные знаки на территории России «принадлежит исключительно центральной государственной власти или тем, кому центральная государственная власть это право передает». Отмечалось также, что в нарушении этого «право выпуска денежных знаков в пределах России в пределах Приморской области это право взяло себе японское командование. Кроме нарушений законов России, таковой акт будет иметь и губительные последствия для народного хозяйства России, так как он совершенно устраняет русский рубль от товарного рынка. Со времени выпуска бон началось понижение курса рубля. Действия японского командования не согласуются с декларацией японского правительства, в котором обещается «и экономическая помощь России» [10]. «Белыми» властями был направлен протест по этому факту на имя Главнокомандующего войсками союзной армии генералу К.Отани [11, л. 6–6 об.]. Более подробно этот вопрос рассматривает в своей работе Д.И. Петин [7].

В данном случае речь шла о так называемых «военных бонах»<sup>6</sup> - деньгах выпускаемых японским правительством, для хождения на территориях занимаемых японскими военными отрядами. На банкнотах, для быстроты вхождения в оборот были сделаны надписи не только на японском, но и русском языке. Это делалось, чтобы местное население охотней принимало новые деньги и пользовалось ими для внутренних расчетов. Почти одновременно с Приморьем «военные» иены по-

явились и в Забайкалье. 5 сентября 1918 г. части Японского экспедиционного корпуса совместно с Особым Маньчжурским отрядом под руководством атамана Г. Семенова переправились через реку Онон<sup>7</sup>. На следующий день, 6 сентября 1918 г. в Читинскую область вошел японский передовой отряд под командованием начальника 3-й японской дивизии генерал-лейтенант З. Ооба [12, с. 196]. И вновь одним из первоочередных вопросов в деятельности военной администрации оказывается вопрос упорядочения финансовой жизни путем интервенции японских денежных знаков. Вскоре в городе было вывешено объявление [13, л. б/н] за подписью генерал-лейтенанта З. Ооба, напечатанное в Читинской типографии Забайкальской Областной Союзной кооперативной (заказ № 647), следующего содержания: «Употребляемый Японской сухопутной армией Военный кредитный билет является одним из видов кредитного билета, как выпускает Императорское Японское Правительство; следовательно, в отношении ценности он ничем не отличается от обыкновенного Японского кредитного билета. Желающий разменять военный кредитный билет на какой-нибудь обыкновенный японский правительственный кредитный билет, или монету, может производить размен в любом Японском Военном Казначействе. Для размена не требуется никаких хлопот, а стоит только представить военный кредитный билет любому Японскому Военному казначейству, и последнее, немедленно выдает обыкновенным Японским Правительственным кредитным билетом, или монетой, ту сумму, которая написана на предъявленном Военном Кредитном билете. Во избежание недоразумений, сим объявляю всем, что употребляемый Японской сухопутной армией Военный кредитный билет вполне гарантирован и всякий может принять его с полным спокойствием, без всякого риска» [14, с. 216].

Японская империя преследовала главные цели: взятие территории дальневосточного региона под свой контроль на правах колонии; беспрепятственное использование природных богатств региона. Для этого следовало взять под контроль местные рынки и экономику. Как известно лучшим проводником денег являются банковские учреждения. Вскоре после высадки военных отрядов в крупных городах дальневосточного региона начали открываться отделения японских банков. Как оказалось в дальнейшем, одной из главных задач работы, которых было уронить курс русского рубля и заменить его в местном денежном обороте японскими денежными знаками.

17 октября 1918 г. в Чите было открыто и начало свою работу отделение Харбинского филиала «Чосен Банка» [15]. Как утверждает в своей книге А.И. Погребецкий, это произошло почти одновременно с принятием на себя атаманом Г. Семеновым всей полноты власти [1, с. 256]. Однако, соответствующий Указ Верховного правителя А.В. Колчака датируется 4 января 1920 г., то есть

японское финансовое учреждение уже давно и активно действовало к тому времени на данной территории. Одновременно с филиалом на станции Чита Забайкальской железной дороги так же, под видом временного агентства открылось отделение банка на станции Маньчжурия Китайской Восточной железной дороги [1, с. 257-258]. В связи с тем, что наиболее безопасным местом для размещения японского банка в Чите в той обстановке была близость к японским военным, отделение «Чосен Банка» было открыто при штабе 5-ой японской дивизии [16, л. 1-2]. Штаб размещался в здании пассажа А.Ф. Второва, на углу улиц Коротковской и Иркутской<sup>8</sup>. Ранее здесь же размещался штаб 3-ей японской дивизии.

18 сентября 1918 г. в город Благовещенск Амурской области вступили японские и белогвардейские военные части<sup>7</sup> под командованием атамана И.М. Гамова<sup>9</sup>. Вскоре местное население из объявления японского военного штаба в газете «Амурское эхо»<sup>11</sup> было оповещено об открытии разменной кассы «Чосен Банка» в Благовещенске. В рекламе сообщалось, что «с 24 ноября 1918 года открылась разменная касса при японской армии. Временное помещение «Чосен Банка» в г. Благовещенске на Большой улице дом 45 напротив почтамта в японской конторе «Томось». Банк производит следующие операции: размен японской иены, вклады, текущие счета, ссуды и переводы внутренние и за границу» [17, с. 1].

На тот момент «Чосен Банк» был не единственный японским банком, открывшимся во Владивостоке. Ранее, в декабре 1918 г. во Владивостоке открылось отделение японского «Йокогама Спеши банка» [1, с. 17], которое в дальнейшем разместилось в д. 43 на Светланской улице, в здании Торгового дома «И.Я Чурин и Ко», где также разместился Штаб японского командования [18, с. 124-139]. Об этом событии так же было сообщено во Владивостокской газете «Голос Родины» [19, с. 1] и упоминалось, что напротив банка располагался Чехо-Словацкий штаб, а рядом Управление японского жандармского отдела [19, с. 1].

В Хабаровск японские войска вошли 11 сентября 1918 г. В этот же день на имя главы отделения «Чосен Банка» во Владивостоке поступило указание из штаба японского корпуса во Владивостоке о срочном открытии в Хабаровске пункт обмена военных банкнот на облигации «Чосен Банка». И уже через два дня, то есть 13 сентября 1918 г., в 15.00 часов туда прибыла группа из «Чосен Банка» для открытия пункта обмена, который должен был состоять из четырех служащих, во главе с финансовым секретарем Матано [8, с. 32].

Таким образом, отделения японских банков располагались либо в самих японских штабах, либо вблизи них. Это было удобно с точки зрения безопасности самих банков, денежных средств и служащих отделений банков, такое соседство давало возможность безопасно осуществлять свою финансовую деятельность под прикрытием япон-

ских винтовок и штыков.

Японская военная администрация принимала активное участие в продвижении иены на Дальнем Востоке России. Долгое время в г. Хабаровске, именно военное интендантство при штабе 12 японской дивизии устанавливало курс иены, который доводила до местного населения через объявления в местных газетах [23, с. 2, 24, б/с]. Японские военные отряды, продвигаясь по территории Дальнего Востока, размещаясь на постой в различных местностях, расплачивались за фураж и провизию с местным населением японскими денежными знаками. Так, штаб японской дивизии, располагающийся в Благовещенске, сразу предложил за необходимые им дрова расплатиться иенами на общую сумму около 23000 руб. по курсу 10 руб. за 1 иену. При этом, как сообщали газеты, Верховный Уполномоченный Всероссийского правительства на Дальнем Востоке генерал-лейтенант Д.Л. Хорват<sup>12</sup> эту сделку разрешил [20, с. 3]. Одновременно, японский интендант из штаба японской дивизии предложил всем местным поставщикам получать платежи за товары иенами [21, с. 3]. Председатель Совета министров Дальневосточной республики (ДВР) П.М. Никифоров писал: «Расчет был верен... Покупая у населения сырье и продовольствие для своей армии, японцы платили иенами.... Продавая свои товары в горо-

дах и селах, японцы требовали от населения японскую иену. А так как, по существу, Приморская, Сахалинская и Камчатская области были блокированы Японией, снабжение товарами могло идти только из Японии, и население вынуждено было искать иену» [22, с. 205].

Итак, японская военная администрация принимала самое непосредственное и активное участие в процессе внедрения японских денежных знаков в рыночный оборот региона. Это проявлялось в том, что во многих случаях представительства японских банков в дальневосточных городах, которые брались под контроль японскими военными отрядами, открывались при их штабах или в непосредственной близости от них. Объявления о начале хождения японских военных банкнот размещались от имени военных интендантств и штабов. Кроме того, интендантством при штабе японской дивизии осуществлялось установление курса японской иены в регионе. Активное участие японской военной администрации в процессе японской денежной экспансии на Дальнем Востоке России в период интервенции 1918-1922 гг. являлось частью целенаправленной политики Японской империи, направленной на экономическое закабаление Дальнего Востока России, превращение его в эксплуатируемую колониальную периферию.

## Примечания

<sup>1</sup> Тёсэн гинко (яп. 朝鮮銀行) – название банка, основанного японским правительством в колониальной Корее в 1907 г. «Тёсэн» – японское название Кореи до 1945 г., «Гинко» – банк. Наиболее общепотребимое в российской историографии название «Чосен банк».

<sup>2</sup> Далянь – город субпровинциального значения в провинции Ляонин северо-восточной части Китая, порт в заливе Даляньвань Желтого моря на южной оконечности полуострова Ляодун – Квантунском полуострове. Под названием «Дальний» город основан русскими в 1898 году на месте китайского рыбацкого посёлка Циннива на арендованной у Китая территории. В 1904 г. в ходе Русско-японской войны 1904-1905 гг. взят японцами и по Портсмутскому мирному договору находился под контролем Японии. Японцы оставили название города прежним, но стали читать иероглифы не по-китайски, а по-японски, поэтому тогдашний Далянь известен как Дайрен. В августе 1945 г. город был освобождён советскими войсками. В 1945-1950 гг. в статусе свободного китайского порта, арендованного СССР. В 1950 году безвозмездно передан правительством СССР Китаю.

<sup>3</sup> «Голос Приморья»: ежедневная, прогрессивная, внепартийная, политическо-экономическая и общественно-литературная газета. Выпускалась в г. Владивостоке в 1915-1919 гг.

<sup>4</sup> Банкирская контора С. Мацуда образована во Владивостоке на месте банкирской конторы действующей при японском торговом доме «Сугиура сётэн» с 1897 г. Открылась в 1907 г. как отделение Восемнадцатого банка г. Нагасаки. В сферу деятельности конторы входили обмен рублей на японские иены и финансирование экспорта соевых бобов из Маньчжурии (данная деятельность приносила конторе наибольшую прибыль). В 1916 г. контора была принудительно поглощена «Чосен-банком» и в 1919 г. переименована в его Владивостокское отделение.

<sup>5</sup> Временное правительство автономной Сибири (ВПАС) – орган исполнительной власти Сибирской республики, существовавший на территории Сибири и Дальнего Востока во время Гражданской войны в России в период с 28 января (10 февраля) по 22 октября 1918 года.

<sup>6</sup> «Военные деньги» или как их еще называют «Оккупационные» – специальные денежные знаки, выпускаемые в обращение военными властями одного государства (коалиции государств) на территории другой страны (группы стран) в военное время. Эмиссия военных денег является одним из методов финансирования военных и оккупационных расходов. См.: Финансово-кредитный энциклопедический словарь / под общ. ред. А.Г. Грязновой. Москва, 2002. С. 854.

<sup>7</sup> Онон (бур. Онон гол, монг. Онон гол) – река, протекающая через северо-восточную часть Монголии и Забайкальский край России, правая составляющая реки Шилки (бассейн реки Амура).

<sup>8</sup> Второв Александр Фёдорович, Иркутский купец первой гильдии, сибирский миллионер, владеющий крупной сетью магазинов. Был известен не только в Чите, но и в других сибирских городах, таких как Томск, Иркутск, Бийск, Барнаул, Улан-Удэ, Новосибирск, Екатеринбург.

<sup>9</sup> Казаки Амурского отряда.

<sup>10</sup> Гамов Иван Михайлович — казак ст. Верхнеблаговещенской Амурского казачьего войска, эсер, депутат IV Государственной Думы. В апреле 1917 г. избран атаманом Амурского казачьего войска. Организатор контрреволюционного мятежа против власти Советов. В дальнейшем — белоэмигрант.

<sup>11</sup> Амурское эхо: ежедневная большая общественно-политическая и литературная газета. Выпускалась в г. Благовещенске, Амурской области, 1908 – 1919 гг.

<sup>12</sup> В период с 28 октября 1918 по 18 августа 1919 г.



## Литература и источники

1. Погребецкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период войны и революции (1914-1924). Харбин: Общество изучения Маньчжурского края, 1924. 419 с.
2. Наволочкин Н. Д. Дело о полутора миллионах. Хабаровск, 1982 С. 82-83.
3. Османов Е. М. Японские деньги на Дальнем Востоке России в годы Русско-японской (1904–1905) и Гражданской (1917–1923) войн // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Сер. 9. 2009. Вып. 3. С. 353-359.
4. Рогов Г.И. Денежное обращение на Дальнем Востоке в период японской оккупации // История Белой Сибири: тезисы научной конференции. Кемерово, 2005. С. 160-163.
5. Сенилов Б.В. Военные деньги в Гражданской войне в России 1918–1922 гг. // Коллекционер. М., 2001. Вып. 36-37. С. 271–309.
6. Уфимцев Ю. Японские деньги России // Япония сегодня. М., 1996. № 4. С. 26–27.
7. Петин Д.И. Документы Временного правительства автономной Сибири о хождении военных денег Сибирской экспедиции японских войск // Новейшая история России. 2015. № 3 (14). С. 236–246. и др.
8. 多田井喜生 (Татаи Есио) [大陸に渡った円の興亡 (тайрику-ни вататта эн-но ко:бо: Судьба японской иены на материке)] (下 (гэ 2 том) )。東洋経済新報社 (то:ё: кэйдзай симпо:ся. Издательство: Тоё Кэйдзай Симпосья)。東京 (то:кё: Токио)。1997. // Татаи Есио. Величие и падение японской иены на материке. Том 2. Издательство: «Тоё Кэйдзай Синхосья». Токио. 8 августа 1997 г.
9. Щелоков А.А. Интервенция штыка и иены // Филателия СССР. 1988. № 10. С. 60– 61.
10. Красный архив. Москва, 1929. Том 5 (36). 219 с.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-154. Оп. 1. Д. 9.
12. Чашин А.И. Бумажные свидетели истории Восточного Забайкалья. Чита, 2016. 295 с.
13. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 94. Оп. 3. Д. 14.
14. Чашин А.И. Сретенск. Страницы прошлого. Казачество. Купечество. Военнопленные. Денежные знаки. Чита, 2009. 256 с.
15. 朝鮮銀行史研究会 編 [朝鮮銀行史]、東洋経済新報社、昭和62年て:сэн гинко: си кэнкю: кай хэн те:сэн гинко: си то:ё: кэйдзай симпо:ся Собрание Общества по исследованию истории банка Тёсэн. «История банка Тёсэн». Издательство «Тоё кэйдзай симпосья», 1987 г.
16. ГАЗК. Ф. 329. Оп. 1. Д. 57.
17. Амурское Эхо. Благовещенск. Ежедневная газета. 1918. 30 (17) ноября. № 904.
18. Парамонов О.В. Военные боны Великояпонской империи. Сибирская экспедиция // Антиквариат: предметы искусства и коллекционирования. М., 2010. № 3. С. 124-139.
19. Голос Родины. Владивосток. 1919. 4 ноября. № 48.
20. Расплата за дрова иенами // Голос Приморья. Владивосток. 1919. 25 мая. № 484.
21. Расчет иенами // Амурская жизнь. Благовещенск. 1919. 24 (11) мая. № 105 (167).
22. Никифоров П.М. Записки премьера ДВР. М.: Политиздат, 1963. 287 с.
23. Амурская жизнь. Благовещенск. 1919. 5 (23) июня. № 114 (176). С. 2.
24. Приложение к Амурское Эхо. Благовещенск. Ежедневная газета. 1919. 21 (8) февраля. № 965.

## References

1. Pogrebetskii A.I. Denezhnoe obrashchenie i denezhnye znaki Dal'nego Vostoka za period voiny i revolyutsii (1914-1924) [Currency circulation and banknotes of the Far East during the war and revolution (1914-1924)]. Kharbin: Obshchestvo izucheniya Man'chzhur'skogo kraya Publ, 1924. 419 p.
2. Navolochkin N.D. Delo o polutora millionakh [The case of one and a half million]. Khabarovsk, 1982. pp. 82-83.
3. Osmanov E.M. Yaponskie den'gi na Dal'nem Vostoke Rossii v gody Russko-yaponskoi (1904–1905) i Grazhdanskoi (1917–1923) voyn [Japanese money in the Far East of Russia during the Russian-Japanese (1904-1905) and Civil (1917-1923) wars]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta [Bulletin of St. Petersburg University]. Ser. 9. 2009. Vol. 3. pp. 353-359.
4. Rogov G.I. Denezhnoe obrashchenie na Dal'nem Vostoke v period yaponskoi okkupatsii [Currency circulation in the Far East during the Japanese occupation]. Istoriya Beloi Sibiri: tezisy nauchnoi konferentsii [«History of White Siberia»: abstracts of the scientific conference]. Kemerovo, 2005. pp. 160-163.
5. Senilov B.V. Voennye den'gi v Grazhdanskoi voine v Rossii 1918–1922 gg. [War money in the Russian Civil War 1918-1922]. Kollektioner [Collector]. Moscow, 2001. Vol. 36-37. pp. 271–309.
6. Ufimtsev Yu. Yaponskie den'gi Rossii [Japanese money of Russia]. Yaponiya segodnya [Japan today]. Moscow, 1996. № 4. pp. 26–27.
7. Petin D.I. Dokumenty Vremennogo pravitel'stva avtonomnoi Sibiri o khozhdenii voennykh deneg Sibirskoi ekspeditsii yaponskikh voisk [Documents of the Provisional Government of Autonomous Siberia on the circulation of war money of the Siberian Expedition of Japanese troops]. Noveishaya istoriya Rossii [Modern History of Russia]. 2015. № 3 (14). pp. 236–246. i dr.
8. Tatoi Yoshio The Greatness and Fall of the Japanese Yen on the Mainland Volume 2. Publisher: Toyo Keizai Shinhosha. Tokyo. 8 August 1997. (In Japanese).
9. Shchelokov A.A. Interventsiya shtyka i ieny [The intervention of the bayonet and the yen]. Filateliya SSSR [Philately of the USSR]. 1988. № 10. pp. 60– 61.
10. Krasnyi arkhiv [Red archive]. Moscow, 1929. No. 5 (36). 219 p.
11. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [State Archives of the Russian Federation (GARF)]. F. P-154. Op. 1. D. 9.
12. Chashchin A.I. Bumazhnye svideteli istorii Vostochnogo Zabaikal'ya [Paper witnesses of the history of Eastern Transbaikalia]. Chita, 2016. 295 p.
13. Gosudarstvennyi arkhiv Zabaikal'skogo kraia (GAZK) [State Archives of the Trans-Baikal Territory (GAZK)]. F. 94. Op. 3. D. 14.
14. Chashchin A.I. Sretensk. Stranitsy proshlogo. Kazachestvo. Kupechestvo. Voennoplennye. Denezhnye znaki [Sretensk. Pages of the past. Cossacks. Merchants. Prisoners of war. Banknotes]. Chita, 2009. 256 p.
15. Meeting of the Research Society history of Chöcsen Bank. “History of the Chosen Bank”. Publishing house «Toyo keizai symposia», 1987. (In Japanese).
16. GAZK [GAZK]. F. 329. Op. 1.D. 57.
17. Amurskoe Ekho [Amur Echo]. Blagoveshchensk. Ezhednevnyaya gazeta [Daily newspaper]. 1918. 30 (17) November. No. 904.
18. Paramonov O.V. Voennye bony Velikoyaponskoi imperii. Sibirskaya ekspeditsiya [Military coupons of the Great Japanese Empire. Siberian Expedition]. Antikariat: predmety iskusstva i kollektionirovaniya [Antiques: Objects of Art and Collectibles]. Moscow, 2010. № 3. pp. 124-139.

19. Golos Rodiny [Voice of the Motherland]. Vladivostok. 1919. 4 November. No. 48.
20. Rasplata za drova ienami [Payback for firewood in yen]. Golos Primor'ya [Voice of Primorye]. Vladivostok. 1919. 25 May. No. 484.
21. Raschet ienami [Calculation in yen]. Amurskaya zhizn' [Amur life]. Blagoveshchensk. 1919. 24 (11) May. No. 105 (167).
22. Nikiforov P.M. Zapiski prem'era DVR [Notes of the Prime Minister of the DVR. Moscow: Politizdat Publ, 1963. 287 p.
23. Amurskaya zhizn' [Amur life]. Blagoveshchensk. 1919. 5 (23) June. No. 114 (176). p. 2.
24. Prilozhenie k Amurskoe Ekho [Appendix to the Amur Echo]. Blagoveshchensk. Ezhednevnyaya gazeta [Daily newspaper]. 1919. 21 (8) February. No. 965.

© «Клио», 2020

© Потапова Н.В., Киселев А.Л., 2020

#### УДК 94(47).084.8

Дата поступления (Submitted): 02.12.2020

Дата принятия к печати (Accepted): 11.12.2020

#### **NIKITA NIKOLAEVICH MELNIKOV**

*Candidate of historical Sciences, associate Professor, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS, Senior Researcher  
Sofia Kovalevskaya str., 16, 620990, Yekaterinburg,  
Russian Federation  
+7 343 374-53-40; meln2011kit@gmail.com*

## **The price of import substitution: the role of imports in the development of the Soviet tank industry (1929-1945)**

Soviet tank construction began in the late 1920s. It used imported components for several hundred tanks a year. The new tank building program began in 1930-1931. The Soviet government wanted to receive several thousand armored vehicles a year. The new production plan required an increase in the output of Soviet components for economic reasons. The industry could not buy many components abroad. Imports for the tank industry declined until the end of the second five-year plan. We can say that since the late 1930s, the production of tanks has been based on domestic production. After that, the Soviet military industry reached a high rate of production, but tanks remained unreliable machines. The great Patriotic war led to the loss of Western industrial centers and the creation of the tank industry in the East of the USSR. This has exacerbated many old problems. The Soviet Union again began to develop import supplies of industrial equipment, materials, raw materials and aggregates. The USSR began to receive the Lend-Lease. The Soviet tank industry was not completely dependent on imports. The dependence was indirect, but the Lend-Lease affected production processes. The development of allied supplies was one of the most important factors that made it possible to increase the quantity and improve the quality of Soviet armored vehicles.

**Keywords:** *tank industry, Stalinism, industrialization, import, Lend-Lease, war.*

#### **НИКИТА НИКОЛАЕВИЧ МЕЛЬНИКОВ**

*Кандидат исторических наук, доцент,  
Институт истории и археологии УрО РАН,  
старший научный сотрудник  
620990, Российская Федерация,  
г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16.  
+7 343 374-53-40; meln2011kit@gmail.com*

Советское танкостроение началось в конце 1920-х гг. с широкого использования импортных комплектующих для нескольких сотен танков в год. Но уже в 1930–1931 гг. была развернута новая танкостроительная программа, подразумевающая выпуск нескольких тысяч машин в год. Что потребовало развития собственного производства комплектующих не только в силу политических и идеологических причин, но и с экономической точки зрения. Закупать такое количество узлов и материалов за границей было очень дорого. Вплоть до конца второй пятилетки промышленность продолжала сокращать импорт для танковой промышленности и можно утверждать, что с конца 1930-х гг. выпуск танков базировался на отечественном производстве. Однако советская военная индустрия, хоть и достигла высоких темпов выпуска, страдала низким качеством. Танки, вышедшие из заводских цехов, оставались ненадежными машинами. Потеря западных промышленных центров и создание танковой промышленности на вос-

токе страны в годы Великой Отечественной войны обострило многие старые проблемы: Советский Союз вновь был вынужден прибегнуть к развитию импортных поставок промышленного оборудования, материалов, сырья и агрегатов. Танкостроение СССР не зависело напрямую от импорта, который в годы войны развивался в виде ленд-лиза. Зависимость была опосредованная, тем не менее, серьезно влиявшая на производственные процессы. Развитие поставок союзников стало одним из факторов, позволившим увеличить количество и улучшить качество советской бронетехники.

**Ключевые слова:** танковая промышленность, сталинизм, индустриализация, импорт, ленд-лиз, война.

## Цена импортозамещения: развитие советского танкостроения на фоне роста и сокращения зависимости от импорта (1929-1945 гг.)

*(Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 19-09-00050 «Производственные ресурсы советской танковой промышленности в условиях Великой Отечественной войны»)*

В течение 1920-х гг. советская власть предприняла несколько попыток запустить танкостроительную программу. Но дальше выпуска полусерийных образцов дело не продвинулось. Ситуация начала радикально меняться после принятия первого пятилетнего плана развития советской промышленности. На старте своей танкостроительной программы Советский Союз был вынужден импортировать большую часть комплектующих. В течение последующего десятилетия индустриальная база СССР начала своё стремительное развитие и уже к концу 1930-х гг. танкостроение в целом использовало только отечественные материалы, узлы и агрегаты. Более того, советский военпром оказался способен не только создать новые оригинальные модели бронетехники, но и стать (в количественном отношении) мировым лидером танкового производства. Принятый на вооружение в конце 1939 г. средний танк Т-34 стал самым массовым танком Второй мировой войны и одним из основных символов Победы Советского Союза над нацистской Германией.

Советская историография трактовала итоги развития отечественной индустриальной базы в предвоенный и военный период как однозначный успех. К началу 1960-х гг. в целом сложилась историографическая традиция, которая безальтернативно воспроизводилась до начала 1990-х гг., а частично продолжает существовать до сих пор. Её суть в отношении истории развития советской бронетехники – бесспорные конструктивные и технологические преимущества отечественных танков и самоходных установок военных лет перед зарубежными аналогами. Что стало возможно благодаря ускоренной индустриализации, проведенной в рамках первых пятилеток [1, с. 415].

Вопросы внешнеэкономических контактов советской промышленности и роли западных идей, технологий и материалов в развитии военного производства в СССР советская историография старательно обходила стороной [2, с. 260]. Авторы коллективной монографии «Оружие Победы» признавали факт заимствования иностранного опыта только при появлении самых первых «Русских Рено» (15 штук) в 1920 году. В дальнейшем

в тексте нет упоминаний об использовании западных образцов техники в создании отечественных танков. Что создавало у читателя ложное впечатление о самостоятельности советских разработок бронетехники начала 1930-х гг. [3, с. 12].

Говоря о роли поставок союзников по антигитлеровской коалиции в СССР в годы Великой Отечественной войны, советская историография, вслед за Председателем Госплана Н. Вознесенским, говорила об их невысокой значимости для всей советской экономики [4, с. 72].

Подобный подход получил продолжение и в постсоветские годы. Авторы некоторых работ по-прежнему предпочитают ничего не говорить об западных заимствованиях [5, с. 17]. В других случаях встречаются лишь упоминания отдельных фактов: «Советский Союз ... прекратил ввоз автомобилей, тракторов и сельскохозяйственных машин» [6, с. 107]; «Многие станки и оборудование ... были ввезены из Европы и США», советский танк Т-26 называется «копией английского «Виккерса»» [7, с. 18. 48]; «творчески осмысливался опыт создания и проектирования лучших английских и американских образцов» [8, с. 221].

После открытия для исследователей широкого круга архивных материалов в 1990-е гг. начинается новый этап развития историографии советского индустриального развития, приведший к серьезным изменениям представлений о развитии советской военной промышленности. Н.С. Симонов указал на дефицит инженерно-технического персонала на военных заводах, усиленного компанией по борьбе с «вредительством». Что во многом предопределило невозможность для промышленности самостоятельно осуществить разработку и принятие на вооружение новейших образцов военной техники (танков, самолетов). Так начались активные внешнеэкономические контакты советской стороны с производителями вооружений в других странах. Именно закупки за границей различных образцов техники дали начало серийному советскому танкостроению [9, с. 75–77]. Тема становления советской военной промышленности в 1930-е гг. получила развитие в работах других авторов [10; 11].

Впоследствии появилось множество различных

работ, убедительно показывающих, что вся советская серийная бронетехника была разработана и принята на вооружение на основе западных образцов. М.И. Верещак показал роль и значения опыта стран Запада в создании и развитии отечественного танкостроения [12]. А.А. Киличенков подробно рассмотрел обстоятельства закупки танка Джона Уолтера Кристи (США), который был принят на вооружение в СССР под индексом БТ [13]. Широкая документальная база, отражающая развитие советской военной промышленности в 1920 – 1930-е гг., содержится в сборниках документов из серии «История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900-1963» [14; 15; 16].

В 1927–1928 гг. ленинградский завод «Большевик» начал выпускать первый советский танк Т-18 (МС-1), оснащённый 35-сильным мотором конструкции А.А. Микулина. Это была машина, основанная на французском танке I мировой войны «Renault FT». До 1929 г. было выпущено немногим более 100 машин [14, с. 358–359]. Кроме того, в 1928 г. начиналась подготовка выпуска нового танка Т-12 (впрочем, тоже имевшего в своей основе всё тот же «Renault FT») на Харьковском паровозостроительном заводе им. Коминтерна (ХПЗ). По плану на 1929–1930 хозяйственный год необходимо было изготовить 30 таких танков [14, с. 161–163, 370–371].

На этом этапе развития основная масса комплектующих для танкосборочного производства формировалась двумя путями. Первая часть – это двигатели, поковки, литые, фасонные отливки и броня – изготавливалась отечественными заводами. Вторая часть – электрооборудование (приборы для зажигания, электрический стартер, свечи, провода, магнето и т. п.), шарико- и роликотолки, карбюраторы, ленты «Феррадо» и другие детали – главным образом закупалась за рубежом [14, с. 360–361].

Советское руководство все предвоенные годы искренне считало реальной опасностью нападения со стороны «западных капиталистов»: «Империалистические державы, стремясь помешать строительству социализма и добиться реставрации капитализма в нашей стране, усиленно готовили войну против СССР. Они увеличивали свои вооруженные силы, расширяли военное производство, создавали военные базы, провоцировали конфликты» [1, с. 60].

Орудийно-арсенальный трест, курировавший танковое производство в конце 1920-х гг., считал, что на будущее, в связи возможной эскалации напряженности, необходимо было «предусмотреть большую заготовку по импорту»: «в случае закрытия границы ... заводы не смогут выпускать ни танков, ни тракторов» [14, с. 360–361].

Следовательно, основная масса деталей и агрегатов, требующих для изготовления высококвалифицированных специалистов и современного оборудования, пока не могла производиться

внутри страны. Импорт этой части комплектующих стал неизбежным условием становления и развития отечественного танкостроения на годы вперед. Но на следующем этапе к перечисленным деталям добавился еще один компонент, который по важности можно поставить на первое место – двигателя.

Уже к концу 1929 г. вся принятая программа советского танкостроения оказалась несостоятельной. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 декабря 1929 г. констатировало, что в СССР «кроме танка Т-18, типов и конструкций танков среднего, большого и танкетки не имеется». Поэтому было принято решение отправить «за границу авторитетную комиссию из представителей ВСНХ и НКВоенмора [Наркомата по военным и морским делам]» [14, с. 388–389]. Именно это постановление послужило началом новой широкой программы по развитию советского танкостроения на основе заимствования иностранного опыта.

#### Танки первых пятилеток

С конца 1929 г. советское руководство организовало и отправило в Европу и Соединенные Штаты несколько закупочных комиссий, которые должны были отобрать и закупить необходимое количество документации и готовых образцов бронетехники. В результате всех перипетий начала 1930-х гг. бронетанковые войска Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА) стали включать 5 типов танков, которые частично или полностью были созданы на основе иностранных образцов:

1. Разведывательные плавающие танки Т-37А (вес 3,5 т) выпускал Московский завод № 37.
2. Общебойковой танк Т-26 (вес 9,4 т) – Ленинградский завод № 174 им. Ворошилова
3. Оперативный колесно-гусеничный танк серии БТ (вес 11,3–13,8 т) – ХПЗ.
4. Танк качественного усиления резерва Главного командования Т-28 (вес 25,2 т) – ленинградский Кировский завод.
5. Танк особого назначения Т-35 (вес 50 т) – ХПЗ.

Практически сразу же после начала серийного производства в 1931–1932 гг. обозначилась проблема отсутствия у советской промышленности специальных серийных танковых моторов. Начальник Управления моторизации и механизации (УММ) РККА И.А. Халепский еще в ноябре 1929 г. указывал на этот факт. В качестве основной меры руководитель УММ предлагал, ссылаясь на опыт США, создавать специальные моторные заводы, помимо существующих тракторных. Что, по его мнению, позволяло успешно повышать мощность моторов [14, с. 380–382]. Но это была относительно далекая перспектива. Советскому руководству хотелось получить большее количество готовых танков прямо сейчас. Поэтому в танкостроении стали массово применять авиационные моторы схожей мощности.

Из этой логики выбивались только плавающие

танки, которые получили 40-сильные автомобильные двигатели ГАЗ-АА (аналог закупленного в США мотора Ford Model AA). И самый массовый оперативный танк Т-26, имевший в своей основе британский танк Vickers Mk E. Советский аналог унаследовал 90-сильный британский двигатель Siddeley Puma, который производился в СССР под маркой «Т-26». Гораздо более тяжелые Т-28 и Т-35 получили четырехтактные двенадцатицилиндровые V-образные авиационные моторы М-17 мощностью 450–500 л. с., выпускавшиеся по германской лицензии (авиационный мотор BMW VI).

Наибольшие трудности возникли при обеспечении моторной установкой машин серии БТ. Быстроходный танк (БТ) был полностью заимствован у американского конструктора Дж. Кристи. Примечательно, что вооруженные силы США отказались использовать машину Кристи, посчитав, что этот танк не имеет перспективы. Но военному руководству СССР машина очень понравилась, и ХПЗ № 183 освоил выпуск БТ, который изготавливался вплоть до 1940 г. У танка была одна очень важная особенность, которая так понравилась советским военным руководителям, и наоборот не понравилась их американским коллегам – колесно-гусеничный способ передвижения танка (двигатель), когда танк мог снимать гусеницы и ездить на колесах.

В 1933 г. Комиссия обороны СССР приняла важное властное решение, которое определило направление развития всего советского танкостроения до конца 1930-х гг. Во-первых, все танки (кроме самых тяжелых Т-35) переводились на колесно-гусеничный движитель. Во-вторых, каждая модель танка должна была получить свой, вновь разработанный двигатель на тяжелом топливе – дизель-мотор. Все проектные работы планировалось завершить в середине 1930-х гг., и уже в 1936 г. РККА должна была «перейти на более совершенные конструкции» бронетехники [15, с. 148–154].

Для быстроходного танка (от которого требовались высокая скорость и маневренность, в отличие от гораздо более тяжелых и медленных Т-28 и Т-35) необходимо было создавать массовое производство моторов. Объем ежегодного выпуска танков качественного усиления и особого назначения исчислялся несколькими десятками машин в год, тогда как БТ, исходя из установленных планов, должен был производиться по несколько тысяч ежегодно. Высокие эксплуатационные показатели быстроходного танка обеспечивались мощным многосотсильным мотором. В первые годы серийного производства для установки на БТ были определены американские авиационные двигатели Liberty L-12 в 400 л. с. или советские М-5 (созданы на основе того же «Либерти» в начале 1920-х гг.). Здесь нужно сделать важное уточнение – многие моторы ставились на танки уже после того, как снимались с самолетов [14. 718–720]. Они исчерпали свой авиационный ресурс, но еще были пригодны для наземной техники.

Проблема серийного выпуска силовых установок для БТ была во многом нивелирована провалом организации производства танков на ХПЗ. Впрочем, все танковые заводы в годы первых пятилеток отличались срывом производственных планов. Тем не менее, ежегодный выпуск танков постоянно рос, но советское руководство желало видеть их количество в разы большим. Однако факт на лицо – быстроходный танк был запущен в серийное производство без двигателя, без подготовленной производственной моторной базы.

В подобном состоянии находилась вся промышленность, снабжающая танкостроение узлами, агрегатами и отдельными деталями. Советское руководство прилагало значительные усилия для организации сборочного и отчасти броневого производства. Но вопрос обеспечения танкостроительных заводов двигателями, подшипниками, электрооборудованием и прочими комплектующими приходилось решать в значительной степени за счет импорта. В конце 1932 г. всерьез обсуждались импортные поставки для танковой промышленности на 1933 год [14, с. 719–722].

В 1934 г. Ярославский резиноасбестовый комбинат должен был поставлять заводу № 37 и заводу им. Ворошилова катки, диски, ленты «Феррадо» и прочие комплектующие, содержащие резино-технические элементы. Но комбинат обещал запустить эту часть своего производства в лучшем случае в начале 1935 года. Следовательно, ленинградский и московский заводы вынуждены были обходиться своими силами в изготовлении этих деталей. Продолжала существовать проблема шарикоподшипников. По состоянию на осень 1934 г. для Т-26 «не было освоено в производстве» (читай – не выпускалось отечественной промышленностью) 6 наименований подшипников из 29, а для БТ – 6 из 22 (включая номенклатуру мотора М-5) [15, с. 308–322]. Следовательно, с конца 1920-х годов положение принципиально не изменилось. Во многом зависимость от импорта сохранилась и в следующем году, хотя и значительно ослабла. Все эти негативные моменты планировалось преодолеть в течение второй пятилетки [15, с. 145–146].

В течение 1934 г. был снят с производства мотор М-5, поэтому на быстроходные танки начали устанавливать авиадвигатели М-17 [15, с. 308–322]. Те же, что применялись на более тяжелых машинах. Советские танки по-прежнему не имели специальных моторов. План разработать и начать производить в 1936 г. широкий спектр дизельных танковых двигателей оказался провален.

Ко всему прочему необходимо добавить постоянный дефицит раций для танков, который не был преодолен вплоть до начала Великой Отечественной войны. Советская танковая промышленность выпускала радиотанки, то есть обеспеченные рациями, и линейные, не имеющих таковых. Первых было меньшинство, вторых – большинство. Точно также дефицит радиопередающего оборудования был распространен в авиации.

К началу третьей пятилетки (1938–1939 гг.) зависимость танкостроения от импорта резко ослабла. К этому времени все основные комплектующие и их элементы так или иначе производились внутри страны. Импортные поставки сохранялись, как правило, в части узкоспециального производства поставщиков танковой промышленности. В целом можно считать, что Советскому Союзу удалось избавиться от той зависимости от импорта, которую он испытывал в конце 1920-х гг. Но мы с уверенностью можем утверждать, что в значительной степени иностранная помощь была крайне востребована и продолжала сохраняться. Пусть уже и не в том объеме, как в начале индустриализации.

Для пояснения этого утверждения рассмотрим два примера. В сентябре 1937 г. с американской фирмой «International Resistance Co» было заключено соглашение, предусматривавшее в течение года получение технической помощи для строительства цеха по производству сопровителений и конденсаторов на Воронежском заводе «Электросигнал». В августе 1938 г. оказалось, что в целом проект оказался проработан. Основные причины – изначально сомнительные сроки строительства и полное отсутствие в СССР некоторых важнейших компонентов (тунговое масло, цейлонский графит, специальные сорта сажи и т. п.).

В январе 1936 г. был подписан договор с «Brown Instrument Company» об освоении производства контрольно-измерительных приборов (пирометры, потенциометры, манометры, расходомеры, амперметры, вольтметры и др.). В целом условия договора были выполнены, обещанная помощь была оказана. Но далее начались проблемы непосредственно на советских заводах (№ 218 и № 230), где серийное изготовление шло с большим трудом: «приборы выпускаются по самой примитивной технологии производства, при этом в основных цехах (сборочном и механическом) исключительная грязь и захламленность. Точнейшие приборы хранятся на складе, где все покрыто пылью. Оснащенность производства приборов очень низкая» [16, с. 185–187].

Оба эти примера не касаются напрямую танкопрома, но хорошо объясняют некоторые трудности, характерные как для танкостроения, так и для всей советской промышленности. Первый случай характеризует проблемы развития советской радиопромышленности и производства автоэлектрики. Во многом поэтому большая часть советских танков вплоть до середины военного периода не имели радиопередающих устройств и некоторого электрооборудования. Второй случай объясняет острый дефицит контрольно-измерительных приборов, в том числе простейших, обнаруженный нами на машиностроительных (танковых) и металлургических заводах на востоке СССР в военные годы. Зачастую восточные предприятия не могли эффективно контролировать подачу газа в мартеновские печи, напряжение или силу тока; иногда заводы не имели в минимально необходимом ко-

личестве даже элементарных электросчетчиков. Всё это приводило к повышенным энергозатратам в условиях дефицита энергоресурсов.

#### Перевооружение третьей пятилетки

В течение 1939 г. в целом были завершены работы над созданием опытных образцов танков нового поколения. Советское руководство считало их машинами, «равных которым еще нет» в силу мощной системы бронирования, нового вооружения и применения дизельного двигателя. В конце года на вооружение были приняты тяжелый КВ, средний Т-34 и плавающий Т-40. Несколько позже, в начале 1941 г., был готов новый легкий танк (поддержки пехоты) Т-50. Новые машины (кроме Т-40) оснащались различными модификациями наконец-то созданного дизельного двигателя В-2 (для его производства из состава ХПЗ был выделен харьковский завод № 75). Казалось, они могут удовлетворить даже самые смелые ожидания военных. Но реальность стала развиваться совершенно в ином направлении.

В декабре 1940 г. представители Комитета обороны побывали на ведущих танковых и связанных с ними металлургических заводах страны для ознакомления с состоянием производства. Вывод их был неутешительным. С одной стороны, все головные заводы стремительно наращивали выпуск бронетехники: Кировский завод – КВ, ХПЗ № 183 – Т-34, харьковский завод № 75 – двигатели серии В-2, московский № 37 – Т-40, ленинградский № 174 готовился к началу серийного выпуска Т-50. Готовился выпуск тяжелых танков на Челябинском тракторном заводе и средних танков – на Сталинградском тракторном. С другой стороны, в серийной продукции проявилось слишком много общих негативных черт, которые сохранились в танкостроении от машин предыдущего поколения: все серийные танки показали низкую надежность и не выдерживали гарантийных параметров эксплуатации [16, с. 697–701].

Проверка Комитета обороны хорошо показала, что основные проблемы танкостроения, накопленные в предыдущие годы, так и остались нерешенными. Осталась неотработанной технология изготовления шестерен и подшипников. Танки так и не получили надежного и мощного мотора, поскольку новый дизельный двигатель оказался столь ненадежен, что его необходимо выпускать по следующей схеме: на каждые два танка один запасной [16, с. 701]. То есть, потребность в новых двигателях была в 1,5 раза выше планов выпуска танков!

Отдельно нужно сказать про производство подшипников в СССР. К 1940 г. страна избавилась от импорта этих деталей. Государственный подшипниковый завод № 1 им. Кагановича (ГПЗ-1, Москва) стал первым и основным предприятием по их изготовлению. Да, страна добилась того, что эта продукция стала полностью производиться в СССР. Но кроме качества у шарикоподшипниковой отрасли оставались проблемы и с количе-

ством. Госплан выявил одну «интересную» особенность выполнения программы на этом заводе. План успешно выполнялся только по общему количеству подшипников. Примерно по трети всех наименований план выполнялся и даже перевыполнялся, а по остальным – в лучшем случае программа выполнялась на 60–80 % [17, л. 4–6]. Поэтому говорить о стабильной работе ГПЗ-1 было еще преждевременно.

К началу третьей пятилетки (1938 г.) советской промышленности удалось нарастить производственные возможности машиностроения, металлообработки и смежных предприятий. Теперь отечественное танкостроение обеспечивала ежегодный выпуск бронетехники на уровне нескольких тысяч танков. Практически все комплектующие для танкостроения (или шире – для машиностроения) теперь изготавливались внутри страны.

В итоге советские танки и 1930-х гг., и принятые на вооружение в 1939–1941 гг., несмотря на некоторые передовые характеристики, так и не стали надежными боевыми машинами. Их отличало слишком низкое качество изготовления, а реальный ресурс пробега находился на уровне немногим более 1 тыс. км. Отказ от импорта широкого круга материалов, агрегатов и комплектующих в условиях активно развивающейся промышленности и желания получить беспрецедентное количество боевых машин неизбежно привели к установлению заниженного стандарта качества и надежности выпускаемой техники. Советское руководство, стремясь создать самые мощные бронетанковые силы в мире, получило массу ненадежных машин.

Советское танкостроение в условиях войны

С осени 1941 г. центр танковой промышленности СССР в результате потери западных промышленных районов был смещен на восток. Главным образом на Урал. Здесь располагались все основные танковые, броневые и моторные заводы. Индустриальный потенциал восточных промышленных районов были значительно ниже даже ограниченных возможностей предприятий западной части СССР. На Урале, в Поволжье и Западной Сибири, помимо собственно броневых, танковых и моторных производств, пришлось создавать новые предприятия по выпуску массы комплектующих и специальных материалов: шарикоподшипников, резинотехнических изделий, автоэлектрики, радиодеталей и много другого.

Для создания заводов, выпускающих множество различных комплектующих, производств и ресурсов просто не осталось. Строительство этих мощностей было или полностью заморожено, или велось на грани остановки [18, с. 229–230]. А существующие промышленные предприятия на востоке могли восполнить дефицит этих товаров лишь отчасти. Поэтому восточные танкостроительные центры как минимум до начала 1943 г. вынуждены были ограничивать комплектность боевых машин.

Для увеличения количества поступавших в

действующую армию танков военпредам на восточных танковых заводах разрешалось принимать машины без наличия некоторых приборов и агрегатов, в том числе: спидометров, башенных вентиляторов (в зимнее время), моторов поворота башни, переговорных устройств (при условии их замены сигнальными лампами), запасных бачков, раций и т.д. [19, л. 224; 20, л. 45].

Как принятые управленческие решения, так и реальные производственные возможности восточного танкостроения привели к тому, что выпускаемая техника была крайне низкого качества. В 1942 г. советское руководство направило в Соединенные Штаты два танка: Т-34 и КВ-1. По итогам больших испытаний на Абердинском полигоне был подготовлен подробный промежуточный отчет и представлен, в том числе, советской стороне. Этот отчет (как в оригинальном английском варианте, так и в русском переводе) сегодня можно найти в Российском государственном архиве экономики. Результаты испытаний дают исчерпывающее представление не только о конструктивных, но и о производственных особенностях советских бронемашин.

Первое, что насторожило американских испытателей, это работа воздухоочистителя, который откровенно не справлялся со своей задачей. Следовательно, воздушная грязь забивалась в мотор и уничтожала его изнутри. Точно также неудовлетворительно показала себя система охлаждения. И только конструктивные особенности В-2 не позволяли двигателю выйти из строя слишком быстро [21, л. 13].

При прочтении технического отчета по испытаниям Т-34, подготовленного американскими специалистами, создается устойчивое впечатление, что испытываемый танк в любой момент мог выйти из строя в силу целого букета причин: разрушение внутренних механизмов или отдельных деталей в коробке перемены передач, в бортовых или главном фрикционе, в других узлах и агрегатах. Даже гусеничные траки начали разрушаться уже на первых десятках километров пробега. Мелкие и средние поломки на испытываемых машинах случались регулярно, но их удавалось устранять на месте. Окончательно Т-34 сломался из-за двигателя. Он оказался самым слабым звеном. Танк в общей сложности проехал 317 км, когда через 72,5 часа испытаний мотор полностью вышел из строя [21, л. 61, 67]. Окончательная поломка мотора привела к прекращению испытаний Т-34. Общее состояние танка и особенности его конструкции заставили американских специалистов предположить, что советская сторона прислала им не новые танки, а машины, уже имевшие длительный пробег и прошедшие ремонт.

Но с течением времени постепенно росла надежность советской бронетанковой техники. В апреле 1943 г. были введены новые правила приемки танков и самоходных установок военпредами. Теперь каждая боевая машина должна была

иметь пробег не менее 80 км, каждая сотая – 200–300 км. Раз в 1–2 месяца проходили большой гарантийные испытания на 1 тыс. км [22, л. 227–233; 23, л. 67; 24, л. 146–147]. Также в течение войны выросла надежность дизельного двигателя. Если к началу военных действий гарантийный ресурс В-2 для Т-34 находился на уровне 100 моточасов, то в 1943 г. он был повышен до 200 моточасов, а в январе 1945 г. – до 250 моточасов [25, л. 300]. В середине войны удалось заменить воздухоочистители и радиаторы на более производительные [26, с. 100–102].

Оговоримся, что весь объем испытаний без отдельных поломок не удавалось успешно осуществить ни на одном заводе. По нашим подсчетам, вплоть до конца войны без последующих доработок военпреды принимали только половину или менее всех выпускаемых двигателей, танков и самоходок. После утверждения нового гарантийного ресурса В-2 (250 моточасов) в январе 1945 г. гарантийные испытания на свердловском заводе № 76 и барнаульском заводе № 77 выдерживали только 2 мотора из 3-х [27, л. 151]. Все заводы, выпускающие В-2 (челябинский Кировский, №№ 76 и 77), продолжали изготавливать двигатели, не способные пройти полный объем испытаний [25, Л. 90].

В условиях дефицита количества и качества производственных ресурсов для советской промышленности неизбежно возросло значение внешнеэкономических связей и развитие поставок производственного оборудования, материалов и комплектующих, которые в годы войны развивались, прежде всего, в рамках ленд-лиза.

Станочный парк металлорежущего оборудования предприятий танковой промышленности с 1942 по 1945 гг. увеличился в 1,5 раза с 24 161 до 36 664 единиц; в том числе парк уникальных металлорежущих станков (все импортные) – более чем в два раза со 152 до 330 единиц [28, л. 22, 26]. В часть этого списка входят иностранные станки и другое оборудование, полученные советской промышленностью в довоенный период, еще до ленд-лиза. Но в годы войны импортные поставки были одним из основных факторов роста станочного парка в танкопроме.

Танкостроение получало различные ленд-лизовские материалы. Качество броневой стали (литые части танковых бронекорпусов), изготавливаемой на одном из основных заводов танкопрома – Уралмашзаводе – напрямую зависело, в том числе, от стабильности поставок импортных ферросплавов [29, л. 64]. Нет сомнений, что подобные поставки направлялись и на другие металлургические производства страны.

В плане поставок для обеспечения танкового производства в I квартале 1944 г. значилось некоторое количество импортных материалов. В частности, из почти 77 тыс. т легированной стали на импорт приходилось 2 тыс. т; из 450 т инструментальной стали – 150 т; кроме того – 2 тыс. т

конструкционной стали, 1 тыс. т листового железа, 25 т электросварной проволоки, 300 т графитовых электродов и т.д. [30, л. 187, 188].

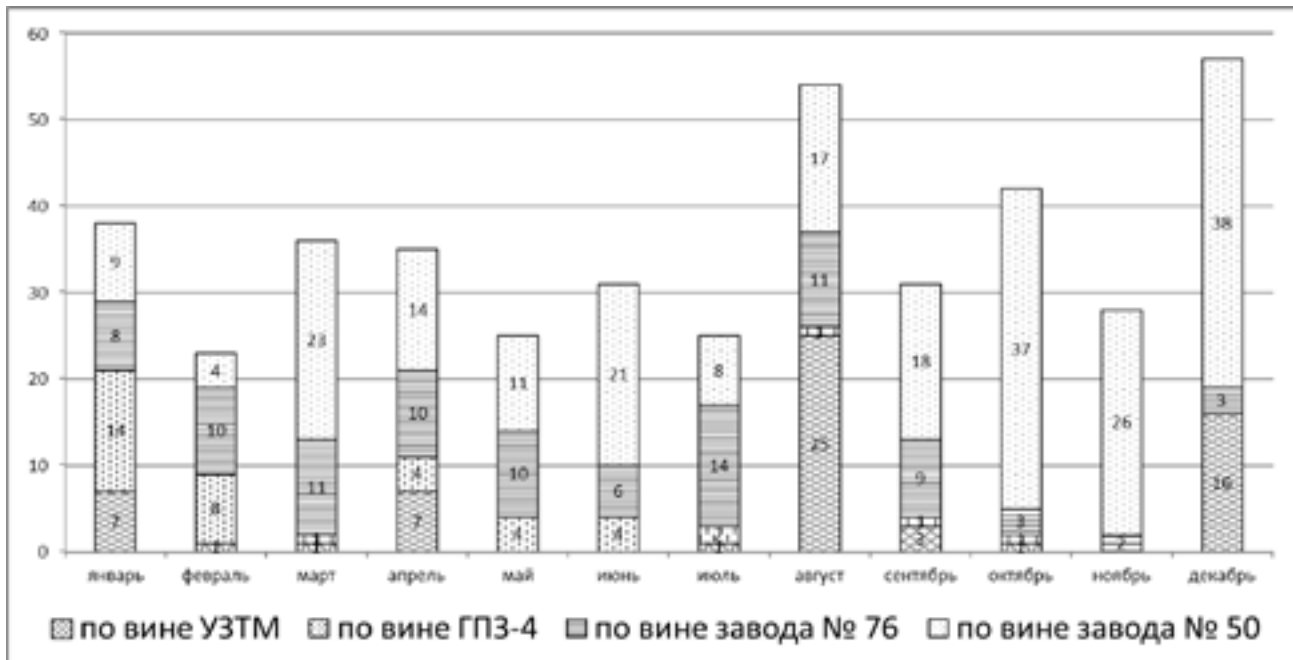
Напомним, что в целом к началу 1940-х гг. зависимость советской промышленности от импорта подшипников была преодолена, но качество отечественной продукции оставалась достаточно низким. Поэтому продукция советских шарикоподшипниковых заводов (особенно на востоке) была одной из причин частой поломки танковых узлов и агрегатов. После начала поставок по ленд-лизу этот товар стал настолько важным для танкостроения, что заставил наркома танковой промышленности В.А. Малышева в конце ноября 1943 г. распорядиться создать на заводах неприкосновенный запас импортных шарикоподшипников, который будет расходоваться только по его личному распоряжению [31, л. 128–129].

Нами перечислены некоторые поставки связанные с танкопромом. Значительная часть товаров (продовольствие, резина, каучук, пластмасса, топливное масло, гвозди и многое другое) так или иначе тоже влияло на танковую промышленность напрямую или опосредованно. Более того, исходя из логики самого закона о ленд-лизе и практики взаимоотношений между СССР и США в годы войны, можно предположить, что Советский Союз мог вполне рассчитывать на получение расширенной помощи непосредственно для танкостроения. Это могли быть поставки широкого круга комплектующих. От электрооборудования и подшипников до двигателей и радиаторов. Даже воздушные фильтры, гораздо более надежные и работоспособные, можно было получать по ленд-лизу. Но советское руководство предпочло установить именно такую структуру импорта.

Искаженная обратная связь между властью и танкостроением, прочно укоренившаяся в результате массовых репрессий 1920–1930-х гг., создала у руководящего аппарата (как гражданского, так и военного) ложные представления об уровне развития советской промышленности. Оценка достижений танкопрома (дизельный двигатель, вооружение, броня, эффективность танков на поле боя), которая читается в официальной документах советских должностных лиц и в переписке между ведомствами, была явно завышенной.

Пример танкового двигателя В-2 будет в этом смысле очень показательным. Советская сторона считала его своим безусловным достижением. В качестве доказательств часто приводились отдельные мнения, полученные от противника или озвученные представителями союзников. Это же точка зрения впоследствии переключалась в советскую и постсоветскую историографию и публицистику. Однако ни Германия, ни США и Великобритания, понимая некоторые преимущества дизельного мотора, так и не решились начать его массовое применение в танкостроении. Хотя все эти страны в том или ином виде имели подобные серийные агрегаты, которые после определенной



Рисунок 1  
Повторные контрольно-сдаточные пробеги САУ на УЗТМ в 1944 г. (в %) [29, л. 199]

переделки можно было устанавливать на бронетехнику. Основные аргументы против – сомнительная реальная эффективность танкового дизеля с учетом слишком высоких затрат на его производство при относительной недолговечности танка или самоходки на поле боя.

Решение о массовом производстве дизеля в СССР привело к тому, что бронетанковые войска РККА так и не получили надежного, качественного двигателя. Советская танковая промышленность оказалась неспособна выпускать его в необходимых количествах на должном уровне. Тем более в ограниченных условиях восточного танкостроения, когда потребность в производственных ресурсах только обострилась. Надежный танковый мотор Советский Союз вполне мог получить по ленд-лизу. Это решение позволило бы высвободить значительную часть производственных ресурсов советской индустрии. Прежде всего, квалифицированных кадров, электроэнергии и такого сырья, как алюминий. Но используя это предположение, мы должны учитывать, что все остальные танковые узлы и агрегаты были бы изготовлены на том же, достаточно низком качественном уровне. Следовательно, даже импорт моторов не повлиял бы радикально на уровень надежности советской бронетехники. Это аргумент наглядно демонстрирует рисунок 1, где видно, какую долю двигателя (завод № 76) занимали среди причин срыва первичных испытаний самоходок на Уралмаше (единственный производитель самоходных установок на базе Т-34). Свердловский завод № 50 изготавливал для Уралмаша КПП, бортовые и главные фрикционы, элементы подвески и трансмиссии. Все эти элементы являлись основными причинами выхода из строя техники во время заводских и войсковых испытаний. Следовательно, постав-

лять необходимо было не отдельные, комплектующие, узлы или агрегаты, а машины целиком.

#### Выводы

Советское танкостроение прошло этап своего становления через широкое использование импортных материалов. В самом этом факте нет ничего уникального. В том или ином виде подобные способы развития своего производства использовали все страны догоняющего развития. Уникальным явлением стало то, что практически на старте своей танкостроительной программы советское руководство последовательно проводило политику максимального импортозамещения. В ее основу легла идея (реальная или мнимая) опасности попасть в полную или частичную изоляцию, которая не позволила бы получить импортные комплектующие. В этой ситуации единственным приемлемым выходом для советского руководства оказался развитие собственного производства, не считаясь с вопросами эффективности таких решений.

В течение 1930-х гг. политика власти, направленная на дальнейшее сужение поставок из-за границы, стала приносить свои плоды. На территории Советского Союза начали возникать самостоятельные производства, изготавливающие основные комплектующие, узлы и агрегаты для танкостроения. Но это не привело к полному прерыванию сотрудничества с иностранными коммерческими компаниями. Наоборот, потребность в нем постоянно сохранялась, но теперь уже в очень узких сферах (отдельные компоненты и присадки, приборостроение и прочее). В то же время развитие импортозамещения имело одно очень негативное последствие, которое четко обозначилось на этапе первых пятилеток. Качество продукции танкостроения, в результате, прежде всего, ставки на максимальный рост производства, все годы

оставалось достаточно низким. Отечественные заводы не могли выпускать продукцию на мировом уровне.

В самом конце 1930-х гг. в результате создания танков нового поколения произошло очень важное изменение. Была поставлена точка в истории попыток создания массового производства колесно-гусеничных танков, использующих различные модели дизельных двигателей. Все варианты колесно-гусеничных машин были признаны бесперспективными. Советское танкостроение в этой части вернулось в русло развития логики мировой танковой промышленности: максимальное использование потенциала гусеничных машин. Но в части применения дизеля как танкового мотора советская индустрия пошла впереди мирового развития. Перспективный план 1933 г. подразумевал создание нескольких уникальных дизель-моторов. В итоге на вооружение была принята лишь одна – В-2. Но новый мотор так и не стал надежной силовой установкой и имел слишком низкий ресурс.

В годы войны советское танкостроение получало по ленд-лизу, прежде всего, промышленное оборудование и отдельные материалы. Мы с уверенностью можем утверждать, что танковая промышленность СССР напрямую не зависела от импорта из США и Великобритании. Зависимость

была опосредованная, через отдельные поставки, тем не менее, серьезно влиявшие на производственные процессы. Постепенно качество советской бронетехники улучшалось вплоть до конца войны. На данном этапе развития исследований пока невозможно выявить четкую связь между развитием советского танкостроения и ленд-лизовскими поставками. Но можно с уверенностью утверждать, что есть существенная корреляция между этими двумя процессами: рост качества советской бронетехники совпадает с увеличением номенклатуры и объема ленд-лизовских товаров для СССР.

Надежность советской бронетехники во многом являлось системной проблемой всей индустрии, а не набором отдельных недостатков на отдельных заводах. Безусловно, каждое предприятие Наркомата танкопрома обладало целым комплексом изъянов, которые выливались в особенности его продукции. Но именно наличие этих недостатков в большой массе заставляет нас сделать вывод о проблемах всей промышленности, которая не могла обеспечить качественное изготовление ни комплектующих, ни готовой бронетехники. Хотя, еще раз повторим, что к концу войны многие недостатки были нивелированы, танки и самоходки стали более надежными, а их общий выпуск вырос.

#### Литература и источники

1. История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 1. Подготовка и развязывание войны империалистическими державами. М.: Воениздат, 1960. 531 с.
2. История второй мировой войны. Т. 1. Зарождение войны. Борьба прогрессивных сил за сохранение мира. М.: Воениздат, 1973. 362 с.
3. Оружие Победы / Под общ. ред. В.Н. Новикова. М.: Машиностроение, 1987. 512 с.
4. Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948. 192 с.
5. Александрова И.Е., Александров Е.Е., Бесов Л.М., Звонкова Г.Л. Танкостроение Украины в 1927-1945 гг.: организационный и производственно-технологический аспекты // Уральский исторический вестник. 2015. № 1 (46). С. 16–25.
6. Экономическая история СССР: очерки / Рук. авт. колл. Л.И. Абалкин. М.: Инфра-М, 2007. 495 с.
7. Экономический фундамент Победы: параллели истории и современности: монография / Под общ. ред. И. В. Караваевой. М.: Институт экономики РАН, 2015. 342 с.
8. Отечественный военно-промышленный комплекс и его историческое развитие / под ред. О.Д. Бакланова, О.К. Рогозина. Изд. 2-е. М.: О-во сохранения лит. наследия, 2013. 760 с.
9. Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЕН, 1996. 333 с.
10. Быстрова И. В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930-1980-е). М.: Институт российской истории РАН, 2006. 704 с.
11. Соколов А.К. От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 – июнь 1941. М.: Новый хронограф, 2012. 527 с.
12. Верещак М.И. Роль иностранной технической помощи в создании и развитии советской бронетанковой промышленности (1925–1935) // В сборнике: Экономическая история. Ежегодник. 2013. Москва, 2014. С. 226–250.
13. Киличенков А.А. Танки конструкции Дж. Кристи и их судьба в США и СССР (1930-е годы) // Новый исторический вестник. 2018. № 2 (56). С. 139-154.
14. Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Т. 3. Ч. 1 (1927–1932): Сборник документов / Под ред. А.А. Кольтюкова. Отв. сост. Т.В. Сорокина. М.: Книжный клуб, 2008. 912 с.
15. Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Т. 3. Ч. 2 (1933–1937): сборник документов / Под ред. А.А. Кольтюкова. Отв. сост. Т.В. Сорокина. М.: Книжный Клуб, 2011. 944 с.
16. Оборонно-промышленный комплекс СССР накануне Великой Отечественной войны (1938–июнь 1941 г.). Т.4.: Сборник документов / Под редакцией А. К. Соколова. Сост.: Т. В. Сорокина и др. М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. 1120 с.
17. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 41. Д. 77.
18. Мельников Н.Н. Модернизация танковой промышленности СССР в условиях Великой Отечественной войны. Екатеринбург: Издательство «Сократ», 2017. 416 с.
19. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-262. Оп.1. Д. 35.
20. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-792. Оп. 3. Д. 8. Л. 45.
21. РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 578.
22. РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 298.
23. РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 299.
24. РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 305.
25. РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 621.
26. Устьянцев С.В., Колмаков Д.Г. Боевые машины Уралвагонзавода. Танк Т-34. Нижний Тагил: ИД «Медиа-Принт»,

2005. 232 с.

27. РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 626.

28. РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 728.

29. Военная приемка управления самоходной артиллерии ГБТУ КА на Уралмашзаводе. Отчет о работе за период Великой Отечественной войны. Рукопись. Свердловск, 1945. Л. 64 // Материалы музея истории Уралмашзавода.

30. РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 1 Д. 431.

31. РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 312.

## References

1. Istoriya Velikoi Otechestvennoi voyny Sovetskogo Soyuz. T. 1. Podgotovka i razvyazyvanie voyny imperialisticheskimi derzhavami [History of the great Patriotic war of the Soviet Union. Volume 1. Preparation and outbreak of war by the imperialist powers]. Moscow: Voenizdat, 1960. 531 p.
2. Istoriya vtoroi mirovoi voyny. T. 1. Zarozhdenie voyny. Bor'ba progressivnykh sil za sokhranenie mira [History of the Second World war. Volume 1. The origin of the war. The struggle of progressive forces for the preservation of peace], Moscow: Voenizdat, 1973, 362 p.
3. Oruzhie Pobedy [Weapons Of Victory]. Ed. V.N. Novikov, Moscow: Mashinostroenie, 1987, 512 p.
4. Voznesenskii N. Voennaya ekonomika SSSR v period Otechestvennoi voyny [Military economy of the USSR during the Patriotic war], Moscow: Gospolitizdat, 1948, 192 p.
5. Aleksandrova I.E., Aleksandrov E.E., Besov L.M., Zvonkova G.L. Tankostroenie Ukrainy v 1927-1945 gg.: organizatsionnyi i proizvodstvenno-tekhnologicheskii aspekty [Tank building in Ukraine in 1927-1945: organizational and production and technological aspects]. Ural'skii istoricheskii vestnik [Ural historical Bulletin], 2015. No. 1 (46), pp. 16–25.
6. Ekonomicheskaya istoriya SSSR: ocherki [Economic history of the USSR: essays]. Ruk. avt. koll. L.I. Abalkin, Moscow: Infra-M, 2007, 495 p.
7. Ekonomicheskii fundament Pobedy: paralleli istorii i sovremennosti: monografiya [The economic foundations of Victory: the Parallels of history and modernity: monograph]. Ed. I. V. Karavaeva. Moscow: Institut ekonomiki RAN, 2015, 342 p.
8. Otechestvennyi voenno-promyshlennyy kompleks i ego istoricheskoe razvitie [Russian military-industrial complex and its historical development]. Ed. O.D. Baklanov, O.K. Rogozin. Izd. 2-e. Moscow: O-vo sokhraneniya lit. naslediya, 2013, 760 p.
9. Simonov N.S. Voенно-promyshlennyy kompleks SSSR v 1920–1950-e gody: tempy ekonomicheskogo rosta, struktura, organizatsiya proizvodstva i upravlenie [Military-industrial complex of the USSR in the 1920s-1950s: economic growth rates, structure, organization of production and management], Moscow: ROSSPEN, 1996, 333 p.
10. Bystrova I. V. Sovetskii voenno-promyshlennyy kompleks: problemy stanovleniya i razvitiya [Soviet military-industrial complex: problems of formation and development (1930-1980)], Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, 2006, 704 p.
11. Sokolov A.K. Ot voenproma k VPK: sovetskaya voennaya promyshlennost'. 1917 – iyun' 1941 [From the military industry to the military-industrial complex: Soviet military industry. 1917-June 1941], Moscow: Novyi khronograf, 2012, 527 p.
12. Vereshchak M.I. Rol' inostrannoi tekhnicheskoi pomoshchi v sozdanii i razvitiі sovetskoi bronetankovoi promyshlennosti (1925–1935) [The role of foreign technical assistance in the creation and development of the Soviet armored industry (1925-1935)]. Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik. 2013 [In the collection: Economic history. Yearbook. 2013], 2014, pp. 226–250.
13. Kilichenkov A.A. Tanki konstruksii Dzh. Kristi i ikh sud'ba v SShA i SSSR (1930-e gody) [Tank's construction of John Christie and their fate in the USA and the USSR (1930s)]. Novyi istoricheskii vestnik [New historical Bulletin], 2018, no. 2 (56), pp. 139-154.
14. Stanovlenie oboronno-promyshlennogo kompleksa SSSR (1927–1937). Tom 3. Chast' 1 (1927–1932): Sbornik dokumentov [Formation of the military-industrial complex of the USSR (1927-1937). Volume 3. Part 1 (1927-1932): Collection of documents]. Ed/ A.A. Kol'tyukov. Comp. T.V. Sorokina. Moscow: Knizhnyi klub, 2008, 912 p.
15. Stanovlenie oboronno-promyshlennogo kompleksa SSSR (1927–1937). Tom 3. Chast' 2 (1933–1937): sbornik dokumentov [Formation of the military-industrial complex of the USSR (1927-1937). Volume 3. Part 2 (1933-1937): collection of documents]. Ed. A.A. Kol'tyukov. Comp. T.V. Sorokina. Moscow: Knizhnyi klub, 2011, 944 p.
16. Oboronno-promyshlennyy kompleks SSSR nakanune Velikoi Otechestvennoi voyny (1938–iyun' 1941 g.). Tom 4: Sbornik dokumentov [Military-industrial complex of the USSR on the eve of the great Patriotic war (1938-June 1941). Volume 4: Collection of documents]. Ed. A. K. Sokolov. Comp.: T. V. Sorokina and other. Moscow: Knizhnyi Klub Knigovek, 2015, 1120 p.
17. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki (RGAE) [Russian state archive of Economics (RSAE)]. F. 4372. Op. 41. D. 77. (Unpublished Source)
18. Mel'nikov N.N. Modernizatsiya tankovoi promyshlennosti SSSR v usloviyakh Velikoi Otechestvennoi voyny [Modernization of the tank industry of the USSR in the conditions of the great Patriotic war], Ekaterinburg: Sokrat, 2017, 416 p.
19. Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti (GASO). [State archive of the Sverdlovsk region (SASR)]. F. R-262. Op.1. D. 35. (Unpublished Source)
20. Ob"edinennyy gosudarstvennyi arkhiv Chelyabinskoi oblasti (OGACHO). [United state archive of the Chelyabinsk region (USACR)]. F. R-792. Op. 3. D. 8. L. 45. (Unpublished Source)
21. RGAE [RSAE]. F. 8752. Op. 4. D. 576. (Unpublished Source)
22. RGAE [RSAE]. F. 8752. Op. 4. D. 298. (Unpublished Source)
23. RGAE [RSAE]. F. 8752. Op. 4. D. 299. (Unpublished Source)
24. RGAE [RSAE]. F. 8752. Op. 4. D. 305. (Unpublished Source)
25. RGAE [RSAE]. F. 8752. Op. 4. D. 621. (Unpublished Source)
26. Ust'yantsev S.V., Kolmakov D.G. Boevye mashiny Uralvagonzavoda. Tank T-34 [Combat vehicles of Uralvagonzavod. T-34 Tank], Nizhny Tagil: Media-Print, 2005, 232 p.
27. RGAE [RSAE]. F. 8752. Op. 4. D. 626. (Unpublished Source)
28. RGAE [RSAE]. F. 8752. Op. 4. D. 728. (Unpublished Source)
29. Voennaya priemka upravleniya samokhodnoi artillerii gbtu KA na Uralmashzavode. Otchet o rabote za period Velikoi Otechestvennoi voyny [Military acceptance of the control of self-propelled artillery gbtu KA at Uralmashzavod. Report on the work during the great Patriotic war]. Materialy muzeya istorii Uralmashzavoda, Sverdlovsk, 1945, p. 64. (Unpublished Source)
30. RGAE [RSAE]. F. 8752. Op. 1 D. 431. (Unpublished Source)
31. RGAE [RSAE]. F. 8752. Op. 4. D. 312. (Unpublished Source)

УДК 94(571.17)«1941/45»:355.721

Дата поступления (Submitted) 07.12.2020

Дата принятия к печати (Accepted) 13.12.2020

**MIKHAIL ALEKSANDROVICH SEMENOV***Candidate of historical Sciences, researcher  
of Institute of history SB RAS.**630090, Russia, Novosibirsk, Nikolaev St., 8.**E-mail: pihterek@yandex.ru*

## **Development of the medical network of the Soviet Union during the great Patriotic war\***

*\* The research was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of the scientific project No. 20-09-00397 « Civil health of the rear areas of the USSR during the great Patriotic war»*

The article provides data on the dynamics of the main types of medical institutions during the great Patriotic war. It shows the relatively slow development of the hospital network in 1941-1942 and its sharp growth in 1943-1945. It is noted that during the war, the medical and inpatient network of the Gulag health service increased dramatically, making up about a quarter of all civilian health care beds deployed in the country in 1942. Data are given on the sharp reduction in the number of mental hospitals and colonies, which was associated with the mass destruction of the mentally ill by German troops in the occupied territories. The analysis of the development of the hospital network in the territorial context shows its significant growth (up to one third) in the rear areas and reaching close to pre-war indicators in areas liberated from occupation. Serious structural changes in the bed stock during the war years were pointed out: a reduction in the number of children's and maternity beds, an increase in the number of surgical and infectious beds. The analysis of the dynamics of outpatient clinics shows a relatively low rate of recovery of the outpatient network in the liberated territories. Priority development of health centers responsible for medical care of industrial workers was revealed. Based on the study of data on the development of sanitary and anti-epidemic institutions, it is concluded that the growth of their number occurred simultaneously with the change in their internal structure. The war years were a time of a sharp increase in the number of sanitary stations. Based on the materials presented in the article, the author comes to the conclusion that the war years were a time of serious strengthening of the medical network in the rear areas, and in the liberated territories, despite significant destruction, the medical network managed to approach the pre-war level.

**Keywords:** *health care, medicine, hospitals, clinics, medical network, medical institutions, the Great Patriotic war.*

**МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ СЕМЕНОВ***кандидат исторических наук,**научный сотрудник Института истории СОРАН.**630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8.**E-mail: pihterek@yandex.ru*

В статье приводятся данные о динамике основных типов медицинских учреждений в годы Великой Отечественной войны. Показано сравнительно медленное развитие врачебно-стационарной сети в 1941-1942 гг. и ее резкий рост в 1943-1945 гг. Отмечено, что в годы войны резко возросла врачебно-стационарная сеть санслужбы ГУЛАГа, составляя в 1942 г. около четверти от всех развернутых в стране коек гражданского здравоохранения. Приведены данные о резком сокращении числа психических больниц и колоний, что было связано с массовым уничтожением душевнобольных немецкими войсками на оккупированных территориях. При анализе развития врачебно-стационарной сети в территориальном аспекте показан ее существенный рост (до одной трети) в тыловых районах и в районах, освобожденных от оккупации на показатели, близкие к довоенным. Указано на значительные структурные изменения коечного фонда в годы войны: сокращение числа детских и родильных коек, рост числа хирургических и инфекционных коек. При анализе динамики амбулаторно-поликлинических учреждений показаны сравнительно низкие темпы восстановления амбулаторно-поликлинической сети на освобожденных территориях. Выявлено приоритетное развитие здравпунктов отвечавших за медицинское обслуживание рабочих промышленности. На основе изучения данных о развитии санитарно-противоэпидемических учреждений сделан вывод о том, что рост их числа происходил одновременно с изменением их внутренней структуры. Военные годы стали временем резкого увеличения числа санэпидстанций. На основании материалов, приведенных в статье, автор приходит к выводу,

что военные годы стали временем серьезного укрепления медицинской сети в тыловых районах, а по освобожденным территориям, несмотря на значительные разрушения, медицинская сеть сумела приблизиться к довоенному уровню.

**Ключевые слова:** здравоохранение, медицина, больницы, поликлиники, медицинская сеть, медицинские учреждения, Великая Отечественная война.

## Развитие медицинской сети Советского Союза в годы Великой Отечественной войны\*

\*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00397 «Гражданское здравоохранение тыловых районов СССР в годы Великой Отечественной войны».

**Д**еятельность гражданского здравоохранения СССР – важнейшая тема, без изучения которой наши представления об истории Великой Отечественной войны будут неполными. Здравоохранение напрямую влияло на жизнь и здоровье граждан и опосредовано на множество процессов в демографической, военной, экономической, социальной и даже культурной сферах. В свою очередь, одним из важнейших аспектов истории здравоохранения военных лет является динамика медицинских учреждений, изменения, которым подверглась медицинская сеть в годы войны.

Объемы статьи позволяют остановиться лишь на динамике основных типов медицинских учреждений. Основу медицинской сети составляли врачебно-стационарные учреждения различных типов, характеризующиеся помещением больного в медицинское учреждение на срок оказания медицинской помощи (больницы, роддома и т.д.). Изменение количества врачебно-стационарных учреждений всех ведомств в военные годы представляло собой следующую картину: к концу 1941 г. в СССР насчитывалось 9362 врачебно-стационарных учреждений всех ведомств и типов; в 1942 г. – 9484; в 1943 г. – 12180; в 1944 г. – 15259 учреждений [1, л. 8]. Таким образом, военные годы представляются временем медленного роста врачебно-стационарной сети в 1941-1942 гг. а затем сравнительно быстрого в 1943-1944 гг.

Ситуация несколько меняется если рассматривать динамику только учреждений, подчиненных Наркомату здравоохранения. По данным годовых статистических отчетов Наркомата здравоохранения складывается следующая картина: в 1941 г. в системе учреждений подчиненных наркомату здравоохранения СССР (без психбольниц и колоний) насчитывалось 3021 городских врачебно-стационарных учреждений, на селе – 5031 [2, л. 2]. В 1942 г. в городах насчитывалось 3064 учреждения и 4590 на селе [3, л. 2]. Сокращение было вызвано прежде всего потерей ряда территорий в ходе летнего немецкого наступления. В 1943 г. по территории СССР насчитывалось 3798 врачебно-стационарных учреждения в городе и 5832 на селе [4, л. 13об-14]. В 1944 г. освобождается большая часть территории СССР и круг отчитывающихся территорий резко возрастает. По всей территории СССР к концу 1944 г. насчитывалось 5222

врачебно-стационарных учреждения Наркомата здравоохранения в городских поселениях, 7459 – на селе. При этом, по территории СССР, исключая Западные республики (УССР, БССР, республики Прибалтики, Молдавскую и Карело-Финскую республики) насчитывалось 3912 учреждений в городах и 5850 – в сельской местности [5, л. 10б-2, 13об-14]. Приведенные данные позволяют заключить, что рост врачебно-стационарной сети не был лишь механическим, связанным с освобождением оккупированных областей. В 1945 г. по всей территории СССР насчитывалось 5721 врачебно-стационарных учреждений в городах и 8101 на селе; а без учета Молдавии, Прибалтики, западных областей УССР и БССР в городах насчитывалось 5127 учреждений, а на селе – 7550 [6, л. л. 10б-2, 13об-14]. При сравнении динамики врачебно-стационарных учреждений всех ведомств и подчиненных Наркомату здравоохранения заметны серьезные различия. Если количество учреждений по всем ведомствам начинает свой рост с 1942 г., то количество врачебно-стационарных учреждений Наркомата здравоохранения начинает расти лишь с 1943 г. Можно констатировать, что рост врачебно-стационарных учреждений в других ведомствах начался на год раньше и носил достаточно интенсивный характер.

Говорить об изменении уровня врачебно-стационарной помощи, основываясь только на прямом сравнении количества учреждений в разные годы, затруднительно, так как эта статистика сильно зависит как от круга отчитывающихся территорий, так и от изменения мощности врачебно-стационарных учреждений. В частности, в первые военные годы широко практиковалось увеличение коечной мощности больниц за счет уплотнения, когда на тех же площадях развертывалось большее количество коек. С одной стороны, это позволяло нарастить мощность медицинской сети без серьезных финансовых вложений, с другой – вело к ухудшению условий лечения.

Таким образом, помимо динамики количества врачебно-стационарных учреждений необходимо рассмотреть изменение мощности коечного фонда в военные годы. Общая динамика коечного фонда врачебно-стационарных учреждений СССР в военные годы представлена в таблице 1.

Из таблицы видно, что война привела к резкому сокращению числа больничных коек. В 1941

Таблица 1

Общая динамика коечного фонда врачебно-стационарных учреждений СССР в 1940 – 1944 гг., (тыс. коек)\*

\* Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1474. Л.8, 15-17.

\*\*Расчетные данные.

	1940	1941	1942	1943	1944	1944 в % к 1940
Всего коек во врачебно-стационарных учреждениях СССР	831,3	492,3	632,2	701,4	869,6	105
Из них :						
в городских поселениях	531,0		321,1	405,8	505,2	95
в сельской местности	179,9		109,5	142,6	173,0	96
в психбольницах и колониях	79,9**	45,2	37,1	42,8	49,6	62
в учреждениях ГУЛАГа и санслужбы НКВД	40,5		164,5	110,2	141,8	351

г. число коек было минимальным и составляло всего 59% от уровня 1940 г. При этом необходимо учитывать действие внешнего по отношению к медицинской системе фактора – оккупации значительной части территории СССР вражескими войсками, что автоматически исключало из медицинской статистики учреждения, располагавшиеся на оккупированной территории.

После сокращения в 1941 г., начинается активное восстановление мощности коечного фонда, и уже в 1944 г. его мощность превосходит довоенные показатели. При этом, городская и сельская врачебно-стационарная сеть фактически только выходит на довоенный уровень. Заметны и два других феномена военных лет: во-первых, резкое сокращение психических больниц и колоний без последующего их восстановления. Причины этого

трагичны: оказавшиеся на оккупированной территории психические больные планомерно уничтожались немцами, исходящими из идей социального дарвинизма. Всего немецко-фашистскими захватчиками на оккупированных территориях СССР было зверски уничтожено около 20 000 душевнобольных [7, с. 77-89; 8, с. 606-619]. В связи с этим, потребность в психиатрических лечебницах на бывших оккупированных территориях снизилась.

Во-вторых, резкий рост коечного фонда ГУЛАГа. Заключение были наименее защищенной группой советского общества, условия содержания под стражей, питания, и до войны находившиеся на невысоком уровне, в военное время значительно ухудшились. Стремясь предотвратить тотальное вымирание заключенных, санслужба

Таблица 2

Динамика коечного фонда врачебно-стационарных учреждений по районам РСФСР в 1940 – 1945 гг. (коек)\*

\* Составлено по: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 11. Д. 491. Л. 6-7. Проценты рассчитаны автором.

По районам:	В городских поселениях			В сельской местности		
	1940	1945	1945 г. к 1940 г. в %	1940	1945	1945 г. к 1940 г. в %
Севера	8641	9961	115%	4751	5449	115%
Северо-Запада	39656	33849	85%	4036	3604	89%
Центра	127763	129380	101%	45054	47254	105%
Поволжья	24243	30815	127%	12464	13441	108%
Северного Кавказа и Крыма	30003	23451	78%	14708	13193	90%
Урала	40870	53963	132%	11744	13119	112%
Западной Сибири	23258	31513	135%	11592	12815	111%
Восточной Сибири	16164	18950	117%	6339	7834	124%
Дальнего Востока	9458	11815	125%	3504	3979	114%
РСФСР в целом	320058	343697	107%	114192	120688	106%

Таблица 3

Число развернутых больничных коек на 1000 человек населения по республикам СССР, (промилле)\*

\* Составлено по: ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 1904. Л.7.

	По городским поселениям			По сельской местности		
	1940	1942	1943	1940	1942	1943
РСФСР	8,2	8,8	9,7	1,6	1,7	1,9
Азербайджанская ССР	8,2	9,0	9,6	0,8	1,0	1,0
Грузинская ССР	8,4	7,4	8,2	1,0	1,1	1,1
Армянская ССР	8,1	8,1	9,3	0,7	0,8	0,8
Туркменская ССР	10,0	11,2	12,0	0,4	0,4	0,4
Узбекская ССР	8,8	8,5	9,4	1,0	1,0	1,2
Таджикская ССР	9,1	9,9	11,8	1,2	1,0	1,1
Казахская ССР	7,9	7,0	6,5	1,7	1,7	1,9
Киргизская ССР	6,0	6,0	6,6	1,2	1,5	1,6

ГУЛАГа была вынуждена увеличивать мощность своих учреждений. В 1942 г., во время пиковых показателей смертности в лагерях, коечный фонд санслужбы ГУЛАГа и НКВД составлял около четверти от всех развернутых в стране коек гражданского здравоохранения. По всей видимости, именно резкий рост врачебно-стационарной сети ГУЛАГа и обеспечил общий рост числа учреждений врачебно-стационарной сети СССР в 1942 г. отмеченный ранее.

Чтобы избежать возмущающего воздействия на статистику территорий попавших под вражескую оккупацию рассмотрим движение коечной сети по отдельным районам РСФСР (см. таблицу 2).

Из таблицы видно четкое разделение макро-регионов на две группы: районы, пострадавшие от боевых действий (Северо-Запада, Центра, Северного Кавказа и Крыма), в которых количество больничных коек к исходу войны было меньше, либо равно довоенным показателям; и районы, где боевые действия проходили в ограниченном масштабе, либо находившиеся в тылу. Для них характерен значительный рост мощности врачебно-стационарной сети. До 32 и 35% в городах Урала и Западной Сибири соответственно. По росту сельской сети больничных коек лидером является Восточная Сибирь, где их число возросло на четверть.

Стоит отметить, что даже выход на близкий к довоенному уровень был для пострадавших от военных действий регионов серьезным достижением. Так, в Курской области из 158 больниц на 6455 коек было повреждено и разрушено 114 больниц на 4647 коек, в Ростовской из 215 больниц на 12238 коек повреждено и разрушено 180 больниц на 10246 коек, в Северо-Осетинской АССР из 34 больниц на 1935 коек разрушено 26 больниц на 1570 коек. В целом, по регионам РСФСР подвергшимся оккупации, из 2888 больниц на 154265 коек имевшихся к началу войны было повреждено

и разрушено в ходе военных действий 1686 больниц на 96757 коек. Восстановление больничной сети на освобожденных территориях начиналось сразу же по мере их освобождения. Уже в 1942 г. по освобожденным территориям РСФСР было введено в строй 223 больницы на 13693 койки. В 1943 – 554 больницы на 26778 коек; в 1944 г. – 522 больницы на 23856 коек; в 1945 г. – 116 больниц на 5818 коек, а всего за военные годы по территории освобожденных районов РСФСР было восстановлено и открыто заново 1415 больниц на 70145 коек [9, л. 14]. Уже к концу 1944 г. число больничных коек в сравнении с уровнем 1940 г. достигло по бывшим в оккупации областям РСФСР 72%, УССР – 66%, БССР – 73%, Карело-Финской ССР – 55%, Молдавской ССР – 102 %, Литовской ССР - 73%, Латвийской ССР – 57%, Эстонской ССР – 81%, а в целом по всем районам подвергшимся оккупации – 69% [1, л. 17].

Изменение численности обслуживаемого медицинской помощью населения, вместе с развитием больничной сети определяли изменение уровня нагрузки на больничную сеть, отражавшуюся в динамике такого показателя, как число развернутых коек на 1000 населения. Данные об этом для переломных в развитии медицинской сети 1942–1943 гг. представлены в таблице 3.

Из таблицы видно, что если в 1942 г. в плане обеспечения больничной помощью населения республик СССР действовали разнонаправленные тенденции, то в 1943 г. определился доминирующий вектор изменений в сторону усиления оказания больничной помощи населению. Исключение составляет Казахская ССР, где бурный рост городского населения значительно опережал развитие городской врачебно-стационарной сети.

Происходили и значительные структурные изменения коечного фонда, вызванные изменившимся в годы войны характером угроз здоровью населения. Так, обеспеченность по городам СССР терапевтическими койками выросла к 1943 г. до

1,6 койки на 1000 чел. населения, по сравнению с 1,1 койки в 1940 г.; по хирургическим выросла с 1,1 до 1,5 койки; по инфекционным – с 1,1 до 1,6. В то же время, по родильным койкам обеспеченность упала с 1,1 койки на 1000 населения в 1940 г., до 0,7 койки в 1943 г.; по детским снизилась с 1,3 до 0,7 койки на 1000 населения в 1943 г. [10, л. 8].

Развернувшиеся военные действия, переключение промышленности на первоочередное обслуживание нужд фронта, разрыв хозяйственных связей, необходимость укомплектования эвакуационных госпиталей привели к возникновению серьезного кризиса в обеспечении больниц медицинским оборудованием. Так, по 9 тыловым республикам СССР: имело рентгеноотделения в 1940 г. – 570 больниц, в 1941 – 451, в 1942 – 441 больница; имело физиотерапевтических отделений в 1940 г. – 419 больниц, в 1941 г. – 361, в 1942 г. – 322 больницы; клинико-диагностические лаборатории были в 1940 г. в 626 больницах, в 1941 г. – в 608, в 1943 г. в 649 больницах [11, л. 20].

Активная динамика была характерна и для амбулаторно-поликлинических учреждений (оказывающих медицинскую помощь гражданам без госпитализации). Если в 1940 г. по территории СССР насчитывалось, включая врачебные здравпункты, 34,1 тыс. амбулаторно-поликлинических учреждений всех видов, подчиненных всем ведомствам, то, в 1941 г. – всего 19,6 тыс.; в 1942 г. – 18,9 тыс., в 1943 г. – 24,3 тыс., в 1944 г. – 31,5 тыс., в 1945 г. – 33,8 тыс. [1, л. 8, 15; 6, л. 30б-4, 5].

Таким образом, динамика амбулаторно-поликлинических учреждений несколько отличалась от динамики врачебно-стационарных учреждений. Если врачебно-стационарные учреждения демонстрируют постоянный рост с 1942 г., то количество амбулаторно-поликлинических учреждений начинает расти только с 1943 г.

Показательно, что и динамика амбулаторно-поликлинических учреждений санслужбы ГУЛАГа также резко отличается от развития лагерных врачебно-стационарных учреждений. Если в 1940 г. в ГУЛАГе насчитывалось 1,8 тыс. амбулаторно-поликлинических учреждений, то в 1942 г. – всего 0,7 тыс., в 1943 г. – по-прежнему 0,7 тыс., и лишь в 1944 г. начинается некоторый их рост и к концу года число амбулаторно-поликлинических учреждений ГУЛАГа и санслужбы НКВД составляет уже 1,3 тыс. учреждений [1, л. 17]. По всей видимости, потребность в резком увеличении врачебно-стационарной сети ГУЛАГа, отсутствие возможности привлечь необходимые для этого ресурсы извне, обусловили серьезную трансформацию облика медслужбы ГУЛАГа в военные годы и параллельно с увеличением числа больничных учреждений, предназначенных прежде всего для оказания помощи при серьезных заболеваниях, шел процесс сокращения его амбулаторно-поликлинической части.

В целом же рост числа амбулаторно-поликлинических учреждений в 1943-1945 гг. позволил к

концу войны приблизится к довоенному уровню количества амбулаторно-поликлинических учреждений. При этом стоит учесть важное обстоятельство: рост количества амбулаторно-поликлинических учреждений, связан прежде всего с тыловыми районами, где уровень амбулаторно-поликлинической помощи существенно вырос. На освобожденных же территориях основные усилия государство направляло на восстановление врачебно-стационарной сети. Так, по освобожденным районам РСФСР насчитывалось до войны 8124 амбулаторно-поликлинических учреждения, из них было повреждено и разрушено 3767, а восстановлено за 1942-1945 гг. всего 722 учреждения [9, л. 16]. Таким образом, довоенный уровень амбулаторно-поликлинической помощи на освобожденных территориях был восстановлен лишь после войны.

Определенный интерес представляет движение отдельных видов амбулаторно-поликлинических учреждений. Так по данным годовых статистических отчетов наркомата здравоохранения в течении всей войны росло количество врачебных здравпунктов. Если в 1941 г. в системе наркомата здравоохранения СССР насчитывалось 1,7 тыс. врачебных здравпунктов, то в 1942 г. уже 2,1; в 1943 г. – 2,7 тыс., в 1944 г. – 3,4 тыс., 1945 г. – 3,9 тыс. [6, л. 5; 5, л. 5; 4, л. 17; 3, л. 5; 2, л. 4]. Рост данного типа учреждений, невзирая ни на какие трудности, легко объясним: именно врачебные здравпункты занимались медицинским обслуживанием рабочих промышленности. Каждый сэкономленный врачами рабочий день означал прямой вклад в производство, в том числе оборонное, поэтому развитие данного типа амбулаторно-поликлинических учреждений было в приоритете даже в тяжелые 1941-1942 гг.

Заметные изменения в военные годы произошли и с сетью санитарно-эпидемических учреждений. По данным годовых отчетов Наркомздрава, руководившим подавляющим числом учреждений данного типа, их динамика в военные годы имела следующий вид: в 1942 г., по территории 9 республик насчитывалось 2777 санитарно-противоэпидемических учреждений в городской местности и 2385 в сельской, а всего – 5162 [3, л. 7]. В 1943 г. – 3418 в городах и 3107 на селе, всего – 6525 [4, л. 21]. В 1944 г. – 5075 в городе и 3705 на селе, всего 8780 [5, л. 9]. В 1945 г. – 5621 в городе и 4053 на селе, всего 9673 [6, л. 9].

При этом произошла важнейшая структурная перестройка данного типа учреждений: резко возрастает доля крупных санитарно-противоэпидемических учреждений – санэпидстанций. Именно они становятся основой системы борьбы с инфекциями в последние военные годы. В 1940 г. их насчитывалось по СССР 1,9 тыс. штук, в 1941 г. их число, в следствии оккупации ряда территорий, сократилось до 1,1 тыс., в 1942 г. их было 1,2 тыс. Затем начинается бурный их рост: к исходу 1943 г. их насчитывалось уже 2,5 тыс. [1, л. 10, 15]. Рост



числа данных учреждений за год составил свыше 100%, в то время как общее число санитарно-противоэпидемических учреждений по системе Наркомата здравоохранения выросло за этот год лишь на 26%. К исходу 1944 г. их число вновь значительно выросло вплоть до 3,8 тыс. санэпидстанций по территории СССР [1, л. 15]. По всей видимости, именно благодаря этой структурной перестройке 1943-1944 гг. становится временем серьезных успехов советского здравоохранения в деле борьбы с инфекционной заболеваемостью.

Таким образом, военные годы стали временем значительных изменений в медицинской сети Советского Союза. В 1941-1942 гг. помимо механических изменений, вызванных оккупацией противником больших территорий страны, можно охарактеризовать развитием лишь наиболее востребованных учреждений: лечебно-стационарной сети ГУЛАГа, здравпунктов предприятий и т.д. При этом, другие элементы медицинской сети

становится либо источником ресурсов для их развития, как амбулаторно-поликлиническая служба ГУЛАГа, либо находится в состоянии стагнации.

В 1943-1945 гг., с одной стороны, продолжается структурная перестройка медицинской сети (например, резко возрастает число санэпидстанций), с другой – начинается общий рост всех элементов медицинской сети. При этом, необходимо отметить во многом успешную ликвидацию негативных последствий оккупации для медицинской сети освобожденных районов. К концу войны здравоохранение СССР в тыловых районах на много превзойдет показатели довоенных лет, а по освобожденным территориям вплотную приблизится к этому уровню. Сохранение и укрепление медицинской сети СССР в условиях самой ужасной войны в нашей истории без сомнения можно отнести к серьезным успехам советского государства, позволившим сохранить жизнь и здоровье тысячам граждан нашей страны.

#### Литература и источники

1. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1474.
2. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 245.
3. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 260.
4. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 270.
5. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 291.
6. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 318.
7. Петрюк П. Т., Петрюк А. П. Психиатрия при нацизме: последствия дегуманизации психиатрической практики на временно оккупированных территориях СССР. Сообщение 7 // Психічне здоров'я. 2012. Вып. 2. С. 77-89.
8. Голета В. «Lebensunwertes Leben»: лёс пацыентаў псіхіятрычных клінік Беларусі ў 1941—1944 гг. // Arche. 2010. № 7, 8. С. 606-619.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 11. Д. 607.
10. ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 1904.
11. ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 1890.

#### References

1. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki (RGAE). F. 1562. Op. 329. D. 1474.
2. RGAE. F. 1562. Op. 18. D. 245.
3. RGAE. F. 1562. Op. 18. D. 260.
4. RGAE. F. 1562. Op. 18. D. 270.
5. RGAE. F. 1562. Op. 18. D. 291.
6. RGAE. F. 1562. Op. 18. D. 318.
7. Petryuk P. T., Petryuk A. P. Psihiatriya pri nacizme: posledstviya degumanizacii psihiatricheskoj praktiki na vremenno okkupirovannyh territoriyah SSSR. Soobshchenie 7 [Psychiatry under Nazism: consequences of dehumanization of psychiatric practice in the temporarily occupied territories of the USSR. Message 7]. Psihichne zdorov'ya [Mental health], 2012, no. 2, pp. 77-89.
8. Goleta V. «Lebensunwertes Leben»: lyos pacyentaŭ pсіhiatrychnyh klinіk Belarusi ŷ 1941—1944 gg. [“Lebensunwertes Leben “ the fate of patients in psychiatric clinics in Belarus in 1941-1944.]. Arche. 2010, no. 7-8 (94-95), pp. 606-619.
9. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. A-374. Op. 11. D. 607.
10. GARF. F. R-8009. Op. 6. D. 1904.
11. GARF. F. R-8009. Op. 6. D. 1890.

© «Клио», 2020  
© Семенов М.А., 2020

#### УДК 94(47)

Дата поступления (Submitted) 28.11.2020  
Дата принятия к печати (Accepted) 09.12.2020

**TATYANA VICTOROVNA SLEPTSOVA**

*candidate of history*

*Leading researcher of the Department for the study of the history  
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*

Scientific center  
Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia  
Russia, 125993, Moscow, Zoi and Alexander Kosmodemyanskikh st., 8  
Contact of the author: slepzo@mail.ru

**ONIANI MAIA GIVIEVNA**

Senior researcher of the department  
on the study of strategic management problems  
Scientific center  
Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia  
Russia, 125993, Moscow, Zoi and Alexander Kosmodemyanskikh st., 8  
Contact of the author: maiya\_09@mail.ru

**TATIANA VIKTOROVNA VASILIEVA**

Senior Researcher of the Department for the Study of the Problems of  
Psychological Support of the Operational and Service Activities of the  
Department for the Study of the Problems of Sectoral Management  
Scientific center  
Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia  
Russia, 125993, Moscow, Zoi and Alexander Kosmodemyanskikh st., 8  
Contact of the author: trostrik72@mail.ru

## In the ranks of the Soviet Police forever: the feat of senior police sergeant F.V. Shcherbakov

The article examines the life and service of a front-line soldier, a simple Soviet policeman Fyodor Vasilyevich Shcherbakov. It reveals the feat of the senior police sergeant Fyodor Vasilyevich Shcherbakov and shows the place of feat in the daily activities of the Soviet police. For heroism and self-sacrifice in the performance of his official duty, a policeman of the second police department of Tyumen, senior police sergeant Fyodor Vasilyevich Shcherbakov was awarded the Order of the Red Star posthumously.

**Keywords:** Soviet militia, feat, heroism, F.V. SHCHERBAKOV, everyday life of the Soviet police, daily activities.

**ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА СЛЕПЦОВА**

кандидат исторических наук  
ведущий научный сотрудник отдела  
по изучению проблем истории МВД России  
Научно-исследовательский центр  
Академия управления МВД России  
Россия, 125993, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д.8  
Контакты автора: slepzo@mail.ru

**ОНИАНИ МАИА ГИВИЕВНА**

старший научный сотрудник отдела  
по исследованию стратегических проблем управления  
Научно-исследовательский центр  
Академия управления МВД России  
Россия, 125993, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д.8  
Контакты автора: maiya\_09@mail.ru

**ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА ВАСИЛЬЕВА**

старший научный сотрудник отделения по изучению проблем  
психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности  
отдела по исследованию проблем отраслевого управления  
Научно-исследовательский центр  
Академия управления МВД России  
Россия, 125993, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д.8  
Контакты автора: trostrik72@mail.ru

В статье рассматривается жизнь и служба фронтовика, простого советского милиционера Федора

Васильевича Щербакова. В ней раскрывается подвиг старшего сержанта милиции Федора Васильевича Щербакова и показано место подвига в повседневной деятельности сотрудников советской милиции. За героизм и самопожертвование при исполнении служебного долга милиционер второго отделения милиции г. Тюмени старший сержант милиции Федор Васильевич Щербаков награжден орденом Красной Звезды посмертно.

**Ключевые слова:** советская милиция, подвиг, героизм, Ф.В. Щербаков, будни советской милиции, повседневная деятельность.

## В рядах советской милиции навечно: подвиг старшего сержанта милиции Ф.В. Щербакова

«Добрая слава – лучше богатства» – эта поговорка отражает нравственный смысл милицейской службы. Добросовестное отношение к работе, вежливость, доброжелательность и героизм в повседневной деятельности отличали сотрудников советской милиции.

Милиционеры несли будничную службу в разных подразделениях: в милиции на транспорте на железнодорожных станциях, в отделе внутренних дел (ОВД) и районных отделах внутренних дел (РОВД). На всех постах они проявляли доблесть, мужество и самоотверженные действия при исполнении служебного долга, главное – отдавали свою жизнь, чтобы сохранять спокойствие граждан и порядок на городских улицах.

Одним из таких героев советской милиции стал сотрудник второго отделения милиции отделения милиции г. Тюмени Федор Васильевич Щербаков – участник Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Он родился в 1915 году в деревне Гусельниково Тюменского уезда (в 1945 г. – Кулаковский сельский совет Тюменской области, сейчас – деревня Кулаково). Он окончил 3 класса школы [1], затем работал в совхозе мотористом. С 1937 по 1940 гг. – служил в рядах Советской армии [2; 3, с. 100].

В первые месяцы Великой Отечественной войны в короткие сроки в городе Тюмени согласно приказа Военного Совета Сибирского Военного округа № 0051 от 26 августа 1941 г. было положено зарождению 368 стрелковой дивизии. С 20 сентября 1941 г. дивизия начала пополняться рядовым и младшим офицерским составом из воинов-сибиряков. В её ряды 24 сентября 1941 г. Тюменским РВКОмской области (с 14 августа 1944 года была образована Тюменская область) был призван молодой 26-летний Фёдор Щербаков для защиты Родины на её северных рубежах, на Севере, на Карельском фронте [1].

По воспоминаниям Ф.М. Напалкова, М.Н. Вечер, Е.В. Медведева, служивших в 368 дивизии – «драться, воевать в Карелии, Заполярье было нелегко. Дремучие леса, непроходимые болота, скалистые горы, глубокие снега и трескучие морозы – сама суровая северная природа предъявляла повышенные требования к морально-боевым качествам солдат, сержантов и офицеров, к их выносливости, физической подготовке» [4, с. 5; 5, с.14; 6, с.8].

368 стрелковая дивизия была сначала под командованием полковника Ф.А. Осташенко, а с конца мая 1942 г. – подполковника В.К. Сопенко, который к концу войны дослужился до звания генерал-майора, принимала участие в обороне Карелии, в Свирско-Петрозаводской наступательной операции и Петсамо-Киркенесской наступательной операции.

Во время проведения Петсамо-Киркенесской наступательной операции 1224 стрелковый полк 368 стрелковой дивизии в составе 131 стрелкового корпуса 14 Армии был в авангарде. С 13 по 14 октября 1944 г. 1224 полк выполнял боевую задачу: «оседлать дорогу, а затем по тропе, что восточнее дороги продвигаться на Петсамо. ... быть готовыми развить успех» наступления [7].

По данным журнала боевых действий 1224 стрелкового полка, 14 октября 1944 г. 7, 8 и 9 стрелковые роты 1224 полка, сломив сопротивление противника, продвинулись вперед и вышли на дорогу «Титовка Река-Петсамо» [7]. 1224 полком велись упорные бои за безымянную высоту в районе развилки дорог «Петсамо-Титовка», в ходе которых бесстрашие и героизм проявил стрелок 8 стрелковой роты 1224 стрелкового батальона Федор Щербаков. Он при отражении контратаки противника огнем из автомата уничтожил двух немцев [8].

На 20 часов вечера 1224 полк в районе безымянных высот разгромил опорные пункты противника и овладел дорогой Титовка Река-Петсамо. По данным журнала боевых действий, 1224 полк с 20.00 14 октября 1944 до 3.00 15 октября 1944 г. года продолжал операцию по преследованию отходящего противника, в ходе которой взвод разведки полка вступил в бой с противником и нанес ему большие потери «в живой силе» [7] и вместе с другими соединениями и частями Советской Армии, при поддержке авиации и Северного флота, 15 октября 1944 г. освободили город Печенега (Петсамо).

За мужество, героизм и отвагу, проявленные в Петсамо-Киркенесской наступательной операции, бойцы 368 дивизии также были отмечены медалями. Среди них был и стрелок Ф. Щербаков. От имени Президиума Верховного Совета СССР и приказом № 018 / н по 1224 стрелковому полку 368 стрелковой Краснознаменной дивизии Карельского фронта 22 октября 1944 г. его наградили меда-

лью «За отвагу» [8].

Приказом Верховного Главнокомандующего 22 соединениям и частям Карельского фронта от 31 октября 1944 г., а также частям Северного флота и ряду авиационных частей было присвоено почетное наименование Печенегские [9]. 368 дивизия стала именоваться стрелковая Краснознаменная Печенегская дивизия.

Через год, на основании Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 5 декабря 1944 г. и согласно приказу начальника управления полевой армейской базы майора о/с М.Н. Турыгина от 20 июня 1945 г. ефрейтор 114 Стрелковой Свирской Краснознаменной дивизии 31 стрелкового корпуса Ф. В. Щербаков был удостоен медали «За оборону Советского Заполярья» [10]. Также он был награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» [11].

В апреле 1946 г., сразу после демобилизации из рядов Советской армии, Ф.В. Щербаков поступил в ряды советской милиции [12]. Он служил участковым уполномоченным на Зареченском участке г. Тюмени.

За отличную службу на вверенном участке Ф.В. Щербаков неоднократно поощрялся руководством. Ему было вынесено 15 благодарностей и его имя два раза заносилось на Доску Почета, а также он был удостоен медали «За боевые заслуги» [11]. Его безупречная работа отмечалась жителями Заречья.

1 июля 1956 г. старший сержант милиции Ф.В. Щербаков нес службу на посту улицы Земляной Вал. Он услышал крики о помощи и сразу бросился на помощь. Он незамедлительно прибыл на место и увидел, что в котлован для отходов, который был расположен за кожевенным заводом им. Кагановича, три работника предприятия, очищавшие сток, «потеряли сознание» от скопления газов и «упали» в него [11; 12; 13].

По воспоминаниям очевидцев, «[Ф.В.] Щербаков среагировал мгновенно» [12]. Он прыгнул в яму, обвязав потерпевших веревкой, чтобы подоспевшие на помощь люди вытащили их наверх. По сообщению газеты «Тюменская правда» от 8 июля 1956 г. № 135, из прибывшей на помощь городской пожарной охраны был и боец Федор Минович Залуца. Он при спасении людей из беды «проявив самоотверженность и отвагу, рискуя жизнью» спустился в яму и помогал доставать «четырёх человек» [14, с. 4]. Трёх спасённых откачали, однако спасти старшего сержанта милиции Федора Васи-

льевича Щербакова не удалось.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 сентября 1956 г. «за героизм и самопожертвование при исполнении служебного долга» милиционер второго отделения милиции г. Тюмени старший сержант милиции Щербаков Федор Васильевич награжден орденом Красной Звезды посмертно [15].

Память о самоотверженном поступке милиционера Федора Васильевича Щербакова была увековечена в городе Тюмень. Так, в июне 1966 г. Тюменским Горисполком улицу Мостовую переименовал в улицу Щербакова в честь погибшего при исполнении служебного долга [13].

Благодаря инициативе ветеранов органов внутренних дел 5 мая 2010 г. на фасаде здания ЗАО «Автоколонна 1228» города Тюмени на доме 117 была открыта мемориальная доска, изготовленная из мраморного камня размером 500 мм\* 1000 мм в честь Памяти ветерана Великой Отечественной войны старшего сержанта милиции Щербакова Федора Васильевича, погибшего при исполнении служебного долга [16]. Также в мае 2010 г. в г. Тюмени у здания областного ОВД был открыт мемориал Памяти сотрудников органов внутренних дел, погибших в Великую Отечественную войну 1941-1945 гг. и при исполнении служебного долга (улица Водопроводная, г. Тюмень). В ноябре 2010 г., на День милиции, в нём добавилось имя Федора Васильевича Щербакова [17].

В здании Управлении МВД России по Тюменской области (ул. Володарского, 24) расположены мемориальные доски, на одной из которых запечатлено навечно имя Федора Васильевича Щербакова, в рядах, погибших при исполнении служебного долга.

Таким образом, на примере подвига старшего сержанта милиции Федора Васильевича Щербакова, выявлено, что советские милиционеры были примером для проявления героизма, самопожертвования, в них проявлялись самые лучшие человеческие качества: патриотизм, чувство долга, ответственность, самоотверженность, любовь к Родине.

Советские милиционеры были истинными патриотами, мужественными, оказывали помощь населению на службе и вне её. Советская милиция нас берегла, сотрудники милиции стояли на страже справедливости и закона, и готовы были пожертвовать своей жизнью для спасения граждан Родины. Подвиг старшего сержанта милиции Федора Васильевича Щербакова не забудут в веках!

#### Литература и источники

1. Приказ по 1224 стрелковому полку, 368 стрелковой Краснознаменной дивизии Карельского фронта от 22 октября 1944 № 018/Н // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 717037. Д. 2113 // Память народа 1941-1945 гг. – URL: [https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek\\_nagrazhdenie45180850/?backurl=%2Fheroes%2F%3Flast\\_name%3D%D0%A9%D0%B5%D1%80%D0%B1%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2%20%26first\\_name%3D%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%80%20%26middle\\_name%3D%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87%26group%3Dall%26types%3Dpamyat\\_commander%3Anagrady\\_nagrad\\_doc%3Anagrady\\_uchet\\_kartoteka%3Anagrady\\_ubilein\\_kartoteka%3Apamyat\\_voenkomat%3Apotery\\_vpp%3Apamyat\\_zsp\\_parts%3Akld\\_polit%3Akld\\_upk%3Akld\\_vmf%3Apotery\\_doneseniya\\_o\\_poteryah%3Apotery\\_gospitali%3Apotery\\_utochenie\\_potery%3Apotery\\_spiski\\_zahoroneniya%3Apotery\\_voennoplen%3Apotery\\_iskluchenie\\_iz\\_spiskov%26page%3D1%26poslednee\\_mesto](https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie45180850/?backurl=%2Fheroes%2F%3Flast_name%3D%D0%A9%D0%B5%D1%80%D0%B1%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2%20%26first_name%3D%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%80%20%26middle_name%3D%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_polit%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_potery%3Apotery_spiski_zahoroneniya%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%26page%3D1%26poslednee_mesto)

- sluzhbi%3D1224%20%D1%81%D0%BF%20368%20%D1%81%D0%B4%20%D0%BA%D0%B0%D1%80%20%D0%A4&static\_hash=83eb9c6a1c75758448593c845e1837bd (Дата обращения: 03.06.2020).
2. Кто такой Щербаков? // Иваненко А. С. Новые прогулки по Тюмени: Путеводитель. – Тюмень: Издательство «Радуга-Т», 2008. – Департамента культуры Администрации города Тюмени. Централизованная городская библиотечная система — Электронная библиотека тюменского писателя - <https://writer-tyumen.ru/online.php?pid=162> (дата обращения: 12.06.2020).
  3. Очерки истории тюменской милиции ... // под ред. В.А. Иоголевича. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2015. 359 с.
  4. Напалков Ф.М., Вечер М.Н., Медведев Е.В. От Тюмени до Киркинеса. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1976. С. 1976. 176 с.
  5. О создателях книги От Тюмени до Киркинеса - Морозов Евгений. Разведчик из «озерного края» // Армизонский вестник. 14 июня 2019. № 24 (9627). С. 14.
  6. О создателях книги От Тюмени до Киркинеса - Морозов Евгений. Разведчик из «озерного края» // Армизонский вестник. 11 июля 2019. № 28 (9631). С. 8.
  7. Выписка из журнала боевых действий 1224 сп. Описывает период с 01.10.1944 по 25.10.1944 г. Журналы боевых действий. Дата создания документа: 25.10.1944 г. // ЦАМО. Ф. 1689. Оп. 1. Д. 22 – Память народа 1941-1945 гг. – URL: [https://pamyat-naroda.ru/documents/view?id=13556072&backurl=q%5C%D0%B2%D1%8B%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B0%20%D0%B8%D0%B7%20%D0%B6%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B0%20%D0%B1%D0%BE%D0%B5%D0%B2%D1%8B%D1%85%20%D0%B4%D0%B5%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B8%D0%B9%201224%20%D1%81%D0%BF::use\\_main\\_string%5Ctrue::group%5Call::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbcd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani\\_op eraciy:karti:shemi:spravki:drugie&static\\_hash=b7f0589e93894a095d021f8dfd34f369](https://pamyat-naroda.ru/documents/view?id=13556072&backurl=q%5C%D0%B2%D1%8B%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B0%20%D0%B8%D0%B7%20%D0%B6%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B0%20%D0%B1%D0%BE%D0%B5%D0%B2%D1%8B%D1%85%20%D0%B4%D0%B5%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B8%D0%B9%201224%20%D1%81%D0%BF::use_main_string%5Ctrue::group%5Call::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbcd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_op eraciy:karti:shemi:spravki:drugie&static_hash=b7f0589e93894a095d021f8dfd34f369) (Дата обращения: 12.06.2020).
  8. Наградной документ Ф.В. Щербакова. Медаль за отвагу // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 717037. Д. 2113 – Память народа 1941-1945 гг. – URL: [https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek\\_nagrazhdenie45180850/?backurl=%2Fheroes%2F%3Ffirst\\_name%3D%D0%A9%D0%B5%D1%80%D0%B1%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2%20%26first\\_name%3D%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%80%26middle\\_name%3D%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87%26poslednee\\_mesto\\_sluzhbi%3D1224%20%D1%81%D0%BF%20368%20%D1%81%D0%B4%26group%3Dall%26types%3Dpamyat\\_commander%3Anagrady\\_nagrad\\_doc%3Anagrady\\_uchet\\_kartoteka%3Anagrady\\_ubilein\\_kartoteka%3Apamyat\\_voenkomat%3Apotery\\_vpp%3Apamyat\\_zsp\\_parts%3Akld\\_polit%3Akld\\_upk%3Akld\\_vmf%3Apotery\\_doneseniya\\_o\\_poteryah%3Apotery\\_gospitali%3Apotery\\_utochenie\\_poteryah%3Apotery\\_spiski\\_zahoroneniy%3Apotery\\_voennoplen%3Apotery\\_iskluchenie\\_iz\\_spiskov%26page%3D1&static\\_hash=36eaa324b02d920a3f0a0d59c75b1cc0](https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie45180850/?backurl=%2Fheroes%2F%3Ffirst_name%3D%D0%A9%D0%B5%D1%80%D0%B1%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2%20%26first_name%3D%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%80%26middle_name%3D%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87%26poslednee_mesto_sluzhbi%3D1224%20%D1%81%D0%BF%20368%20%D1%81%D0%B4%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_polit%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_poteryah%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%26page%3D1&static_hash=36eaa324b02d920a3f0a0d59c75b1cc0) (Дата обращения: 12.06.2020).
  9. Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Военно-исторический очерк / Отв. ред. д.и.н. А.И. М.: Наука, 1984. 359 с.
  10. Документы о награждении. Щербаков Ф. В. Медаль «За оборону Советского Заполярья» // ЦАМО. Ф. 363. Оп. 6219. Д. 309 – Память народа 1941-1945 гг. – URL: [https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek\\_nagrazhdenie1532596149/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fstatic\\_hash%3D638c52be444128ffcb8c2d22b5025230%26last\\_name%3D%D0%A9%D0%B5%D1%80%D0%B1%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2%20%26first\\_name%3D%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%80%26middle\\_name%3D%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87%26poslednee\\_mesto\\_sluzhbi%3D114%20%D1%81%D0%B4%26group%3Dall%26types%3Dpamyat\\_commander%3Anagrady\\_nagrad\\_doc%3Anagrady\\_uchet\\_kartoteka%3Anagrady\\_ubilein\\_kartoteka%3Apamyat\\_voenkomat%3Apotery\\_vpp%3Apamyat\\_zsp\\_parts%3Akld\\_polit%3Akld\\_upk%3Akld\\_vmf%3Apotery\\_doneseniya\\_o\\_poteryah%3Apotery\\_gospitali%3Apotery\\_utochenie\\_poteryah%3Apotery\\_spiski\\_zahoroneniy%3Apotery\\_voennoplen%3Apotery\\_iskluchenie\\_iz\\_spiskov%26page%3D1](https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie1532596149/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fstatic_hash%3D638c52be444128ffcb8c2d22b5025230%26last_name%3D%D0%A9%D0%B5%D1%80%D0%B1%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2%20%26first_name%3D%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%80%26middle_name%3D%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87%26poslednee_mesto_sluzhbi%3D114%20%D1%81%D0%B4%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_polit%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_poteryah%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%26page%3D1) (Дата обращения: 12.06.2020).
  11. Именные. Трагические. Героические – «говорящие» о подвигах улицы. Улица Щербакова // Управление МВД России по Тюменской области – URL: <https://72.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/10689520> (дата обращения: 12.06.2020).
  12. Поротников Владимир. Пройдя войну, погиб не на войне // Красное Знамя. 27 ноября 2015. № 95 (8055). С. 3.
  13. Иваненко А. С. Новые прогулки по Тюмени: Путеводитель. Тюмень: Издательство «Радуга-Т», 2008. Департамента культуры Администрации города Тюмени. Централизованная городская библиотечная система. Электронная библиотека тюменского писателя – URL: <https://writer-tyumen.ru/online.php?pid=162> (12.06.2020).
  14. Самоотверженный поступок // Тюменская правда. 1958. № 135 (3048). 8 июля. С. 4.
  15. Указ Президиума Верховного Совета СССР. 443 // Ведомости Верховного Совета СССР. 9 октября 1956 г. № 20 (882).
  16. Улица имени Ф.В. Щербакова // Управление МВД России по Тюменской области – URL: [https://72.xn--b1aew.xn--p1ai/gumvd/Nashi\\_tradicii/heroes/streets/item/601521](https://72.xn--b1aew.xn--p1ai/gumvd/Nashi_tradicii/heroes/streets/item/601521) (дата обращения: 12.06.2020).
  17. Поротников Владимир. Здесь всегда свежие гвоздики ... // Красное знамя. 8 ноября 2019. № 90 (8466). С. 2.

## References

1. Prikaz po 1224 strelkovomu polku, 368 strelkovoj Krasnoznamennoj divizii Karel'skogo fronta ot 22 oktjabrja 1944 № 018 /N. [Order for 1224 rifle field, 368 Red Banner Infantry Division of the Karelian Front dated October 22, 1944 No. 018 / N ], TsAMO, F. 33., Inventory 717037., Archiving 2113, Pamjat' naroda 1941-1945 gg.] [Memory of the people 1941-1945]. URL: [https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek\\_nagrazhdenie45180850/?backurl=%2Fheroes%2F%3Ffirst\\_name%3D%D0%A9%D0%B5%D1%80%D0%B1%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2%20%26first\\_name%3D%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%80%26middle\\_name%3D%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87%26group%3Dall%26types%3Dpamyat\\_commander%3Anagrady\\_nagrad\\_doc%3Anagrady\\_uchet\\_kartoteka%3Anagrady\\_ubilein\\_kartoteka%3Apamyat\\_voenkomat%3Apotery\\_vpp%3Apamyat\\_zsp\\_parts%3Akld\\_polit%3Akld\\_upk%3Akld\\_vmf%3Apotery\\_doneseniya\\_o\\_poteryah%3Apotery\\_gospitali%3Apotery\\_utochenie\\_poteryah%3Apotery\\_spiski\\_zahoroneniy%3Apotery\\_voennoplen%3Apotery\\_iskluchenie\\_iz\\_spiskov%26page%3D1&static\\_hash=83eb9c6a1c75758448593c845e1837bd](https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie45180850/?backurl=%2Fheroes%2F%3Ffirst_name%3D%D0%A9%D0%B5%D1%80%D0%B1%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2%20%26first_name%3D%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%80%26middle_name%3D%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_polit%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_poteryah%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%26page%3D1&static_hash=83eb9c6a1c75758448593c845e1837bd) (Accessed 03.06.2020).
2. Кто такой Шчербаков? [Who is Shcherbakov?], Ivanenko A. S. Novyye progulki po Tyumeni: Putevoditel'. [New walks in Tyumen: Guide], Tyumen'. [Tyumen], Izdatel'stvo «Raduga-T». [Publ. "Raduga-T"], 2008, Departamenta kul'tury Administratsii goroda Tyumeni. Tsentralizovannaya gorodskaya bibliotekhnaya sistema – Elektronnyaya biblioteka tyumenskogo pisatelya [Department of Culture of the Tyumen City Administration. Centralized city library system - Electronic library of the Tyumen writer] – URL: <https://writer-tyumen.ru/online.php?pid=162> (date of access: 12.06.2020).
3. Ocherki istorii tyumenskoi militsii ... [Essays on the history of the Tyumen police ...], pod red. V.A. Iogolevicha. [red. V.A. Iogolevich], Tyumen'. [Tyumen], Tyumenskii institut povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii, [Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2015. 359 p.
4. Napalkov F.M., Vecher M.N., Medvedev E.V. Ot Tyumeni do Kirkinesa. [From Tyumen to Kirkinen], Sverdlovsk. [Sverdlovsk], Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo [Sredne-Ural'skoe book publ], 1976, 176 p.

5. О создателях книги От Тюмени до Киркинеса - Морозов Евгений. Разведчик из «озерного края». [About the creators of the book From Tyumen to Kirkinies - Evgeny Morozov. Scout from the "lake land"], Armizonskii vestnik. [Armizonskiy Vestnik], June 14, 2019, No. 24 (9627), p. 14.
6. О создателях книги От Тюмени до Киркинеса – Морозов Евгений. Разведчик из «озерного края». [About the creators of the book From Tyumen to Kirkinies - Evgeny Morozov. Scout from the "lake land"] Armizonskii vestnik. [Armizonskiy Vestnik]. July 11, 2019. No. 28 (9631). p. 8.
7. Выписка из журнала боевкх деиствii 1224 сп. Описывает период с 01.10.1944 по 25.10.1944 г. Журналы боевкх деиствii. Дата создания документа: 25.10.1944 г. [Extract from the combat operations log 1224 bn. Describes the period from 10.01.1944 to 10.25.1944. Combat logs. Date of creation of the document: 10.25.1944], TsAMO, F. 1689. Inventory 1. Archiving 22. Pamyat' naroda 1941-1945 gg. [Memory of the people 1941-1945] – URL: [https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=135560723&backurl=q%5C%D0%B2%D1%8B%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B0%20%D0%B8%D0%B7%20%D0%B6%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B0%20%D0%B1%D0%BE%D0%B5%D0%B2%D1%8B%D1%85%20%D0%B4%D0%B5%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B8%D0%B9%201224%20%D1%81%D0%BF::use\\_main\\_string%5Ctrue::group%5Ccall::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani\\_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie&static\\_hash=b7f0589e93894a095d021f8dfd34f369](https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=135560723&backurl=q%5C%D0%B2%D1%8B%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B0%20%D0%B8%D0%B7%20%D0%B6%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B0%20%D0%B1%D0%BE%D0%B5%D0%B2%D1%8B%D1%85%20%D0%B4%D0%B5%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B8%D0%B9%201224%20%D1%81%D0%BF::use_main_string%5Ctrue::group%5Ccall::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie&static_hash=b7f0589e93894a095d021f8dfd34f369) (Accessed 12.06.2020).
8. Наградной документ F.V. Shcherbakova. Medal' «За отвагу» [Award document F.V. Shcherbakov. Medal "For Courage"], TsAMO. F. 33. Inventory 717037. Archiving 2113 – Pamyat' naroda 1941-1945 gg. [Memory of the people 1941-1945] – URL: [https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek\\_nagrazhdenie\\_45180850/?backurl=%2Fheroes%2F%3Flast\\_name%3D%D0%A9%D0%B5%D1%80%D0%B1%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2%20%26first\\_name%3D%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%80%26middle\\_name%3D%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87%26poslednee\\_mesto\\_sluzhbi%3D1224%20%D1%81%D0%BF%20368%20%D1%81%D0%B4%26group%3Dall%26types%3Dpamyat\\_commander%3Anagrady\\_nagrad\\_doc%3Anagrady\\_uchet\\_kartoteka%3Anagrady\\_ubilein\\_kartoteka%3Apamyat\\_voenkomat%3Apotery\\_vpp%3Apamyat\\_zsp\\_parts%3Akld\\_polit%3Akld\\_upk%3Akld\\_vmf%3Apotery\\_doneseniya\\_o\\_poteryah%3Apotery\\_gospitali%3Apotery\\_utochenie\\_poteryah%3Apotery\\_spiski\\_zahoroneniya%3Apotery\\_voennoplen%3Apotery\\_iskluchenie\\_iz\\_spiskov%26page%3D1&static\\_hash=36eaa324b02d920a3f0a0d59c75b1cc0](https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie_45180850/?backurl=%2Fheroes%2F%3Flast_name%3D%D0%A9%D0%B5%D1%80%D0%B1%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2%20%26first_name%3D%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%80%26middle_name%3D%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87%26poslednee_mesto_sluzhbi%3D1224%20%D1%81%D0%BF%20368%20%D1%81%D0%B4%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_polit%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_poteryah%3Apotery_spiski_zahoroneniya%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%26page%3D1&static_hash=36eaa324b02d920a3f0a0d59c75b1cc0) (Accessed 12.06.2020).
9. Karelskii front v Velikoi Otechestvennoi voine 1941-1945 gg. [The Karelian Front in the Great Patriotic War 1941-1945], Voенно-istoricheskii ocherk. [Military history sketch], publ. Nauka, Moscow, 1984, 359 p.
10. Документы о награждении. Shcherbakov F. V. Medal' «За оборону Советского Заполярья» [Awarding documents. Shcherbakov F.V. Medal "For the Defense of the Soviet Arctic"], TsAMO. F. 363. Inventory 6219. Archiving. 309 – [Memory of the people 1941-1945.] URL: [https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek\\_nagrazhdenie1532596149/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fstatic\\_hash%3D638c52be444128ffcb8c2d22b5025230%26last\\_name%3D%D0%A9%D0%B5%D1%80%D0%B1%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2%20%26first\\_name%3D%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%80%26middle\\_name%3D%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87%26poslednee\\_mesto\\_sluzhbi%3D114%20%D1%81%D0%B4%26group%3Dall%26types%3Dpamyat\\_commander%3Anagrady\\_nagrad\\_doc%3Anagrady\\_uchet\\_kartoteka%3Anagrady\\_ubilein\\_kartoteka%3Apamyat\\_voenkomat%3Apotery\\_vpp%3Apamyat\\_zsp\\_parts%3Akld\\_polit%3Akld\\_upk%3Akld\\_vmf%3Apotery\\_doneseniya\\_o\\_poteryah%3Apotery\\_gospitali%3Apotery\\_utochenie\\_poteryah%3Apotery\\_spiski\\_zahoroneniya%3Apotery\\_voennoplen%3Apotery\\_iskluchenie\\_iz\\_spiskov%3Asame\\_doroga%26page%3D1](https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie1532596149/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fstatic_hash%3D638c52be444128ffcb8c2d22b5025230%26last_name%3D%D0%A9%D0%B5%D1%80%D0%B1%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2%20%26first_name%3D%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%80%26middle_name%3D%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87%26poslednee_mesto_sluzhbi%3D114%20%D1%81%D0%B4%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_polit%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_poteryah%3Apotery_spiski_zahoroneniya%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Asame_doroga%26page%3D1) (Accessed 12.06.2020).
11. Imennyye. Tragicheskie. Geroicheskie – «govoryashchie» o podvigakh ulitsy. Ulitsa Shcherbakova. [Nominal. Tragic. Heroic - "talking" about the exploits of the street. Shcherbakova Street], Upravlenie MVD Rossii po Tyumenskoi oblasti [Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Tyumen Region] – URL: <https://72.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/10689520> (Accessed 12.06.2020).
12. Porotnikov V. Proidya voinu, pogib ne na voine [After going through the war, he died not in the war], Krasnoe Znamya. [Red Banner], November 27. 2015. No. 95 (8055). P. 3.
13. Ivanenko A.S. Novye progulki po Tyumeni: Putevoditel'. Tyumen'. [New walks in Tyumen: Guide. Tyumen], Izdatel'stvo «Raduga-T». [Publ "Raduga-T"], 2008, Departamenta kul'tury Administratsii goroda Tyumeni. Tsentralizovannaya gorodskaya bibliotekhnaya sistema. Elektronnaya biblioteka tyumenskogo pisatelya [Department of Culture of the Tyumen City Administration. Centralized city library system. Electronic library of the Tyumen writer] – URL: <https://writer-tyumen.ru/online.php?pid=162> (Accessed 12.06.2020).
14. Samootverzheniiy postupok. [Selfless act], Tyumenskaya pravda. [Tyumen truth], 1958. No. 135 (3048). July 8. P. 4.
15. Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR. 443. [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. 443], Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR. [Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR], October 9. 1956. No. 20 (882).
16. Ulitsa imeni F.V. Shcherbakova [Street named after F.V. Shcherbakova], Upravlenie MVD Rossii po Tyumenskoi oblasti. [Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Tyumen region] – URL: [https://72.xn--b1aew.xn--p1ai/gumvd/Nashi\\_tradicii/heroes/streets/item/601521](https://72.xn--b1aew.xn--p1ai/gumvd/Nashi_tradicii/heroes/streets/item/601521) (Accessed 12.06.2020).
17. Porotnikov V. Zdes' vseгда svezhie гвоздики... [There are always fresh carnations...], Krasnoe znamya. [Red Banner], November 8. 2019. No.90 (8466). p.2.

© «Клио», 2020

© Слепцова Т.В., Ониани М.Г., Васильева Т.В., 2020

УДК 94(47).046

Дата поступления (Submitted) 19.11.2020

Дата принятия к печати (Accepted) 07.12.2020

YU JIE

Senior Lecturer,  
Department of Chinese Philology,  
Institute of Asian and African Studies,  
Lomonosov Moscow State University,  
Russian Federation, 125009, Moscow,  
Mokhovaya Street, 11.  
E-mail: kaqusha686@yahoo.com

## Ivan Petlin's mission to China in 1618–1619 from the point of view of the theory of intercultural communication

The earliest documented official contact between China and Russia is Ivan Petlin's visit to the Middle Kingdom in 1618–1619. For a long time Chinese scholars and researchers from other countries held two different opinions about this historical event. One point of view casts doubt on the historical reliability of Petlin's mission to China, while the other not only confirms the authenticity of this historical event, but also endows it with the high status of Russia's first official mission in China. In this article an attempt is made based on the theory of intercultural communication, based on historical data collected by scholars of the past and modern researchers, combined with a consideration of the key features of Russian foreign policy and the nuances of Russian diplomacy in the Petlin's era, to interpret his mission to China as an act of cross-communication. This event will be analyzed for its interethnic, interstate and intercultural nature in order to confirm its historical accuracy and prove that Petlin's trip to China was in the nature of exploration and research work carried out by the local Russian administration in Siberia. Thus, the purpose of this study is to lay a methodological basis for further research in the field of the internal logic of the development of Russian-Chinese relations at an early stage of their formation.

**Keywords:** *Ivan Petlin, Russian-Chinese relations, intercultural communication, 17th century, Russian diplomacy, Siberia.*

ЮЙ ЦЗЕ

старший преподаватель  
кафедры китайской филологии  
Института стран Азии и Африки  
МГУ имени М.В. Ломоносова.  
Россия, 125009, Москва,  
Моховая улица, д. 11.  
E-mail: kaqusha686@yahoo.com

Самым ранним задокументированным официальным контактом между Китаем и Россией является посещение Поднебесной Иваном Петлиным в 1618–1619 гг. Долгое время китайские ученые и исследователи из других стран придерживались двух разных мнений об этом историческом событии. Одна точка зрения ставит под сомнение историческую достоверность миссии Петлина в Китай, другая же не только подтверждает подлинность этого исторического события, но и наделяет его высоким статусом первой официальной миссии России в Китай. В настоящей статье делается попытка, исходя из теории межкультурной коммуникации и основываясь на исторических данных, собранных учеными прошлого и современными исследователями, в сочетании с рассмотрением ключевых особенностей российской внешней политики и нюансами российской дипломатии в эпоху Петлина, трактовать его миссию в Китай как акт перекрестной коммуникации. Означенное событие будет проанализировано на предмет его межнационального, межгосударственного и межкультурного характера для подтверждения его исторической достоверности и доказательства, что поездка Петлина в Китай имела характер разведывательно-исследовательской работы, которую проводила местная русская администрация в Сибири. Таким образом, целью настоящего исследования является закладывание методологической основы для дальнейших исследований внутренней логики развития российско-китайских отношений на раннем этапе их становления.

**Ключевые слова:** *Иван Петлин, российско-китайские отношения, межкультурная коммуникация, XVII век, российская дипломатия, Сибирь.*

## Миссия Ивана Петлина в Китай в 1618–1619 гг. в свете теории межкультурной коммуникации

Российско-китайские отношения, как и любые дипломатические практики, можно рассматривать как межкультурный коммуникационный акт. С точки зрения теории межкультурной коммуникации изучение поведения конкретных индивидуумов в контексте взаимоотношений между двумя странами помогает более подробно воспринимать и объяснять условия, ситуацию и ход конкретных исторических событий. В этой методологической оптике можно рассматривать и историю раннего этапа российско-китайских отношений. Точкой их отсчета стала экспедиция сибирского казака Ивана Петлина в империю Мин в 1618 г. Долгое время историческая достоверность этого события вызывала сомнения у китайских и иных зарубежных ученых. В 1960-х гг. китаевед В.С. Мясников, проработав материалы советских и монгольских архивов, доказал подлинность миссии Петлина в Китай [1]. В 2001 г. китайский ученый Чжан Цзянь выпустил исследование, в котором проанализировал задачи миссии Петлина, состав группы, ее маршрут, сведения об осведомленности об этой миссии в Китае и связанные с путешествием вопросы российско-монгольских отношений [2]. В последние годы китайский ученый Кон Юань, изучая отношения между Монголией и империей Мин, а также между различными силами Монгольского нагорья, пришел к выводу, что миссия Петлина действительно могла иметь место при династии Мин, а также подчеркнул ее значимость для распространения сведений о Поднебесной за ее пределами [3; 4]. Таким образом, проблема путешествия Петлина в Китай перешла из сугубо дипломатической истории в сферу более общих проблем, в том числе связанных с межкультурной коммуникацией.

В то же время китайские историки продолжают рассматривать путешествие Петлина как прежде всего дипломатическое событие. Так, они предпочитают использовать такие выражения, как «миссия Петлина в Китай», «первая миссия царской России в Китай» и «российская дипломатическая миссия в Китай» [2; 5, с. 19; 6, с. 23–27; 7]. Российские ученые предпочитают говорить о «посольстве» или «миссии» [8, с. 16–19; 9, с. 15–19], а также об «экспедиции» или «исследовательской экспедиции» [1]. В смысловом отношении китайское слово 使团 ближе к русскому слову «посольство»: оба термина в большинстве случаев понимаются как некая дипломатическая организация, находящаяся в другой стране. Слово «миссия» в русском языке имеет больше значений: кроме собственно дипломатической организации оно также может подразумевать поручение, специальное задание. То есть это слово ближе к китайскому понятию 出使 – «быть дипломатическим представителем, послом». В то же время термин 考察队 (экспедиция,

также переводится как 探险队) не содержит в себе дипломатической семантики ни в китайском, ни в русском языке [10].

Отчего так различаются обозначения одного и того же события? Свидетельствуют ли указанные расхождения в интерпретации одного и того же исторического факта о его несовпадающих восприятиях в Китае и в России? Приблизиться к ответам на поставленные вопросы как раз и способен помочь межкультурный коммуникационный анализ путешествия Петлина.

Оно имело место в пору, когда у Китая и России не было опыта взаимных контактов и когда сухопутные пути из Северной Азии в Китай были крайне мало изучены. Отряд Петлина, выйдя из Тобольска, сначала вошел в пределы пастбищ монгольского предводителя Шолой Убаши-хунтайджи (в российской историографии упоминаемого как Алтын-хан) в северной части Горного Алтая. Затем отряд, ведомый двумя ламами и несколькими проводниками, отправленными Алтын-ханом, через Монгольское плато пошел в Китай и прибыл в Пекин. Год спустя отряд вернулся в Тобольск. Имеются все основания представить это путешествие как сложный межкультурный коммуникационный процесс. Рассмотрим его этапы.

### Цель коммуникационного акта

Для раскрытия этой цели необходимо рассмотреть общий исторический фон, на котором состоялось путешествие Петлина, и его межкультурный контекст.

В.С. Мясников реконструировал последовательность событий. Согласно его концепции, экспедиция в Китай во главе с Петлиным была организована тобольским воеводой – князем Иваном Семеновичем Куракиным. Подготовка к экспедиции началась в апреле 1617 г., а в путь отряд отправился в мае 1618 г. Отряду предписывалось, воспользовавшись дружескими отношениями между Россией и Алтын-ханом, попасть в Китай с помощью проводников, то есть фактически открыть сухопутную дорогу в Поднебесную, изучить тамошнюю обстановку, а также ситуацию в соседних с Китаем странах и исследовать топографию верхнего течения реки Оби. Сам Петлин в отчете о своей миссии, представленном в Посольский приказ после возвращения, подчеркивал, что его отправили только «разузнуть Китай» [1, с. 23].

Иными словами, миссия Петлина сводилась к изучению маршрутов и сбору разведывательных данных, не имея при этом никаких дипломатических задач. Это следует хотя бы из того, что Петлин был всего лишь казаком, не имевшим посольского чина и не обладавшим никакой возможностью обрести его в силу своего положения. Существовала и более веская причина, в соответствии с



которой миссия не могла быть дипломатической: в то время приоритетным направлением внешней политики России было европейское, а ресурсы для продвижения в Азию просто отсутствовали. Московское царство только вышло из Смуты, первый монарх из новой династии Романовых – Михаил Федорович – правил на тот момент всего лишь несколько лет. Внешнеполитические приоритеты тогда заключались в том, чтобы в кратчайшие сроки добиться признания новой династии западноевропейскими странами и заручиться поддержкой Швеции и Англии в борьбе против Речи Посполитой, вернуть Смоленск, и, возможно, начать прирастать другими территориями на западном направлении, выжимая оттуда поляков, и одновременно вести с последними переговоры против Швеции, чтобы продвигаться к Балтике. Эти намерения не оставляли никаких возможностей для установления контактов с далеким и незнакомым Китаем.

К тому же нельзя было проявлять невнимание и в отношении только что завоеванной сибирской земли и разрешать местным властям устанавливать дипломатические контакты с малоизученными странами этого региона. Поэтому Боярская дума, которая тогда – в первые годы царствования Михаила и до возвращения из польского плена в 1619 г. его отца Филарета – обладала значительной властью, 31 декабря 1616 г. постановила: «С Алтыном-царевичем и с Китайским государством ссылки не быти, а вперед разведывать про них еще подлинно» [1, с. 16]. Настороженное отношение к этим странам сохранялось и после возвращения Петлина из Китая, вплоть до середины XVII в. В документе, выданном Посольским приказом воеводам Тобольска и Томска спустя несколько лет после миссии Петлина, говорится: «А вперед бы есте с Алтыном-царем и с Китайским и с Мунгальским государством без нашего указа ни о чем ссылки не держали, потому что те государства дальние и торговым людям ходити от них в наши государства далеко. А Алтын-царь кочевные орды люди воинские, а нашим государствам прибыли от них, кроме запросов, никакие нет и вперед не чаяти. А разведывали б есте про те государства всяких вестей против прежнего нашего указа» [1, с. 30].

Но если Петлин не был дипломатом, то почему же большинство ученых называют его путешествие «миссией»? Скорее всего, это связано с так называемой верительной грамотой, выданной русскому царю императором Ваньли из династии Мин и привезенной Петлиным, а также с упоминанием путешественником в его отчете о хождении в Китай того факта, что сановник династии Мин называл его «послом» (使) [1, с. 23, 52]. Основываясь на данных из отчета о миссии Петлина и на «верительной грамоте» императора Ваньли, советский китаист Л.И. Думан, оценивая эту экспедицию, подчеркивал: «Поездка И. Петлина имела большое внешнеполитическое значение. Хотя И.

Петлин не имел дипломатического ранга, в нем китайские власти видели первого представителя Русского государства. И несмотря на то что глава экспедиции не был принят китайским императором царствовавшей тогда в Китае Минской династии, его приезд пробудил большой интерес к России не только в Китае, но и в Монголии» [1, с. 6].

Подобное непонимание статуса личности Петлина китайскими официальными лицами вызвало особое внимание Посольского приказа и привело к неточному восприятию характера путешествия. «Дипломатический словарь», вышедший в послевоенном СССР, переведенный и изданный в Китае в 1988 г., называет экспедицию Петлина одной «из первых русских дипломатических миссий в Китай». В словаре указывается, что Петлин прибыл в Пекин в сентябре 1619 г. и при этом имел при себе полученные от воеводы грамоты, а в 1620 г. вернулся в Тобольск с грамотой на имя русского царя от императора Ваньли [11, с. 382]. Очевидно, что эти фактические ошибки привели к неверной оценке визита Петлина в Китай и тем самым обусловили неверное понимание статуса этого события в российско-китайских отношениях.

Между тем с точки зрения межкультурной коммуникации анализ путешествия Петлина в Китай не должен ограничиваться сугубо межгосударственным, межнациональным и межязыковым аспектами. При анализе кросс-культурных исторических событий наиболее важно учитывать временные измерения. Если исходить из того, что перед Петлиным не стояло дипломатических задач, то тогда следует признать, что у его отряда отсутствовали и какие-либо торговые интересы, поскольку одно было тесно связано с другим. В то же время маловероятно для той конкретной исторической ситуации представить дело так, что Петлин приехал в Китай исключительно как торговый представитель и добился успеха в установлении устойчивого сотрудничества на этом поприще с Китаем. Подход в рамках межкультурной коммуникации заключается в том, чтобы выйти за рамки сегодняшних представлений и анализировать, основываясь на реалиях того времени, когда произошло рассматриваемое событие.

#### **Актеры и мотивы коммуникационного поведения**

Цель коммуникации определяет стратегии и способы реализации коммуникационного поведения. Поэтому правомерно задаться вопросом: если у Московского царства не было цели установить дипломатические и торговые отношения с Китаем, то каким мог быть мотив «исследовать Китай»?

Характеризуя экспедицию Петлина, В.С. Мясников определяет ее как «полуофициальную», в том числе и потому, что «русское правительство явно поспешило на подарки», так что Петлин, прибыв

в Пекин, не смог найти подходящего подношения, чтобы получить аудиенцию у императора династии Мин [1, с. 23]. Однако уточнения, касающиеся недипломатического характера миссии Петлина, не отменяют ее официального характера. Напротив, настороженное отношение московской власти к Китаю могло свидетельствовать о повышенном интересе Сибири к Китаю. Л.И. Думан отмечает: «...особенность ранней русской дипломатии на Дальнем Востоке – ее связь с сибирской администрацией. Первоначально дипломатическими отношениями с государствами Центральной Азии и Дальнего Востока наряду с Посольским приказом ведали и центральные органы управления Сибирью – Приказ Казанского дворца, а с 1637 г. Сибирский приказ. Воеводы сибирских городов, часто являвшиеся организаторами землепроходческих экспедиций, первыми устанавливали дипломатические отношения с феодальными правителями вновь открытых стран. Этим и объясняется тот факт, что состав первых посольств в монгольские ханства и Китай был отличен от состава русских посольств в страны Запада» [1, с. 4]. Учредитель экспедиции Петлина – тобольский воевода Куракин – с заинтересованностью относился к установлению стабильных отношений с Китаем. Он лично спланировал, подготовил, организовал и снарядил первую в истории России официальную исследовательскую экспедицию в эту страну.

Впервые Иван Семенович Куракин (дата рождения неизвестна, а скончался он в 1632 г.) упоминается в источниках при описании приема посла империи Габсбургов 22 мая 1597 г. Когда на престол был избран Борис Годунов, Куракин стал придворным сановником. За поход на Тулу он был пожалован Лжедмитрием I боярским титулом. Во время царствования Василия Шуйского Куракин оказался его ближайшим сподвижником. В 1606 г. он стал воеводой Смоленска, а затем Серпухова. Куракин активно участвовал в войне против Лжедмитрия II и в 1610 г. привел войско в Москву. После свержения Василия Шуйского Куракин переметнулся на сторону Сигизмунда III. После того как на царство был избран Михаил Федорович Романов, Куракин не был лишен боярского титула. В 1614 г., будучи московским воеводой, он вел переговоры с англичанами о совместных действиях против Швеции. В 1615–1620 гг. Куракин – воевода Тобольска. Находясь на этой должности, он заложил и построил Кузнецк, Енисейск и ряд других крепостей. Куракин был одним из пионеров в деле создания сети поселений в Восточной Сибири и постепенного продвижения на восток [12; 13; 14; 15]. В первые два года его воеводства в Тобольске дипломаты, проезжавшие через этот город в земли Алтын-хан и обратно, приносили Куракину данные о Китае, что и вдохновило воеводу на организацию экспедиции в эту страну.

Согласно мнению В.С. Мясникова, снаряжение Куракиным отряда Петлина было тесно связано с намерением англичан использовать Россию

для налаживания торговли с Индией и Китаем. За тесные контакты с Москвой по этому вопросу отвечал Джон Мерик. Он жил в России много лет, был коммерческим представителем Англии, сотрудником и партнером английской Московской компании, а также послом этой страны в России. Поскольку Москва так и не приняла английского предложения, Мерик обещал выступить посредником между Россией и Швецией и содействовать заключению мирного договора между ними, но при условии, что Москва позволит англичанам исследовать пути в Индию и Китай в верховьях Оби. Вероятнее всего, Куракин уже сталкивался с Мериком на переговорах о его возможном посредничестве еще до того, как стал тобольским воеводой в 1615 г. Куракин должен был понимать, что Англия стремится найти сухопутный путь в Китай. Трудно сказать, был ли энтузиазм Куракина в отношении исследования Китая результатом его контактов с Мериком, но ясно одно: в то же самое время, когда тобольский воевода снаряжал экспедицию в Китай в 1617 г., Мерик в Москве обсуждал с Боярской думой возможность совместного с русскими поиска дороги в Поднебесную через северные моря. План действий Куракина почти полностью совпадал с намерением Мерика, однако, в конце концов, Россия решила действовать самостоятельно и отказалась от сотрудничества с Англией.

Организуя экспедицию Петлина, Куракин действовал отнюдь не по собственному замыслу. В.С. Мясников приходит к однозначному выводу, что перед отправкой отряда в Китай Куракин получил наказ, который исходил из Посольского приказа или Приказа Казанского дворца. В этом наказе воеводе предписывалось организовать экспедицию в Китай [1, с. 6]. Из другого документа, обнаруженного В.С. Мясниковым в архиве Посольского приказа, – доклада Куракина в Москву – следует, что действия воеводы не только не остались без внимания со стороны Боярской думы, но и явились своеобразным козырем в ее переговорах с Мериком. Причиной вежливого отказа англичанам стала как раз уже организованная экспедиция, самостоятельно отыскавшая сухопутный маршрут в Китай [1, с. 16–26].

Таким образом, исходя из того, что Куракин сообщил в Посольский приказ о своих планах и действиях, можно сделать вывод, что он серьезно рассматривал экспедицию Петлина как дипломатическую акцию: «И божию милостью и государевым счастьем служилые люди Ивашко Петлин да Ондрюшка Мадов до Китайского государства ходили и ис Китайского государства в Тоболеск пришли здорово, и про многие государства проведали, государство царское величество во многих в неведомых государствах прославилось, про которые государства и в прежних летах при прежних великих государях было не ведомо...» [1, с. 26]. То есть этот сибирский чиновник, замышляя амбициозный проект установления связей с Китаем

ем, твердо верил в собственные дипломатические таланты.

После того как Петлин завершил свою миссию и вернулся в Тобольск, порядок действий Куракина полностью соответствовал правилам работы посланников, предписанным Посольским приказом: сначала Петлин, приехав в Тобольск, сделал доклад Куракину, а тот, в свою очередь, отправил этот доклад о миссии в Посольский приказ и одновременно командировал самого Петлина в Москву, чтобы тот лично доложил о путешествии в Посольском приказе. По прибытии путешественника в столицу чиновники приказа подробно расспросили его и запротоколировали полученные ответы, после чего потребовали изложить рассказ о поездке в письменной форме. Так появился уникальный памятник – «Роспись Китайскому государству, и Лобинскому, и иным государствам, жилым и кочевным, и улусам, и великой Оби, и рекам, и дорогам» (далее – «Роспись»). Это более полный и подробный доклад по сравнению с отчетом, составленным в Тобольске. Его оригинал утрачен, в архиве Посольского приказа сохранилась только копия «Росписи». Ключевая информация доклада предваряется вступительной фразой: «В лето 7128 государь всероссийский царь Михаил Федорович приказал сибирскому томскому казаку Ивану Петлину исследовать Китай, реку Великую Обь и другие страны...» [1, с. 37–38]. Писцы Посольского приказа написали вступительную фразу «отчета посланника» в соответствии со своей обычной практикой и тем представили убедительное доказательство того, что Петлин был главой первой официальной дипломатической миссии России в Китай.

Однако в то время Московское царство имело еще много проблем с западными соседями, да и Алтын-хан вовсе не собирался склоняться перед ним. Поэтому Посольский приказ не мог в полной мере воспользоваться результатами миссии Петлина и повторил запрет местным сибирским властям на самовольную отправку посольств в Китай и Монголию.

### **Миссия Петлина в Китай: пробуждение Сибири**

Боярская дума, запрещая местным властям Сибири обмениваться посольствами с соседними странами без разрешения из Москвы, имела в виду не только одного Куракина. С тех пор как в середине XVI в. Россия начала проникать в Сибирь, казаки всегда были в авангарде этого процесса – на службе как у местных властей, так и у Москвы. Ввиду того, что на приграничных территориях пути сообщения были крайне неудобны, местные власти в XVI–XVII вв., осваивая новые территории, зачастую ставили Москву перед уже свершившимся фактом. В результате у местных властей Сибири появилась группа собственных «дипломатов», большинство из которых были местными казаками.

Русский историк XVIII в. Г.Ф. Миллер отмечал,

что сибирские воеводы имели право самостоятельно направлять посланников в соседние страны для налаживания контактов, ведения торговли, разведывания обстановки и разрешения пограничных споров: «А понеже такие путешествия происходили не без великой трудности и опасности, к тому же и посланцы, кои весьма часто приезжали от соседственных калмыков и мунгалов, не всегда бывали знатных чинов люди, то и с Российской стороны избирались в таковые отправления по большей части не свыше как из Сибирских служивых людей. А иногда посылались и рядовые казаки в достоинстве послов или посланников, что однако не препятствовало видеть у многих из них разумные и благополучные в делах успехи» [16, с. 15]. В частности, Миллер считал таким «послом» и Петлина [16, с. 17–18], правда, историк не пояснил, в чем заключалась его дипломатическая миссия. Употребленное им слово «посольство» применительно к путешествию Петлина осталось и в последующей историографии, хотя порой и в специфическом значении.

Так, историк Н.Н. Оглоблин, изучавший государственное управление и судебный надзор в России XVI–XVIII вв., после анализа материалов Сибирского приказа отмечал: «Никакой дипломатической школы в Сибири не было (вроде Посольского приказа, игравшего роль школы для московских дипломатов), но каждый рядовой служивый человек в Сибири мог ожидать, что волею судеб он получит дипломатическую “посылку” к какому-нибудь “мунгальскому царю”, калмыцкому “тайши”, “княцзу” и т.п. Несмотря, однако, на явное дилетанство этих случайных дипломатов, их “посольская служба” шла как следует: они не только соблюдали в точности все посольские обычаи и церемониалы того времени, словно заправские дипломаты, но и достигали действительных результатов по существу порученного им посольского дела. Установление политических и торговых сношений с независимыми и полунезависимыми владетелями соседних с Сибирью мунгальских киргизских, калмыцких и др. стран, нередкие дипломатические победы над ними, все мирные завоевания порубежных земель путем посольских переговоров – все это было делом этих непатентованных дипломатов, отбывавших “посольское дело” наряду со всяким другим “государевым делом”» [17, с. 156–157].

Сибирские казаки часто выполняли роль «толмачей». По-видимому, этим же занимался и Иван Петлин, хотя, по словам В.С. Мясникова, о его биографии известно очень мало. До нас дошли сведения лишь о том, что он был простым строевым казаком и служил в Томске задолго до своей китайской миссии.

### **Петлинское турне межкультурной коммуникации**

Согласно документам так называемого Томского архива Санкт-Петербургской Академии наук, к

которому обращался Миллер, Петлин был военным казаком и служил переводчиком, так как знал несколько местных языков. В 1617 г., когда Куракин готовил «миссию в Китай», он планировал поручить «толмачу» Петлину работу с бумагами. В.С. Мясникову удалось найти информацию о том, что командиром экспедиции в Китай изначально планировалось назначить боярского сына Максима Трубчанникова, но позже Куракин переменял свое намерение и остановил свой выбор на Петлине [1, с. 17, 22].

Не нарушил ли Куракин соответствующие постановления центральной власти, назначив простого казака руководителем экспедиции в далекую и незнакомую страну? Дипломатическая служба России формировалась в XV–XVI вв. практически синхронно с процессом централизации государства. Во времена Ивана III иностранными делами занимались царь и Боярская дума, причем последняя отвечала за прием зарубежных миссий, ведение переговоров и составление дипломатических документов. В 1549 г., уже при Иване Грозном, в России появилось центральное административное учреждение, ведавшее дипломатией, – Посольский приказ. Одной из основных задач этого приказа был прием иностранных миссий и отправка посольств за рубеж. Власть строго контролировала деятельность своих посланников. В XVII в. Приказ тайных дел специально назначал соглядатаев для тайного наблюдения за деятельностью лиц, отправленных с дипломатическими миссиями. Посольский приказ выработал строгие правила, которые определяли деятельность посольств. Квалификация и статус посланника зависели от важности миссии и удаленности страны, куда он направлялся. Существовали разные ранги посланников – «посол великий», «легкий посол», «посланник» и «гонец». Перед отъездом посланники получали подробные инструкции от Посольского приказа и все дела должны были вести в строгом соответствии с этими предписаниями. Также посланники должны были иметь при себе дипломатические документы – «верительные грамоты» и «доверенности», – чтобы защитить себя от различных рисков в пути. После завершения миссии посланник должен был предоставить подробный отчет в Посольский приказ – «статейный список» [18]. На данный момент среди обнаруженных архивных документов отсутствуют бумаги, которые могли бы послужить достаточным основанием для подтверждения «посольского ранга» Петлина.

В то же время если бы Петлин и его отряд являлись посольством, действовавшим по поручению московского приказа, сибирский воевода, естественно, не мог самостоятельно назначить главу этой миссии. И то, что Куракин назначил Петлина руководителем экспедиции, явственно доказывает отсутствие у нее дипломатического характера. Это была экспедиционная группа, занимавшаяся сбором разведывательной информации и не обязанная соблюдать дипломатические правила и

этикет. Вместе с тем назначение тобольским воеводой Куракиным Петлина руководителем экспедиции также показывает, что у этого человека были свои уникальные достоинства. Прежде всего он владел несколькими местными языками, что и позволило отряду пересечь монгольскую степь.

Согласно «Росписи» Петлина, на 9 мая 1618 г. его отряд состоял из 12 человек (7 казаков и татар из Тобольска и 5 казаков из Томска). Сначала его сопровождали двое людей, посланных Алтын-ханом в Россию и возвращавшихся домой через Тобольск. Затем Алтын-хан направил двоих лам и других проводников, чтобы те помогли отряду Петлина пройти через Монгольское нагорье. Миновав монгольские улусы и ханства, отряд вступил на территорию империи Мин. Затем, пройдя вдоль Великой Китайской стены до Чжанцзякоу, экспедиция 1 сентября вошла в Пекин через Южные ворота – путешествие продлилось 3 месяца и 22 дня.

В Пекине Петлин и его группа (по некоторым данным, только Петлин и Матов) пробыли всего четыре дня, представители императорского двора поселили их в палате сборщиков дани. В течение этого времени Петлин посещал различных придворных лиц, но не был удостоен высочайшей аудиенции, потому что не имел никаких подарков для императора. Затем отряд покинул Пекин с дарами от императорского двора и верительной грамотой, данной императором Ванли русскому царю. Задержавшись на месяц в Чжанцзякоу, 10 октября Петлин и его люди отправились в обратный путь. 16 мая 1619 г. они вместе с делегацией и проводником от Алтын-хана прибыли в Томск, а оттуда – в Тобольск.

Не зная местных языков и не владея навыками коммуникации с местным населением, было бы крайне затруднительно беспрепятственно перемещаться по монгольским территориям и ханствам, имевшим напряженные отношения друг с другом. А Петлину удалось заручиться поддержкой Алтын-хана, получить от него в помощь проводников, добиться расположения со стороны местных предводителей по всей Монголии и пообщаться с придворными сановниками империи Мин. В отчете о своей миссии Петлин не упоминает ни о каких конфликтах или неприятностях с сопровождавшими его проводниками, не сообщает о каких-либо оскорблениях со стороны чужеземцев. Он, безусловно, обладал острой наблюдательностью и способностью невозмутимо реагировать на изменения обстановки. «Роспись» в основном повествует о маршруте миссии, о местностях, через которые она проходила, об обычаях и религиозных традициях, быте и нравах местного населения, об особенностях поселений и городов, о крепостных сооружениях и войсковых соединениях.

Да, действительно, Петлин не был дипломатом, но даже московские чиновники Посольского приказа в то время ничего не знали о китайском обществе, о принятом в Поднебесной дипломатическом

этикету, не имели опыта общения с китайскими сановниками и не ведали, что для получения аудиенции у императора ему необходимо преподнести как дань уважения «местные изделия» (方物), привозимые иностранцами из своих пределов. Но вполне возможно, что аудиенция у китайского императора вовсе и не входила в планы Петлина. Во всяком случае, из имеющихся на сегодняшний день источников не следует, что у него имелось такое предписание. Следовательно, и то, что в Пекине его группу поселили в палате Хойтон (会同馆), в которой обычно размещали монгольских купцов, занимавшихся даннической торговлей, и то, что он имел возможность пообщаться с официальными придворными лицами империи Мин, – все это стало результатом дипломатической импровизации Петлина. Кон Юань на основе анализа источников на монгольском языке предположил, что, вероятнее всего, Петлин получил не «грамоту» от императора, а «приказ» от правительственных чиновников, поскольку он присоединился к группам монгольских торговцев, приехавших в Пекин на ярмарку [3].

Таким образом, в контексте теории межкультурной коммуникации миссию Петлина в Китай можно описать следующим образом. Это было особое дипломатическое мероприятие, нацеленное на установление российско-китайских отношений (и ставшее их первым прецедентом), а также на изучение обстановки в Китае и в соседних с ним странах, выполненное и завершённое местным непро-

фессиональным дипломатом по заданию местной же российской администрации. Поскольку все это мероприятие – от начала и до конца, от замысла и до его реализации – прошло без прямого участия и руководства представителей московских властей, его формально нельзя назвать целенаправленным и официальным дипломатическим актом. Но по своей сути миссия Петлина объективно работала на завязывание дипломатических и торговых контактов с Китаем, причем делала это в законспирированной форме, представляла собой самую настоящую разведывательную операцию. А потому вполне правомерно путешествие Петлина считать посольством, пусть и неформальным, но зато фактическим.

При анализе миссии Петлина с точки зрения теории межкультурной коммуникации следует также обратить внимание на то, что причина определенной сложности в идентификации статуса и предназначения путешествия коренится в том числе и в несогласованности между Москвой и местными властями Сибири по вопросу о политике в отношении Китая. В какой мере эта несогласованность явилась результатом несовершенства управленческого аппарата в России того времени, неудачного разграничения компетенций между его центральной и местными частями, а также насколько такая несогласованность соответствовала реальному положению дел в отношениях между Москвой и Пекином – это вопросы, на которые еще предстоит получить ответы.

### Литература и источники

1. Демидова Н.Ф., Мясников В.С. Первые русские дипломаты в Китае. М., 1966.
2. Чжан Цзянь. Мин мо цин чу е ши чужан чжунго синь тань [Новое исследование посольства России в Китай в конце династии Мин и в начале династии Цин] // Цин ши яньцзю. 2001. № 1. С. 65–73.
3. Кон Юань. Пэтэлин шитуань фанхуа вэньти синьтань [Новое исследование миссии Петлина в Китай] // Елосы дун-о чжун-я яньцзю. 2018. № 4. С. 27–43.
4. Кон Юань. Дили да фасянь шицзю ся кань пэйтэлинь ши хуа баогао дэ чуаньбо юй инсян [Рассмотрение вопроса распространения и влияния «Росписи» Петлина с точки зрения великих географических открытий] // Шэхоу кэсюэ. 2018. № 5. С. 161–172.
5. Чжан Вэйхуа, Сунь Си. Цин цзяньчи чжунъе гуаньси. Шаньдун цзяоюй чубаньшэ [Китайско-российские отношения в период ранней Цинской династии]. Цзинань, 1997.
6. Янь Годун. Е го ханьсюэши [История российского китаеведения]. Пекин, 2006.
7. Ян Сумэй. Казаки в истории российско-китайских отношений (XVII в. – 1920 г.) // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2016. Т. 16. № 2. С. 354–364.
8. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.
9. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А.В. Лукина. М., 2013.
10. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999.
11. Дипломатический словарь / Под ред. А.Я. Вышинского и С.А. Лозовского. Т. 2. М., 1950.
12. Ромодановская Е.И. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. Новосибирск, 1973.
13. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.
14. Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск, 1994.
15. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995.
16. Миллер Г.Ф. О первых российских путешествиях и посольствах в Китай // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. Июль 1755 года. СПб., 1755.
17. Оглоблин Н.Н. Сибирские дипломаты XVII в. (Посольские «статейные списки») // Исторический вестник. 1891. № 46. С. 156–171.
18. Бокарева О.Б. Дипломатическая служба Российского государства и приемы послов в Коломенском и Измайлове в XVII – начале XVIII веков // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. Vol. 9. № 2. С. 20–24.

### References

1. Demidova N.F., Myasnikov V.S. Pervye russkie diplomaty v Kitae [The first Russian diplomats in China]. M., 1966.
2. Chzhan Czyan'. Min mo cin chu e shi chufan chzhungo sin' tan' [New research of the Russian embassy in China at the end of the Ming dynasty and the beginning of the Qing dynasty] // Cin shi yan'czyu. 2001. № 1. S. 65–73.
3. Kon Yuan'. Petelin shituan' fanhua ven'ti sin'tan' [New research of the Petlin mission to China] // Elosy dun-o chzhun-ya yan'czyu. 2018. № 4. S. 27–43.
4. Kon Yuan'. Dili da fasyan' shiczyao sya kan' pejtelin' shi hua baogao de chuan'bo yuj insyan [Consideration of the dis-

- tribution and influence of Petlin's "Rospi's" from the point of view of great geographical discoveries] // Shekhou kesyue. 2018. № 5. S. 161–172.
5. Chzhan Vejhua, Sun' Si. Cin czyan'chi chzhun"e guan'si. Shan'dun czyaoyuj chuban'she [Sino-Russian relations during the early Qing dynasty]. Czinan', 1997.
6. Yan' Godun. E go han'syueshi [History of Russian Sinology]. Pekin, 2006.
7. Yan Sumej. Kazaki v istorii rossijsko-kitajskih otnoshenij (XVII v. – 1920 g.) [Cossacks in the history of Russian-Chinese relations (17th century – 1920)] // Vestnik RUDN. Seriya "Mezhdunarodnye otnosheniya". 2016. T. 16. № 2. S. 354–364.
8. Skachkov P.E. Ocherki istorii russkogo kitaevedeniya [Essays on the history of Russian Sinology]. M., 1977.
9. Rossiya i Kitaj: chetyre veka vzaimodejstviya. Istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya rossijsko-kitajskih otnoshenij [Russia and China: four centuries of interaction. History, contemporary state and prospects for the development of Russian-Chinese relations] / Pod red. A.V. Lukina. M., 2013.
10. Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]: V 4-h t. / Pod red. A.P. Evgen'evoj. M., 1999.
11. Diplomaticheskij slovar' [Diplomatic dictionary] / Pod red. A.Ya. Vyshinskogo i S.A. Lozovskogo. T. 2. M., 1950.
12. Romodanovskaya E.I. Russkaya literatura v Sibiri pervoj poloviny XVII v. [Russian literature in Siberia in the first half of the 17th century]. Novosibirsk, 1973.
13. Aleksandrov V.A., Pokrovskij N.N. Vlast' i obshchestvo. Sibir' v XVII v. [Power and society. Siberia in the 17th century]. Novosibirsk, 1991.
14. Tobol'skij arhierejskij dom v XVII veke [Tobolsk bishop's house in the 17th century]. Novosibirsk, 1994.
15. Platonov S.F. Ocherki po istorii Smuty v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv. [Essays on the history of the Time of Troubles in the Muscovite State of the 16th–17th centuries]. M., 1995.
16. Miller G.F. O pervyh rossijskikh puteshestviyah i posol'stvah v Kitaj [About the first Russian travels and embassies to China] // Ezhemesyachnye sochineniya, k pol'ze i uveseleniyu sluzhashchie. Iyul' 1755 goda. SPb., 1755.
17. Ogloblin N.N. Sibirskie diplomaty XVII v. (Posol'skie "statejnye spiski") [Siberian diplomats of the 17th century. (Ambassadorial "article lists")] // Istoricheskij vestnik. 1891. № 46. S. 156–171.
18. Bokareva O.B. Diplomaticheskaya sluzhba Rossijskogo gosudarstva i priemy poslov v Kolomenskom i Izmajlove v XVII – nachale XVIII vekov [The diplomatic service of the Russian state and receptions of ambassadors in Kolomenskoye and Izmajlovo in the 17th – early 18th centuries] // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. Vol. 9. № 2. S. 20–24.

© «Клио», 2020

© Юй Цзе, 2020

# ИСТОРИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ/ HISTORY OF RUSSIAN REGIONS

УДК 94(47); 334.722.8; 338.32.053.4

Дата поступления (Submitted) 16.11.2020

Дата принятия к печати (Accepted) 28.11.2020

**MIKHAIL NIKOLAEVICH BARYSHNIKOV**

*orcid.org/0000-0002-0636-8864, Doctor of History,  
professor, Honored Scientist of the Russian Federation,  
Head of the Department of History, The Herzen State  
Pedagogical University of Russia  
48, Moika Emb., St. Petersburg, Russia, 191186, E-mail:  
barmini@list.ru*

## **Putilov plants company: ownership structure and business managerial efficiency in 1870s–1890s**

In this study of Putilov plants company in the emergence of steel and engineering industry in the Russian, I analyze the evolving interaction between shareholders and board members in historical context. This article examines archival material, as well as published statistical sources, relating to the history of the corporation, in particular its rail plant. The rails industry was a leader in Russian's economic development after Crimean War. In the 1860s - 1870s, rails makers found a ready market for their products as mass railway construction created a manufacturing backlog. But, by the 1880s, rapid decline in sales and the arrival of new competitors in the Russian market marked a transition from metallurgy's to a engineering's market. The company adjusted to the changing consumer demand after 1883 by adopting different strategic and operational decisions. In order to generate financial success, shareholders institutionalized new balance of individual and group interests that supported a structural change in the production and management model, leading board members to shift from their earlier emphasis on metallurgical to a stronger focus on mechanical engineering. While economic factors provided a necessary impetus for the emergence of corporation, the technological advantages associated with corporate governance ensured the subsequent survival and success of this industrial enterprise. Ultimately, the company demonstrated the innovation and professional competence of owners and directors in managing large, complex manufacturing business, capable of acting their way through autocratic political regime, and adept at turning to whichever organizational form best suited their business interests.

**Keywords:** *industry; Putilov plant; corporation; investments; shareholders; management; interests.*

**МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ БАРЫШНИКОВ**

*orcid.org/0000-0002-0636-8864,  
доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой истории, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена  
Санкт-Петербург, Россия, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48, E-mail: [barmini@list.ru](mailto:barmini@list.ru)*

В исследовании Общества Путиловских заводов на фоне появления в России сталелитейной и машиностроительной индустрии анализируется в историческом контексте взаимодействие между акционерами и директорами правления. В статье использованы архивные материалы, а также опубликованные статистические источники, касающиеся истории корпорации, прежде всего ее рельсового завода. Отмечается, что рельсовое производство выступило лидером экономического развития страны после Крымской войны. В 1860-1870-х годах поставщики рельс имели обширный рынок для своей продукции в условиях отставания производственных мощностей от массового строительства железных дорог. Но к 1880-м годам спад продаж и появление новых конкурентов на российском рынке ознакомили необходимость перехода от металлургии к сфере машиностроения. После 1883 года Общество Путиловских заводов адаптировалось к меняющемуся потребительскому спросу путем принятия разнообразных стратегических и операционных решений. Чтобы добиться финансового успеха, акционеры институционализировали новый баланс индивидуальных и групповых интересов, ориентированный на структурное изменение модели производства и управления, результатом чего явилась переориентация директоров правления от прежнего акцента на металлургии к большему вниманию к машиностроению. Можно утверждать, что если экономические факторы дали необходимый импульс для появления

компании, то технологические преимущества, связанные с корпоративным управлением, обеспечили последующее выживание и успех этого промышленного предприятия. В конечном счете, компания продемонстрировала новаторство и профессиональную компетентность собственников и директоров в управлении крупным, сложным производственным бизнесом, их способность действовать в условиях самодержавного политического режима, умело использовать ту организационную форму, которая наилучшим образом отвечала их деловым интересам.

**Ключевые слова:** промышленность; Путиловский завод; корпорация; акционеры; управление; инвестиции; интересы.

## Общество Путиловских заводов: структура собственности и эффективность управления бизнесом в 1870 – 1890-е годы

### Введение

Положение, в котором находилось Общество Путиловских заводов (ОПЗ) к концу XIX в., отразило не только итоги предыдущих лет его функционирования, но и производственно-финансовые возможности работы на перспективу. Интерес отечественных исследователей к деятельности корпорации в этот период касался в первую очередь событий, связанных с взаимоотношениями владельцев завода с правительственными и банковскими структурами. Особое внимание было уделено решению Государственного банка «уступить» принадлежащие ему акции компании синдикату «Брянск-Варшава». Вслед за этим, в 1885 г., синдикат продал свой пакет акций группе инвесторов. С того времени, как отмечал И.Ф. Гиндин со ссылкой на юбилейное издание ОПЗ, директора корпорации во главе с Н.Н. Анцыфоровым – председателем правления Петербургского международного коммерческого банка (ПМКБ), стали действовать совершенно независимо от Синдиката, в «интересах лишь Путиловского завода» [1, с. 5; 2, с. 245].

Несколько иной точки зрения придерживался В.И. Бовыкин, полагавший, что контрольный пакет акций ОПЗ оказался утрачен синдикатом лишь весной 1889 г., когда Н.Н. Анцыфоровым была приобретена доля варшавского Общества в Путиловских заводах. С этого времени представители польской компании вышли из состава их правления. Что касается брянского Общества, то к началу 1890-х гг. в правлении ОПЗ оставался лишь один его представитель – С.И. Петровский [3, с. 203]. «Сложность ситуации» с участием Анцыфорова в управлении Путиловскими заводами отмечал также, со ссылкой на исследование В.И. Бовыкина, С.К. Лебедев. В связи с этим указывалось на «переплетение интересов», а также «активность и опыт давления на акционеров», сопровождавшие сделку с приобретением акций ОПЗ [4, с. 56].

С учетом сохраняющейся дискуссионности в оценках изменений в составе собственников и руководства (правление, наблюдательный совет, Ревизионная комиссия) предприятия, целью статьи выступает выявление результативности согласования интересов акционеров и директо-

ров правления в контексте развития корпорации в 1870 – 1890-х гг. (до начала промышленного кризиса в России). Обращение к данной исследовательской сфере позволяет более четко сформулировать ответ на поставленную задачу, касающуюся значимости индивидуальных и групповых предпочтений владельцев одной из крупнейших отечественных промышленных компаний с точки зрения успешности достижения ею стратегических и оперативных целей. В более общем плане решение данной задачи имеет непосредственное отношение к дискуссии о том, насколько политический режим в России соответствовал потребностям капиталистического развития экономики, в том числе применительно к интересам крупного частного бизнеса, в последней трети XIX в. [5; 6]. С другой стороны, важность данной проблематики определяется тем обстоятельством, что к началу XX века ОПЗ вступило в качественно новый период деятельности, требовавший перспективных, решительных мер по выработке стратегии развития предприятия в условиях крайне сложной экономической и социально-политической ситуации в России.

Компания под руководством Н.И. Путилова

Рост рельсового производства, сопровождавший масштабное железнодорожное строительство в России, явился одним из значимых факторов развития отечественной экономики после Крымской войны. В 1870-х годах поставщики рельс, в числе которых одним из крупнейших выступал Путиловский завод, обрели обширный рынок для своей продукции. Следует учитывать, что массовое строительство железных дорог сопровождалось отставанием соответствующих производственных мощностей. Вместе с тем, для понимания результативности первого периода хозяйственной деятельности ОПЗ (1872 – 1882 гг.) важное значение имеет анализ не только хозяйственных, но и институциональных характеристик функционирования корпорации.

Устав Общества был утвержден императором Александром II 24 октября 1872 г. Принципиальным в плане последующих особенностей руководства компанией являлся § 25, в соответствии с которым управление всеми делами распределя-



лась между правлением и наблюдательным советом. Формально, с принятием данного положения, руководство корпорацией оказалось функционально разделено между этими структурами. Фактически, при наличии «размытости» полномочий, все нити управления оказались сосредоточены в руках одного лица – Н.И. Путилова. Именно ему удавалось выступать в роли арбитра при согласовании интересов акционеров при решении ключевых вопросов развития промышленного дела.

Запутанность в сфере ответственности высших управленческих органов ОПЗ проиллюстрируем одним из уставных положений. С одной стороны, «порядок действий» правления, пределы его прав и обязанностей определялись инструкцией, предоставляемой общим собранием акционеров. С другой стороны, тот же «план действий» правления должен был утверждаться наблюдательным советом. Именно совет, а не собрание акционеров, имел право избирать ревизионную комиссию для сверки годового отчета правления [7, л. 29–34]. В подобных условиях Путилов как учредитель ОПЗ (он же глава правления), сохраняя необходимое влияние в среде деловых партнеров и правительственных чиновников, действовал с позиции координатора интересов различных групп собственников, а по сути – добиваясь практически бесконтрольного руководства корпорацией не только в производственной, но и финансовой областях. Немаловажное значение имел и тот факт, что, владея одним из крупнейших пакетов акций (дававших ему в соответствии с уставом 8 голосов на общих собраниях [7, л. 35]) и пользуясь поддержкой ряда других собственников, Путилов мог рассчитывать на максимальное количество голосов, необходимых для принятия акционерами принципиальных решений.

В первое пятилетие результативность по существу единоличного управления Н.И. Путиловым корпорацией не внушала серьезных опасений. 8 августа 1874 г. ОПЗ заключило с Департаментом железных дорог контракт на постройку 3 тыс. товарных вагонов, полувагонов, платформ и угольных вагонов, а также тормозных систем. Стоимость выпускаемой продукции (при общей сумме в 3,756 млн. руб.) варьировалась от 1 356 руб. за крытый товарный вагон до 1 030 руб. за угольный вагон; тормоза оценивались в 120 руб. каждый. Ежегодно в течение 1875 – 1877 гг. компания обязывалась поставлять по 500 вагонов различного назначения [7, л. 57–64]. 2 апреля 1875 г. Общество подписало с Департаментом еще один контракт – на пятилетнее производство 4 млн. пудов стальных рельсов [7, л. 78].

В конце 1876 г., в преддверии Русско-Турецкой войны, последовал еще один крупный контракт, на этот раз с Главным артиллерийским управлением, на поставку 1 500 стальных бомб [8, л. 85–86, 203, 255]. В целом, с 1874 по 1876 гг. Общество быстро наращивало, главным образом под авансы Государственного банка, мощности

для выпуска продукции казенного назначения. Однако в это же время долги Путилова коммерческим банкам, частным лицам и самой компании росли с еще большей быстротой, достигнув в итоге 6,756 млн. руб. В свою очередь задолженность корпорации увеличилась до 6,742 млн. руб., в том числе по казенным авансам на рельсы – 2,865 млн. руб. [2, с. 240]. В 1876 г. ОПЗ, утратившее оборотный капитал и не имея возможность кредитоваться до уплаты долгов, оказалось под угрозой банкротства и массового увольнения рабочих [9, с. 30]. Лишь начавшаяся в 1877 г. русско-турецкая война, сопровождавшаяся ростом казенных заказов, позволила Обществу вернуться к устойчивой производственной деятельности.

К концу 1870-х гг. результативное продолжение работы предприятия обеспечивалось способностью Н.И. Путилова согласовывать в руководстве ОПЗ позиции трех заинтересованных сторон. Одна из них выражала интересы инженерно-управленческого персонала (председатель правления Н.И. Путилов, директора Н.В. Воронцов и Н.В. Калакуцкий, управляющий заводской конторой и по совместительству директор А. Бухе), другая – Государственного банка и Министерства финансов (директор компании В.В. Никитин), третья – ПМКБ (директор банка В.А. Ляский, он же по совместительству член наблюдательного совета компании). Результаты сформировавшейся структуры интересов, подразумевавшей сбалансированное влияние собственников в соответствии с количеством имевшихся у них акций, нашли отражение в § 51 Устава [7, л. 44].

Поиск выхода из кризисной ситуации 1880-х гг.

После завершения Русско-Турецкой войны правление ОПЗ продолжало делать ставку на казенные заказы. Реализовывались масштабные инвестиционные проекты, предполагавшие увеличение металлургических мощностей. В этих условиях сильнейшим потрясением для руководства корпорации явилась смерть Н.И. Путилова 18 апреля 1880 г. При сохранявшемся единоличном руководстве предприятием, уход из жизни его главы обернулся разбалансировкой существовавшей ранее структуры интересов. С этого времени, на фоне ухудшающейся ситуации со сбытом рельсов, напряженными становятся отношения между директором Путиловского завода Н.В. Воронцовым и членами правления, представлявшими интересы Госбанка и ПМКБ. В условиях падения спроса и появления новых конкурентов к концу 1882 г. на складах скопилось более 6 млн. пудов рельсов, оказавшихся в залоге Госбанка под выданные ранее авансы и кредиты. К середине мая 1883 г. долг компании Госбанку достиг 13,711 млн. руб. [7, л. 177]. Усиливающиеся разногласия в среде собственников и инженерно-управленческого персонала по поводу возможного сокращения объемов выпускаемой продукции со всей очевидностью ставили вопрос о путях дальнейшего развития

компании [10, л. 2].

Рубежным при выработке плана выхода из кризиса стало собрание акционеров 21 мая 1883 г., состоявшееся вслед за принятым правительством 15 мая решением «уступить» двум компаниям – Брянского и Варшавского заводов (синдикат «Брянск-Варшава») принадлежащие Госбанку 34 800 акций ОПЗ (номинальной стоимостью 4,350 млн. руб.) за 3 млн. руб. По своему показательным в плане меняющейся ситуации в составе собственников стало избрание председателем собрания Н.Н. Анцыфорова – главы правления ПМКБ. Он же занял пост председателя администрации по делам компании, призванной определить дальнейшие меры по ее финансовому оздоровлению. На собрании, в присутствии 16 акционеров, была предпринята очередная попытка согласовать индивидуальные и групповые интересы ключевых собственников, представлявших синдикат, банк и инженерно-техническое руководство ОПЗ. Результатом стало оформление группы акционеров, одновременно состоявших в двух из трех (правление, наблюдательный совет и администрация) управленческих структур, с соответствующим должностным позициям уровнем влияния. В эту группу вошли Н.Н. Анцыфоров, А.А. и В.А. Лясские, Г.О. Пастор, В.Е. Рау, кн. В.Н. Тенишев, А.К. Фойгт, В.А. Чацкин и С.Г. Ющинский [7, л. 53].

Заметим, что Н.Н. Анцыфоров не являлся случайной фигурой в руководстве корпорации. За его плечами был многолетний опыт участия в деловой жизни страны. С 1869 г., когда открыл свою деятельность ПМКБ, он стал представителем этого кредитного учреждения в составе собственников одной из крупнейших транспортных компаний – Русского общества пароходства и торговли (РО-ПиТ), в 1873 г. занял пост председателя наблюдательного совета этой фирмы. Одновременно, наряду с банком, Анцыфоров вошел в число мажоритарных акционеров принадлежавшего РО-ПиТ Общества Одесской железной дороги, выступавшего заказчиком рельсов у ОПЗ.

Достигнутый в мае 1883 г. компромисс по ряду вопросов дальнейшего функционирования ОПЗ нашел отражение в структурном изменении модели управления, обусловив корректировку 29-ти из 75-ти параграфов его устава. Прежде всего, акционеры согласились уменьшить на половину уставной капитал, а право сверх деятельности правления по итогам года передать от наблюдательного совета к ревизионной комиссии, избираемой на общем собрании акционеров. В целом внесенные изменения касались сферы руководства корпорацией. В то время как правление наделялось большими полномочиями, права наблюдательного совета заметно урезались в пользу ревизионной комиссии [7, л. 90–91]. В связи со значительным количеством правок министерство финансов предложило акционерам подготовить текст нового устава, с чем они незамедлительно согласились. 9 ноября 1884 г. император Алек-

сандр III утвердил новый устав ОПЗ.

Уставной капитал был утвержден в размере 5 млн. руб. (40 тыс. именных или на предъявителя акций по сравнительно низкой для того времени номинальной стоимости – 125 руб.). Характер участия собственников при решении на общих собраниях тех или иных вопросов определялась пропорционально имевшемуся количеству акций: 50 акций давали право на 1 голос, 100 – 2 голоса, 200 – 3 голоса, 300 и более – 4 голоса, но не более 8 голосов на одно лицо (4 собственных и 4 по акциям, передаваемым по доверенности). Отметим также зафиксированное в уставе намерение и далее расширять сферу деятельности предприятия за счет изготовления «всякого рода машин, судов и других предметов промышленности, в которых металлы находят употребление». Для формирования оборотного капитала предоставлялось право выпускать облигации (в 1887 г. выпуск на 2,4 млн. руб.). Правление формировалось из пяти директоров, каждый из которых должен был иметь не менее 100 акций. Директора избирали из своего состава председателя (для согласования действий правления) и распорядительного директора (для «ближайшего заведывания делами» предприятия), в последнем случае, если из посторонних лиц, с требованием иметь не менее 250 акций [11, л. 90а–98а].

В 1885 г., при весомой выручке в 6,547 млн. руб. и чистой прибыли – 552,1 тыс. руб. [12, с. 234], был произведен выкуп группой собственников во главе с Н.Н. Анцыфоровым большей части акций, принадлежавших польским участникам синдиката. В последующие три года ситуация складывалась таким образом, что директора правления вынуждены были маневрировать между двумя группами акционеров. К 1888 г. в составе собственников по-прежнему весомыми оставались позиции представителей синдиката (А.А. Ляский, С.И. Петровский, И.Ф. Суржицкий, В.А. Чацкин) [13, л. 202], ориентировавшихся в первую очередь на интересы Общества Брянских заводов, в то время как функции контроля (в лице ревизионной комиссии) за деятельностью правления ОПЗ сохранялись за Н.Н. Анцыфоровым. Заметим, что предпринимаемые в этот период попытки диверсифицировать производство, в том числе за счет изготовления пассажирских вагонов и изделий военно-морского назначения (в том числе минных аппаратов) [14, с. 63], не всегда приносили ожидаемый результат. На фоне конкуренции с Брянским заводом за получение военных заказов и Варшавским – контрактов на выпуск стальных рельсов, а также сохранявшимися проблемами с оборотными средствами, положение ОПЗ оставалось сложным.

Период 1887 – 1889 гг., сопровождавшийся свертыванием казенных заказов на рельсы и увеличением пошлин на иностранный чугун, стал самым «тяжелым» для ОПЗ [1, с. 21]. В 1888 г., при отсутствии прибыли и дивидендных выплат, долг компании Госбанку сохранялся на уровне 800

тыс. руб. Тем не менее, Н.Н. Анцыфорову удалось получить от правительственных чиновников рассрочку на выплату задолженности [11, л. 25]. На заседании правления он считал нужным предупредить своих деловых партнеров из Общества Брянского завода, что если «господа синдикаторы полагают, что Путиловский завод может при известных условиях продолжать свою деятельность, то им следует иметь в виду, что это окажется возможным лишь в том случае, если господа синдикаторы не будут стеснять кредит Обществу Путиловских заводов и если действия их по отношению к Путиловскому заводу будут проникнуты отсутствующим до сих пор единодушием» [3, с. 202].

Определение пути развития ОПЗ в 1890-е гг.

1889/1890 операционный год (его продолжительность исчислялась с 1 июля по 30 июня) впервые после долгого времени завершился чистой прибылью в 172,4 тыс. руб. В следующем году последовали дивидендные выплаты в размере 80 тыс. руб. (1,4% на акцию) [12, с. 235]. Эти результаты в значительной степени объяснялись усилиями по согласованию позиций нескольких заинтересованных сторон. Две первые, считавшие возможным минимальные выплаты акционерам, представляли директора кн. В.Н. Тенишев и С.И. Петровский (Общество Брянского завода), с одной стороны, и председатель правления Н.Н. Анцыфоров (ПМКБ) – с другой [11, л. 19–20]. Имелась и третья сторона – инженерно-управленческий персонал завода, позиции которого (с приоритетом машиностроительного направления в развитии ОПЗ) отстаивал А.К. Фойгт. Последний высказывался в пользу перенаправления дивидендных выплат на технико-технологическое переустройство предприятия. Самостоятельной фигурой в правлении оставался А.А. Ляский, пытавшийся выступать от имени основной массы мелких акционеров, заинтересованных в бесперебойной выплате дивидендов. В последующие годы, при сохранявшихся у собственников различий в отношении способов распределения прибыли, происходило складывание единых подходов к выработке стратегии и решений стоявших перед корпорацией оперативных задач.

Одной из главных проблем для ОПЗ являлось отсутствие собственной рудной базы, что непосредственно отражалось на высокой себестоимости металлургической продукции [15; 9, с. 36]. В связи с этим Н.Н. Анцыфоров и А.К. Фойгт, ссылаясь на положения устава 1884 г., последовательно отстаивали идею о переходе к преимущественному выпуску машиностроительной продукции. Оценивая происходившие в руководстве компании события, И.Ф. Гиндин полагал, что данное направление деятельности было неизбежным в условиях завершения этапа передельных заводов в истории русской металлургии [2, с. 251]. Этими обстоятельствами во многом объяснялись последую-

щие изменения в модели управления, связанные с переходом корпорации к выпуску продукции с более высокой долей добавленной стоимости.

В 1891 г., по инициативе Н.Н. Анцыфорова, директором ОПЗ назначается Н.И. Данилевский, к тому времени известный специалист по паровозостроению. Его роль в дальнейшем функционировании предприятия можно сравнить с деятельностью при Н.И. Путилове Н.В. Воронцова, в значительной мере обеспечившего поступательное развитие компании на рубеже 1880-х гг. С 1891 г. руководство корпорации активизировало усилия по реализации плана модернизации производства, связанного с выпуском паровозов и артиллерийских орудий. Примечательно, что в это же время решение о начале изготовления паровозов принимается руководством Общества Брянских заводов, что подтверждало наличие в составе владельцев ОПЗ согласованных позиций по поводу перспектив развития обеих корпораций.

На Путиловском заводе строятся новые корпуса – паровозо-механический, пушечный, лафето-снарядный, прессовой и сборочный. Активно закупается новое оборудование [9, с. 38]. Финансовая сторона дела была обеспечена в 1892 г. выпуском 6% облигаций на 4 млн. руб. В течение трех лет, при увеличении инвестиционных вложений, балансовая стоимость имущества возрастает с 7,6 до 10,7 млн. руб., выручка – с 7,3 до 13,9 млн. руб., чистая прибыль – с 124,1 до 510,8 тыс. руб. В 1893 г. сторублевые акции впервые вводятся в котировку Петербургской биржи. В 1894 г., когда дивидендные выплаты достигли 390 тыс. руб., или 6,5% на акцию [12, с. 235], биржевая цена акции выросла до 180 руб. [16, с. 278]. В этом же году, ознаменовавшимся очередным облигационным займом на 2,5 млн. руб., ОПЗ приступает к изготовлению паровозов [11, л. 104б]. Став шестым по счету отечественным предприятием по выпуску этой продукции, компания за последующие три года построила 362 локомотива [17, с. 4].

Помимо изменений в финансовой и производственной сферах (с середины 1890-х гг. 2/3 всех инвестиций направлялась на увеличение мощностей по выпуску артиллерийских орудий и паровозов), значимые события происходили в составе собственников и высшего управленческого персонала ОПЗ. Обращаясь к составу лиц, принимавших активное участие в решении стоявших перед компанией задач, отметим итоги работы чрезвычайного общего собрания акционеров 1 ноября 1894 г. Общее число заявленных к собранию акций составило 13 272, т. е. чуть более 33% их общего числа. Непосредственно в работе высшего органа корпорации приняли участие 26 лиц, лично владевших 7 482 акциями (остальные предъявлены по доверенности). Голосовали по принимаемому решением 17 акционеров, из которых сплоченную группу собственников, связанных с ПМКБ, составили Н.Н. Анцыфоров, М.Д. Гольденберг, В.А. Желватых, Е.А. Квасневский, Р.А. Паш,

Г.И. Цепенников и С.И. Юндзилл. В числе ключевых владельцев выделялись Александр (директор ОПЗ) и его брат Анатолий Карлович Фойгты (сын новья филолога К.К. Фойгта, ректора Харьковского университета в 1853-1858 гг.), кн. В.Н.Тенишев и А.А. Ляский, а также банкирский дом И.В. Юнкер и К<sup>о</sup> [11, л. 51–52].

Значимыми на собрании стали решения об увеличении уставного капитала с 5 до 6 млн. руб. Речь шла о замене прежней металлической валюты акций (серебро) на кредитную путем выпуска 6 тыс. новых сторублевых акций, которые предполагалось выдать из расчета три новые акции за две прежние (с доплатой со стороны акционеров) [11, л. 78–79, 104б]. Кроме того, была одобрена дополнительная эмиссия на 3 млн. руб., результатом чего стало увеличение уставного капитала до 9 млн. руб. Как покажут последующие события, проведенная эмиссия позволила закрепитесь в числе крупнейших собственников ОПЗ четырем лицам – Н.Н. Анцыфорову, В.Ф. Голубеву (директор Общества Брянского завода), Д.А. Нератову (обер-секретарь 2-го департамента Правительствующего Сената) и Ал.К. Фойгту. Самостоятельную позицию мажоритарного акционера сохранил также ПМКБ.

Таким образом, институционализированными с точки зрения потребностей дальнейшего развития промышленного предприятия оказались те же три заинтересованные стороны, которые заявили о себе десятью годами ранее – инженерно-управленческий персонал ОПЗ, руководство ПМКБ и владельцы Общества Брянского завода. В данном случае можно говорить о сложившемся в корпорации к середине 1890-х гг. балансе индивидуальных и групповых интересов, наиболее полно отражавшем перспективы ее развития в стратегическом и оперативном плане. С другой стороны, данный факт объяснял причины принципиального противостояния двух компаний – Путиловского и Брянского заводов, входивших в число крупнейших предприятий своей отрасли. Несколько особняком среди мажоритарных собственников держался Д.А. Нератов. Впрочем, если иметь в виду ведомственные связи четырех братьев Нератовых, представленные в Сенате и трех министерствах – финансов, внутренних и иностранных дел, занятие старшим братом директорского поста в акционерной компании можно рассматривать в качестве вполне логичного дополнения к его возможностям как государственного чиновника.

Результативность согласованных подходов к решению стоявших перед ОПЗ задач, в том числе в инвестиционном плане, проявилась в увеличении в 1889/90 – 1896/97 гг. балансовой стоимости недвижимого имущества на 40,5%, движимого – на 65,5%, численности рабочих – на 70% (до 9 940 человек). С другой стороны, наблюдался заметный рост доходности операций. За эти же годы выручка выросла на 75,7%, чистая прибыль – 99%. В 1893/94 – 1896/97 гг. дивидендные выплаты ко-

лебались в пределах 6 – 7 руб. на сторублевую акцию (в процентном соотношении такой же дивиденд выдавался акционерам в Обществе Брянского завода). К концу этого периода рентабельность собственного капитала ОПЗ достигла 12,6%, активов – 4,1% [11, л. 107]. Как полагала княгиня М.К. Тенишева, все собственники были «довольны результатом», при этом «львиную долю» дохода получили представители Общества Брянского завода, в том числе ее муж [18, с. 136].

Можно сделать вывод, что в то время как экономические факторы дали необходимый импульс для появления ОПЗ, достигнутые технологические преимущества, связанные с корпоративным управлением, обеспечили в конце XIX в. производственные успехи этого предприятия В октябре 1897 г. единая позиция правления (председатель Н.Н. Анцыфоров, директора А.Л. Ляский, С.И. Петровский, А.К. Фойгт и Д.А. Нератов) по поводу высокой производительности труда как важнейшего конкурентного преимущества предприятия, нашла отражение в «памятной записке», которая была представлена для ознакомления министру финансов С.Ю. Витте. Руководители Общества сочли важным подчеркнуть, что преимущества Путиловского завода могут обеспечиваться только за счет увеличения добавленной стоимости, которая «делается возможно лишь при выделке более сложных железных и стальных изделий с механической обработкой, в которых главную роль играет не сырой материал, а рациональное устройство механических мастерских, разумный подбор лучших механизмов и искусных приемов обработки, образование при заводе знающих свое дело опытных мастеровых и умелое, способное руководство механическими и живыми силами завода» [11, л. 106–107, 116].

Действия правления, направленные на обеспечение роста эффективности производственных операций, нашли поддержку на общем собрании акционеров в ноябре 1897 г. Главной темой состоявшегося здесь обсуждения стала «крайняя нужда» в оборотном капитале, восполнить которую при ставках банковских кредитов в 7 – 8% руководство компании считало крайне невыгодным. Заручившись согласием 44 акционеров, директора обратились в Министерство финансов за разрешением на очередной облигационный заем, на этот раз в значительно большем размере – 8,5 млн. руб. В январе 1898 г. запрос компании был удовлетворен [11, л. 138].

1898/99 операционный год завершился очередным ростом выручки и чистой прибыли, сопровождавшейся выплатой акционерам 7% дивиденда [19]. На Петербургской бирже стоимость ценных бумаг компании, после некоторого снижения в 1897 – 1898 гг., вновь выросла – до 152 руб. за сторублевую акцию. Результаты работы предприятия, как представлялось правлению ОПЗ, подтверждали правильность выбранного курса. В связи с этим на собрании акционеров в апре-

ле 1899 г. принимается решение о дополнительной эмиссии в размере 3 млн. руб. Необходимость новых инвестиционных вложений объяснялась прежде всего значимостью дальнейшего сотрудничества с правительственными учреждениями. В обращении в Департамент торговли и мануфактур директора корпорации, выражая мнение крупнейших акционеров, подчеркивали, что деятельность Общества «всегда направляется к возможно лучшему удовлетворению требований» казны. При этом указывалось на современный для своего времени характер технологического сотрудничества, а именно – на «исключительную особенность Путиловских заводов, являющихся не только серьезным исполнителем заказов Морского и Военного ведомств, достигающих суммы 8 млн. руб. в год, но и сотрудником этих ведомств по успешному разрешению различных технических вопросов». В частности, напоминалось о разработке конструкции полевой пушки, по своим характеристикам превосходившей иностранные аналоги, в том числе фирмы Круппа, а также изготовлении скоростного паровоза, принятого к эксплуатации на государственных железных дорогах. Именно эти два отдела – артиллерийский и паровозостроительный, требовали, по мнению руководства ОПЗ, дальнейших значительных инвестиций [11, л. 149, 176].

Примечательной представлялась позиция ключевых собственников, определивших решения апрельского (1899 г.) собрания акционеров. Из заявленных к собранию 6 921 акций более 50% находилось в руках четырех лиц, усилиями которых в 1890-е гг. поддерживался необходимый для успешного руководства корпорацией баланс индивидуальных и групповых интересов. 1150 акций представил А.К. Фойгт (управленческий аппарат компании), 850 – В.Ф. Голубев (Общество Брянского завода), 850 – Д.А. Нератов (независимый директор) и 800 – Н.Н. Анцыфоров (ПМКБ). Каждый из них имел 4 голоса при голосовании. Если прибавить к этому возможность ПМКБ, владевшего 1 000 акциями (4 голоса), а также нескольких лиц с меньшими пакетами, входивших в те же три группы собственников (менеджмент Общества, ПМКБ, партнеры из Брянска), то складывавшаяся структура владения демонстрировала вполне результативное для функционирования компании соотношение интересов в составе ее акционеров [11, л. 145].

Однако за всей внешне благополучной картиной крылось одно существенное обстоятельство, которое не могло не повлиять на последующую направленность операций ОПЗ. Летом 1899 г., на фоне первых кризисных явлений в отечественной промышленности, последовало заметное сокращение как казенных, так и частных заказов. Тем не менее, ПМКБ продолжал кредитовать корпорацию, даже в условиях нарастающих проблем в ее деятельности. Ситуация изменилась после 13 мая 1899 г., когда последовала кончина Н.Н. Анцыфо-

рова. Новый председатель правления банка С.С. Хрулев занял более осторожную позицию, поставив под сомнение прежний курс на активную поддержку компании. Заметим, что к этому времени уже были известны трудности с реализацией последней эмиссии: в виду «плохого состояния» биржи оказались неразобранными 1 147 акций [11, л. 162]. 1899/1900 операционный год завершился падением выручки и чистой прибыли (в последнем случае на 26,2%) [20; 21]. На фоне проявившихся в российской промышленности негативных тенденций, требовалось сформировать новую, сплоченную команду профессионалов, способную управлять корпорацией в кризисной ситуации.

Вслед за смертью Н.Н. Анцыфорова новым главой правления ОПЗ избирается Ал.К. Фойгт, что выглядело ожидаемо с точки зрения его профессионального опыта и личных качеств. Сохранил также пост Д.А. Нератов. Однако последующие решения явились скорее проявлением убежденности Фойгта в безоблачном будущем предприятия, нежели попыткой учесть возможное развитие событий по негативному сценарию. Директором правления избирается его брат – Ан. К. Фойгт, не принимавший ранее участия в управлении предприятием. Еще одним директором становится С.П. Глазенап – глава Русского астрономического общества. Широко известный своей научной деятельностью, он был включен в состав правления главным образом в силу деловых связей своих братьев: А.П. Глазенап входил в руководство ряда российских корпораций (в том числе Общества Брянского завода), В.П. Глазенап занимал пост председателя правления Российского Общества железодельного, прокатного и механического заводов. Родственные связи сыграли свою роль в назначении еще одного директора – Н.Н. Печковского. Его брат В.Н. Печковский служил ранее в управлении казенными железными дорогами Российской империи, затем директором-распорядителем Невского судостроительного и механического завода (оказавшегося в конце 1890-х гг. в кризисном состоянии) и членом наблюдательного совета Волжско-Камского коммерческого банка.

Вряд ли за принятыми решениями крылись какие-то субъективные предпочтения председателя правления и крупнейших акционеров. Скорее имела место уверенность в незыблемости позиций корпорации на рынке машиностроительной продукции и, в этом смысле, способности ее главы единолично определять будущее компании. По итогам 1900/1901 операционного года, демонстрировавшего резкое снижение выручки и более чем двукратное – чистой прибыли, новый состав правления сохранял хладнокровие. Принимается решение об очередном увеличении расходного фонда администрации завода (с 866,2 тыс. руб. до 1,366 млн. руб.) и фонда содержания директоров (с 240,5 до 381,6 тыс. руб.). Действия директоров выглядели тем более спорными, если учесть, что

дивиденд за вторую половину 1901 г. составил всего 1,3%. Остается добавить, что к концу года рентабельность уставного капитала снизилась до 3,3%, активов – 1% [22, с. 1117–1118]. К началу 1902 г. со всей очевидностью встал вопрос о совершенствовании не только производственной, но также финансовой и управленческой модели функционирования компании, решать который Ал. К. Фойгту придется уже в партнерстве не с ПМКБ, а рядом других крупных акционеров из числа петербургских коммерческих банков и банкирских домов [23, л. 28–32, 156–162].

#### Заключение

В начале XX века ОПЗ вступило в качественно новый период деятельности, требовавший перспективных, решительных мер по выработке стратегии развития предприятия в условиях крайне сложной экономической и социально-политической ситуации в стране. Ранее, на этапе 1870 – 1890-х гг. корпорации удалось достичь весомых показателей, прежде всего по наращиванию производственных мощностей и выпуску востребованной государством и частными заказчиками разнообразной продукции военного и гражданского назначения. В эти годы Общество, подобно западноевропейским промышленным корпорациям того времени (германскую Круппа руководство компании рассматривало как одну из немногих, способных составить конкуренцию на российском

рынке), сумело обеспечить диверсификацию производства и определить в конечном счете наиболее выгодное для развития завода соотношение казенных и коммерческих заказов. Чтобы добиться весомых финансовых результатов, акционеры институционализировали баланс групповых и индивидуальных интересов, ориентированный на структурное изменение модели производства и управления. Результатом предпринятых мер явилась переориентация правления от прежнего акцента на металлургии к большему вниманию к машиностроению. В итоге, при всех имевшихся трудностях компания продемонстрировала новаторство и профессиональную компетентность директоров в управлении крупным промышленным предприятием, их способность действовать в условиях самодержавного политического режима, умело использовать ту организационно-правовую форму, которая наилучшим образом отвечала интересам акционеров. В этом смысле пример ОПЗ подтверждал наличие необходимых условий для капиталистического развития отечественной промышленности в последней трети XIX в. Последующий этап (1902 – 1914 гг.), связанный с решением целого ряда проблем (как инвестиционных, так и технико-технологических), высветил мощный потенциал Путиловского завода в ином историческом контексте – в деле формирования одной из крупнейших в военной промышленности России финансово-промышленных групп.

#### Литература и источники

1. К столетию Путиловского завода. 1801 – 1901 гг. СПб.: Путиловский завод, 1902. 120 с.
2. Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861-1892 г.) М.: Госфиниздат, 1960. 415 с.
3. Бovyкин В.И. О взаимоотношениях российских банков с промышленностью до середины 90-х годов XIX в. // Социально-экономическое развитие России: Сб. ст. к 100-летию со дня рождения Н. М. Дружинина / Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Наука, 1986. С. 195-206.
4. Лебедев С.К. С.-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века: европейские и русские связи. М.: РОССПЭН, 2003. 528 с.
5. Grant J.A. Big Business in Russia: The Putilov Company in Late Imperial Russia, 1868-1917. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1999. 203 p.
6. Поликарпов В.В. Стратегия процветания крупного бизнеса (к истории Путиловского общества) // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 27 – 44.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 20. Оп. 4. Д. 4800.
8. РГИА. Ф. 588. Оп. 2. Д. 561.
9. Мительман М.И., Глебов Б.Д., Ульяновский А. Г. История Путиловского завода. 1801-1917. М.: Соцэкгиз, 1961. 720 с.
10. РГИА. Ф. 626. Оп. 1. Д. 406.
11. РГИА. Ф. 23. Оп. 24. Д. 135.
12. Акционерное дело в России. Том второй. Статистика акционерных предприятий. Выпуск II. Горнопромышленные, горнозаводские и механические предприятия. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1898. 356 с.
13. РГИА. Ф. 588. Оп. 2. Д. 562.
14. Левицкий М. Путиловский сталелитейный, железоделательный и механический завод. Кронштадт: Типография Д.М. Комарова, 1896. 89 с.
15. Доклад правления Общества Путиловских заводов общему собранию акционеров 7 ноября 1887 г. (о мерах к удешевлению производства путем уменьшения стоимости чугуна). СПб.: Путиловский завод, 1887. 21 с.
16. Статистика акционерного дела в России. Выпуск третий. Условия деятельности и доходность акционерных предприятий / составил и издал Н.Е. Пушкин. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1898. 656 с.
17. Иванов П.Г. Очерк истории и статистики русского заводского паровозостроения. Пг.: Типолиитография Народного комиссариата путей сообщения, 1920. 19 с.
18. Княгиня М.К. Тенишева. Впечатления моей жизни. Л.: Искусство, 1991. 285 с.
19. Отчет правления Общества Путиловских заводов с 1 июля 1898 года по 1 июля 1899 года. СПб.: Путиловский завод, 1899. 21 с.
20. Отчет Правления Общества Путиловских заводов с 1 июля 1899 по 30 июня 1900 года. СПб. Путиловский завод, 1900. 21 с.
21. Отчет Правления Общества Путиловских заводов с 1 июля 1900 по 31 декабря 1901 года. СПб.: Путиловский завод, 1902. 19 с.
22. Указатель действующих в империи акционерных предприятий / под общ. ред. В.А. Дмитриева-Мамонова. СПб.: Типография И. Гольдберга, 1903. 2007 с.
23. РГИА. Ф. 23. Оп. 25. Д. 565.

## References

1. K stoletiyu Putilovskogo zavoda. 1801 - 1901 gg. [On the centenary of the Putilov factory. 1801 - 1901]. St. Petersburg: Putilovsky plant, 1902. 120 p.
2. Gindin I.F. Gosudarstvennyy bank i ekonomicheskaya politika tsarskogo pravitel'stva (1861-1892 g.) [State Bank and the Economic Policy of the Tsarist Government (1861-1892)]. Moscow, Gosfinizdat, 1960. 415 p.
3. Bovykin V.I. O vzaimootnosheniyakh rossiyskikh bankov s promyshlennost'yu do serediny 90-kh godov XIX v. [About the relationship of Russian banks with industry until the mid-90s of the XIX century] // Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye Rossii: Sb. st. k 100-letiyu so dnya rozhdeniya N. M. Druzhinina / Otv. red. S. L. Tikhvinskiy. [// Socio-economic development of Russia: Sat. Art. to the 100th anniversary of the birth of N.M.Druzhinin / Otv. ed. S. L. Tikhvinsky]. Moscow: Nauka, 1986, pp. 195 – 206.
4. Lebedev S.K. S.-Peterburgskiy Mezhdunarodnyy kommercheskiy bank vo vtoroy polovine XIX veka: yevropeyskiye i russkiye svyaziSt. [Petersburg International Commercial Bank in the second half of the 19th century: European and Russian connections]. Moscow: ROSSPEN, 2003. 528 p.
5. Grant J.A. Big Business in Russia: The Putilov Company in Late Imperial Russia, 1868-1917. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1999. 203 p.
6. Polikarpov V.V. Strategiya protsvetaniya krupnogo biznesa (k istorii Putilovskogo obshchestva) [Strategy for the prosperity of large business (to the history of Putilov company)]. Voprosy istorii [Questions of history], 2002, no. 1, pp. 27 – 44.
7. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive]. F. 20. Op. 4. D. 4800.
8. RGIA. F. 588. Op. 2. D. 561.
9. Mitelman M.I., Glebov B.D., Ulyansky A.G. Istoriya Putilovskogo zavoda. 1801-1917 [The history of the Putilov factory. 1801-1917]. Moscow: Sotsekgiz, 1961. 720 p.
10. RGIA. F. 626. Op. 1. D. 406.
11. RGIA. F. 23. Op. 24. D. 135.
12. Aktsionernoye delo v Rossii. Tom vtoroy. Statistika aktsionernykh predpriyatij. Vypusk II. Gornopromyshlennyye, gornozavodskiy i mekhanicheskiye predpriyatiya [Joint stock business in Russia. Volume two. Statistics of joint-stock enterprises. Edition II. Mining, mining and mechanical enterprises]. St. Petersburg: Printing house of M.M. Stasyulevich, 1898. 356 p.
13. RGIA. F. 588. Op. 2. D. 562.
14. Levitsky M. Putilovskiy staleliteynnyy, zhelezodelatel'nyy i mekhanicheskiy zavod [Putilovsky steel, iron and mechanical plant]. Kronstadt: Typolithography of D.M. Komarov, 1896. 89 p.
15. Doklad pravleniya Obshchestva Putilovskikh zavodov obshchemu sobraniyu aktsionerov 7 noyabrya 1887 g. (o merakh k udeshevleniyu proizvodstva putem umen'sheniya stoimosti chuguna) [Report of the Board of Putilov plants company to the general meeting of shareholders on November 7, 1887 (on measures to reduce the cost of production by reducing the cost of cast iron)]. 1887. St. Petersburg: Putilovsky plant, 1887. 21 p.
16. Statistika aktsionernogo dela v Rossii. Vypusk tretiy. Usloviya deyatel'nosti i dokhodnost' aktsionernykh predpriyatij / sostavil i izdal N.Ye. Pushkin [Stock statistics in Russia. Third edition. Operating conditions and profitability of joint-stock enterprises / compiled and published by N.Ye. Pushkin]. St. Petersburg: Printing house of the Ministry of Railways, 1898. 656 p.
17. Ivanov P.G. Ocherk istorii i statistiki russkogo zavodskogo parovozostroyeniya 1920. [Essay on the history and statistics of the Russian factory steam locomotive building]. Petrograd: Typolithograph of the People's Commissariat of Railways, 1920. 19 p.
18. Princess M.K. Tenisheva. Vpechatleniya moyey zhizni [Memories of my life]. 1991. Leningrad: Art, 1991. 285 p.
19. Otchet pravleniya Obshchestva Putilovskikh zavodov s 1 iyulya 1898 goda po 1 iyulya 1899 goda [Report of the Board of Putilov plants company from July 1, 1898 to July 1, 1899]. St. Petersburg: Putilovsky plant, 1899. 21 p.
20. Otchet Pravleniya Obshchestva Putilovskikh zavodov s 1 iyulya 1899 po 30 iyunya 1900 goda [Report of the Board of Putilov plants company from July 1, 1899 to June 30, 1900]. St. Petersburg: Putilovsky plant, 1900. 21 p.
21. Otchet Pravleniya Obshchestva Putilovskikh zavodov s 1 iyulya 1900 po 31 dekabrya 1901 goda [Report of the Board of the Putilov plants company from July 1, 1900 to December 31, 1901]. St. Petersburg: Putilovsky plant, 1902. 19 p.
22. Ukazatel' deystvuyushchikh v imperii aktsionernykh predpriyatij / pod obshch. red. V.A. Dmitriyeva-Mamonova [Index of joint-stock enterprises operating in the empire / edited by V.A. Dmitriev-Mamonov]. 1903. St. Petersburg: Printing house of I. Goldberg, 1903. 2007 p.
23. RGIA. F. 23. Op. 25. D. 565.

© «Клио», 2020

© Барышников М.Н., 2020

## УДК 94(47).084.8

Дата поступления (Submitted) 03.11.2020

Дата принятия к печати (Accepted) 20.11.2020

VLADIMIR LEONIDOVICH PIANKEVICH

*Doctor of historical sciences,  
professor at the St. Petersburg State University  
199034, Russian Federation,  
St. Petersburg, Universitetskaya nab. 7–9,  
E-mail: pyankevich@yandex.ru*

**“Spring will never come again”:****Nature in the perception of the inhabitants of besieged Leningrad**

The article was funded by RFBR, project number 20-09-00170 «The visual and sound space of the war: the

besieged Leningrad and its perception by the inhabitants»

The article examines the theme of the perception of nature by the inhabitants of besieged Leningrad on the eve and during the siege. The dependence of people on the state of the atmosphere became enormous during the long siege. The hot and sunny war summer of 1941 fully corresponded to the serene moods of the majority of Leningraders. The indifference of natural splendor began to contrast monstrously with the bombs and shells that fell on the city in the first autumn of siege. In winter, city transport did not work, there were significantly fewer cars, many enterprises did not operate, and there was no central heating in most houses. The city became quieter when there were no air raids and shelling, the air was cleaner, the nature and beauty of the city were more noticeable. The weather influenced the moral and psychological state of the Leningraders, determined the danger of bomb and artillery strikes, the ability to extinguish the many fires, the threat of death from the cold. Never before has nature so much predetermined the position of the townspeople, the very possibility of life and death. The hard impressions of the moon and snow have been preserved in the memory of many blockade survivors for many years. The paper is based on the diaries, letters of Blockade's period, transcript of oral evidence, which appeared shortly after the blockade and the war, memories, interviews created later.

**Keywords:** *The Great Patriotic War, the siege of Leningrad, urban space, nature, perception, historical memory.*

**ВЛАДИМИР ЛЕОНИДОВИЧ ПЯНКЕВИЧ**

*Доктор исторических наук,  
профессор Санкт-Петербургского  
государственного университета.  
199034, Российская Федерация, Санкт-  
Петербург, Университетская наб., 7–9;  
E-mail: v-pyankevich@yandex.ru*

В статье изучена тема восприятия природы жителями блокадного Ленинграда накануне и во время осады. Зависимость людей от состояния атмосферы стала во время долгой блокады огромной. Жаркое и солнечное военное лето 1941 г. вполне соответствовало безмятежным настроениям большинства ленинградцев. Первой блокадной осенью равнодушие природного величия стало чудовищно контрастировать с обрушившимися на город бомбами и снарядами. Зимой не работал городской транспорт, значительно меньше стало автомобилей, многие предприятия не действовали, отсутствовало центральное отопление в большинстве домов. В городе стало тише, когда не было авианалетов и артобстрелов, воздух – чище, природа и красота города – заметнее. Погода влияла на морально-психологическое состояние ленинградцев, определяла опасность бомбовых и артиллерийских ударов, возможность тушения многочисленных пожаров, угрозу гибели от холода. Никогда природа в такой степени не предопределяла положение горожан, саму возможность жизни и смерти. В памяти многих блокадников на многие годы сохранились тяжелые впечатления о луне, снеге. Статья основана на дневниках, письмах блокадного периода, стенограммах устных свидетельств, собранных вскоре после блокады и войны, воспоминаниях и интервью горожан более позднего времени.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, городское пространство, природа, восприятие, историческая память.

## **«Весна уже никогда не наступит»: Природа в восприятии жителей блокадного Ленинграда**

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00170 «Визуальное и звуковое пространство войны: блокадный Ленинград и его восприятие горожанами»

Горожанин может не замечать природы, но не может обходиться без нее. Судьбоносной эта зависимость стала во время долгой блокады Ленинграда, когда состояние погоды приобрело огромное, решающее значение. Первой блокадной зимой не работал городской транспорт, значительно меньше стало автомобилей, многие предприятия не действовали. Количество горожан из-за катастрофической смертности и эвакуации резко сократилось. В городе стало тише, когда не было авианалетов и артобстрелов, воздух – чище,

природа и красота города – заметнее.

«Яркое солнце не предвещало ничего плохого»  
Весна 1941 г. выдалась очень холодной, затяжной и дождливой, со снегом [1, с. 191]. Почти весь июнь также был холодным. Лишь накануне войны, 21 июня, в субботу, ленинградцев обрадовал первый по-настоящему, солнечный день. Серую толщу облаков, разорванную ветром, пробил мощные лучи солнца, и потоки горячего света залили весь огромный город [2, с. 6; 3, с. 249].

22 июня, наконец, наступило лето. Привыкших



к «капризному климату» горожан этот день поразил, многие описали его в своих дневниках и, разумеется, запомнили. Он был с утра многообещающим, удивительно ярким, безоблачным и солнечным, теплым и даже жарким [4, с. 57; 5, с. 21; 6, с. 9; 7, с. 294; 8, с. 272].

Состоянию природы соответствовали безмятежные настроения многих ленинградцев. «Погода дивная, яркое солнце не предвещало ничего плохого» [9, с. 365]. «Было радостно, спокойно и хорошо» [6, с. 9]. «Был солнечный день, и мы бегали, распевая песни, созвучные тому времени и умонастроению окружающих нас взрослых. Что-то в тех песнях было о быстрой войне и о Гитлере» [10, с. 86]. «Солнце светит с утра. Светло и тепло. После долгих холодов в природе все кажется обворожительным - и солнце, и зелень, и легкие белые облачка на глубокоом небе... Но "равнодушная природа" – действительно равнодушна: мы воюем. С Германией. С Гитлером» [11, с. 32].

Последующие летние дни войны выдались столь же солнечными и знойными [12, с. 17]. Буйно цвела, пряно пахла сирень, акация, невероятно благоухал жасмин. Сады утопали в цвету [2, с. 7; 12, с. 16; 13, с. 7]. Обилие солнечных дней поражало [14, с. 160]. Более того, «в первые военные дни в городе сложилась своеобразная праздничная обстановка. Стояла ясная, солнечная погода, зеленели сады и скверы, было много цветов» [15, с. 12]. Впрочем, ботаник Н.М. Павлова писала 25 июня из Ленинграда: «Сирень нынче никого не тревожит, но никого и не радует. И цветет-то она будто нарочно. ...Она шепчет лживые слова: "Посмотри, как все кругом красиво и уютно. И как спокойна и безопасна жизнь: я каждого скрою и каждого спасу"» [16, с. 12].

В июле и августе также стояла небывалая жара. В дневниках и памяти ленинградцев сохранились свидетельства о ярком солнце, голубом небе, духоте, очень сухом, южном ветре [17, с. 12; 18, с. 131; 19, с. 36]. «Совсем настоящим летом» повсюду по-прежнему цвела сирень, акация, жасмин, бросалась в глаза «какая-то особенно яркая зелень» [20, с. 191, 192; 21, с. 65; 22, с. 245]. «Мы уезжали в субботу, 5 июля 1941 года из почти еще мирного, солнечного города. Не помню ни дождя, ни даже пасмурных дней» [23, с. 83]. «Тихие, безоблачные, полные солнца дни. Бесконечная голубизна неба. <...> Зелень по-прежнему то отрывками, то массивами выделяясь из общей серой массы, веселит глаз, ее как будто и не коснулось великое бедствие» [7, с. 295]. Август также был солнечным. В прозрачные холодные ночи одним горожанам бросалось в глаза великолепие города, другие в тревоге перед будущим не замечали красоты города и природы. Начало сентября оказалось на редкость теплым. В садах и парках еще зеленела трава. Не было обычных туманов, светило солнце, листья на деревьях горели яркими красками [24, с. 29; 25, с.41].

«Погода, проклятие! Изумительная»

Когда первые бомбы и снаряды обрушились на город, одни ленинградцы почти не упоминали о них, по-довоенному радуясь хорошей погоде: «Какие хорошие сентябрьские дни в Ленинграде стоят: солнечные, свежие, с особой приятной прохладой. Деревья парков и садов в своей молчаливой северной суровости в это опасное время особенно отличаются своей красотой» [26, с. 245]. «Сегодня ночью спокойно: очень плохая погода – жуткая облачность. А вот эти все предыдущие дни стояли замечательные: солнечные дни и безоблачные ночи» [27, с. 173].

Другие сокрушались, но удивительным образом находили в себе силы эмоции, чтобы наслаждаться красотой природы, когда нависла угроза жизни. «Стояли ясные дни. Светило солнце, трава была еще зеленая, но деревья уже начали одеваться в осенний наряд. Людям любоваться бы красотами природы, радоваться хорошей погоде, а они ничего этого не замечали. Началась блокада» [28, с. 77]. На улицах рвались вражеские снаряды. А погода стояла на редкость чудесная. Солнце озаряло дома, парки. Ленинградцы не замечали чудесных дней золотой поры, их душевное состояние находилось в кричащем противоречии с окружающей природой [24, с. 29, 58].

Достаточно быстро пришло осознание опасности хорошей погоды. «Начались постоянные бомбежки города, чаще они были вечерами, в ясные лунные ночи. В этом отношении сентябрь подыгрывал немцам — погода стояла очень теплая, ясное небо, яркая луна» [29, с. 14]. Горожане стали уповать на ненастье и печалились, когда надежды не сбывались. «Все ленинградцы, наверное, помнят, какие лунные ночи были в сентябре 1941 года. Луна огромным шаром висела над городом, было очень светло, и этот свет был страшен» [30, с. 76]. «Ленинградцы теперь мечтают о плохой погоде, чтоб была бы пурга, ливень, снегопад, туман и все такое, что бы могло помешать полетам противника. Когда хорошая погода и наступает вечер, все чувствуют себя подавленными и угнетенными. Все ждут вечерних и ночных ужасов» [31, с. 20]. «Осень 41-го года была теплая и сухая. Луна, которую мы не замечали раньше, ярко освещала город. <...> Но от ее вида на душе становится очень тревожно, беспокойно» [29, с. 51, 52].

Столкнувшись с постоянными воздушными тревогами, авианалетами и бомбежками ленинградцы много писали о них в дневниках и письмах. В октябре 1941 г. горожане особенно часто описывали погоду, порой одного и того же дня. «Несмотря на то, что у нас уже настоящая осень, погода все-таки слишком хороша. Деревья наполовину пожелтели, и эти левитановские пейзажи из зеленых, желтых, красных деревьев на фоне чудесного голубого неба и груды желтых шуршащих листьев, устилающих улицы, наводят только такую-то досадную тоску: и не любоваться нельзя и любоваться невозможно» [32, с. 38]. «Погода, проклятие! Изумительная» [32, с. 40]. «В Ленин-

граде стоит совсем некстати исключительно сухая, теплая, солнечная осень. Жители ежедневно и ежечасно вспоминают о типичной ленинградской осени» [33, с. 258]. «Сегодня, слава богу, после чудной “золотой осени” и ярких лунных “итальянских” ночей наступила по-настоящему чудная ленинградская погода: сыро, серо, небо висит на самой голове, с утра туман, а к вечеру дождь» [32, с. 43]. «Проклятие! “Хорошая” погода с дождем и туманом простояла только 1 день, а к часу ночи уже распогодилось, и в половине шестого была очередная тревога» [32, с. 43]. «Неужели эта чудная золотая осень с ее сверкающими лунными ночами никогда не кончится?! Ведь немислимо больше переносить это напряжение нервов!» [32, с. 43] «Превосходной» осенью 1941 г. «так велик был контраст между величавым спокойствием, разлитым в мире природы, и тем ужасом, который навис над миллионным населением Ленинграда, что иногда казалось, что все происходящее является каким-то дурным сном, каким-то отвратительным кошмаром» [34, с. 113].

Вот как выглядела погода 11-14 октября 1941 г. в описаниях двух горожан. «Сейчас девятый час утра. Понемножку хмурится. Авось, дойдет до “сплошной облачности”» [32, с. 44]. «И, увы, разочарование. Совершенно внезапно, в какой-нибудь момент небо прояснилось, луна показалась, и бесконечное число звездочек» [35, с. 47]. «Несмотря на пасмурный день – ясная звездная ночь» [32, с. 44]. «От одной этой хорошей погоды можно заболеть нервным расстройством [32, с. 45]. «Небо пасмурное. Есть надежда, что налетов больше сегодня не будет» [35, с. 48]. «Сейчас седьмой час вечера, солнце светит сквозь тучу, и освещение такое зловещее, что ...это предвещает что-нибудь страшное» [32, с. 45]. «Сегодня опять было чудное ясное утро, но постепенно стало затягивать и к вечеру город приобрел настоящий “ленинградский” вид: падал мокрый снег, тучи низко нависли над домами, кругом легкий туман, сырость и серость. ...надеюсь, что эту ночь можно будет проспять спокойно» [32, с. 244]. «С благодарностью смотрел я на сизые тучи, заволокшие небо. Сегодня, быть может, не прилетят стервятники: погода явно нелетная» [36, с. 49].

Привычным для блокадников стало огорчаться солнцу, луне и радоваться ненастью. «Наконец-то настоящая ленинградская погода: низкое облачное небо, туманная мгла, падает то мокрый снег, то дождь» [32, с. 49, 50]. «Три миллиона ленинградцев с ужасом смотрят на проясняющееся небо, на выглядывающее солнце. Солнце, солнце!» [11, с. 59] «Светит “проклятая” луна. Ее не было видно за тучами дней десять» [6, с. 37].

Из-за светомаскировки и затемнения ленинградцы вечерами и ночами стали видеть звездное небо. Однако ни небо, ни луна не радовали своей красотой и величием, а напротив были знаками смертельной угрозы. Поэтому желания ленинградцев в ноябре оставались столь же однозначными.

«Чудесное утро. Значит, можно ждать прекрасного лунного вечера. А ленинградцы будут молить о дожде, о слякоти, о грязи» [11, с. 61]. «Погода ... как будто подрядилась работать на немцев. После золотой осени почти без переходов, без слякоти и туманов чудесная зима, со снежком, с легкими морозцами, с ясным голубым небом и с яркими лунными ночами» [32, с. 57]. «Бомбежки продолжались по несколько часов подряд, особенно немцы бомбили город в ясные лунные вечера и ночи. Город был виден как на ладони» [37, с. 314].

Впрочем, как стали замечать ленинградцы, немецкие летчики стали чаще бомбить Ленинград в дневное время, «просто перенесли часы своей “работы”» [32, с. 49, 50]. «Немцы налетают независимо от погоды: темно, светло, туманно, облачно, снегопад, им все равно» [35, с. 110]. «Выяснилось, что плохая погода налетам никак не мешает, но хорошая очень способствует, т. е. в лунные ночи – тревоги уж обязательно, а в плохую погоду налеты переносятся на сумерки и просто на день» [32, с. 61]. Постепенно блокадники перестали эмоционально реагировать на бомбежки. Следствием постоянной угрозы смерти от голода, холода, бомбы или снаряда было страшное нервное напряжение, психологическая и эмоциональная усталость, безразличие, подавлявшее инстинкт самосохранения. Апатия порождала бесстрашие. К концу первой блокадной осени ленинградцы перестали бояться и спасаться

В 1942 г. блокадники продолжали обращать внимание на погоду. Однако без прежней эмоциональности. Это было связано с временным прекращением в январе 1942 г. бомбардировок, нараставшей апатией. Большинство блокадников понимали, что смерть от голода и холода намного реальнее, чем гибель от немецкой бомбы или снаряда.

Юная блокадница могла радоваться обычно: «Гром. Гром, гром. Ура! Первый гром. Первая гроза! Какой приятный звук. Небесный звук. Совсем не похожий ни на канонаду зениток, ни на артиллерийский обстрел. Как-то радостно стало на душе. Вот и до грозы дожидка. Гроза, настоящая гроза. Даже не верится что-то» [38, с. 256].

Летом 1942 г. ленинградцы снова страшились лунных ночей, и тем более белых ночей, «неизменно приносивших бомбардировку» [39, с. 246]. В 1943 г. ленинградцы могли продолжать радоваться плохой погоде. «Утром было пасмурно, шел дождь. Какое счастье!» [40, с. 203] «Весь день очень холодно и пасмурно. Шел дождь. Слава Богу» [40, с. 204]. «Пасмурно - какое чудное слово» [40, с. 205]. Отношение к погоде изменилось лишь в октябре 1943 г., когда бомбежки города окончательно прекратились. «В лунную ночь ... ленинградцы могут спать спокойно. Им не придется бегать в убежища» [6, с. 292].

«Словно саваном окутан весь город»

Первая блокадная зима пришла рано – снег выпал в середине октября [2, с. 47; 12, с. 27; 31, с.

35; 38, с. 116]. Вскоре необычайно рано начавшаяся зима стала снежной, морозной, лютой, самым трудным периодом блокады [41, с. 159; 42, с. 13; 43, с. 141]. «Уже во второй половине октября, выпало много снега, появились сугробы, убирать которые было некому [44, с. 218]. Привычно, словно не было войны, зима заметала город снегом. Необычно было его огромное количество. Из-за отсутствующего городского транспорта, прекращения работы многих заводов и фабрик снег был чист. Неподвижно стояли занесенные снегом чудовищные и нелепые, как мертвые мамонты трамваи, троллейбусы [41, с. 13; 45, с. 231; 46, с. 13]. «По занесенным снегом улицам медленно двигались тысячи одиноких фигур истощенных людей [42, с. 159, 165]. Привыкли в условиях светомаскировки к полутемноте или вовсе крошечной тьме, отсутствию электрического света дома и на улице горожанам, было трудно смотреть на спящую белизну непривычно большого количества снега.

В декабре 1941 г. блокадники часто писали в дневниках о неизменно шедшем снеге, бушевавших метелях, трагически «замершем» совершенно занесенным снегом Ленинграде, огромном количестве снега, сугробах в человеческий рост [47, л. 13; 37, с. 314; 48, с. 72; 49, с. 14; 32, с. 62; 12, с. 38]. «Падают снега в таком изобилии, какого я не помню. Весь город покрыт чистыми сугробами, как саваном» [50, с. 352]. «Словно саваном окутан весь город. Где и когда спасение?» [51, с. 53] Город «был погружен в снег и лед» [52, с. 260], «создан из инея и снега» [53, л. 3], «все деревья покрылись нежнейшим пушистым инеем» [51, с. 53].

Пустынные улицы и площади, засыпанные снегом трамвайные вагоны, огромные сугробы снега были непривычным зрелищем [7, л. 305]. Даже Невский был весь в снегу [54, л. 176]. Сначала, пока были силы и возможность, снег убирали. Снег сгребали с тротуаров и для проезда транспорта, но не вывозили, затем сил не стало, город замер. У тротуаров лежали громадные, непроходимые сугробы. Дома и улицы заносило снегом, здания обледенели [37, с. 314; 48, с. 72; 55, с. 90]. Выйдя из дома, ленинградец мог по колени провалиться в сугроб [32, с. 62]. Улицы не расчищались от снега даже в самом центре города [42, с. 13; 56, с. 52]. Многие улицы стали непроезжими, лишь по набережным изредка пробегали военные машины или даже танк [57, с. 192].

Передвигаться только пешком по улицам, засыпанным сугробами, достигавшим второго этажа, даже на небольшие расстояния истощенным блокадникам было тяжело [58, с. 126; 59, с. 170; 60, с. 166; 61, с. 167]. Ленинградцы ходили по узким как траншеи тропинкам, протоптанным в снегу, края которых порой были выше головы, умирали на ходу, трупы заносило снегом [62, с. 20; 63, с. 154; 43, с. 141]. Привычным и практически единственным транспортом в городе стали детские санки, на которых везли дрова, воду, мебель и покойников [58, с. 125]. Из-за бомбежек, обстрелов

или по иным причинам лопались водопроводные трубы [41, с. 159; 64, с. 524]. Вода заливала целые улицы, что приводило к появлению «наводнений со льдом» и «ледяных морей», в которые вмерзал транспорт, люди доставали воду и проваливались в нее [65, с. 32, 33, 38, 58, 59; 66, с. 480].

К весне 1942 г. центральные улицы стали чистить [67, с. 151; 68, с. 130]. Впрочем, «наша улица всегда была очищена от снега, и зимой, и летом всегда были чистота и порядок», – рядом стоял дом, где жили многие высшие партийные и советские руководители города [69, с. 60]. Второй блокадной зимой и в дальнейшем город выглядел значительно лучше. «Сравнительно чисто, снег убирается» [70, с. 198].

Судя по дневниковым записям, человеческая потребность в гармонии, красоте наиболее остро проявлялась именно в непостижимое время осады города [71, с. 15]. «Погода прелестна. Воздух тих. Глубокие темные небеса озарены светлым сиянием звезд. Первые отсветы далекой зари. Дома, деревья, решетки кружево – все в обильном розовом инее. После канонады подчеркнуто захватывает красота тихого зимнего раннего утра» [72, с. 153]. «Пышная, нарядная, жестокая зима. Пейзажи великолепны» [73, л. 3 об].

Дважды над блокадным городом появлялось особое атмосферное явление – северное сияние. «Город был полностью затемнен. А в небе, над Петропавловской крепостью, в зимней тишине пылало огромное голубовато-зеленое холодное пламя, гигантским полукругом охватившее небосвод. Феерический молчаливый ночной спектакль-фейерверк в ноябрьском небе 1941-го» [84, с. 282]. Второй раз северное сияние исключительной силы и красоты, когда весь небосвод пылал, переливался, сиял, обещая еще долгие холода, блокадники видели 5 марта 1942 г. [19, с. 163; 66, с. 473].

«Холод был ужаснее голода»

Особой тяготой для блокадников стал холод. Низкая температура воспринималась голодными людьми крайне болезненно. Рано начавшаяся зима оказалась очень холодной [64, с. 466]. «Морозы начались рано и, почти не ослабевая, держались до весны» [75, с. 204]. «Жуткая холодина», которую блокадники ощущали с октября 1941 г., усугублялась нарастающей нехваткой еды [12, с. 27]. «Вместе с голодом пришел в дом холод», «еще один беспощадный внутренний враг», «второй наш бич, еще более, пожалуй, страшный, чем голод» [75, с. 204; 76, с. 26; 32, с. 51].

Холодно было на улице и особенно в неотапливаемых помещениях. «В квартирах у всех жуткий холодина – ходят дома во всем, что есть теплое» [12, с. 27]. «В квартире +3 С, +4 С» [77, с. 102]. «У нас в библиотеке от 2°–4°. Мы в шубах, в валенках, в перчатках, но все равно стынет даже душа и совершенно немыслимо работать» [32, с. 51]. «На службе невыносимый холод» [64, с. 522].

Почти все блокадники полагали, что первая

блокадная зима была необычайно суровой, «аховые крещенские» морозы доходили до 40 градусов [32, с. 74; 43, с. 141; 77, с. 102]. Среднесуточная температура в заблокированном городе составляла в декабре 1941 г. минус 12,5 градуса, в январь 1942 г. – минус 18,6 (обычно она была не ниже минус 7,6), в феврале – минус 12,4. Хотя было и минус 34 [79, с. 10; 80]. «За весь январь и февраль не было ни одной из обычных оттепелей» [61, с. 167]. Из-за отсутствия оттепелей продолжительные периоды низкой температуры были губельны для ослабленных голодом людей. Именно холод был важной причиной массовой смертности. «Холод был какой-то внутренний. Он пронизывал все-го насквозь. ...Холод был ужаснее голода» [64, с. 485]. «Ощущение постоянного холода, особенно в спине, было мучительно» [32, с. 66]. «Холод усиливал голод» [75, с. 205]. «Людей ...губит не только голод, но и холод» [80, с. 47]. «Люди мрут, мрут от холода так же, как от голода, вернее, этот холод окончательнее убивает измученных, обессиленных людей» [32, с. 74]. «Блокада являлась мне ощущением страшно вселенского холода, убившего все живое. <...> Я бы, наверное, не удивился, если бы мне сказали, что весна уже никогда не наступит. Но для тысяч и тысяч она действительно не наступила» [81, с. 317]. «Это не тот холод, от которого можно уберечься, одевшись потеплее. Это холод, от которого погибают» [82, с. 235]. «Умира-

ли главным образом люди, у которых дистрофия сочеталась с невозможностью поддержать жизнь теплом, постоянным теплом, а таких было большинство» [47, л. 10].

Повышенное внимание блокадников к погоде было вполне объяснимо – от нее могла зависеть жизнь. Шокировал контраст между обыденностью, спокойствием, равнодушием природы и катастрофой, в которой оказались ленинградцы. Особенно часто ленинградцы думали и писали о погоде в сентябре-ноябре 1941 г., когда город подвергался самым варварским бомбардировкам, и первой особенно холодной и голодной блокадной зимой. Выжившие в первую блокадную зиму так сильно пострадали от стужи, что даже в теплое время, когда наступило жаркое лето, испытывали внутренний холод, продолжали мерзнуть и одевались по-зимнему. Блокада и война приходили блокадникам в кошмарных снах во время болезни, мучили бессонницей в ночи полнолуний, сохранилась ненависть к луне, от света которой «сразу на душе становилось очень тревожно и боязно, даже во сне» [52, с. 211; 37, с. 314; 29, с. 14], а «снег крепко спаялся со смертью» [50, с. 377, 378]. Никогда прежде ленинградцы не ждали с такой надеждой весны и страхом – зимы. Природа было не просто средой, она убивала и помогала выживать, ужасала и давала надежду, поддерживала в губельном одиночестве.

#### Литература и источники

1. Любимова А.В. «О войне, о блокаде» // «Верили в Победу свято»: Материалы о Великой Отечественной войне в собраниях Пушкинского Дома. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2015. С. 182-209.
2. Баранов Н.В. Силуэты блокады. Записки главного архитектора города. Л.: Лениздат, 1982. – 175 с.
3. Литвиненко-Полоцкая Н.П. С кипятком на вокзал // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Книга четвертая. СПб.: «Остров», 2017. С. 247-267.
4. Манухова П.Г. В дни блокады // Блокадные и фронтовые воспоминания ветеранов Приморского района Ленинграда. СПб.: [б.и.], 2002. С. 57-64.
5. Альшиц Д.Н. Из дневника 1941-1943 годов // Альшиц Д.Н. За нами был наш гордый город. Подвигу Ленинграда – правдивую и достойную оценку. СПб.: Наука, 2010. – 404 с.
6. Иванов М. А. Блокадный дневник ректора. СПб.: СПбГТЭУ, 2014. – 368 с.
7. Томигас В.А. «Простые записки и обыкновенные мечтания» // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Книга третья. – СПб.: «Остров», 2016. С. 292-324.
8. Масленникова В. Детство в Яблоневке // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Книга четвертая. СПб.: «Остров», 2017. С. 268-297.
9. Свердлова Э. Мы верили в победу // Книга живых. Воспоминания евреев – фронтовиков, узников гетто и нацистских концлагерей, бойцов партизанских отрядов, защитников блокадного Ленинграда. СПб.: Издательство «Журнал „Нева“», 2004. С. 365-366.
10. Островский А. Г. Дневник памяти // Откуда берется мужество. Воспоминания петрозаводчан, переживших блокаду и защищавших Ленинград. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 86-91.
11. Крайский А.П. Дневник // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2014 год: Блокадные дневники. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. С. 32-79.
12. Руднева М.М. Блокадный дневник (1941-1942). СПб.: Коло, 2020. – 132 с.
13. Макарова М. Ленинградский рок // Соловьева В., Талалаев А. Иванова О. Солдатские вдовы. СПб.: Возрождение России: Верность. 2000. С. 7-13.
14. Толстой Д.А. Для чего все это было: Воспоминания. СПб.: Библиополис: Композитор, 1995. – 622 с.
15. Никулин Н.Н. Воспоминания о войне. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. - 244 с.
16. Бианки В.В. Лихолетье: Дневники, воспоминания, письма. СПб.: «БЛИЦ», 2005. 192 с.
17. Разумовский Л.С. Дети блокады // Нева. 1999. № 1. С. 4-68.
18. Смирнова Н. Скорбное бесчувствие // Соловьева В., Талалаев А. Иванова О. Солдатские вдовы. СПб.: Возрождение России: Верность. 2000. С. 131-151.
19. Бучинский Ю.Н. «Разобьем немцев и тогда... Эх, заживем» // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Книга четвертая. СПб.: «Остров», 2017. С. 22-129.
20. Хомич Л.В. Страницы из блокадного дневника // Из истории Кунсткамеры, 1941-1945. СПб.: МАЭ, 2003. С. 191-201.
21. Эльтеков В.И. Письмо жене Лиде и детям 2 июля 1941 г. / Ленинград в первые месяцы Великой Отечественной войны: письма горожанина // История Петербурга. 2009. №. 5. С. 64-68.
22. Рогова Н.Б. Боль, мужество и долг. Они спасали книги // Жизнь и быт заблокированного Ленинграда. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 243-300.
23. Герман М.Ю. Сложное прошедшее. СПб.: Искусство-СПб, 2000. – 741 с.

24. Павлов Д.В. Ленинград в блокаде. Л.: Лениздат, 1985. – 238 с.
25. Ковалева А.В. «Направили в детский дом воспитателем» // Ленинградское блокадное братство. Воспоминания участников обороны Ленинграда и его жителей. Н. Новгород: Кварц, 2011. С. 41-48.
26. Беляков А.Г. Блокадные записи // Нева. 2005. № 1. С. 240-247.
27. Дмитриев Л.А. Блокадный дневник // Звезда. 1997. № 2. С. 172-199.
28. Ржаксинский Ф.К. Я – ленинградец // Листки блокадного календаря. Л.: Лениздат, 1988. С. 74-114.
29. Никифорова Л.Т. Моя блокада. СПб.: СПбГУ ИТМО 2009. – 60 с.
30. Воробьева Л.И. Лунные ночи войны // Откуда берётся мужество. Воспоминания петрозаводчан, переживших блокаду и защищавших Ленинград. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 76-78.
31. Грязнов А.А. Дневник 1941 – 1942 гг. // Человек в блокаде. Новые свидетельства. СПб.: Остров, 2008. С. 9-82.
32. Злочевская Б.В. «Не вырваться нам из этого ада...» // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Книга шестая. СПб.: «Остров», 2019. С. 29-75.
33. Кондратьев Н. Из писем и дневников. Цит. по: Крюков А.Н. Паду ли я, стрелой пронзенный? Опера и балет в осажденном Ленинграде. СПб.: Композитор, 2014. С. 258.
34. Евгеньев-Максимов В.Е. Черные дни Ленинграда. Воспоминания // Звезда. 2011. № 2. С. 103-136.
35. Грязнов Ф.А. Дневник. 7 сентября 1941 г. – 7 февраля 1942 г. // «Доживём ли мы до тишины?»: Записки из блокадного Ленинграда. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 9-189.
36. Князев Г.А. Дни великих испытаний. Дневники 1941-1945. СПб.: Наука, 2009. – 1220 с.
37. Витковская Т. Каким чудом мы выжили // Соловьева В., Талалаев А. Иванова О. Солдатские вдовы. СПб.: Возрождение России: Верность. 2000. С. 304-315.
38. «...Сохрани мою печальную историю...»: Блокадный дневник Лены Мухиной. СПб.: Азбука, 2011. – 368 с.
39. Павловский А. Голос // Голоса из блокады. Ленинградские писатели в осажденном городе (1941-1944). СПб.: Наука, 1996. С. 240-248.
40. «...Уцелела и осталась человеком...» (дневник М.В. Васильевой). Дневники блокадных жителей из архива О.Ф. Берггольц // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2014 год: Блокадные дневники. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. С. 194-282.
41. Богоров А.Л. Записки кинохроникера: Время, запечатленное кинообъективом. Л.: Лениздат, 1973. – 248 с.
42. Худякова Н.Д. Из воспоминаний // Клио. 2012. № 11. С. 12-14.
43. Старикова И.В. Котлеты из папье-маше // Школа жизни. Воспоминания детей блокадного Ленинграда. М., 2014. С. 122-143.
44. Фрагменты блокадных писем Анатолия Григорьевича Белякова // Нева. 2002. № 9. С. 216-229.
45. Дудин М.А. Объяснение в любви // Ничто не забыто: 320 страниц о 900 днях блокады Ленинграда. СПб.: Детгиз-Лицей, 2005. С. 230-231.
46. Буняков Г.В. Мир детства в зареве войны. Живи и здравствуй, Интердом. Иваново: «Референт», 2010. – 252 с.
47. Костровицкая В.С. «Ленинград, блокада. 1941-1943. Дневник» // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб.) Ф. 157. Оп. 1. Д. 28.
48. Милова И.Ю. Моя блокада // История Петербурга. 2009. № 1. С. 66-77.
49. Боголепов В.А. Самые трудные дни блокады Ленинграда. Дневник Боголепова Валерьяна Анатольевича. СПб.: ЗАО «Полиграфическое предприятие № 3», 2015. – 108 с.
50. Пунин Н.Н. Мир светел любовью: Дневники. Письма. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2000. – 525 с.
51. Дневник неизвестной жительницы блокадного Ленинграда // Иванский В.Н. Мы с памятью слиты. Дети блокады в Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. С. 41-77.
52. Гречина О. Спасаясь спасая. Ч. 1. Погибельная зима (1941-1942 гг.) // Нева. 1994. № 1. С. 211-282.
53. Рончевская Л.А. Воспоминания о блокаде Ленинграда // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ.) Ф. 1249. Ед. хр. 14.
54. Мурашева В.К. Так закончилось детство // Дети и блокада. Воспоминания, фрагменты дневников, свидетельства очевидцев, документальные материалы. СПб.: Вести, 2000. С. 174-176.
55. Ходорков Л.А. Дневник // Ленинградцы. Блокадные дневники из фондов Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда. СПб.: «Лениздат», 2014. С. 41-126.
56. Алексеев Д. Г. «Город голода, блокады и смерти» // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Книга вторая. СПб.: «ОСТРОВ», 2015. С. 47-66.
57. Крон А.А. Дом и корабль. М.: Воениздат, 1974. – 518 с.
58. Орлова Т.П. Изо дня в день, блокадный дневник // Север 2000. № 4. С. 116-136.
59. Петерсон В.А. «Скорей бы было тепло!» Воспоминания о первой блокадной зиме // Нева. 2001. № 1. С. 167-218.
60. Викторова Л.Л. Мне довелось служить военным переводчиком // Из истории Кунсткамеры, 1941-1945. СПб.: МАЭ, 2003. С. 157-167.
61. Лодкин А.И. Блокадное письмо // Звезда 2003. № 5. С. 162-170.
62. Волков С.М. Диалоги с Иосифом Бродским. М.: Эксмо, 2004. – 635 с.
63. Мохова-Посева Н. Блокадное детство // Звезда. 2013. № 9. С. 150-162.
64. Лихачев Д.С. Воспоминания. СПб.: Logos, 1999. – 605 с.
65. «...твои письма – документ незабываемого времени...» Из эпистолярного наследия Е.Э. Бломквист. 1942-1945. СПб.: Реноме, 2013. – 390 с.
66. Маляревский И.И. «Дневник воспоминаний пережитых дней осады и блокады Ленинграда в 1941-1942 году» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2014 год: Блокадные дневники. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. С. 456-486.
67. Ломагин Н.А. В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев. СПб.: «Аврора-Дизайн», 2014. – 360 с.
68. Любин В.М. «Мы привыкли не очень бояться» // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Книга вторая. СПб.: «ОСТРОВ», 2015. С. 124-133.
69. Сметанин М.И. Воспоминания // Страницы блокадного детства. Сборник воспоминаний юных жителей блокадного Ленинграда. Владимир: «Аркаим», 2014. С. 59-62.
70. Назимов И.В. Дневник // Ленинградцы. Блокадные дневники из фондов Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда. СПб.: «Лениздат», 2014. С. 127-200.
71. Прозорова Н.А. Блокадные испытания: дневники ленинградцев в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2014 год: Блокадные дневники. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. С. 7-18.
72. «Жестокое испытание...» (дневник блокадницы). Дневники блокадных жителей из архива О.Ф. Берггольц // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2014 год: Блокадные дневники. СПб., 2015. С. 150-183.
73. Островская С.К. Дневник // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ.) Ф. 1448. Ед. хр. 11.

74. Пунин А.Л. Мы помним бомбы ленинградской блокады // Краеведческие записки. Исследования и материалы. Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 7. 2000. С. 258-288.
75. Углов Ф.Г. Сердце хирурга. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1983. – 455 с.
76. Касатонов В.Ф. Ленинградская блокада в памяти сердца: воспоминания. Брест: Альтернатива, 2008. – 88 с.
77. Митусова Л.С. О прожитом и судьбах близких: Воспоминания. СПб: Рериховский центр СПбГУ; Вышний Волочёк: «Ирида-прос», 2004. – 384 с.
78. Симоненко В.Б., Магаева С.В. Ленинградская блокада: открытия в области биологии и медицины. М.: «Экономика и информатика», 2008. С. 182 с.
79. Санкт-Петербургские ведомости. 2019. 28 января.
80. Зимницкая Г.К. Блокадные будни (Дневник ленинградской девочки) // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. СПб.: «ОСТРОВ», 2012. С. 22-113.
81. Калинин Г.М. Звуков жизни не было! // Блокада Ленинграда. Народная книга памяти. М.: АСТ, 2014. С. 316-320.
82. Шумилина В.С. Воспоминания // Блокадный дневник. Таллинн: [б. и.], 2005. С. 233-235.

## References

1. Lyubimova A.V. «O voine, o blokade» [About the war, about the blockade] «Verili v Pobedu svyato»: Materialy o Velikoi Otechestvennoi voine v sobraniyakh Pushkinskogo Doma [“We Believed in Victory Holy”: Materials about the Great Patriotic War in the collections of the Pushkin House]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma, 2015. P. 182-209.
2. Baranov N.V. Siluety blokady. Zapiski glavnogo arkhitekora goroda [Silhouettes of the blockade. Notes of the chief architect of the city]. Leningrad: Lenizdat, 1982. – 175 p.
3. Litvinenko-Polotskaya N.P. S kipyatkom na vokzal [With boiling water to the railway station] Blokada glazami ochevidtsev. Dnevnik i vospominaniya. Kniga 4 [The blockade through the eyes of eyewitnesses. Diaries and memoirs. Book 4]. St. Petersburg: «Ostrov», 2017. P. 247-267.
4. Manukhova P.G. V dni blokady [During the days of the blockade] Blokadnye i frontovye vospominaniya veteranov Primorskogo raiona Leningrada [Siege and front-line memories of veterans of the Primorsky district of Leningrad]. St. Petersburg: [without publisher], 2002. P. 57-64.
5. Al'shits D.N. Iz dnevnika 1941-1943 godov [From the diary of 1941-1943] Al'shits D.N. Za nami byl nash gordyi gorod. Podvigu Leningrada – pravdivuyu i dostoinuyu otsenku [Alshits D.N. Our proud city was behind us. The feat of Leningrad - a true and worthy assessment]. St. Petersburg: Nauka, 2010. – 404 p.
6. Ivanov M. A. Blokadnyi dnevnik rektora [Rector's blockade diary]. St. Petersburg: SPbGTEU, 2014. – 368 p.
7. Tomigas V.A. «Prostye zapiski i obyknovennye mechtaniya» [“Simple notes and ordinary dreams”] Blokada glazami ochevidtsev. Dnevnik i vospominaniya. Kniga 3 [The blockade through the eyes of eyewitnesses. Diaries and memoirs. Book 3]. St. Petersburg: «Ostrov», 2016. P. 292-324.
8. Maslennikova V. Detstvo v Yablonovke [Childhood in Yablonovka] Blokada glazami ochevidtsev. Dnevnik i vospominaniya. Kniga 4 [The blockade through the eyes of eyewitnesses. Diaries and memoirs. Book 4]. St. Petersburg: «Ostrov», 2017. P. 268-297.
9. Sverdlova E. My verili v pobedu [We believed in victory] Kniga zhivikh. Vospominaniya evreev – frontovikov, uznikov getto i natsistskikh kontslageri, boitsov partizanskikh otryadov, zashchitnikov blokadnogo Leningrada [Book of the Living. Memories of Jews - war veterans, prisoners of ghettos and Nazi concentration camps, fighters of partisan detachments, defenders of besieged Leningrad]. St. Petersburg: Izdatel'stvo «Zhurnal „Neva”», 2004. P. 365-366.
10. Ostrovskii A. G. Dnevnik pamyati [Memory diary] Otkuda beretsya muzhestvo. Vospominaniya petrozavodchan, perezhivshikh blokadu i zashchishchavshikh Leningrad [Where does courage come from? Memoirs of the citizens of Petrozavodsk who survived the blockade and defended Leningrad]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2013. P. 86-91.
11. Kraiskii A.P. Dnevnik [Diary] Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2014 god: Blokadnye dnevnik [Yearbook of the Handwritten Department of the Pushkin House for 2014: Siege Diaries]. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015. P. 32-79.
12. Rudneva M.M. Blokadnyi dnevnik (1941-1942) [Blockade diary (1941-1942)]. St. Petersburg: Kolo, 2020. – 132 p.
13. Makarova M. Leningradskii rok [Leningrad fate] Solov'eva V., Talalaev A. Ivanova O. Soldatskie vdovy [Soldier's widows]. St. Petersburg: Vozrozhdenie Rossii: Vernost'. 2000. P. 7-13.
14. Tolstoi D.A. Dlya chego vse eto bylo: Vospominaniya. [What it was all for: Memories] St. Petersburg: Bibliopolis: Kompozitor, 1995. – 622 p.
15. Nikulin N.N. Vospominaniya o voine. [Memories of War]. St. Petersburg: Izd-vo Gos. Ermitazha, 2007. - 244 p.
16. Bianki V.V. Likholet'e: Dnevnik, vospominaniya, pis'ma. [Hard times: Diaries, memoirs, letters] St. Petersburg: «BLITS», 2005. 192 p.
17. Razumovskii L.S. Deti blokady [Children of the blockade]/ Neva. 1999. № 1. P. 4-68.
18. Smirnova N. Skorbnoe beschuvstvie [Sorrowful insensibility] Solov'eva V., Talalaev A. Ivanova O. Soldatskie vdovy [Soldier's widows]. St. Petersburg: Vozrozhdenie Rossii: Vernost'. 2000. P. 131-151.
19. Buchinskii Yu.N. «Razob'em nemtsev i togda... Ekh, zazhivem» [“We will defeat the Germans and then ... Eh, we will live”] Blokada glazami ochevidtsev. Dnevnik i vospominaniya. Kniga 4 [The blockade through the eyes of eyewitnesses. Diaries and memoirs. Book 4]. St. Petersburg: «Ostrov», 2017. P. 22-129.
20. Khomich L.V. Stranitsy iz blokadnogo dnevnika [Pages from the blockade diary] Iz istorii Kunstkamery, 1941-1945 [From the history of the Kunstkamera, 1941-1945]. St. Petersburg: MAE, 2003. P. 191-201.
21. El'tekov V.I. Pis'mo zhene Lide i detyam 2 iyulya 1941 g. [Letter to his wife Lida and children on July 2, 1941] Leningrad v pervye mesyatsy Velikoi Otechestvennoi voiny: pis'ma gorozhanina [Leningrad in the first months of the Great Patriotic War: letters from a citizen] Istoriya Peterburga. 2009. № 5. P. 64-68.
22. Rogova N.B. Bol', muzhestvo i dolg. Oni spasali knigi [Pain, courage and duty. They were saving books] Zhizn' i byt blokirovannogo Leningrada [Life and everyday life of the blockaded Leningrad]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2010. S. 243-300.
23. German M. Yu. Slozhnoe proshedshee [Difficult past]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb, 2000. – 741 p.
24. Pavlov D. V. Leningrad v blokade [Leningrad in the Siege]. Leningrad: Lenizdat, 1985. – 238 p.
25. Kovaleva A.V. «Napravili v detskii dom vospitatelem» [“Sent to an orphanage by a teacher”] Leningradskoe blokadnoe bratstvo. Vospominaniya uchastnikov oborony Leningrada i ego zhitelei [Leningrad blockade brotherhood. Memories of participants in the defense of Leningrad and its inhabitants]. Nizhny Novgorod: Kvarts, 2011. P. 41-48.
26. Belyakov A.G. Blokadnye zapisi [Blockade records] Neva. 2005. № 1. P. 240-247.
27. Dmitriev L.A. Blokadnyi dnevnik [Blockade diary] Zvezda. 1997. № 2. P. 172-199.
28. Rzhaksinskiy F.K. Ya – leningradets [I am a Leningrader] Listki blokadnogo kalendarya [Blockade calendar sheets]. Leningrad: Lenizdat, 1988. P. 74-114.
29. Nikiforova L. T. Moya blokada [My blockade]. St. Petersburg: SPbGU ITMO 2009. – 60 p.
30. Vorob'eva L.I. Lunnye nochi voiny [Moonlit nights of war] Otkuda beretsya muzhestvo. Vospominaniya petrozavodchan, perezhivshikh blokadu i zashchishchavshikh Leningrad [Where does courage come from? Memoirs of the citizens of

- Petrozavodsk who survived the blockade and defended Leningrad]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2013. P. 76-78.
31. Gryaznov A.A. Dnevnik 1941 – 1942 gg. [Diary 1941 - 1942] Chelovek v blokade. Novye sviditel'stva [The man in the Siege. New evidence]. St. Petersburg: Ostrov, 2008. P. 9-82.
  32. Zlochevskaya B.V. «Ne vyrvat'sya nam iz etogo ada...» [“We cannot escape from this hell ...”] Blokada glazami ochevidtsev. Dnevnik i vospominaniya. Kniga 6 [The blockade through the eyes of eyewitnesses. Diaries and memoirs. Book 6]. St. Petersburg: «Ostrov», 2019. P. 29-75.
  33. Kondrat'ev N. Iz pisem i dnevnikov [From letters and diaries]. Quoted by: Kryukov A.N. Padu li ya, streloi pronzennyi? Opera i balet v osazhdennom Leningrade [Will I fall, pierced by an arrow? Opera and ballet in besieged Leningrad]. St. Petersburg: Kompozitor, 2014. P. 258.
  34. Evgen'ev-Maksimov V.E. Chernye dni Leningrada. Vospominaniya [Black days of Leningrad. Memories]. Zvezda. 2011. № 2. P. 103-136.
  35. Gryaznov F.A. Dnevnik. 7 sentyabrya 1941 g. – 7 fevralya 1942 g. [A diary. September 7, 1941 - February 7, 1942] «Dozhivem li my do tishiny?»: Zapiski iz blokadnogo Leningrada [“Will we live to see silence?”: Notes from besieged Leningrad]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2009. P. 9-189.
  36. Knyazev G.A. Dni velikikh ispytaniy. Dnevnik 1941-1945 [Days of great trials. Diaries 1941-1945]. St. Petersburg: Nauka, 2009. – 1220 p.
  37. Vitkovskaya T. Kakim chudom my vyzhili [What a miracle we survived] Solov'eva V., Talalaev A. Ivanova O. Soldatskie vdovy [Soldier widows]. St. Petersburg: Vozrozhdenie Rossii: Vernost'. 2000. P. 304-315.
  38. «...Sokhrani moyu pechal'nuyu istoriyu...»: Blokadniy dnevnik Leny Mukhinoi. [«Save my sad story ...»: Lena Mukhina's blockade diary] St. Petersburg: Azbuka, 2011. – 368 p.
  39. Pavlovskii A. Golos [Voice] Golosa iz blokady. Leningradskie pisateli v osazhdennom gorode (1941-1944) [Voices from the blockade. Leningrad writers in the besieged city (1941-1944)]. St. Petersburg: Nauka, 1996. P. 240-248.
  40. «...Utselela i ostalas' chelovekom...» (dnevnik M.V. Vasil'evoi). Dnevnik blokadnykh zhitelei iz arkhiva O.F. Berggol'ts [“... She survived and remained a man ...” (diary of M.V. Vasilyeva). Diaries of blockaded residents from the archive of O.F. Bergholz] Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2014 god: Blokadnye dnevniky [Yearbook of the Handwritten Department of the Pushkin House for 2014: Siege Diaries]. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015. P. 194-282.
  41. Bogorov A.L. Zapiski kinokhronikera: Vremya, zapechatlennoe kinoob"ektivom [Notes kinohronikera: Time Captured by a Movie Lens]. Leningrad: Lenizdat, 1973. – 248 p.
  42. Khudyakova N.D. Iz vospominanii [From memories] Klio. 2012. № 11. P. 12-14.
  43. Starikova I.V. Kotlety iz pap'e-mashe [Papier-mâché cutlets] Shkola zhizni. Vospominaniya detei blokadnogo Leningrada [School of Life. Memories of children of besieged Leningrad]. Moscow, 2014. P. 122-143.
  44. Fragmentsy blokadnykh pisem Anatoliya Grigor'evicha Belyakova [Fragments of the blockade letters of Anatoly Grigorievich Belyakov]. Neva. 2002. № 9. P. 216-229.
  45. Dudin M.A. Ob"yasnenie v lyubvi [Declaration of love] Nichto ne zabyto: 320 stranits o 900 dnyakh blokady Leningrada [Nothing is forgotten: 320 pages about 900 days of the siege of Leningrad]. St. Petersburg: Detgiz-Litsei, 2005. P. 230-231.
  46. Bunyakov G. V. Mir detstva v zareve voyny. Zhivi i zdravstvui, Interdom [The world of childhood in the glow of war. Live and be healthy, Interdom]. Ivanovo: «Referent», 2010. – 252 p.
  47. Kostrovitskaya V.S. «Leningrad blokada. 1941-1943. Dnevnik» [“Leningrad, blockade. 1941-1943. A diary”] Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva Sankt-Peterburga (TsGALI SPb.) [Central State Archives of Literature and Art of St. Petersburg] F. 157. Op. 1. D. 28.
  48. Milova I.Yu. Moya blokada [My blockade]. Istoriya Peterburga. 2009. № 1. P. 66-77.
  49. Bogolepov V.A. Samye trudnye dni blokady Leningrada. Dnevnik Bogolepova Valer'yana Anatol'evicha [The most difficult days of the siege of Leningrad. Diary of Bogolepov Valerian Anatolyevich]. St. Petersburg: ZAO «Poligraficheskoe predpriyatie № 3», 2015. – 108 p.
  50. Punin N.N. Mir svetel lyubov'yu: Dnevnik. Pis'ma [The world was bright with love: Diaries. Letters.]. Moscow: Artist. Rezhisser. Teatr, 2000. – 525 p.
  51. Dnevnik neizvestnoi zhitel'nitsy blokadnogo Leningrada [Diary of an unknown resident of besieged Leningrad] Ivanskii V.N. My s pamyat'yu slity. Deti blokady v Chuvashii [We are fused with memory. Children of the blockade in Chuvashia]. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo, 2014. P. 41-77.
  52. Grechina O. Spasayus' spasaya. Ch. 1. Pogibel'naya zima (1941-1942 gg.) [I am saving myself. Part 1. Deadly winter (1941-1942)] Neva. 1994. № 1. P. 211-282.
  53. Ronchevskaya L.A. Vospominaniya o blokade Leningrada [Memories of Leningrad Siege] Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki (OR RNB.) [Department of Manuscripts of the Russian National Library]. F. 1249. Ed. khr. 14.
  54. Murasheva V.K. Tak zakonchilos' detstvo [Thus ended the childhood] Deti i blokada. Vospominaniya, fragmenty dnevnikov, sviditel'stva ochevidtsev, dokumental'nye materialy [Children and the blockade. Memories, fragments of diaries, eyewitness accounts, documentary materials]. St. Petersburg: Vesti, 2000. P. 174-176.
  55. Khodorkov L.A. Dnevnik [A diary] Leningradtsy. Blokadnye dnevniky iz fondov Gosudarstvennogo memorial'nogo muzeya oborony i blokady Leningrada [Leningraders. Blockade diaries from the funds of the State Memorial Museum of Defense and Siege of Leningrad]. St. Petersburg: «Lenizdat», 2014. P. 41-126.
  56. Alekseev D. G. «Gorod goloda, blokady i smerti» [“The city of hunger, blockade and death”] Blokada glazami ochevidtsev. Dnevnik i vospominaniya. Kniga 2 [The blockade through the eyes of eyewitnesses. Diaries and memoirs. Book 2]. St. Petersburg: «OSTROV», 2015. P. 47-66.
  57. Kron A.A. «Dom i korabl'» [“House and ship”] Moscow: Voenizdat, 1974. – 518 p.
  58. Orlova T.P. Izo dnya v den', blokadniy dnevnik [Day after day, siege diary] Sever 2000. № 4. P. 116-136.
  59. Peterson V.A. «Skorei by bylo teplo!» Vospominaniya o pervoi blokadnoi zime [“If only it was warm!” Memories of the first blockade winter] Neva. 2001. № 1. P. 167-218.
  60. Viktorova L.L. Mne dovelos' sluzhit' voennym perevodchikom [I happened to serve as a military translator] Iz istorii Kunstkamery, 1941-1945 [From the history of the Kunstkamera, 1941-1945]. St. Petersburg: MAE, 2003. P. 157-167.
  61. Lodkin A.I. Blokadnoe pis'mo [Blockade letter] Zvezda 2003. № 5. P. 162-170.
  62. Volkov S.M. Dialogi s Iosifom Brodskim [Dialogues with Joseph Brodsky]. Moscow: Eksmo, 2004. – 635 p.
  63. Mkhova-Loseva N. Blokadnoe detstvo [Blockade childhood] Zvezda. 2013. № 9. P. 150-162.
  64. Likhachev D.S. Vospominaniya [Memories]. St. Petersburg: Logos, 1999. – 605 p.
  65. «...tvoi pis'ma – dokument nezabyvaemogo vremeni...» Iz epistolyarnogo naslediya E.E. Blomkvist. 1942-1945 [“... your letters are a document of an unforgettable time ...” From the epistolary heritage of E.E. Blomkvist. 1942-1945]. St. Petersburg: Renome, 2013. – 390 p.
  66. Mal'yarevskii I.I. «Dnevnik vospominanii perezhitykh dni osady i blokady Leningrada v 1941-1942 godu» [“Diary of memories of the days of the siege and blockade of Leningrad in 1941-1942”] Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2014 god: Blokadnye dnevniky [Yearbook of the Handwritten Department of the Pushkin House for 2014: Siege Diaries]. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015. P. 456-486.
  67. Lomagin N.A. V tiskakh goloda. Blokada Leningrada v dokumentakh germanskikh spetssluzhzb, NKVD i pis'makh len-

- ingradtsev [In the grip of hunger. The blockade of Leningrad in the documents of the German special services, the NKVD and letters of Leningraders]. St. Petersburg: «Avrora-Dizain», 2014. – 360 p.
68. Lyubin V.M. «My privykli ne ochen' boyat'sya» [“We are used to not being very afraid”] Blokada glazami ochevidtsev. Dnevnik i vospominaniya. Kniga 2 [The blockade through the eyes of eyewitnesses. Diaries and memoirs. Book 2. St. Petersburg: «OSTROV», 2015. P. 124-133.
69. Smetanin M.I. Vospominaniya [Memories] Stranitsy blokadnogo detstva. Sbornik vospominanii yunyx zhitel'ei blokadnogo Leningrada [Pages of the blockade childhood. Collection of memoirs of young residents of besieged Leningrad]. Vladimir: «Arkaim», 2014. P. 59-62.
70. Nazimov I.V. Dnevnik [Diary] Leningradtsy. Blokadnye dnevniky iz fondov Gosudarstvennogo memorial'nogo muzeya obrony i blokady Leningrada [Leningraders. Blockade diaries from the funds of the State Memorial Museum of Defense and Siege of Leningrad]. St. Petersburg: «Lenizdat», 2014. P. 127-200.
71. Prozorova N.A. Blokadnye ispytaniya: dnevniky leningradtsev v Rukopisnom otdel Pushkinskogo Doma [Siege Trials: Diaries of Leningraders in the Manuscript Department of the Pushkin House] Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2014 god: Blokadnye dnevniky [Yearbook of the Handwritten Department of the Pushkin House for 2014: Siege Diaries]. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015. P. 7-18.
72. «Zhestokoe ispytanie...» (dnevnik blokadnitsy). Dnevniky blokadnykh zhitel'ei iz arkhiva O.F. Berggol'ts [“A cruel test ...” (diary of the siege woman). Diaries of blockaded residents from the archive of O.F. Bergholz] Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2014 god: Blokadnye dnevniky [Yearbook of the Handwritten Department of the Pushkin House for 2014: Siege Diaries]. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015. P. 150-183.
73. Ostrovskaya S.K. Dnevnik [Diary] Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki (OR RNB.) [Department of Manuscripts of the Russian National Library]. F. 1448. Ed. khr. 11.
74. Punin A.L. My pomnim bomby leningradskoi blokady [We remember the bombs of the Leningrad Siege] Kraevedcheskie zapiski. Issledovaniya i materialy. Trudy Gosudarstvennogo muzeya istorii Sankt-Peterburga. Vyp. 7 [Local history notes. Research and materials. Proceedings of the State Museum of the History of St. Petersburg. Issue 7]. 2000. P. 258-288.
75. Uglov F.G. Serdtse khirurga [The heart of the surgeon]. Kyzyl: Tuvin. kn. izd-vo, 1983. – 455 p.
76. Kasatonov V. F. Leningradskaya blokada v pamyati serdtsa: vospominaniya [Leningrad blockade in the memory of the heart: memories]. Brest: Al'ternativa, 2008. – 88 p.
77. Mitusova L.S. O prozhitom i sud'bakh blizkikh: Vospominaniya [About the past and the fate of loved ones: Memories]. St. Petersburg: Rerikhovskii tsentr SPbGU; Vyshnii Volochek: «Irida-pros», 2004. – 384 p.
78. Simonenko V.B., Magaeva S.V. Leningradskaya blokada: otkrytiya v oblasti biologii i meditsiny [Leningrad blockade: discoveries in biology and medicine]. Moscow: «Ekonomika i informatika», 2008. P. 182 p.
79. Sankt-Peterburgskie vedomosti. 2019. 28 yanvarya [St. Petersburg vedomosti. 2019. 28 January].
80. Zimnitskaya G.K. Blokadnye budni (Dnevnik leningradskoi devochki) [Siege weekdays (Diary of a Leningrad girl)] Blokada glazami ochevidtsev. Dnevnik i vospominaniya [The blockade through the eyes of eyewitnesses. Diaries and memoirs]. St. Petersburg: «OSTROV», 2012. P. 22-113.
81. Kalinin G.M. Zvukov zhizni ne bylo! [There were no sounds of life!] Blokada Leningrada. Narodnaya kniga pamyati [Leningrad blockade. People's book of memory]. Moscow: AST, 2014. P. 316-320.
82. Shumilina V.S. Vospominaniya [Memories] Blokadniy dnevnik. [Blockade diary]. Tallinn: [without publisher], 2005. P. 233-235.

© «Клио», 2020

© Пянкевич В.Л., 2020

**УДК 94(47) «1941/45»**

Дата поступления (Submitted): 22.11.2020

Дата принятия к печати (Accepted): 08.12.2020

**SERGEY A. ZHEVALOV,**

*Applicant of the Department of modern Russian history of the Institute of History and Politics of the Moscow Pedagogical State University,  
88 Vernadsky Avenue, 119571, Moscow, Russia  
E-mail: szhevalov@mail.ru*

**Food contribution of the Leningrad region to the Great Victory**

The purpose of the article is to study the supply of agricultural products in the Leningrad region during the Great Patriotic war. The relevance of the article is caused by constant discussions about the significance of the contribution to the Great Victory of domestic supplies of agricultural products. The documents that formed the basis of the article are contained in the collections of the Russian state archive of Economics. From archival sources, the total number of agricultural products of the Leningrad region delivered to the state in 1941–1945 is determined. To achieve this research goal, it is necessary to solve the following tasks: first, to determine the amount of grain received by the state during the war from the Leningrad region; second, to find out how many field crops were received by the country in these years; third, to identify the total delivery of livestock products from the peasant sector of the Leningrad region for all sources of procurement.

**Keywords:** *Soviet Union, Great Patriotic war of 1941–1945, Leningrad region, Soviet collective and state farm village, grain procurement, delivery of agricultural products.*



**СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ЖЕВАЛОВ,**

соискатель кафедры новейшей отечественной истории Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Россия, Москва, 119571,  
проспект Вернадского, дом 88  
E-mail: szhevalov@mail.ru

Целью статьи является изучение поставок продуктов сельскохозяйственного производства Ленинградской области в период Великой Отечественной войны. Актуальность статьи вызвана постоянными обсуждениями о значительности вклада в Великую Победу отечественных поставок сельскохозяйственных продуктов. Документы, составившие основу статьи, содержатся в фондах Российского государственного архива экономики (РГАЭ). Из архивных источников определяется общее количество сельхозпродуктов Ленинградской области, поставленных государству в 1941–1945 гг. Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, определить количество зерна, полученного государством во время войны от Ленинградской области; во-вторых, выяснить, сколько полеводческих культур поступило стране в указанные годы; в-третьих, выявить, суммарную сдачу продуктов животноводства крестьянского сектора Ленинградской области по всем источникам заготовок.

**Ключевые слова:** Советский Союз, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., Ленинградская область, советская колхозно-совхозная деревня, заготовки зерна, поставки сельскохозяйственной продукции.

## Продовольственный вклад Ленинградской области в Великую Победу

**И**сследование советского опыта сельскохозяйственных поставок продовольствия во время Великой Отечественной войны имеет огромное научное и практическое значение. В военный период в нашей стране были изысканы и использованы верные пути и методы применения внутренних источников государства.

Историография изучаемой проблемы велика и многообразна. Через два года после окончания войны увидела свет книга Н.А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» [1].

В 1960–1965 гг. вышла из печати 6-томная «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945» [2].

В 1963 году опубликована книга Ю.В. Арутюняна «Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны» [3].

«Советская экономика в период Великой Оте-

чественной войны, 1941–1945 гг.» [4] вышла в свет в 1970 году.

В 5-томнике «История крестьянства СССР. История Советского крестьянства» [5] вопросы продовольственного снабжения в военное время анализируются и рассматриваются в третьем томе.

Монография Я.Е. Чадаева «Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [6], стала весомым источником по этой теме.

Работа Н.И. Рыжкова «СССР и Германия: битва экономик» [7], издана в 2011 году.

К 70-летию Великой Победы выполнен труд «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» [8].

В 2018 году вышли в свет второй и третий тома коллективной работы «Страна в огне. Коренной перелом. 1942–1943» [9] и «Страна в огне. Освобождение. 1944–1945» [10].

Таблица 1 – Поставки зерна Ленинградской области в 1941–1945 гг., в тоннах [11]

<b>Зерновые культуры</b>	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Пшеница	10 515	1 201	2 134	1 606	401	492
Рожь	35 539	14 831	5 192	8 907	7 972	5 057
Овес	28 751	3 348	10 769	7 949	1 848	2 710
Ячмень	10 601	501	2 253	1 791	997	1 874
Гречиха	269	42	93	51	11	10
Горох	1 191	127	212	348	128	109
Вика	–	–	–	–	–	10
Зерносмесь, не распределено	1 357	81	2	249	158	74
<b>Итого</b>	<b>88 223</b>	<b>20 131</b>	<b>20 655</b>	<b>20 901</b>	<b>11 515</b>	<b>10 336</b>

Таблица 2 –  
Поставки зерна Ленинградской области в 1940–1945 гг. по источникам и видам поступлений (в тыс. пудов) [12]

Наименование источников поступления	1940 г	1941 г	1942 г	1943 г	1944 г	1945 г
Обязательная поставка	2 046	673	430	477	201	197
Натуроплата МТС	2 210	522	443	487	313	249
Возврат ссуд колхозами	1 029	14	326	7	17	30
Хлебный фонд Красной Армии и фонд обороны	–	4	62	88	108	9
Хлебосдача совхозов	18	16	–	3	2	28
Возврат ссуд совхозов	1	–	–	–	–	76
Не распределено	–	–	–	20	–	–
Гарнцевый сбор	–	–	–	23	11	35
Всего	5 304	1 229	1 261	1 105	652	624
Закупка	–	–	–	152	42	–
В счет других с/х прод.	82	–	–	4	–	–
Натуропл. и натуродерж.	–	–	–	15	9	7
Итого	5 386	1 229	1 261	1 276	703	631

Анализ научной работы предшественников позволяет выделить вопросы, которые необходимо более детально изучить. Рассекреченные архивные документы позволяют уточнить изученные вопросы, расширить и углубить ранее исследованные темы, а также неизученные проблемы.

В предлагаемой статье предъядвим поступление продуктов питания Ленинградской области по источникам и видам поставок в годы Великой Отечественной войны.

В фондах Российского государственного архива экономики находятся документы, которые воспроизведены в виде таблицы 1. В ней подробно расписаны поступления зерновых и бобовых в распределении по сельскохозяйственным культурам.

По таблице 1 видим, что во время Великой Отечественной войны колхозно-совхозная деревня Ленинградской области поставила государству более 83,5 тыс. тонн зерновых. Причем пшеницы и ржи страна получила почти 48 тыс. тонн или 57%

от суммарного количества зерна, сданного области в 1941–1945 гг.

Далее, по таблице 1 видно, что из урожаев 1941–1943 гг. общие поступления зерновых составили 20–21 тыс. тонн. Этого хлеба было в 4,2–4,4 раза меньше, чем Советский Союз получил от Ленинградской области в 1940 году. Сокращение поставок зерна объясняется тем, что большая часть области попала во временную оккупацию. И все-таки, несмотря на временную потерю территории, крестьяне и рабочие совхозов Ленинградской области увеличили заготовку зерновых урожая 1942 года против 1941 года на 3%, а 1943 года относительно 1941 года на 4%.

В июле–августе 1944 года образованы Новгородская и Псковская области и в их состав вошли районы Ленинградской области. Поэтому поставки зерновых Ленинградской области уменьшились в сравнении с 1943 годом.

В таблицу 2 впишем заготовки зерна Ленин-

Таблица 3 – Поступление продуктов полеводства Ленинградской области в 1940–1945 гг. (в тоннах) [13]

Сельхозкультуры	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Картофель	320 924	63 090	42 308	50 316	28 180	37 889
Овощи, всего	87 160	17 915	72 150	68 921	39 641	41 207
Капуста	33 020	13 039	12 107	13 951	8 008	13 589
Лук репчатый	2 006	311	281	138	124	55
Огурцы	11 340	1 145	1 671	1 253	513	574
Помидоры	6 068	275	414	330	111	175
Морковь	15 220	1 829	2 584	2 579	1 841	5 050
Свекла столовая	13 604	1 316	4 882	6 511	1 507	2 344
Прочие овощи	2 787	–	4	–	4 266	–
Льноволокно	15 514	980	3 581	3 740	185	27
Семена льна	8 821	1 445	2 372	2 173	59	34

Таблица 4 – Заготовки животноводческих продуктов Ленинградской области в 1940–1945 гг. (в тоннах) [14]

Продукты животноводства	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Мясо	31 497	27 834	12 408	2 730	610	1 310
Молоко	197869	150319	15 355	7 753	6 196	10 355
Яйца (тыс. шт.)	1 261	13 745	2 519	1 900	361	880
Шерсть	228	167	50	48	28	25

градской области во время войны по источникам и видам поступлений.

По величинам таблицы 2 видим, что из урожаев 1941–1945 гг. колхозы и совхозы Ленинградской области заготовили Советскому Союзу почти 4,9 млн. пудов хлеба. Из них почти 4,8 млн. пудов заготовили колхозы (97%) и 125 тыс. пудов (3%) – совхозы.

По закупке страна дополнительно получила еще 194 тыс. пудов. Также 4 тыс. пудов зерна поступило в счет других сельскохозяйственных культур и 31 тыс. пудов – по другим источникам поступления.

Таким образом, суммарные поступления хлеба Ленинградской области во время Великой Отечественной войны года составили 5,1 млн. пудов, в том числе в хлебный фонд Красной Армии и фонд обороны поступило 271 тыс. пудов зерновых.

Рассмотрим показатели таблицы 3, в которой собраны поступления полеводческой сельскохозяйственной продукции Ленинградской области за период Великой Отечественной войны.

По цифрам таблицы 3 определяем, что в период с 1941 по 1945 гг. сельскохозяйственные работники Ленинградской области сдали государству почти 222 тыс. тонн картофеля.

Также в годы войны труженики сельскохозяйственного производства Ленинградской области заготовили стране 240 тыс. тонн овощей, в том числе капусты – 60,7 тыс. тонн, лука репчатого – 909 тонн, огурцов – 5,2 тыс. тонн, помидоров – 1,3 тыс. тонн, 13,9 тыс. тонн моркови, 16,6 тыс. тонн свеклы столовой, а также 4,3 тыс. тонн прочих овощей.

По таблице 3 видим, что за 1941 г. от области страна получила 8 513 тонн льна-долгунца и 6 083

тонн семян льна.

В таблице 4 воспроизведем поставки животноводческих продуктов Ленинградской области в период войны.

В 1941–1945 гг. работники сельскохозяйственного производства Ленинградской области поставили стране почти 45 тыс. тонн мяса в живом весе и 190 тыс. тонн молока.

Советский Союз в период 1941–1945 гг. получил от Ленинградской области более 19,4 млн. шт. яиц.

Во время Великой Отечественной войны колхозно-совхозная деревня Ленинградской области сдала СССР 318 тонн шерсти.

Таким образом, рассмотрев заготовки сельскохозяйственных продуктов Ленинградской области, можно сделать нижеследующие выводы.

Война сильно подорвала сельское хозяйство Советского Союза в целом. В период Великой Отечественной войны поставки всех сельскохозяйственных продуктов государству сократились. Но самый большой урон изо всех областей и краев РСФСР в результате войны получила Ленинградская область. Как было показано выше, заготовки зерновых из урожаев 1941–1943 гг. снизились более чем в 4 раза, мясоставки уменьшились в 1943 году более чем в 11 раз, поступления молока в 1942–1944 гг. сократились в 13–32 раза относительно 1940 года.

После изгнания немецко-фашистских захватчиков от берегов Невы, заготовки мяса, молока, яиц, картофеля, овощей Ленинградской области стали возрастать. Таким образом, уже в ходе Великой Отечественной войны началось восстановление колхозно-совхозного производства сельскохозяйственной продукции Ленинградской области.

#### Литература и источники

1. Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Государственное издательство политической литературы, 1947. 192 с.
2. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. В 6-ти томах. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1960–1965. Т. 6. 624 с.
3. Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. 460 с.
4. Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / ред. И.А. Гладков. М.: Наука, 1970. 504 с.
5. История крестьянства СССР. История Советского крестьянства. В пяти томах. М.: Наука, 1986–1988. Т. 3. 448 с.
6. Чадаев Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)/Я.Е. Чадаев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Мысль, 1985. 494 с.
7. Рыжков Н.И. Великая Отечественная: битва экономик и оружие Победы / Н.И. Рыжков. М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2011. 448 с.
8. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. М.: Кучково поле, 2014. Т. 7. 864 с.
9. Страна в огне: В 3 т. Т. 2. Коренной перелом. 1942–1943: В 2 кн./ Отв. ред. Литвин А.М., Никифоров Ю.А. М.: «Абрис», 2018. 734 с.
10. Страна в огне: В 3 т. Т. 3. Освобождение. 1944–1945: В 2 кн. / Отв. ред. Литвин А.М., Мягков М.Ю. М.: «Абрис», 2018. 717 с.

11. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8040. Народный комиссариат заготовок СССР. Оп. 3: Д. 749. Л. 10–12; Д. 865. Л. 5–6, 51–52, 66–68; Д. 865 а. Л. 5–6, 9–10, 22; Д. 980. Л. 2; Д. 982. Л. 3–5; Д. 987. Л. 98–99; Д. 1108. Л. 21, 25–28, 62–63; Д. 1116. Л. 2–3; Д. 1117. Л. 32–33; Д. 1126. Л. 155–156, 166–168, 237–238; Д. 1151. Л. 5, 226–227; Д. 1307. Л. 140–145; Д. 1308. Л. 1–3.
12. РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3: Д. 603. Л. 128–130, 133–135; Д. 749. Л. 10–12; Д. 865. Л. 40, 51–52, 67–68; Д. 865 а. Л. 5–6; Д. 979. Л. 23, 31; Д. 982. Л. 5; Д. 987. Л. 98–99; Д. 988. Л. 35–36, 68, 256–257; Д. 989. Л. 159; Д. 1108. Л. 21, 30–34, 58–59; Д. 1126. Л. 68–70, 155–156, 237–238; Д. 1307. Л. 70–71, 111–112, 118–133.
13. РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3: Д. 296. Л. 1–18; Д. 479. Л. 40; Д. 639. Л. 1, 13; Д. 768. Л. 1, 21–23; Д. 772. Л. 25; Д. 773. Л. 1; Д. 775. Л. 8; Д. 776. Л. 1–3; Д. 777. Л. 5–6; Д. 778. Л. 1–5; Д. 781. Л. 1; Д. 879. Л. 1–4, 20–29; Д. 881. Л. 4, 10–11, 21; Д. 882. Л. 1–2, 25, 35–36; Д. 883. Л. 25; Д. 885. Л. 2–3; Д. 995. Л. 5, 7, 15; Д. 996. Л. 1–2; Д. 998. Л. 25–26; Д. 1000. Л. 1–2, 5–6, 9–10; Д. 1004. Л. 3; Д. 1007. Л. 1–5; Д. 1009. Л. 3; Д. 1124. Л. 1–3; Д. 1128. Л. 16; Д. 1131а. Л. 17–19; Д. 1136. Л. 1–4; Д. 1138. Л. 1–6; Д. 1141. Л. 1–2; Д. 1313. Л. 1–2, 7–8, 28–29; Д. 1318. Л. 8; Д. 1319. Л. 1–4; Д. 1320. Л. 16; Д. 1321. Л. 1–2; Д. 1323. Л. 1–4; Д. 1324. Л. 1–2; Д. 1443. Л. 3–4; Д. 1534. Л. 4, 5, 10–12; Д. 1892. Л. 1.
14. РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3: Д. 65. Л. 198–201; Д. 65а. Л. 200–201; Д. 683. Л. 52–58, 68; Д. 814. Л. 1, 10; Д. 803. Л. 12–14, 18–19, 22–28, 30, 33–34, 40–42, 51–59, 83; Д. 816. Л. 3–4; Д. 820. Л. 1–2; Д. 821. Л. 1–2, 8; Д. 929. Л. 31–33; Д. 931. Л. 4–10; Д. 935. Л. 1–2, 57–58; Д. 937. Л. 32; Д. 938. Л. 1–2; Д. 939. Л. 30–31; Д. 1022. Л. 65–66; Д. 1022а. Л. 38, 69–70; Д. 1032. Л. 71–72, 77–79; Д. 1068. Л. 1–2, 63; Д. 1069. Л. 1–2; Д. 1070. Л. 1–2; Д. 1081. Л. 1–2, 37–39; Д. 1082. Л. 49, 60–62; Д. 1151. Л. 23–24; Д. 1151а. Л. 25–26, 59–62, 65–66; Д. 1242. Л. 1–2, 94; Д. 1244. Л. 31–32; Д. 1341. Л. 48–51, 54–55; Д. 1384. Л. 1–2, 21–22; Д. 1441. Л. 1–10; Д. 1442. Л. 1–2; Д. 1447. Л. 15; Д. 1448. Л. 3–4, 98–99.

## References

1. Voznesenskiy N.A. Voennaya ekonomika SSSR v period Otechestvennoy voyny [Military Economy of the USSR during the Patriotic War]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1947. 192 p.
2. Istoriya Velikoy Otechestvennoy voyny Sovetskogo Soyuza 1941–1945. V 6-ti tomakh [The history of the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945]. Moscow: Voennoe izdatel'stvo Ministerstva oborony SSSR Publ., 1960–1965. T. 6. 624 p.
3. Arutyunyan Yu.V. Sovetskoe krest'yanstvo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Soviet peasants during the Great Patriotic War]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1963. 460 p.
4. Sovetskaya ekonomika v period Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. [The Soviet economy during the Great Patriotic War of 1941–1945] / red. I.A. Gladkov. Moscow: Nauka Publ., 1970. 504 p.
5. Istoriya krest'yanstva SSSR. Istoriya Sovetskogo krest'yanstva. V pyati tomakh [History of the peasantry of the USSR. History of the Soviet peasantry]. Moscow: Nauka Publ., 1986–1988. T. 3. 448 p.
6. Chadaev Ya.E. Ekonomika SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.) [Economy of the USSR during the Great Patriotic War (1941–1945)] / Ya.E. Chadaev. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow: Mysl' Publ., 1985. 494 p.
7. Ryzhkov N.I. Velikaya Otechestvennaya: bitva ekonomik i oruzhie Pobedy [The Great Patriotic War: the Battle of Economies and the Victory Weapons]. Moscow: Izdatel'skiy dom «Ekonomicheskaya gazeta» Publ., 2011. 448 p.
8. Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 godov. V 12-ti t. [The Great Patriotic War of 1941–1945] Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2014. Vol. 7. 864 p.
9. Strana v ogne: V 3 t. T. 2. Korennoy perelom. 1942–1943: [Country on fire. Radical change] V 2 kn./ Ed. Litvin A.M., Nikiforov YU.A. Moscow: «Abriss» Publ., 2018. 734 p.
10. Strana v ogne: V 3 t. T. 3. Osvobozhdeniye. 1944–1945: [Country on fire. Liberation]. Moscow: «Abriss» Publ., 2018. 717 p.
11. Russian State Archives of Economics (RGAE). F. 8040. People's Commissariat of Procurements of the USSR. Op. 3: Д. 749. Л. 10–12; Д. 865. Л. 5–6, 51–52, 66–68; Д. 865 а. Л. 5–6, 9–10, 22; Д. 980. Л. 2; Д. 982. Л. 3–5; Д. 987. Л. 98–99; Д. 1108. Л. 21, 25–28, 62–63; Д. 1116. Л. 2–3; Д. 1117. Л. 32–33; Д. 1126. Л. 155–156, 166–168, 237–238; Д. 1151. Л. 5, 226–227; Д. 1307. Л. 140–145; Д. 1308. Л. 1–3.
12. RGAE. F. 8040. Op. 3: Д. 603. Л. 128–130, 133–135; Д. 749. Л. 10–12; Д. 865. Л. 40, 51–52, 67–68; Д. 865 а. Л. 5–6; Д. 979. Л. 23, 31; Д. 982. Л. 5; Д. 987. Л. 98–99; Д. 988. Л. 35–36, 68, 256–257; Д. 989. Л. 159; Д. 1108. Л. 21, 30–34, 58–59; Д. 1126. Л. 68–70, 155–156, 237–238; Д. 1307. Л. 70–71, 111–112, 118–133.
13. RGAE. F. 8040. Op. 3: Д. 296. Л. 1–18; Д. 479. Л. 40; Д. 639. Л. 1, 13; Д. 768. Л. 1, 21–23; Д. 772. Л. 25; Д. 773. Л. 1; Д. 775. Л. 8; Д. 776. Л. 1–3; Д. 777. Л. 5–6; Д. 778. Л. 1–5; Д. 781. Л. 1; Д. 879. Л. 1–4, 20–29; Д. 881. Л. 4, 10–11, 21; Д. 882. Л. 1–2, 25, 35–36; Д. 883. Л. 25; Д. 885. Л. 2–3; Д. 995. Л. 5, 7, 15; Д. 996. Л. 1–2; Д. 998. Л. 25–26; Д. 1000. Л. 1–2, 5–6, 9–10; Д. 1004. Л. 3; Д. 1007. Л. 1–5; Д. 1009. Л. 3; Д. 1124. Л. 1–3; Д. 1128. Л. 16; Д. 1131а. Л. 17–19; Д. 1136. Л. 1–4; Д. 1138. Л. 1–6; Д. 1141. Л. 1–2; Д. 1313. Л. 1–2, 7–8, 28–29; Д. 1318. Л. 8; Д. 1319. Л. 1–4; Д. 1320. Л. 16; Д. 1321. Л. 1–2; Д. 1323. Л. 1–4; Д. 1324. Л. 1–2; Д. 1443. Л. 3–4; Д. 1534. Л. 4, 5, 10–12; Д. 1892. Л. 1.
14. RGAE. F. 8040. Op. 3: Д. 65. Л. 198–201; Д. 65а. Л. 200–201; Д. 683. Л. 52–58, 68; Д. 814. Л. 1, 10; Д. 803. Л. 12–14, 18–19, 22–28, 30, 33–34, 40–42, 51–59, 83; Д. 816. Л. 3–4; Д. 820. Л. 1–2; Д. 821. Л. 1–2, 8; Д. 929. Л. 31–33; Д. 931. Л. 4–10; Д. 935. Л. 1–2, 57–58; Д. 937. Л. 32; Д. 938. Л. 1–2; Д. 939. Л. 30–31; Д. 1022. Л. 65–66; Д. 1022а. Л. 38, 69–70; Д. 1032. Л. 71–72, 77–79; Д. 1068. Л. 1–2, 63; Д. 1069. Л. 1–2; Д. 1070. Л. 1–2; Д. 1081. Л. 1–2, 37–39; Д. 1082. Л. 49, 60–62; Д. 1151. Л. 23–24; Д. 1151а. Л. 25–26, 59–62, 65–66; Д. 1242. Л. 1–2, 94; Д. 1244. Л. 31–32; Д. 1341. Л. 48–51, 54–55; Д. 1384. Л. 1–2, 21–22; Д. 1441. Л. 1–10; Д. 1442. Л. 1–2; Д. 1447. Л. 15; Д. 1448. Л. 3–4, 98–99.

© «Клио», 2020

© Жевалов С.А., 2020

**УДК 94(470)**

Дата поступления (Submitted): 27.11.2020

Дата принятия к печати (Accepted): 10.12.2020

**ZAKHAR VIKTOROVICH MANATSKOV**

*Independent researcher  
195220, Russia, St. Petersburg, Grazhdansky  
Prospect, 11, office 1 N.  
E-mail: poltorak2006@yandex.ru*

**ANASTASIYA VALERYEVNA ZOTOVA**

*Doctor of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of  
the Department of International Relations in the Post-Soviet Area,  
Saint-Petersburg State University. 199034, Russia,  
St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7-9.  
E-mail: anastasiyazotova@mail.ru*

## **Petersburg and Shanghai: a history of international cooperation**

The article examines the dynamics of international cooperation between the twin cities of St. Petersburg and Shanghai. It is noted that the most active comprehensive relations between the two megacities developed in the last quarter of a century. This is largely due to the desire of Russia and China to provide support for each other in the emerging multipolar world and the growing competition between states. The authors emphasize that one of the most effective levers in the work of the mechanism of international cooperation is parliamentary ties. The relationship between the deputies of the Legislative Assembly of St. Petersburg and the Standing Committee of the Assembly of People's Representatives of the city of Shanghai is considered as an example. It is noted that in modern conditions the peculiar mediating role of parliamentarians between wide layers of business representatives of the two cities is increasing. An example of this is the activity in St. Petersburg of a subsidiary of the Shanghai Foreign Joint Investment Company CJSC Baltic Pearl – the largest investment project in China. The main form of international cooperation between St. Petersburg and Shanghai has become the work of parliamentary delegations of the two cities, the intensity of visits to which has noticeably increased in recent years. The conclusion is made that, unlike other sister-city relations, the relations between St. Petersburg and Shanghai are characterized by the scale of investment projects, unprecedented business activity and trust in the exchange of information.

**Keywords.** *St. Petersburg, Shanghai, twin cities, international relations, parliamentary diplomacy.*

**ЗАХАР ВИКТОРОВИЧ МАНАЦКОВ**

*Независимый исследователь  
195220, Россия, г. Санкт-Петербург,  
Гражданский проспект, д. 11, офис 1 Н.  
E-mail: poltorak2006@yandex.ru*

**АНАСТАСИЯ ВАЛЕРЕВНА ЗОТОВА**

*Доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры  
международных отношений на постсоветском пространстве Санкт-  
Петербургского государственного университета. 199034, Россия,  
Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7-9.  
Электронная почта: anastasiyazotova@mail.ru*

В статье исследуется динамика международного сотрудничества городов-побратимов Санкт-Петербурга и Шанхая. Отмечается, что наиболее активно всесторонние отношения двух мегаполисов развивались в последнюю четверть века. Во многом это связано со стремлением России и Китая обеспечить поддержку друг друга в условиях формирующегося многополярного мира и усиливающейся в связи с этим конкурентной борьбы между государствами. Авторы подчеркивают, что одним из наиболее эффективных рычагов в работе механизма международного сотрудничества являются парламентские связи. В качестве примера рассматриваются взаимоотношения депутатов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга и Постоянного Комитета Собрания Народных Представителей города Шанхая. Отмечается, что в современных условиях усиливается своеобразная посредническая роль парламентариев между широкими слоями представителей бизнеса двух городов. Пример тому – деятельность в Петербурге дочерней фирмы Шанхайской заграничной объединенной инвестиционной компании ЗАО «Балтийская жемчужина» – самого крупного инвестиционного проекта Китая. Основной формой междуна-

родного сотрудничества Петербурга и Шанхая стала работа парламентских делегаций двух городов, интенсивность посещений которых в последние годы заметно усилилась. Делается вывод о том, что, в отличие от других побратимских связей, отношениям Петербурга и Шанхая присущи масштабность инвестиционных проектов, небывалая деловая активность и доверительность в обмене информацией.

**Ключевые слова.** Санкт-Петербург, Шанхай, города-побратимы, международные отношения, международные связи, парламентская дипломатия.

## Петербург и Шанхай: история международного сотрудничества

**М**еждународное сотрудничество Петербурга и Шанхая имеет давнюю историю. Оно исчисляется многими десятилетиями и своими корнями уходит в историю XIX века. Но на рубеже XIX и XXI веков отношения между этими городами стали развиваться особенно интенсивно, что было обусловлено не только экономической заинтересованностью, но и взаимным культурным интересом. Став в разгар Перестройки городами-побратимыми, Петербург и Шанхай в постсоветское время, несмотря на сложную политическую ситуацию в мире, с каждым годом наращивали потенциал своих двусторонних отношений.

Побратимство в широком смысле слова – это, прежде всего, духовная связь людей. Часто она бывает прочнее кровных связей. Города – живые организмы. Им тоже свойственны духовные связи, не говоря уже о связях меркантильных. При всем различии культур, истории, ментальности у жителей Петербурга и Шанхая много общего. Оба города стоят у моря и представляют собой два очень крупных города-порта. И Петербург, и Шанхай – мощные культурные центры, заметно влияющие на духовную жизнь своих государств. Шанхай – один из крупнейших в мире экономических и финансовых центров, в нем развиваются самые передовые технологии. Петербург, как известно, тоже крупный экономический центр, славящийся своей наукой и образованием. Так что, предпосылки к духовному сближению этих двух похожих и непохожих городов сформировались давно. На излете существования Советского Союза, 15 декабря 1988 года два этих города стали городами-побратимыми [1]. В этих побратимских связях есть много сложных влияний, которые как теплые и холодные течения формируют общий микроклимат. Среди них заметную роль в укреплении братских отношений играют парламентские связи. Кстати, прямые региональные контакты в XXI веке стали характерной чертой как дипломатии вообще, так и народной дипломатии, в частности. К 2017 году в отношениях между Россией и Китаем сложились 234 партнерские пары. В том числе 143 пары на уровне муниципалитетов и 91 пара на уровне субъектов Федерации [2].

Первые постсоветские годы были очень сложны как для России в целом, так и для Петербурга, в частности. На время пришлось забыть не только о побратимских связях, но и о размеренной жизни вообще, поскольку проблема государственного и узко человеческого выживания была для россиян не просто фразой. К счастью, к середине 1990-х

годов шок после развала СССР начал исчезать, и на смену ему пришли мысли о путях дальнейшего развития. Стало ясно, что многое из прежнего советского багажа нельзя потерять, а нужно сбросить и по возможности преумножить. В числе таких ценностей оказались и побратимские связи. Среди них – побратимские связи Петербурга и Шанхая.

22-29 июня 1996 года впервые по приглашению Законодательного Собрания Санкт-Петербурга Северную столицу посетила делегация ПК СНП города Шанхая, которую возглавлял заместитель Председателя ПК СНП Ху Чженчан. С 25 по 27 ноября 1996 года в Законодательное Собрание Санкт-Петербурга приехала делегация Аппарата ВСНП. Месяц спустя в Китайскую Народную Республику отправилась делегация Законодательного Собрания Санкт-Петербурга во главе с Ю.А. Кравцовым. 20 декабря в Шанхае было подписано Соглашение о сотрудничестве между Законодательным Собранием Санкт-Петербурга и Постоянным Комитетом Собрания народных представителей города Шанхая. Вскоре по непосредственному приглашению Законодательного Собрания Санкт-Петербурга 11-18 декабря 1997 года город на Неве посетила делегация ПК СНП г. Шанхая во главе с заместителем Председателя ПК СНП Сунь Гуйчжаном.

Основной формой укрепления побратимских связей между парламентами Петербурга и Шанхая стал обмен делегациями. 11-18 октября 1999 года Законодательное Собрание Санкт-Петербурга принимало делегацию Постоянного Комитета Совета Народных Представителей города Шанхая во главе с заместителем Председателя ПК СНП Ци Шигуем. С 3 по 8 сентября 2001 года в Петербурге вновь пребывала делегация парламента Шанхая. По времени приезд этой делегации совпал с посещением Санкт-Петербурга и Законодательного Собрания премьер-министра Госсовета КНР Чжу Жунцзы, который находился в Санкт-Петербурге в связи с проведением Российско-китайских переговоров на высшем уровне. С 9 по 15 октября 2002 года осуществлялся прием делегации СНП г. Шанхая во главе с председателем Комитета по экономике и финансам СНП госпожой Чжан Янь.

Результаты двусторонних побратимских отношений стали весьма заметны. Не случайно посетивший Законодательное Собрание Санкт-Петербурга Председатель Постоянного Комитета Всекитайского Совета Народных Представителей У Банго отметил: «Шанхай и Санкт-Петербург яв-

ляются важными экономическими центрами. Между этими городами есть много общего: у обоих есть сильное желание углублять кооперацию. Надеюсь, что два города возьмут на себя ведущую региональную роль, основываясь на принципе взаимной выгоды и углубляя торгово-экономическое сотрудничество, улучшая инвестиционную среду и поощряя участие крупных предприятий, продвигая крупные инвестиционные проекты» [3]. Кстати, в том же году по приглашению петербургских парламентариев город на Неве посетили две делегации из Шанхая. 7 сентября гостями Мариинского дворца стали представители делегация СНП г. Шанхая во главе с заместителем председателя ПК СНП господином Бао Цзинбао [4].

2000-е годы стали периодом стабильного посещения китайскими парламентариями города на Неве. 8-15 декабря 2004 года Мариинский дворец посетила делегация СНП г. Шанхая во главе с председателем ПК СНП г. Шанхая господином Гун Сюэпином. Также гостями Законодательного Собрания стала шанхайская делегация, которую возглавлял 27-29 мая 2005 года заместитель председателя ПК СНП господин Чжоу Муяо. 18 апреля 2006 года состоялась встреча делегации петербургских парламентариев с депутатами Городского Собрания Народных Представителей Шанхая, в ходе которой обсуждались вопросы правовой поддержки развития сотрудничества между двумя законодательными органами. Встреча проводилась в рамках мероприятий, приуроченных к Неделе Санкт-Петербурга в Шанхае [5]. 5-7 июня 2006 года гостями Законодательного Собрания Санкт-Петербурга вновь стала делегация СНП г. Шанхая во главе с председателем ПК СНП г. Шанхая господином Гун Сюэпином [6]. 5 июня было подписано Соглашение о дружественном сотрудничестве между Законодательным Собранием Санкт-Петербурга (Российская Федерация) и Постоянным Комитетом Собрания Народных Представителей города Шанхай (Китайская Народная Республика) [7]. Обе стороны также провели предметные переговоры об ускорении расширения экономического и культурного сотрудничества между двумя городами. Делегация осматривала строительную площадку проекта «Балтийская жемчужина», крупнейшего зарубежного инвестиционного проекта Шанхая. Гун Сюэпин перерезал ленточку перед жилым комплексом «Балтийская жемчужина» [8].

По просьбе Генерального консульства Китайской Народной Республики в Санкт-Петербурге 4 июля 2006 года в Законодательном Собрании состоялась прием делегации во главе с заместителем председателя Политического консультативного совета г. Шанхая господином Ван Жунхуа [9].

Прочные связи сложились у Законодательного Собрания Санкт-Петербурга с Постоянным Комитетом Собрания Народных Представителей Шанхая. Новое соглашение о дружественном сотрудничестве с этой организацией было подписано в

2007 году. Дважды в 2007 году Законодательное Собрание Санкт-Петербурга посещали делегации города-побратима Шанхая. 30 мая – 1 июня с официальным визитом в Петербурге побывала делегация ПК СНП г. Шанхая во главе с заместителем председателя ПК СНП господином Чжоу Муяо, а 10-20 июня – делегация СНП г. Шанхая во главе с заместителем председателя ПК СНП г. Шанхая господином Чжоу Юпэнэном.

Парламентские делегации из Петербурга посещали своих коллег в Шанхае и раньше. В мае 2002 года делегация петербургских парламентариев во главе с В.С. Ягьей посетила провинцию Ханчжоу, особое внимание уделив пребыванию в г. Шанхае. В.С. Ягья уже тогда имел огромный опыт работы в Законодательном Собрании Санкт-Петербурга. Он был не только известным парламентарием, но и выдающимся ученым-историком, доктором исторических наук, профессором. Блестящий аналитик, он оставил немало воспоминаний о поездках в Шанхай, в том числе и весной 2002 года. Рассказывая читателям газеты «Санкт-Петербургские ведомости» о той поездке, Ватаняр Саидович отмечал: «Этот визит в Китай для петербургских депутатов уже четвертый по счету. Дело в том, что еще в 1996 г. было подписано соглашение между нашим ЗакСом и Шанхайским собранием народных представителей, где, в частности, был предусмотрен ежегодный обмен делегациями для знакомства с опытом законотворчества в области социальных проблем, хозяйственной работы, культуры и т.д. При этом предусматривалась и возможность прямого диалога с населением Шанхая и, соответственно, Петербурга. По нечетным годам у нас обязательно бывают депутаты из Шанхая, а по четным наша делегация посещает Китай. Во время нашей майской поездки китайская сторона предложила вдвое участить этот обмен, считая его для себя очень полезным. На этот раз мы посетили не только Шанхай, но и Пекин, где к нам проявило заметный интерес Всекитайское Собрание Народных Представителей» [10, с. 589].

Как показала дальнейшая практика, обмен парламентскими делегациями стал происходить не реже чем раз в полгода. В ноябре 2007 года делегация петербургских парламентариев во главе с полномочным представителем Законодательного Собрания по международным связям В.С. Ягьей посетила Шанхай и Гуйлин. Делегация петербургских парламентариев во главе с заместителем Председателя Законодательного Собрания С.А. Анденко в августе 2008 года посетила Пекин и Шанхай.

16-21 мая 2009 года Санкт-Петербург и Мариинский дворец посетила делегация СНП города Шанхая во главе с заместителем председателя ПК СНП г. Шанхая Ван Пэйшэном. 22 мая в Красном зале Мариинского дворца состоялась встреча полномочного представителя Законодательного Собрания Санкт-Петербурга по международным связям В.С. Ягьи с делегацией Пудиносской акаде-

мии руководящих кадров г. Шанхая [11]. Депутат В.С. Ягья рассказал гостям о вкладе Законодательного Собрания Санкт-Петербурга в развитие международных связей и, в частности, в укрепление всестороннего сотрудничества между парламентариями Санкт-Петербурга и Шанхая.

29 мая 2009 года по просьбе ректора Северо-Западной академии государственной службы А.С. Горшкова в Законодательном Собрании Санкт-Петербурга была проведена экскурсия для членов делегации Шанхайского административного института во главе с вице-президентом Ван Гуопином [12].

В декабре 2010 года официальная делегация во главе с полномочным представителем Законодательного Собрания Санкт-Петербурга по международным связям В.С. Ягьей посетила города Шанхай и Циндао. 17 декабря в Шанхае на званном обеде, организованном в честь делегации петербургских парламентариев, были обсуждены перспективные направления сотрудничества в экономической и социальной сферах. Ватаняр Саидович отметил, что хотя он бывал в Шанхае много раз, каждый раз, когда он посещает этот город, он чувствует давнюю традиционную глубокую дружбу между Россией и Китаем. Петербургский парламентарий обратил внимание на то, что достижения Шанхая в различных областях в последние годы привлекают внимание всего мира, он выразил готовность к работе над укреплением обменов и сотрудничества между двумя законодательными органами [13].

24-28 июня 2011 года по приглашению Законодательного Собрания Санкт-Петербурга город на Неве посещала делегация СНП г. Шанхая во главе с заместителем председателя бюджетного комитета Ван Чжунюном. 27 февраля 2012 года Мариинский дворец посетила делегация СНП г. Шанхая во главе с председателем ПК СНП Лю Юнгэном. Китайскую делегацию приветствовал Председатель Законодательного Собрания Санкт-Петербурга В.С. Макаров, который отметил: «Сегодняшняя встреча является знаковой, поскольку это пятьдесят первая по счету шанхайская делегация, посетившая наш город. Мы заинтересованы в дальнейшем развитии экономических, торговых и культурных связей с Китаем. В настоящее время экспорт Санкт-Петербурга в Китай составляет 150 млн долларов в год – это 23-е место среди наших зарубежных партнеров. Успешно реализуются совместные проекты, в том числе, строительство уникального комплекса «Балтийская жемчужина». Комплекс включает в себя не только жилые площади, рассчитанные на 35 тысяч человек, но и всю необходимую социальную инфраструктуру (магазины, пункты общественного питания, поликлиники, спортивный комплекс)» [14]. Во время встречи состоялся обмен опытом работы по вопросам регионального законодательства и контроля, а также формирования бюджета [15]. По мнению китайских экспертов, «Укрепление дружеских от-

ношений с Постоянным комитетом Собрания народных представителей Шанхая это утвержденная политика, которой Законодательное собрание Санкт-Петербурга придерживается уже долгое время» [16].

В сентябре 2012 года Шанхай и город Санья посетила официальная делегация Законодательного Собрания Санкт-Петербурга во главе с Председателем В.С. Макаровым. В свою очередь 19-24 октября Мариинский дворец посетила делегация СНП г. Шанхая, которую возглавил председатель комитета внешних связей Инь Бэйи.

12 июля 2013 года в Мариинском дворце состоялась встреча председателя постоянной комиссии Законодательного Собрания Санкт-Петербурга по образованию, культуре и науке, члена постоянной комиссии по промышленности, экономике и собственности и профильной комиссии по транспортному комплексу М.Л. Резника с делегацией Постоянного Комитета Собрания Народных Представителей г. Шанхая во главе с заместителем Председателя господином Чжун Яньцюнем. Во время встречи обсуждались перспективы взаимного сотрудничества в области культуры, дальнейшего развития экономических и финансовых отношений. Стороны обменялись опытом решения проблем в области демографической политики, загрязнения окружающей среды и градостроительства [17].

5 сентября 2013 года было заключено Соглашение о сотрудничестве между Правительством Санкт-Петербурга (Российская Федерация) и Народным правительством г. Шанхая (Китайская Народная Республика). Это стало еще одним шагом в укреплении побратимских отношений двух городов [18].

Делегация Законодательного Собрания Санкт-Петербурга во главе с заместителем Председателя С.А. Анденко с 23 по 29 апреля 2014 года по приглашению Председателей Постоянных Комитетов Собраний Народных Представителей городов Шанхая и Циндао посетила эти города. В состав делегации петербургских парламентариев также вошли депутаты Т.Я. Захаренкова, Л.Ф. Седейкиене, В.Я. Дмитриев и В.Б. Ларионов.

Парламентарии Петербурга и Шанхая не только тесно сотрудничают между собой, но и приобретают богатый опыт практической деятельности, становясь своеобразными проводниками в работе бизнесменов двух стран.

Например, 29 августа 2017 года в Мариинском дворце состоялась встреча петербургских парламентариев с представителями китайского бизнеса и, в частности, Шанхайской фармацевтической компанией во главе с ее генеральным директором Цзо Минем. В состав делегации также входили председатель совета директоров ЗАО «Балтийская жемчужина» Су Линь, заместители генерального директора Шанхайской фармацевтической корпорации Мао Цзяньи и Лю Давэй, ведущий менеджер департамента по инвестициям и разви-



тию Шанхайской фармацевтической корпорации Хань Сяо, директор департамента администрации и персонала ЗАО «Балтийская жемчужина» Ван Юй и ведущий менеджер ЗАО «Балтийская жемчужина» Чэнь Таньхао [19]. Делегацию встречала председатель постоянной комиссии по социальной политике и здравоохранению Е.Ю. Киселева, полномочный представитель Председателя Законодательного Собрания Санкт-Петербурга по международным связям В.С. Ягья и начальник управления внешних связей Аппарата Законодательного Собрания Санкт-Петербурга Н.А. Ахадова. Китайские фармацевты рассказали петербургскому депутату о деятельности своей фирмы, которая занимает в сфере производства лекарств лидирующие позиции. Господин Цзо Минь сообщил о том, что его компания планирует разместить в Санкт-Петербурге свое производство по изготовлению лекарственных средств и клинику китайской народной медицины. Е.Ю. Киселева с интересом отнеслась к информации китайских фармацевтов, сообщив им в свою очередь, что в Санкт-Петербурге успешно развивается медико-фармацевтический кластер, а химико-фармацевтическая отрасль в целом представляет собой точку роста городской экономики. Председатель комиссии по социальной политике и здравоохранению рассказала китайским гостям о том, что Санкт-Петербург, как один из крупнейших инвестиционных центров России, готов к долгосрочному сотрудничеству с зарубежными инвесторами [20].

Во время встречи Е.Ю. Киселева подчеркнула, что петербургские парламентарии особенно рады приветствовать компании, которые стремятся инвестировать средства в развитие социально значимых областей экономики города. Законодательное Собрание Санкт-Петербурга твердо намерено защищать интересы зарубежных компаний, которые вкладывают свои средства в экономику города на Неве. Петербургское законодательство по поддержке инвестиций считается одним из наиболее прогрессивных в Российской Федерации. Основными документами, регламентирующими инвестиционную политику в Санкт-Петербурге, являются Закон Санкт-Петербурга «О государственной поддержке инвестиционной деятельности на территории Санкт-Петербурга» и Закон Санкт-Петербурга «О стратегических инвестиционных проектах, стратегических инвесторах и стратегических партнерах Санкт-Петербурга». На основании этих документов зарубежные инвесторы получают существенные преференции и льготы в процессе вкладывания средств в экономику Санкт-Петербурга.

Именно побратимские связи стали основой создания грандиозного проекта ЗАО «Балтийская жемчужина». 14 марта 2014 года офис компании ЗАО «Балтийская жемчужина» посетил Председатель Законодательного Собрания Санкт-Петербурга В.С. Макаров. Он провел беседу с

руководителями этого проекта, среди которых были председатель совета директоров Су Линь, генеральный директор У Хэминь, заместитель генерального директора Ван Лянцзюнь, директор департамента администрации персонала Ван Юй, заместитель генерального директора А.И. Обознов и помощник генерального директора С.В. Добродеев [21]. 29 августа 2017 года в Мариинском дворце В.С. Макаров принимал председателя совета директоров ЗАО «Балтийская жемчужина» Су Линя и генерального директора Ван Лянцзюня. Частые встречи руководителя Законодательного Собрания с представителями ЗАО «Балтийская жемчужина» не случайны. «Балтийская жемчужина» представляет собой дочернюю компанию Шанхайской заграничной объединенной инвестиционной компании, которую учредили 5 самых крупных корпораций г. Шанхая. «Балтийская жемчужина» это многофункциональный комплекс Красносельского района Санкт-Петербурга, рассчитанный на проживание свыше 30 тыс. человек. Инвестиционные вложения в проект составили более 3 млрд долларов [22].

1 февраля 2018 года в Мариинском дворце состоялась встреча В.С. Макарова с генеральным директором ЗАО «Балтийская жемчужина» Ван Лянцзюнем. Председатель Законодательного Собрания и генеральный директор обсудили пути расширения деятельности этой компании в Петербурге. Ван Лянцзюнь заверил В.С. Макарова в том, что «Балтийская жемчужина» готова осуществить новые инвестиции на территории Санкт-Петербурга, поскольку для китайских коллег Санкт-Петербург представляет несомненную инвестиционную привлекательность. В свою очередь В.С. Макаров отметил, что «Балтийская жемчужина» – надежный и проверенный партнер, являющийся примером в ведении бизнеса. По его мнению, китайские бизнесмены – образцовые инвесторы, поскольку развивают территорию города, строя не только жилые корпуса, но и обеспечивая жильем петербуржцев всеми необходимыми объектами социальной инфраструктуры. Деятельность этой компании способствует повышению качества городской среды, формирует условия для создания новых рабочих мест и расширения налогооблагаемой базы [23].

Важно заметить, что встреча В.С. Макарова и Ван Лянцзюня представляла собой не обычное протокольное мероприятие, а важную деловую встречу, состоявшуюся по инициативе китайской стороны. Накануне генеральный директор ЗАО «Балтийская жемчужина» обратился с деловым письмом к председателю петербургского парламента, в котором не только сообщил об экономических достижениях фирмы, но и попросил юридической поддержки. В письме отмечалось, что ЗАО «Балтийская жемчужина» к моменту встречи застроила в Красносельском районе Санкт-Петербурга четыре жилых квартала, включивших в себя свыше десяти многоквартирных домов об-

щей площадь более 580 тысяч квадратных метров. В результате горожане получили около 6 тысяч новых квартир. Подчеркивалось, что компания продолжает наращивать свои инвестиционные усилия, однако на ее пути встал ряд технических и юридических проблем, которые возможно разрешить при участии высшего законодательного органа Санкт-Петербурга [24]. Ход беседы и последовавшие за ней практические действия со стороны Законодательного Собрания убеждают в том, что этот орган не на словах, а на деле способствует разрешению конфликтных ситуаций, возникающих в процессе экономического развития с участием иностранного капитала.

Важно отметить, что прошедшая встреча носила не только деловой, но и глубоко гуманитарный характер. Помимо представителей Законодательного Собрания и руководства «Балтийской жемчужины» в ней участвовали представители благотворительного фонда «Рейс 9268», деятельность которого связана со скорбным событием – гибелью 31 октября 2015 года 224 пассажиров Airbus 321 из Санкт-Петербурга, Ленинградской области, Москвы, Пскова, Великого Новгорода, а также ряда городов Белоруссии и Украины, следовавшего из Шарм-эль-Шейха в Санкт-Петербург. При участии ЗАО «Балтийская жемчужина» велась работа по возведению социального центра и храма [25].

17 декабря 2018 года в Мариинском дворце прошла встреча представителей бюджетно-финансового комитета Законодательного Собрания Санкт-Петербурга М.А. Погорелова и Г.Н. Назаровой с зампреда Комитета по финансово-экономическим вопросам Всекитайского Собрания Народных Представителей Китайской Народной Республики Инь Чжунцином. В беседе также участвовали член Постоянного Комитета Всекитайского Собрания Народных Представителей КНР, член комитета по финансово-экономическим вопросам Сюй Жужунь, начальник офиса исследования комитета по финансово-экономическим вопросам Чэнь Цзинин, начальник отдела офиса исследования комитета по финансово-экономическим вопросам Цзюнь Хан, сотрудник департамента законопроектов комитета по финансово-экономическим вопросам Пин Хуан, секретарь главы делегации Ван Хунлян [26]. Речь шла об успешном взаимодействии Петербурга и КНР в реализации жилого квартала «Балтийская жемчужина».

Опыт двусторонних отношений Петербурга и Шанхая настолько успешен, что о нем нередко говорят петербургские депутаты, встречаясь с китайскими делегациями высокого уровня, как о положительном примере. Например, 2 ноября 2018 года во время встречи в Мариинском дворце председатель комитета по законодательству Д.А. Четырбок рассказывал членам Комитета по конституции и законодательству Всекитайского Собрания Народных Представителей Китайской Народной Республики об опыте взаимоотношений с Шанхаем: «Связи Законодательного Со-

брания Санкт-Петербурга с регионами Китайской Народной Республики имеют давнюю историю. В течение многих лет поддерживаются контакты с городами Шанхай и Циндао. И это сотрудничество приносит богатые плоды в сфере экономического взаимодействия, развития образования и туризма. Много совместных проектов в настоящее время находятся в стадии разработки и реализации» [27]. По единодушному мнению представителей китайской делегации, встречи и обмен опытом с петербургскими парламентариями содействуют укреплению взаимопонимания между россиянами и гражданами КНР.

В конце ноября 2018 года в Шанхай с официальным визитом ездила делегация Законодательного Собрания Санкт-Петербурга во главе с заместителем Председателя С.А. Соловьевым. Делегация встретила с заместителем Председателя Постоянного Комитета Собрания Народных Представителей Шанхая господином Мо Фучунем. Во время встречи обсуждались двусторонние партнерские связи, в том числе в рамках проведения Годов российско-китайского международного сотрудничества. Отдельная тема разговора – взаимодействие парламентов двух городов, которое строится на основе действующего Соглашения о сотрудничестве между органами представительной власти Петербурга и Шанхая. Обе стороны подчеркнули хороший потенциал в обмене опытом законодательской деятельности, а также новые перспективы в стратегическом взаимодействии.

Петербургские парламентарии посетили компанию SIASUN Robot&Automation, в которой гостям были показаны современные разработки в области робототехники. Петербургские депутаты и руководители компании обсудили опыт внедрения современных высокотехнологичных разработок в различные отрасли городского хозяйства [28].

21 октября 2019 года в Мариинском дворце состоялась встреча депутатов Законодательного Собрания С.М. Купченко, Г.Н. Назаровой, представителей Общественной Палаты Санкт-Петербурга А.И. Вахмистрова и А.В. Малкова с делегацией Народного политического консультативного Совета Китая во главе с госпожой Фан Липин. Среди членов китайской делегации также были Мэн Цзянцзюнь – директор офиса руководящей группы по связям с НПКСК районных комитетов Шанхайского комитета НПКСК, заместитель директора отдела генерального офиса Шанхайского Комитета НПКСК и заместители директора отдела генерального офиса Шанхайского Комитета НПКСК Си Нуо и Сун Сюнь [29]. Важно заметить, что Народный политический консультативный Совет Китая – организация, включающая в себя очень широкий спектр китайского народа как с социальной, так и с политической точки зрения. В эту организацию входят не только представители Компартии Китая, но и широкие слои беспартийных граждан, общественных организаций, представителей бизнеса

Гонконга, Тайваня, Макао и китайских диаспор за рубежом. В этой сложно структурированной, но очень влиятельной организации представители Шанхая играют одну из ведущих ролей. Тот факт, что делегация НПКСК встретила с группой депутатов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, говорит о конструктивности переговоров и подчеркивает широкие перспективы дальнейшего взаимного сотрудничества.

Представляется, что отношения между Петербургом и Шанхаем, в том числе отношения между парламентариями двух мегаполисов в некотором смысле выбиваются из общего ряда побратим-

ских отношений. Как и в отношениях других городов-побратимов, Петербургу и Шанхаю присуще взаимное доверие и взаимная симпатия, но от других побратимских связей отношения Петербурга и Шанхая отличаются необычайной деловой активностью, крупномасштабностью экономических связей и смелостью в обмене информацией, касающейся развития новых технологий. В сложных условиях мировой обстановки международные отношения Петербурга и Шанхая во многом представляют собой образец международных связей. Это отношения качественно нового уровня, за которыми будущее.

#### Литература и источники

1. Города – побратимы Китая и России // China.org.cn. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/81494.htm> (дата обращения 27.10.2020).
2. О российско-китайских отношениях // Из фондов управления внешних связей Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. Папка «Беседы». 2017 г.
3. 崔丽霞 吴邦国分别会见圣彼得堡市立法会议主席和市长(Цуй Лияся. Встречи У Банго с Мэром Санкт-Петербурга и Председателем ЗС СПб.). 28.05.2004. URL: [http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/wbgwyz/wsgz/2004-05/28/content\\_330503.htm](http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/wbgwyz/wsgz/2004-05/28/content_330503.htm) (дата обращения 29.08.2020).
4. 上海市人大常委会代表团访问俄罗斯圣彼得堡市、芬兰埃斯波市情况的书面报告.01.09.2004. (Письменный отчет делегации ПК СНП Шанхая о посещении Санкт-Петербурга и гор. Эспоо в Финляндии). URL: <http://www.spccsc.sh.cn/shrdgzw/node5/node48/n119/userobject1ai49978.html> (дата обращения 29.08.2020).
5. 上海市人大和圣彼得堡立法大会举行共同会议 (Совместная встреча представителей Законодательного собрания Санкт-Петербурга с депутатами Городского Собрания народных представителей Шанхая. 18.04.2006). URL: <http://www.shanghai.gov.cn/nw2/nw2314/nw2315/nw4411/u21aw152657.html> (дата обращения 29.08.2020).
6. 上海市人大主任龚学平访问圣彼得堡 (Визит Председателя ПК СНП Шанхая Гун Сюэпина в Санкт-Петербург. 05.06.2006). URL: <http://saint-petersburg.china-consulate.org/chn/zlqxw/t258140.htm> (дата обращения 29.08.2020).
7. 龚学平率团访问圣彼得堡市 (Визит делегации во главе с Гун Сюэпином в Санкт-Петербург. 07.06.2006). URL: <http://news.sina.com.cn/c/2006-06-07/09249141293s.shtml> (дата обращения 29.08.2020); 龚学平率市人大代表团访问圣彼得堡市 (Визит делегации от СНП Шанхая во главе с Гун Сюэпином в Санкт-Петербург). URL: [http://www.spccsc.sh.cn/n1939/n1944/n1945/n2299/u1ai62879\\_K401.html](http://www.spccsc.sh.cn/n1939/n1944/n1945/n2299/u1ai62879_K401.html) (дата обращения 29.08.2020).
8. 上海市人大常委会代表团访问俄罗斯圣彼得堡、捷克布拉格市和日本大阪府、长崎县情况的书面报告 (Письменный отчет о визите делегации ПК СНП Шанхая в Санкт-Петербург, Прагу, а также префектуры Осака и Нагасаки в Японии). URL: <http://www.spccsc.sh.cn/shrdgzw/node5/node48/n147/userobject1ai50602.html> (дата обращения 29.08.2020).
9. Письмо Генерального консульства Китайской Народной Республики в Санкт-Петербурге в управление внешних связей Аппарата Законодательного Собрания Санкт-Петербурга от 20 июня 2006 г. // Из фондов управления внешних связей Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. Папка «Беседы». 2006 г.
10. Ягья В.С. Мысли нараспашку. СПб.: Европейский Дом, 2008. 620 с.
11. Служебная записка полномочного представителя Законодательного Собрания Санкт-Петербурга по международным связям В.С. Ягьи Председателю Законодательного Собрания Санкт-Петербурга В.А. Тюльпанову от 21.05.2009 // Из фондов управления внешних связей Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. Папка «Беседы». 2009 г.
12. Письмо ректора Северо-Западной академии государственной службы А.С. Горшкова Председателю Законодательного Собрания Санкт-Петербурга В.А. Тюльпанову от 26.05.2009, исх. № 01-20/1566 // Из фондов управления внешних связей Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. Папка «Беседы». 2009 г.
13. 程受勳 胡炜副主任会见俄罗斯圣彼得堡立法大会代表团 (Чэн Миньцзи. Встреча делегации от ЗС СПб с Заместителем Председателя Городского Собрания народных представителей Шанхая Ху Вэем). URL: <http://www.spccsc.sh.cn/n1939/n1944/n1945/n2299/u1ai63128.html> (дата обращения 24.09.2020).
14. Мариинский дворец посетила делегация Собрания Народных Представителей Шанхая. URL: <https://www.assembly.spb.ru/article/633200002/2235/Mariinskiy-dvorec-posetila-delegaciya-Sobraniya-Narodnyh-Predstaviteley-Shanhaya> (дата обращения 24.09.2020).
15. 吴晓云 刘云耕主任率团访问圣彼得堡市 (Сяюнь У. Визит делегация во главе с Ли Юньгэном в Санкт-Петербург). URL: <http://www.spccsc.sh.cn/n1939/n1944/n1945/n2299/u1ai63166.html> (дата обращения 24.09.2020).
16. 刘云耕率团访问圣彼得堡市 推进经贸文化全方位合作 (Визит в СПб делегации во главе с Председателем Собрания народных представителей Шанхая Ли Юньгэном «Развивать многовекторное сотрудничество в области экономики и культуры»). URL: [http://www.spda.org.cn/content/2012-03/16/content\\_5196699.htm](http://www.spda.org.cn/content/2012-03/16/content_5196699.htm) (дата обращения 24.09.2020).
17. Мариинский дворец посетила делегация Постоянного Комитета Собрания Народных Представителей г. Шанхая. URL: <https://www.assembly.spb.ru/article/633200002/25462/Mariinskiy-dvorec-posetila-delegaciya--Postoyannogo-Komiteta-Sobraniya-Narodnyh-Predstaviteley-g-Shanhaya> (дата обращения 16.10.2020).
18. Сотрудничество Санкт-Петербурга с городами-партнерами // Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга. URL: <http://kvs.spb.ru/media/content/docs/3495/320-2020.pdf> (дата обращения 16.10.2020).
19. Список участников встречи депутата, председателя постоянной комиссии по социальной политике и здравоохранению Законодательного Собрания Санкт-Петербурга Е.Ю. Киселевой с делегацией Шанхайской фармацевтической корпорации (Shanghai Pharmaceuticals Holding Co., Ltd), 11 апреля 2017 года, 13.00, Красный зал // Из фондов управления внешних связей Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. Папка «Беседы». 2017 г.
20. Мариинский дворец посетили представители Шанхайской фармацевтической компании. URL: <https://www.assembly.spb.ru/article/633200002/85053/Mariinskiy-dvorec-posetili-predstaviteli-Shanhayskoj-farmaceuticheskoj-kompanii> (дата обращения 18.09.2020).
21. Список участников беседы Председателя Законодательного Собрания Санкт-Петербурга Макарова В.С. с руководством ЗАО «Балтийская жемчужина». 14 марта 2014 года, 12.00, офис компании // Из фондов управления внешних связей Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. Папка «Беседы». 2014 г.
22. Информация к беседе Председателя Законодательного Собрания Санкт-Петербурга Макарова В.С. с руководством ЗАО «Балтийская жемчужина», 29 августа 2017 года, 14.00, Красный зал // Из фондов управления внешних связей Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. Папка «Беседы». 2017 г.

23. Вячеслав Макаров встретился с генеральным директором «Балтийской жемчужины». URL: <https://www.assembly.spb.ru/article/633200002/95531/Vyacheslav-Makarov-vstretilsya-s-generalnym-direktorom-Baltiyskoj-zhemchuzhiny> (дата обращения 04.09.2020).
24. Письмо генерального директора ЗАО «Балтийская жемчужина» Ван Лянцзюня Председателю Законодательного Собрания Санкт-Петербурга В.С. Макарову № 09/077 от 29.01.2018 // Из фондов управления внешних связей Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. Папка «Беседы». 2018 г.
25. Благотворительный Фонд «Рейс 9268». Официальный сайт. URL: <http://flight9268.ru/> (дата обращения 10.09.2020).
26. Список участников встречи заместителя бюджетно-финансового комитета Законодательного Собрания Санкт-Петербурга М.А. Погорелова с заместителем председателя комитета по финансово-экономическим вопросам Всекитайского Собрания Народных Представителей КНР Инь Чжунцином, 17 декабря 2018 года, 12.00, Мариинский дворец, Помпеевский коридор // Из фондов управления внешних связей Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. Папка «Беседы». 2018 г.
27. Петербург посетила делегация национального парламента КНР. URL: <https://www.assembly.spb.ru/article/633200002/105843/Peterburg-posetila-delegaciya-nacionalnogo-parlamenta-KNR> (дата обращения 18.09.2020).
28. Делегация Законодательного Собрания Санкт-Петербурга посетила Шанхай. URL: <https://www.assembly.spb.ru/article/633200002/107314/Delegaciya-Zakonodatel'nogo-Sobraniya-Sankt-Peterburga-posetila-Shanghai> (дата обращения 18.09.2020).
29. Список участников встречи заместителя Секретаря Санкт-Петербургского регионального отделения партии «Единая Россия» С.М. Купченко с делегацией Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК) во главе с Постоянным членом Шанхайского Комитета НПКСК Фан Липин, 21 октября 2019 года, 13.30, Мариинский дворец, Красный зал // Из фондов управления внешних связей Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. Папка «Беседы». 2019 г.

## References

1. Twin cities of China and Russia // China.org.cn. Available at: <http://russian.china.org.cn/russian/81494.htm> (Accessed 27.10.2020).
2. About Russian-Chinese relations. From the funds of the Foreign Relations Department of the Legislative Assembly of St. Petersburg. Folder «Conversations». 2017 (In Russ.).
3. 崔丽霞 吴邦国分别会见圣彼得堡市立法会议主席和市长 (Meetings of Wu Bangguo with the Mayor of St. Petersburg and the Chairman of the Legislative Assembly of St. Petersburg). 28.05.2004. Available at: [http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/wbgwyz/wsgz/2004-05/28/content\\_330503.htm](http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/wbgwyz/wsgz/2004-05/28/content_330503.htm) (Accessed 29.08.2020).
4. 上海市人大常委会代表团访问俄罗斯圣彼得堡市、芬兰埃斯波市情况的书面报告.01.09.2004. (Written report of the delegation of the SC SNP Shanghai on the visit to St. Petersburg and the city of Espoo in Finland). Available at: <http://www.spccsc.sh.cn/shrdgzw/node5/node48/n119/userobject1ai49978.html> (Accessed 29.08.2020).
5. 上海市人大和圣彼得堡立法大会举行共同会议 (Joint meeting of representatives of the Legislative Assembly of St. Petersburg with deputies of the City Assembly of People's Representatives of Shanghai. 18.04.2006). Available at: <http://www.shanghai.gov.cn/nw2/nw2314/nw2315/nw4411/u21aw152657.html> (Accessed 29.08.2020).
6. 上海市人大主任龚学平访问圣彼得堡 (Visit of the Chairman of the SC SNP Shanghai Gong Xueping to St. Petersburg. 05.06.2006). Available at: <http://saint-petersburg.china-consulate.org/chn/zlgxw/t258140.htm> (Accessed 29.08.2020).
7. 龚学平率团访问圣彼得堡市 (Visit of the delegation led by Gong Xueping to St. Petersburg. 07.06.2006). Available at: <http://news.sina.com.cn/c/2006-06-07/09249141293s.shtml> (Accessed 29.08.2020); 龚学平率市人大代表团访问圣彼得堡市 (The visit of the delegation from the SNP of Shanghai led by Gong Xueping to St. Petersburg). Available at: [http://www.spccsc.sh.cn/n1939/n1944/n1945/n2299/u1ai62879\\_K401.html](http://www.spccsc.sh.cn/n1939/n1944/n1945/n2299/u1ai62879_K401.html) (Accessed 29.08.2020).
8. 上海市人大常委会代表团访问俄罗斯圣彼得堡、捷克布拉格市和日本大阪府、长崎县情况的书面报告 (Written report on the visit of the SC SNP delegation from Shanghai to St. Petersburg, Prague, as well as Osaka and Nagasaki prefectures in Japan). Available at: <http://www.spccsc.sh.cn/shrdgzw/node5/node48/n147/userobject1ai50602.html> (Accessed 29.08.2020).
9. Letter from the Consulate General of the People's Republic of China in St. Petersburg to the Foreign Relations Department of the Office of the Legislative Assembly of St. Petersburg dated June 20, 2006. From the funds of the Foreign Relations Department of the Legislative Assembly of St. Petersburg. Folder «Conversations». 2006 (In Russ.).
10. Yagya V.S. Thoughts wide open. St. Petersburg, "European House" Publ., 2008. 620 p. (In Russ.).
11. Memorandum of Plenipotentiary Representative of the Legislative Assembly of St. Petersburg for International Relations V.S. Yagya to the Chairman of the Legislative Assembly of St. Petersburg V.A. Tyulpanov from 21.05.2009. From the funds of the Foreign Relations Department of the Legislative Assembly of St. Petersburg. Folder «Conversations». 2009 (In Russ.).
12. Letter from the rector of the North-West Academy of Public Administration A.S. Gorshkov to the Chairman of the Legislative Assembly of St. Petersburg V.A. Tyulpanov dated 26.05.2009, ref. No. 01-20 / 1566. From the funds of the Foreign Relations Department of the Legislative Assembly of St. Petersburg. Folder «Conversations». 2009 (In Russ.).
13. 程昱勤 胡炜副主任会见俄罗斯圣彼得堡立法大会代表团 (Meeting of the delegation from the Legislative Assembly of St. Petersburg with the Deputy Chairman of the City Assembly of People's Representatives of Shanghai Hu Wei). Available at: <http://www.spccsc.sh.cn/n1939/n1944/n1945/n2299/u1ai63128.html> (Accessed 24.09.2020).
14. The Mariinsky Palace was visited by a delegation of the People's Congress of Shanghai. Available at: <https://www.assembly.spb.ru/article/633200002/2235/Mariinskiy-dvorec-posetila-delegaciya-Sobraniya-Narodnyh-Predstaviteley-Shanhaya> (Accessed 24.09.2020).
15. 吴晓云 刘云耕主任率团访问圣彼得堡市 (Visit of the delegation led by Li Yungeng to St. Petersburg). Available at: <http://www.spccsc.sh.cn/n1939/n1944/n1945/n2299/u1ai63166.html> (Accessed 24.09.2020).
16. 刘云耕率团访问圣彼得堡市 推进经贸文化全方位合作 (A visit to St. Petersburg of a delegation headed by the Chairman of the Shanghai People's Congress Li Yungeng "To develop multi-vector cooperation in the field of economy and culture"). Available at: [http://www.spda.org.cn/content/2012-03/16/content\\_5196699.htm](http://www.spda.org.cn/content/2012-03/16/content_5196699.htm) (Accessed 24.09.2020).
17. A delegation of the Standing Committee of the Shanghai People's Congress visited the Mariinsky Palace. Available at: <https://www.assembly.spb.ru/article/633200002/25462/Mariinskiy-dvorec-posetila-delegaciya--Postoyannogo-Komiteta-Sobraniya-Narodnyh-Predstaviteley-g-Shanhaya> (Accessed 16.10.2020).
18. Cooperation of St. Petersburg with partner cities. Committee for External Relations of St. Petersburg. Available at: <http://kvs.spb.ru/media/content/docs/3495/320-2020.pdf> (Accessed 16.10.2020).
19. List of participants in the meeting of the Deputy, Chairman of the Standing Commission on Social Policy and Health of the Legislative Assembly of St. Petersburg E.Yu. Kiseleva with a delegation of the Shanghai Pharmaceuticals Holding Co., Ltd, April 11, 2017, 13.00, Red Hall. From the funds of the Foreign Relations Department of the Legislative Assembly of St. Petersburg. Folder «Conversations». 2017 (In Russ.).
20. Representatives of the Shanghai Pharmaceutical Company visited the Mariinsky Palace. Available at: <https://www.assembly.spb.ru/article/633200002/85053/Mariinskiy-dvorec-posetili-predstaviteli-Shanhayskoy-farmaceuticheskoy>

kompanii (Accessed 18.09.2020).

21. List of participants in the conversation of V.S. Makarov, Chairman of the St. Petersburg Legislative Assembly with the management of Baltic Pearl CJSC. March 14, 2014, 12.00, company office. From the funds of the Foreign Relations Department of the Legislative Assembly of St. Petersburg. Folder «Conversations». 2014 (In Russ.).

22. Information for the conversation of V.S. Makarov, Chairman of the St. Petersburg Legislative Assembly with the management of CJSC «Baltic Pearl», August 29, 2017, 14.00, Red Hall. From the funds of the Foreign Relations Department of the Legislative Assembly of St. Petersburg. Folder «Conversations». 2017 (In Russ.).

23. Vyacheslav Makarov met with the general director of the «Baltic Pearl». Available at: <https://www.assembly.spb.ru/article/633200002/95531/Vyacheslav-Makarov-vstretilsya-s-generalnym-direktorom-Baltiyskoy-zhemchuzhiny> (Accessed 04.09.2020).

24. Letter from the General Director of CJSC «Baltic Pearl» Wang Liangjun to the Chairman of the Legislative Assembly of St. Petersburg V.S. Makarov No. 09/077 dated January 29, 2018. From the funds of the Foreign Relations Department of the Legislative Assembly of St. Petersburg. Folder «Conversations». 2018 (In Russ.).

25. Charitable Foundation «Flight 9268». Official site. Available at: <http://flight9268.ru/> (Accessed 10.09.2020).

26. List of participants in the meeting of the Deputy Budget and Finance Committee of the Legislative Assembly of St. Petersburg M.A. Pogorelov with Deputy Chairman of the Committee on Financial and Economic Affairs of the National People's Congress of the People's Republic of China Yin Zhongqing, December 17, 2018, 12:00, Mariinsky Palace, Pompeii Corridor. From the funds of the Foreign Relations Department of the Legislative Assembly of St. Petersburg. Folder «Conversations». 2018 (In Russ.).

27. A delegation of the National Parliament of the PRC visited St. Petersburg. Available at: <https://www.assembly.spb.ru/article/633200002/105843/Peterburg-posetila-delegaciya-nacionalnogo-parlamenta-KNR> (Accessed 18.09.2020).

28. Delegation of the Legislative Assembly of St. Petersburg visited Shanghai. Available at: <https://www.assembly.spb.ru/article/633200002/107314/Delegaciya-Zakonodatelnogo-Sobraniya-Sankt-Peterburga-posetila-Shanhai> (Accessed 18.09.2020).

29. List of participants in the meeting of the Deputy Secretary of the St. Petersburg regional branch of the United Russia party S.M. Kupchenko with a delegation of the People's Political Consultative Council of China (CPPCC) led by the Permanent Member of the Shanghai CPPCC Committee Fang Liping, October 21, 2019, 13.30, Mariinsky Palace, Red Hall. From the funds of the Foreign Relations Department of the Legislative Assembly of St. Petersburg. Folder «Conversations». 2019 (In Russ.).

© «Клио», 2020

© Манацков З.В., Зотова А.В., 2020

#### УДК 34.07:347.96 (091)

Дата поступления (Submitted) 03.12.2020

Дата принятия к печати (Accepted) 11.12.2020

#### **ANDREY MIKHAILOVICH VINOGRADOV**

*senior lecturer of the Department  
of operational investigative and administrative activities  
of the Vladivostok branch of the Far Eastern*

Judicial Institute of Russian Ministry of the Interior  
690087, Russian Federation, Vladivostok, Kotelnikova st., 21,  
E-mail: [philosophyworld@inbox.ru](mailto:philosophyworld@inbox.ru)

Organization and activity of specialized operational divisions of the internal Affairs bodies to combat economic crime in 1991-2011 (regional dimension)

Countering economic crime is a priority for the state. The article is devoted to the analysis of the history of development of specialized operational divisions of internal Affairs bodies to combat economic crime in 1991-2011. Based on documents and materials from the Central archive of the Ministry of internal Affairs of Russia And the archive of the Ministry of internal Affairs of Primorsky Krai, the article examines the process of forming units to combat economic crimes. The stages and specifics of creating specialized divisions are analyzed. The main activities of operational divisions of the Russian Federation and their regional specifics are highlighted (on the example of the Primorsky territory). It is concluded that the service for combating economic crime in 1991-2011 has undergone numerous renaming and reorganization, but the essence of its work remained the same – protection of the state from illegal encroachments, the fight against theft of property and speculation.

**Keywords:** *internal Affairs agencies, economic crime, specialized operational units, Russian Federation, Far East, Primorsky Krai.*

#### **АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ВИНОГРАДОВ**

*старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной и  
административной деятельности Владивостокского филиала  
Дальневосточного юридического института МВД России,  
690087, Россия, Владивосток, Котельникова, 21,  
E-mail: [philosophyworld@inbox.ru](mailto:philosophyworld@inbox.ru)*

Противодействие экономической преступности является приоритетным направлением деятельности государства. Статья посвящена анализу истории развития специализированных оперативных подразделений органов внутренних дел по борьбе с экономической преступностью в 1991–2011 гг. В статье на основе документов и материалов Центрального архива МВД России и Архива УМВД Приморского края рассматривается процесс формирования подразделений по борьбе с экономическими преступлениями. Анализируются этапы и специфика создания специализированных подразделений. Освещаются основные направления деятельности оперативных подразделений Российской Федерации и их региональная специфика (на примере Приморского края). Делается вывод о том, что служба по борьбе с экономической преступностью в 1991–2011 гг. претерпела многочисленные переименования и реорганизации, но суть ее работы оставалась прежней – защита экономики от противоправных посягательств, борьба с преступлениями против собственности в экономике и преступной деятельностью должностных лиц.

**Ключевые слова:** органы внутренних дел, экономическая преступность, специализированные оперативные подразделения, Российская Федерация, Дальний Восток, Приморский край.

## Организация и деятельность специализированных оперативных подразделений органов внутренних дел по борьбе с экономической преступностью в 1991–2011 гг. (региональное измерение)

Исследование истории органов внутренних дел – неотъемлемая часть исторического познания России. Органы внутренних дел как органы государственной власти, являются одним из основных звеньев механизма реализации правоохранительной функции государства. ОВД реализуют правоохранительные задачи и функции государства во всех сферах общественной практики, в том числе в экономике, обеспечивая экономическую безопасность государства. Служба по борьбе с экономической преступностью сегодня одна из ведущих служб органов внутренних дел.

Особенность изучения истории специализированных подразделений органов внутренних дел по борьбе с экономической преступностью заключается в том, что данная проблема истории новейшего времени не имеет сложившейся историографии. Ее можно рассматривать как часть историографии органов внутренних дел России, в рамках которой сегодня разрабатываются юридические, экономические, социально-психологические аспекты деятельности органов внутренних дел [1; 2; 3; 4], в том числе, выполненные на материалах Дальнего Востока [5; 6]. Появились и первые исследования непосредственно по истории становления и развития специализированных подразделений органов внутренних дел по борьбе с экономической преступностью [7; 8]. Ряд трудов посвящен изучению влияния социально-экономической и криминальной ситуации на оперативно-служебную деятельность органов внутренних дел [9; 10; 11], анализу форм и методов противодействия экономической преступности в Дальневосточном регионе [12; 13]. Появились и первые исследования историографического характера, в которых выделяются основные направления научных исследований, обращается внимание на необходимость применения междисциплинарного подхода к изучению деятельности органов внутренних дел по борьбе с преступностью [14; 15;

16].

Анализ публикаций, имеющих отношение к истории специализированных оперативных подразделений органов внутренних дел по борьбе с экономической преступностью, свидетельствует о том, что в современный период накоплен большой фактический материал, сделаны первые выводы и обобщения в разработке изучаемой проблематики. Однако следует обратить внимание на то, что данная проблема изучена недостаточно, особенно в региональном контексте. В связи с этим, представляется важным изучение истории развития специализированных оперативных подразделений ОВД по борьбе с экономической преступностью.

Цель статьи – рассмотреть процесс формирования подразделений по борьбе с экономическими преступлениями в Российской Федерации и на примере Приморского края отразить региональную специфику деятельности оперативных служб.

В начале 90-х годов XX века в России назрела необходимость реформирования организации правоохранительной деятельности. Особенно остро стояла задача реформирования правоохранительной деятельности ОВД в экономике, где коренным образом изменились условия функционирования. Из-за отсутствия четкого нормативного регулирования, разбалансированности в распределении и реализации продукции резко возросло количество нарушений финансовой дисциплины. Распространились факты массовой отправки за рубеж сырья, оборудования, металла. Все чаще стали заключаться бартерные сделки, наносящие ущерб государственным интересам. Бесхозяйственность и расточительство охватывают все большее число отраслей. Все это способствовало распространению экономической преступности, приобретающей организованный характер. Поэтому и для службы БХСС МВД РСФСР основной задачей становится охрана экономических интересов РСФСР на основе Закона о суверенитете

республики.

В марте 1990 года в основной закон страны – Конституцию СССР внесены поправки, согласно которым социалистическая собственность перестала быть экономической основой государства. Декларированы разнообразные формы собственности – собственность советских граждан, коллективная и государственная. В стране набирают силу рыночные реформы, развивается частная собственность на средства производства, предпринимательство. В общественном сознании развиваются либеральные настроения о сокращении государственного регулирования в экономике, в том числе «сокращения сферы уголовно-правового регулирования». В условиях разрушения института социалистической собственности (которое осуществлялось, в том числе, массовыми хищениями государственной и общественной собственности), развития предпринимательства и либеральных настроений о сокращении «фронта борьбы с экономической преступностью», подразделения БХСС ОВД, с их направленностью на борьбу с хищениями социалистической собственности и спекуляцией, воспринимались как инструмент принуждения советского строя, как «пережиток прошлого».

В то же время задачи ОВД в условиях рыночной экономики – защита прав и свобод, законных интересов граждан, общества и государства, всех форм собственности от противоправных посягательств могли быть решены только специализированными подразделениями. В условиях роста преступности, ее качественного изменения, появления принципиально новых форм и способов совершения преступлений, таких как незаконная торговая деятельность, преступное искусственное поддержание монопольно высоких цен на товары народного потребления, коррумпированный сговор представителей оптово-розничных структур и частных торговцев и др., возникла необходимость коренного реформирования организации правоохранительной деятельности ОВД в экономике и создания подразделений ОВД, специализированных на борьбу с преступностью в рыночной экономике [17, л. 35–38].

Исчезновение социалистического сектора экономики потребовало и реорганизации структуры БХСС. В декабре 1990 года, приказом МВД РСФСР была утверждена новая структура МВД республик, УВД краев, областей РСФСР, в структуре ОВД ликвидированы политические органы, стали реформироваться отделы по борьбе с хищениями социалистической собственности (БХСС). В начале 1991 года, Главное управление БХСС МВД РСФСР было реформировано в Главное управление по борьбе с преступностью в сфере экономики – ГУБПЭ МВД РСФСР. Весной 1991 года проведены организационно-штатные изменения в МВД республик, УВД краев, областей РСФСР, в составе которых управления БХСС ликвидировались и создавались вновь отделы по борьбе с

преступностью в сфере экономики. Возглавил ГУБПЭ МВД РСФСР генерал-майор милиции В.И. Рунышков [18], ранее руководивший (1989–1991) ГУБХСС МВД РСФСР.

Процесс реформирования оперативных подразделений УВД краев и областей РСФСР проводился в соответствии с изменениями в структурах центрального аппарата. Значительный интерес представляет изучение противодействия экономической преступности в Приморском крае, который по праву можно назвать морскими воротами России. Здесь находятся три крупных специализированных морских рыбных порта, которые снабжают рыбой Россию и значительную часть мира. Сотрудники приморской полиции пресекают специфические преступления, присущие краю, граничащему со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Наиболее остро стоят проблемы сохранности природных ресурсов, которыми так богаты недра дальневосточной земли. Создание заслона по предотвращению контрабандного вывоза морепродуктов, леса и лесоматериалов, металла являются важнейшими направлениями в правоохранительной деятельности [19, с. 19].

В УВД Прикрайисполкома организационно-штатные изменения были проведены в апреле 1991 года. Управление БХСС ликвидировано и создан отдел по борьбе с преступлениями в сфере экономики – ОБПСЭ СКМ УВД Прикрайисполкома, начальник которого по должности являлся заместителем начальника службы криминальной милиции (СКМ) [20, л. 136–144]. Возглавил новый отдел полковник милиции В.И. Смирнов, ранее возглавлявший УБХСС [21, л. 204].

С принятием «Закона о милиции» в 1991 году служба по борьбе с преступлениями в сфере экономики становится структурным подразделением криминальной милиции. В это же время в МВД СССР функционировало ГУБХСС МВД СССР, которое 6 декабря 1991 года реорганизовано в Бюро по преступности в экономике службы криминальной милиции МВД СССР.

В июле-сентябре 1991 года подразделения БХСС ОВД Приморского края были ликвидированы. Все должности сокращены и созданы новые подразделения (отделения, группы) по борьбе с преступностью (преступлениями) в сфере экономики, проведено переназначение личного состава [22, л. 36–42].

Процесс реформирования подразделений БХСС в подразделения ОВД по борьбе с преступностью в сфере экономики в различных регионах страны имел определенные особенности. Так, единообразное сокращенное наименование новых подразделений еще не сформировалось в практике деятельности ОВД и в различных подразделениях органов внутренних дел имело разное название, например, в Министерстве внутренних дел – ГУБПЭ, в УВД Прикрайисполкома – БПСЭ [23, л. 136–208], в УВД Камчатского облисполкома – БПСЭ [24], в УВД Калужской и Костромской

области подразделения сокращенно именовались – БЭП СКМ [25, л. 5–11].

Период 1991–1992 гг. для системы органов внутренних дел, а особенно для подразделений органов внутренних дел, реализующих задачи и функции ОВД в экономике, характеризовался частыми реорганизациями всей системы МВД. Формирование новой системы правоохранительных органов РСФСР проходило в условиях как упразднения правоохранительных органов СССР и передачи их под юрисдикцию РСФСР, так и обострения криминальной ситуации в стране. Прекращение деятельности подразделений БХСС, поиск новых форм и методов правоохранительной деятельности ОВД в условиях рыночной экономики, формирование новых подразделений ОВД по защите экономики проходило в условиях нарастания кризиса в социально-политической и экономической сферах и роста преступности.

После распада СССР в феврале 1992 года МВД СССР и МВД РСФСР были объединены в МВД Российской Федерации, а Бюро по преступности в экономике МВД СССР и ГУБПЭ МВД РСФСР слиты. Новое подразделение МВД получило наименование – Главное управление по экономическим преступлениям (ГУЭП МВД РФ) [26, л. 78–149]. Возглавил главное управление генерал-полковник милиции В.Ф. Солтаганов. Под его руководством в 1992–1995 гг. накапливается опыт пресечения новых видов экономических преступлений, формируются навыки профессиональной компетентности сотрудников, набирается агентура, начинает складываться кадровый состав.

После создания ГУЭП МВД России в 1992 году, в органах внутренних дел России проведены организационно-штатные изменения, в результате которых подразделения по борьбе с преступностью в сфере экономики (БПСЭ, БЭП) ликвидированы и созданы подразделения по экономическим преступлениям (ЭП): в МВД, УВД республик, краев областей, входящих в состав Российской Федерации – отделы ЭП; в городских, районных ОВД отделения, группы ЭП. В Приморском крае отдел ЭП СКМ УВД Администрации Приморского края возглавил один из самых опытных сотрудников, грамотный руководитель полковник милиции В.И. Смирнов [27, л. 159].

Подразделения по экономическим преступлениям (с названием – ЭП) действовали в системе ОВД с 1992 по 1998 гг. Этот период характеризуется коренными изменениями законодательства, реформированием органов внутренних дел, совершенствованием структуры и направлений деятельности специализированных оперативных подразделений ОВД по борьбе с экономической преступностью. В этот период укрепляется кадровый состав, формируются профессиональные навыки сотрудников по борьбе с преступностью в условиях рыночной экономики.

Главное управление по экономическим преступлениям (ГУЭП) МВД России в 1995–1997

гг. возглавлял генерал-лейтенант милиции А.С. Дементьев [28, л. 1–34], в 1997–1998 гг. – генерал-лейтенант милиции И.Г. Саардак [29, л. 1]. Это были профессионалы, опытные руководители, создававшие систему «беспособных» подразделений ОВД по защите экономики в новых рыночных условиях.

В Приморском крае создание специализированного подразделения по противодействию экономической преступности имело свою специфику. В 1993 году при УВД Приморского края формируется специализированное оперативное подразделение по борьбе с экономическими преступлениями в рыбной промышленности – отдел экономических преступлений (ОЭП) в рыбной промышленности при УВД Приморского края. Отдел осуществлял оперативно-разыскную деятельность (ОРД) на рыбодобывающих и рыбоперерабатывающих судах флота и на береговых объектах.

В 1994 году начальником отдела по экономической преступности службы криминальной милиции (ОЭП СКМ) УВД Приморского края назначен полковник милиции М.В. Клейменов. Под его руководством в июне 1996 года в УВД Приморского края, в рамках реформирования МВД, УВД субъектов Российской Федерации, проводятся организационно-штатные изменения. Отдел ЭП ликвидируется, все должности сокращаются и создается Управление по экономическим преступлениям – УЭП УВД Приморского края. Управление осуществляло борьбу с тяжкими преступлениями в агропромышленном комплексе; в сфере производства-реализации товаров и услуг населению; в сфере внешнеэкономической деятельности (пресечение незаконного вывоза стратегически важной продукции и валютных ценностей за рубеж); в процессе приватизации; в финансово-кредитной системе; в сфере оборота валютных ценностей [30, л. 220–313].

В январе 1998 года, проведены организационно-штатные изменения ГУЭП МВД России, переименован ряд подразделений, внесены изменения в штатную структуру и положение о главном управлении [31, л. 124–128]. В июне 1998 года утверждено штатное расписание Главного управления по борьбе с экономическими преступлениями МВД России – ГУБЭП МВД России, с созданием которого ГУЭП было ликвидировано. Возглавил Главное управление (1998–1999 гг.) генерал-лейтенант милиции С.О. Тесис [32, л. 24].

ГУБЭП МВД России являлось самостоятельным структурным подразделением центрального аппарата Министерства, оперативно-разыскным подразделением криминальной милиции Российской Федерации и реализовывало правоохранительные и организационные задачи Министерства в сфере экономики [33, л. 80–89].

В 1998 году в системе ОВД России проведены организационно-штатные изменения. Подразделения по экономической преступности (ЭП) пре-



образованы в подразделения по борьбе с экономическими преступлениями (БЭП): в структуре МВД, УВД субъектов России – Управления БЭП (УБЭП); в структуре ОВД городов районов – отделы (отделения, группы) БЭП. В Приморье новое управление БЭП края возглавил полковник милиции опытный милиционер, грамотный руководитель – полковник милиции В.В. Турчин.

Период 1998–2003 гг. в истории ОВД характеризуется коренным реформированием системы органов внутренних дел России, одним из результатов которого стало создание в 2003 году Федеральной службы по экономическим и налоговым преступлениям МВД России.

В 1999 году создается новая система подразделений БЭП. В целях повышения эффективности борьбы с контрафактной и фальсифицированной продукцией на потребительском рынке страны формируется специализированное оперативное подразделение ГУБЭП – отдел по борьбе в сфере интеллектуальной собственности [34, л. 52–56].

С 1999 года в системе ОВД начинается создаваться новый тип специализированного подразделения оперативно-разыскная часть (ОРЧ). В структуре оперативно-разыскной части было сформировано специализированное подразделение, осуществлявшее борьбу с этническими преступлениями группировками в сфере экономики [35, л. 220–226].

В Приморском крае при УВД создаются межрайонные отделения по выявлению преступлений в финансово-кредитной системе и борьбе с фальшивомонетничеством, по выявлению преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности и невозврату валютной выручки из-за рубежа [36, л. 185–186]. Межрайонный отдел по борьбе с экономическими преступлениями в рыбной промышленности реорганизуется в Управление по борьбе с экономическими преступлениями в рыбной отрасли [37, л. 90–93].

В 2000-м году начальником ГУБЭП (2000–2001гг.) назначается генерал-майор милиции Н.С. Нино [38], руководивший главным управлением в период реформирования криминальной милиции – создания и ликвидации Комитета федеральной криминальной милиции (КФКМ). К августу 2001 создаются Главные управления МВД России по федеральным округам (ГУМВД). С созданием ГУМВД России по федеральным округам была заложена основа организации системы ОВД как единого централизованного органа.

После ликвидации КФКМ и создания Службы криминальной милиции, в 2001–2002 гг. проведены организационно-штатные изменения подразделений БЭП. Подразделения БЭП ОВД реорганизованы в подразделения БЭП СКМ ОВД, которым переданы функции по проведению оперативно-разыскных мероприятий в сфере высоких технологий [39, л. 97–115]. В непосредственном подчинении ГУБЭП СКМ МВД России созданы оперативно-разыскные бюро (ОРБ).

В Приморском крае в ноябре 2001 года приказом от 12 ноября № 1930 создан межрайонный отдел по выявлению преступлений в лесопромышленном комплексе подведомственный УВД Приморского края [40, л. 55–60]. Во второй половине 2002 года на должность начальника УБЭП УВД Приморского края назначен полковник милиции Г. Р. Банщиков [41, л. 227–230].

В системе подразделений БЭП УВД Приморского края по борьбе с экономическими преступлениями была проведена реорганизация [42, л. 313–216]. С октября 2002 г. кроме Управления по борьбе с экономическими преступлениями действовали межрайонное Управление БЭП в рыбной отрасли, отдел по выявлению преступлений в лесопромышленном комплексе подведомственный УВД Приморского края и различные межрайонные отделения: по выявлению преступлений в финансово-кредитной системе и борьбе с фальшивомонетничеством; по выявлению преступлений в топливно-энергетическом комплексе и незаконному обороту горюче-смазочных материалов; по выявлению преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности и невозврату валютной выручки из-за рубежа [43, л. 132–165].

В ноябре 2002 Президентом России, в целях укрепления государства и развития гражданского общества была инициирована реформа государственной службы (административная реформа). Результатом реформы стало создание оперативно-разыскной части (ОРЧ) – новой организационной формы отдела по борьбе с экономической преступностью МВД, ГУВД, УВД субъектов России.

В Приморском крае, регионе, где добывается более чем сто разновидностей рыб, вопросы обеспечения законности в сфере добычи и оборота водных биоресурсов имели важное значение. В апреле 2003 г. была создана оперативно-разыскная часть по борьбе с экономическими преступлениями в рыбной отрасли, непосредственно подчинявшаяся УВД Приморского края [44, л. 88–90].

С созданием в 2003 г. Федеральной службы по экономическим и налоговым преступлениям (ФСЭНП) МВД России борьба с налоговой преступностью – выявление, предупреждение, пресечение и расследование налоговых преступлений и правонарушений, становится одним из приоритетных направлений деятельности ОВД [45, л. 1–70].

В МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации проведены организационно-штатные изменения, управления БЭП преобразованы, созданы управления по налоговой преступности (НП) и оперативно-разыскные части (ОРЧ) как по линии экономических, так и линии налоговых преступлений, введена новая должность – заместитель (министра, начальника главного управления, управления) по экономическим и налоговым преступлениям.

Заместителем начальника УВД Приморского края по экономическим и налоговым преступле-

ниям в 2003 г. назначен полковник милиции П.Г. Шевелев, на должность начальника УБЭП – полковник милиции Г.Р. Банщиков, на должность начальника УНП – полковник милиции О.А. Солин [46, л. 59–68].

С созданием Службы формируется головное подразделение центрального аппарата МВД России по борьбе с экономическими и налоговыми преступлениями. В результате дальнейших преобразований, Федеральная служба по экономическим и налоговым преступлениям, подчиненные ГУБЭП и ГУНП, а также оперативно-разыскные бюро будут ликвидированы и создан департамент экономической безопасности – ДЭБ МВД России (Департамент). Начальником Департамента (2005–2006) – назначен генерал-лейтенант милиции Сергей Григорьевич Мещеряков [47, л. 51–63]. С созданием Департамента формируется система специализированных оперативных подразделений в ОВД по борьбе с экономической и налоговой преступностью, получивших название «подразделения экономической безопасности».

В УВД Приморского края в 2005 году проведены организационно-штатные изменения, обусловленные ликвидацией ФСЭНП и созданием ДЭБ. Введена должность заместителя начальника УВД Приморского края по экономической безопасности, на которую назначен полковник милиции О.А. Солин. В целях оптимизации организационно-аналитической и контрольно-методической работы проведена реорганизация управленческого аппарата УБЭП УВД ПК [48, л. 245–259].

Перед подразделениями БЭП и НП Приморского края поставлены задачи по выявлению и пресечению противоправной деятельности в форме невозврата валютной выручки; противодействие уклонению от уплаты налогов крупных экспортеров лесопродукции и биоресурсов; пресечению незаконной добычи морских биоресурсов и их контрабанды за рубеж; пресечению криминального передела собственности в форме фиктивных преднамеренных банкротств и др.

Период 2005–2011 гг., характеризуется продолжением реформ в МВД России, с образованием КФКМ и ГУМВД России по федеральным округам. В 2011 году произошло реформирование Мини-

стерства внутренних дел Российской Федерации. Милиция преобразована в полицию. ДЭБ МВД России реорганизован в Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России.

Таким образом, 1991–2011 гг. в истории специализированных оперативных подразделений был период постоянных реформирований. Правоохранительные функции органов внутренних дел в экономике реализовывали различные специализированные оперативные подразделения – БПСЭ, ЭП, БЭП, ФСЭНП, подразделения НП, подразделения ЭБ. В постоянных реформированиях подразделений отражался поиск форм организации правоохранительной деятельности в формирующейся рыночной экономике.

Подразделения по борьбе с экономической преступностью Приморского края в изучаемый период формировались в соответствии со стратегическими приоритетами развития страны. Однако, учитывая специфику развития региона, приоритетное внимание уделялось развитию оперативных подразделений органов внутренних дел, специализирующихся на предотвращении контрабандного вывоза морепродуктов, леса и лесоматериалов и др. Учитывая, что Россия стояла перед жесткой необходимостью активного использования тихоокеанской прибрежной зоны и юго-восточных рубежей страны в плане мобилизации внутренних ресурсов страны с использованием долгосрочного цивилизованного сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, требовалось самое серьезное отношение к вопросам реализации национальных интересов в регионе, обеспечения его экономической безопасности.

В целом служба по борьбе с экономической преступностью в 1991–2011 гг. претерпела многочисленные переименования и реорганизации, но суть ее работы оставалась прежней – защита экономики от противоправных посягательств, борьба с преступлениями против собственности в экономике, борьба с преступной деятельностью должностных лиц. И в настоящее время обеспечение экономической безопасности нашей страны и противодействие коррупции является основными задачами службы.

#### Литература и источники

1. Братко А.Г., Гаухман Л.Д., Кувалдин В.П., Максимов С.В., Попов В.И. Современное состояние и меры борьбы с организованной преступностью в России // Актуальные проблемы теории и практики борьбы с организованной преступностью в России. Вып. 5. М.: Московский институт МВД России, 1995. С. 12–23.
2. Герасимов С.И. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступностью в сфере экономики // Материалы расширенного заседания Ученого совета. М.: Б.и., 2001. 112 с.
3. Лунеев В.В. Преступность и теневая экономика // Экономические науки современной России. 2005. № 1. С. 72–82.
4. Мацкевич И.М. Организованная экономическая преступность // Мониторинг правоприменения. 2016. № 1 (18). С. 4–10.
5. Организованная преступность Дальнего Востока: региональные черты и хроника событий / кол. авт.; отв.ред. В.А. Номоконов. – Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2011. 516 с.
6. Сухаренко А.Н. Теневая экономика Дальнего Востока: мрачные перспективы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 3 (18). С. 149–156.
7. Коровников И.П. Отечественный опыт противодействия организованным преступным группировкам // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение: мат. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию высшего ист. образования на Дальнем Востоке России, Владивосток, 16–17 октября 2018 г. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2018. С. 371–375.

8. Коровников П.В. Роль правоохранительных органов Приморского края в противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов (1997–2005 гг.) // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX международной научно-практической конференции. Вып. 9. Ч. 1 / Отв. ред. О.А. Шеломихин. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. С. 138–144.
9. Вацаев Н.А., Вихляева Г.Н., Шабельникова Н.А. Состояние криминогенной обстановки в Приморском крае и особенности предупреждения региональной преступности // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: материалы междунауч.-практич. конф., Красноярск, 5–6 февраля 2004 г. Часть 1. Красноярск: РИО СибЮИ МВД России, 2004. С. 292–295.
10. Некрытый В.В. Влияние социально-экономической и криминальной ситуации на оперативно-служебную деятельность органов внутренних дел Приморского края на рубеже XX–XXI вв. // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. Материалы XXIII международной научно-практической конференции, 2–3 апреля 2020 / Отв. ред. Д.В. Ким. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2020. С. 83–85.
11. Милиция Дальнего Востока России (1922–1930-е годы): исторический опыт организации и деятельности: монография. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2018. 354 с.
12. Виноградов А.М. К вопросу о состоянии экономической преступности в Приморском крае (2003–2011 гг.) // 300 лет на страже закона и правопорядка [электронное научное издание]: материалы всерос. науч.-практ. конф., Хабаровск, 19–20 апреля. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2018. С. 24–27.
13. Некрытый В.В. Деятельность органов внутренних дел приморского края по противодействию преступности на рубеже XX–XXI вв. // Теория и практика противодействия преступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: материалы международной научно-практической конференции. Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2019. С. 100–104.
14. Шабельникова Н.А. На страже правопорядка: история органов внутренних дел России в современной дальневосточной историографии // Клио. 2020. № 5 (161). С. 20–27.
15. Иванов В.Е. Органы милиции Приморского края в 1985–1991 гг.: историографический обзор // Клио. 2020. № 6 (162). С. 90–96.
16. Некрытый В.В. История органов внутренних дел на Дальнем Востоке России в исследованиях и библиографии // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX международной научно-практической конференции. Вып. 9. Ч. 1 / Отв. ред. О.А. Шеломихин. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. С. 200–207.
17. Центральный Архив МВД РФ. Ф. 133. Оп.1. Д. 9.
18. МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://65.xn--b1aew.xn--p1ai/gumvd/history> (дата обращения: 03.03.2018).
19. На Тихоокеанских рубежах: Владивостокскому филиалу Дальневосточного юридического института МВД России – 50 лет / Коллектив авторов под руководством В.В. Некрытого / М.В. Жерновой, Н.А. Шабельникова, А.В. Милежик, А.В. Усов, М.С. Якутина. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2020. 216 с.
20. Архив УМВД России по Приморскому краю Ф. 12. Оп. 2. Д. 517.
21. Там же. Ф. 12. Оп. 2. Д. 515.
22. Там же. Ф. 12. Оп. 2. Д. 524.
23. Там же. Ф. 12. Оп. 2. Д. 517.
24. МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://65.xn--b1aew.xn--p1ai/gumvd/history> (дата обращения: 03.10.2019).
25. Центральный Архив МВД РФ. Ф. 133. Оп. 1. Д. 9.
26. Там же. Ф. 163. Оп. 1. Д. 11.
27. Архив УМВД России по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 3. Д. 22.
28. Центральный Архив МВД РФ. Ф. 133. Оп. 1. Д. 45.
29. Там же. Ф. 133. Оп. 1. Д. 88.
30. Архив УМВД России по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 3. Д. 154.
31. Центральный Архив МВД РФ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 246.
32. Там же. Ф. 133. Оп. 1. Д. 88.
33. Там же. Ф. 163. Оп. 1. Д. 285.
34. Там же. Ф. 163. Оп. 1. Д. 286.
35. Там же. Ф. 163. Оп. 1. Д. 299.
36. Архив УМВД России по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 4. Д. 7.
37. Там же. Ф. 12. Оп. 4. Д. 9.
38. МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: [https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Glavnie\\_upravlenija/Glavnoe\\_upravlenie\\_jekonomicheskoy\\_bezop/istorija](https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_jekonomicheskoy_bezop/istorija) (Дата обращения: 03.03.2020).
39. Центральный Архив МВД РФ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 389.
40. Архив УМВД России по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 12. Д. 23.
41. Там же. Ф. 12. Оп. 15. Д. 15.
42. Там же. Ф. 12. Оп. 9. Д. 8.
43. Там же. Ф. 12. Оп. 15. Д. 21.
44. Там же. Ф. 12. Оп. 19. Д. 16.
45. Центральный Архив МВД РФ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 476.
46. Архив УМВД России по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 19. Д. 33.
47. Центральный Архив МВД РФ. Ф. 133. Оп. 1. Д. 179.
48. Архив УМВД России по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 25. Д. 1.

## References

1. Bratko A.G., Gauhman L.D., Kuvaldin V.P., Maksimov S.V., Popov V.I. Sovremennoe sostoyanie i mery bor'by s organizovannoj prestupnost'yu v Rossii [Current state and measures to combat organized crime in Russia]. Aktual'nye problemy teorii i praktiki bor'by s organizovannoj prestupnost'yu v Rossii [Actual problems of the theory and practice of fighting organized crime in Russia]. Issue 5. Moscow, Moscow Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1995, pp. 12–23.
2. Gerasimov S. I. Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problemy bor'by s prestupnost'yu v sfere ekonomiki [Criminal law and criminological problems of fighting crime in the economy]. Materialy rasshirenogo zasedaniya Uchenogo soveta [Materials of the extended meeting of the Academic Council]. Moscow, 2001, 112 p.
3. Luneev V. V. Prestupnost' i tenevaya ekonomika [Crime and the shadow economy]. Economic Sciences of Modern Russia, 2005, no 1, pp. 72–82.
4. Matskevich I. M. Organizovannaya ekonomicheskaya prestupnost' [Organized economic crime]. Monitoring of law enforcement, 2016, no 1 (18), pp. 4–10.
5. Organizovannaya prestupnost' Dal'nego Vostoka: regional'nye cherty i hronika sobytij [Organized crime in the Far East: regional features and chronicle of events]. Stat.edition Nomokonov V.A. Vladivostok, Far Eastern Federal University Publ., 2011, 516 p.
6. Sukharenko A. N. Tenevaya ekonomika Dal'nego Vostoka: mrachnye perspektivy [Shadow economy of the Far East:

gloomy prospects]. *Ecumene, Regional Studies*, 2011, no 3 (18), pp. 149-156.

7. Korovnikov I. P. Otechestvennyj opyt protivodejstviya organizovannym prestupnym gruppirovkam [Domestic experience of countering organized criminal groups]. *Kul'turno-istoricheskoe nasledie Rossii i stran Aziatsko-Tihookeanskogo regiona: issledovanie i sohranenie : mat. mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 100-letiyu vysshego ist. obrazovaniya na Dal'nem Vostoke Rossii, Vladivostok, 16–17 oktyabrya 2018 g* [Cultural and historical heritage of Russia and the countries of the Asia-Pacific region: research and preservation: international scientific-practical conference dedicated to 100th anniversary of higher education in the Russian Far East, Vladivostok, October 16-17, 2018]. Khabarovsk, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018, pp. 371-375.
8. Korovnikov P. V. Rol' pravoohranitel'nyh organov Primorskogo kraya v protivodejstvii legalizacii (otmyvaniyu) prestupnyh dohodov (1997–2005 gg.) [the Role of law enforcement agencies of the Primorsky territory in countering the legalization (laundering) of criminal proceeds (1997-2005)]. *Rossiya i Kitaj: istoriya i perspektivy sotrudnichestva: materialy IX mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Russia and China: history and prospects of cooperation: materials of the IX international scientific and practical conference]. Issue 9, Part 1, Stat. edition Shelomikhin O. A. Blagoveshchensk, Blagoveshchensk State Pedagogical University Publ., 2019, pp. 138-144.
9. Vachaev N. A., Vikhlyaeva G. N., Shabelnikova N. A. Sostoyanie kriminogennoj obstanovki v Primorskom krae i osobennosti preduprezhdeniya regional'noj prestupnosti [The state of the criminogenic situation in the Primorsky territory and features of regional crime prevention]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu v Sibirskom regione: materialy mezhdun. nauch.-praktich. konf., Krasnoyarsk, 5–6 fevralya 2004 g. Chast' 1* [Actual problems of fighting crime in the Siberian region: materials of the international scientific and practical conference, Krasnoyarsk, February 5-6, 2004, part 1]. Krasnoyarsk, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004, pp. 292-295.
10. Nekryty V. V. Vliyaniye social'no-ekonomicheskoy i kriminal'noj situacii na operativno-sluzhebnyuyu deyatel'nost' organov vnutrennih del Primorskogo kraya na rubezhe XX–XXI vv. [Influence of the socio-economic and criminal situation on the operational and official activities of the Internal Affairs bodies of the Primorsky territory at the turn of the XX-XXI centuries]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki. Materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 2-3 aprelya 2020* [Actual problems of fighting crime: questions of theory and practice. Materials of the XXIII international scientific and practical conference, April 2-3, 2020]. Stat. edition D. V. Kim. Krasnoyarsk, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020, pp. 83-85.
11. Militsiya Dal'nego Vostoka Rossii (1922–1930-e gody): istoricheskij opyt organizacii i deyatel'nosti [Milicia of the Russian Far East (1922-1930): historical experience of organization and work], a monograph. Khabarovsk, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018, 354 p.
12. Vinogradov A.M. K voprosu o sostoyanii ekonomicheskoy prestupnosti v Primorskom krae (2003–2011gg.) [On the issue of the state of economic crime in the Primorsky territory (2003-2011)]. 300 let na strazhe zakona i pravoporyadka [elektronnoe nauchnoe izdanie]: materialy vseros. nauch.-prakt. konf. (Khabarovsk, 19-20 aprelya) [300 years on the guard of law and order [electronic scientific publication]: materials of Nationwide Scientific-Practical conference (Khabarovsk, April 19-20)]. Khabarovsk, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018, pp. 24-27.
13. Nekryty V. V. Deyatel'nost' organov vnutrennih del primorskogo kraya po protivodejstviyu prestupnosti na rubezhe XX–XXI vv. [Activities of the internal Affairs bodies of the Primorsky territory to counteract crime at the turn of the XX-XXI centuries]. *Teoriya i praktika protivodejstviya prestupnosti v Aziatsko-Tihookeanskom regione: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Theory and practice of counteracting crime in the Asia-Pacific region: materials of the International Scientific and Practical conference]. Khabarovsk, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019, pp. 100-104.
14. Shabelnikova N. A. Na strazhe pravoporyadka: istoriya organov vnutrennih del Rossii v sovremennoj dal'nevostochnoj istoriografii [On guard of law and order: the history of the Internal Affairs bodies of Russia in modern Far Eastern historiography]. *Klio*, 2020, no 5 (161), pp. 20-27.
15. Ivanov V. E. Organy militsii Primorskogo kraya v 1985–1991 gg.: istoriograficheskij obzor [Milicia bodies of Primorsky Krai in 1985-1991: a historiographical review]. *Klio*, 2020, no 6 (162), pp. 90-96.
16. Nekryty V. V. Istoriya organov vnutrennih del na Dal'nem Vostoke Rossii v issledovaniyah i bibliografii [History of Internal Affairs bodies in the Russian Far East in research and bibliography]. *Rossiya i Kitaj: istoriya i perspektivy sotrudnichestva: materialy IX mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Russia and China: history and prospects of cooperation: proceedings of the IX International Scientific and Practical conference]. Issue 9, part 1, Stat. edition Shelomikhin O. A. Blagoveshchensk, Blagoveshchensk State Pedagogical University Publ., 2019, pp. 200-207.
17. Central'nyj Arhiv MVD RF. F. 133. Op.1. D. 9. [Central Archive of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Fond 133. Inventory 1. Case 9].
18. MVD RF (The Interior Ministry of the Russian Federation) Available at <https://65.xn--b1aew.xn--p1ai/gumvd/history> (accessed 03.03.2018)
19. Na Tihookeanskiy rubezhah: Vladivostokskomu filialu Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – 50 let [On Pacific frontiers: Vladivostok branch of the far Eastern law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia is 50 years]. Team of authors under the leadership of Nekryty V. V., Zhernova M. V., Shabelnikov N. A., Milezhik A.V., Usov A.V., Yakutina M. S. Vladivostok, Far Eastern University Publ., 2020, 216 p.
20. Arhiv UMVD Rossii po Primorskomu krayu F. 12. Op. 2. D. 517 [Archive of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Primorsky Krai Fond 12. Inventory 2. Case 517].
21. Arhiv UMVD Rossii po Primorskomu krayu F. 12. Op. 2. D. 515 [Archive of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Primorsky Krai Fond 12. Inventory 2. Case 515].
22. Arhiv UMVD Rossii po Primorskomu krayu F. 12. Op.2. D.524 [Archive of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Primorsky Krai Fond 12. Inventory 2. Case 524].
23. Arhiv UMVD Rossii po Primorskomu krayu F. 12. Op.2. D.517 [Archive of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Primorsky Krai Fond 12. Inventory 2. Case 517].
24. MVD RF (The Interior Ministry of the Russian Federation) Available at <https://65.xn--b1aew.xn--p1ai/gumvd/history> (accessed 03.10.2019)
25. Central'nyj Arhiv MVD RF. F. 133. Op. 1. D. 9 [Central Archive of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Fond 133. Inventory 1. Case 9].
26. Central'nyj Arhiv MVD RF. F. 163. Op. 1. D. 11 [Central Archive of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Fond 163. Inventory 1. Case 11].
27. Arhiv UMVD Rossii po Primorskomu krayu. F. 12. Op. 3. D. 22 [Archive of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Primorsky Krai. Fond 12. Inventory 3. Case 22].
28. Central'nyj Arhiv MVD RF. F. 133. Op. 1. D. 45 [Central Archive of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Fond 133. Inventory 1. Case 45].
29. Central'nyj Arhiv MVD RF. F. 133. Op. 1. D. 45 [Central Archive of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Fond 133. Inventory 1. Case 45].
30. Arhiv UMVD Rossii po Primorskomu krayu. F. 12. Op. 3. D. 154 [Central Archive of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Fond 12. Inventory 3. Case 154].

31. Central'nyj Arhiv MVD RF. F. 163. Op. 1. D. 246 [Central Archive of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Fond 163. Inventory 1. Case 246].
32. Central'nyj Arhiv MVD RF. F. 133. Op. 1. D. 88 [Central Archive of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Fond 133. Inventory 1. Case 88].
33. Central'nyj Arhiv MVD RF. F. 163. Op. 1. D. 285 [Central Archive of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Fond 163. Inventory 1. Case 285].
34. Central'nyj Arhiv MVD RF. F. 163. Op. 1. D. 286 [Central Archive of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Fond 163. Inventory 1. Case 286].
35. Central'nyj Arhiv MVD RF. F. 163. Op. 1. D. 299 [Central Archive of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Fond 163. Inventory 1. Case 299].
36. Arhiv UMVD Rossii po Primorskemu krayu. F. 12. Op. 4.D. 7 [Archive of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Primorsky Krai. Fond 12. Inventory 4. Case 7].
37. Arhiv UMVD Rossii po Primorskemu krayu. F. 12. Op. 4.D. 9 [Archive of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Primorsky Krai. Fond 12. Inventory 4. Case 9].
38. MVD RF MVD RF (The Interior Ministry of the Russian Federation) Available at [https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Glavnie\\_upravlenija/Glavnoe\\_upravlenie\\_jekonomicheskoi\\_bezop/istorija](https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_jekonomicheskoi_bezop/istorija) (accessed 03.03.2020)
39. Central'nyj Arhiv MVD RF. F. 163. Op. 1. D. 389 [Central Archive of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Fond 163. Inventory 1. Case 389].
40. Arhiv UMVD Rossii po Primorskemu krayu. F. 12. Op. 12. D. 23 [Archive of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Primorsky Krai. Fond 12. Inventory 12. Case 23].
41. Arhiv UMVD Rossii po Primorskemu krayu. F. 12. Op. 15. D. 15 [Archive of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Primorsky Krai. Fond 12. Inventory 15. Case 15].
42. Arhiv UMVD Rossii po Primorskemu krayu. F. 12. Op. 9. D. 8 [Archive of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Primorsky Krai. Fond 12. Inventory 9. Case 8].
43. Arhiv UMVD Rossii po Primorskemu krayu. F. 12. Op. 15. D. 21 [Archive of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Primorsky Krai. Fond 12. Inventory 15. Case 21].
44. Arhiv UMVD Rossii po Primorskemu krayu. F. 12. Op. 19. D. 16 [Archive of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Primorsky Krai. Fond 12. Inventory 19. Case 16].
45. Central'nyj Arhiv MVD RF. F. 163. Op. 1. D. 476 [Central Archive of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Fond 163. Inventory 1. Case 476].
46. Arhiv UMVD Rossii po Primorskemu krayu. F. 12. Op. 19. D. 33 [Archive of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Primorsky Krai. Fond 12. Inventory 19. Case 33].
47. Central'nyj Arhiv MVD RF. F. 133. Op. 1. D. 179 [Central Archive of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Fond 133. Inventory 1. Case 179].
48. Arhiv UMVD Rossii po Primorskemu krayu. F. 12. Op. 25. D. 1 [Archive of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Primorsky Krai. Fond 12. Inventory 25. Case 1].

© «Клио», 2020

© Виноградов А.М., 2020

# ПЕРСОНАЖИ ИСТОРИИ/ CHARACTERS OF HISTORY

УДК 930; 94

Дата поступления (Submitted) 03.12.2020  
Дата принятия к печати (Accepted) 09.12.2020

**TATIANA SERGEEVNA MIRONOVA**

*Researcher, teacher-researcher,  
Assistant, Department of Chinese philology  
Faculty of Asian and African Studies,  
Saint-Petersburg State University (Russia)  
199034, Russian Federation,  
Saint-Petersburg, Universitetskaya nab. 11  
e-mail: nightwalz@gmail.com  
nightwalz@gmail.com*

## Fuheng and his role in creation of illustrated tributaries of the qing empire\*

“Illustrated tributaries of the Qing Empire” (18th c) was created by a group of artists and officials, however mainly the authorship is attributed to Fuheng. Up to this moment in Russian sinology, there was no understanding of why Fuheng is known as one of the authors of the album and what exact contribution he made in the process of its creation. The article points out the premises that lead to choosing Fuheng to work on this album and what may have been his role in the process. The analysis of the sources gives us a suggestion, that Fuheng’s family connections to Qianlong, participation in pacification war conflicts in Myanmar and Sichuan province, working in the field of regulation the tributary and financial problems of the Northeast, translations for the series of vocabularies were important reasons to appoint Fuheng for the work on the album.

**Keywords:** *Qing dynasty, Fuheng, Huang Qin zhi gong tu, album of tributaries, tributaries*

\* *The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the research project No 19-09-00218 “The Chinese historico-ethnographic album Illustrated Tributaries of the Qing Empire (Huang Qin zhi gong tu) and its role in studying the Chinese worldview on other countries and nations in the mid-eighteenth century”.*

**ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА МИРОНОВА**

*исследователь, преподаватель-исследователь,  
Санкт-Петербургский государственный университет,  
ассистент кафедры китайской филологии  
Восточного факультета  
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб. 11  
e-mail: nightwalz@gmail.com*

В создании китайского историко-этнографического альбома XVIII в. «Хуан Цин чжи гун ту» - «Изображения данников правящей династии Цин», принимало участие большое количество художников и чиновников, однако формально авторство приписывают Фухэну<sup>1</sup>. В статье дается анализ источников и научной литературы, содержащих информацию о Фухэне, с целью определить степень его участия в работе над созданием альбома. Известно только, что он был автором собственноручно написанного им оригинальным каллиграфическим почерком предисловия, в котором сообщается о получении приказа императора о сборе информации об иноземных данниках и изготовлении рисунков их основных представителей. Высказывается предположение, что участие Фухэна в усмирительных и завоевательных военных походах в Мьянме и провинции Сычуань, свидетельства о регулировании вопросов данничества и финансов в северо-восточном регионе Китая, работа над словарями иностранных слов и пр. послужили немаловажными факторами для назначения его в качестве главного организатора создания «Хуан Цин чжи гун ту».

**Ключевые слова:** *Династия Цин, Фухэн, «Хуан Цин чжи гун ту», данники*

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00218 Китайский историко-этнографический памятник «Изображения данников правящей династии Цин» («Хуан Цин чжи гун ту») и его значение в изучении представлений китайцев о других странах и народах в середине XVIII в.

## Фухэн и его роль в создании альбома «Изображения данников правящей династии Цин»\*

**И**ллюстрированные альбомы так называемых «данников» Китая, активно создававшиеся в период существования империй Мин (1369-1644) и Цин (1644-1911), представляют собой важный пласт художественной и материальной культуры многонационального Китая. Культурную ценность такого рода альбомов сложно умалить [1]. Это понимали и многие европейские коллекционеры, например, Герман фон Штернбург (Hermann Speck von Sternburg, 1852-1908), академик В. П. Васильев (1818-1900) и др. [2, с.7] Именно благодаря их интересу к «альбомам данников» мы сейчас можем найти некоторые выдающиеся, зачастую единственные, экземпляры в частных и общедоступных коллекциях. В Восточном отделе Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ хранится ксилографическое издание альбома «Хуан Цин чжи гун ту» второй половины XVIII в. (шифр Хул. 348) [3, с.111].

Составление иллюстрированных альбомов с изображениями данников – практически всегда был труд коллективный и выполнявшийся по заказу и на средства императорского двора, поскольку для властей изучение культуры, быта и черт характера малых народов, особенно на территориях, которые только вошли в состав Империи Цин, являлись важным процессом для укрепления положения правящего двора и его авторитета на местах [1, с.438]. Так, например, известно, что над рисунками к «Хуан Цин чжи гун ту» трудились четыре художника: Гуань Пэн (觀鵬), Цзин Тинбяо (金廷標), Яо Вэньхань (姚文瀚), Чэн Лян (程梁) [4, с. 9]. Однако нельзя утверждать, что только ими ограничивался круг создателей иллюстраций, поскольку известно, что они рисовали лишь тех иноземцев, которые прибывали к императорскому двору [4, с. 9]. Тексты альбомов также не всегда подписаны их составителями или авторами, а если их удастся атрибутировать, то познакомиться ближе с личностью автора не представляется возможным ввиду нехватки информации в первоисточниках. Особенно остро данная проблема стоит перед исследователем, столкнувшимся с переизданием альбома - такая практика не была редкостью, иллюстрации часто перерисовывались другими художниками, тексты полностью или частично переписывались из одного памятника в другой.

В предисловии исследуемого альбома «Хуан Цин чжи гун ту» упоминается имя чиновника Фухэна<sup>2</sup>:

«Дасюэши, чжунъюн гун, подданный Фухэн получил высочайший указ в первый день в начале шестого лунного месяца в шестнадцатый год правления императора Цяньлуна <...>». [5]

Считается, что оригинальная каллиграфия данного предисловия в цветной двуязычной (китайско-маньчжурской) версии альбома «Хуан

Цин чжи гун ту», принадлежит непосредственно Фухэну, поскольку каждый отдельный текст: предисловие, стихи-посвящения и пр. - в альбоме имеет оригинальную каллиграфию за подписью чиновника, который его писал. В частности, в альбоме имеется стих-посвящение в честь создания альбома за авторством императора Цяньлуна, и анализ почерка дает основания считать эту каллиграфию принадлежащей непосредственно кисти императора.<sup>3</sup> К сожалению, эти выводы сложно сделать, изучая ксилографическое издание альбома, хранящееся в Восточном отделе Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ, каллиграфию которого приписывают китайскому чиновнику Дун Гао (董浩, 1740-1818), где не воспроизведена его каллиграфия.

Стоит пояснить ранги и титулы, упоминаемые в предисловии: чиновники *дасюэши* (大学士 или 内阁大学士) были самыми близкими советниками и помощниками императора на протяжении многих династий, при императоре Цяньлуэ несколько палат *дасюэши* были упразднены и осталась лишь палата Баохэдянь (保和殿), считавшаяся самой авторитетной, ее главой и был назначен Фухэн [6, с.138]; *чжунъюн гун* (忠勇公) – в пер. «доблестный князь», – титул, который Император Цяньлуэ пожаловал Фухэну за усмирение народа *гярун* (嘉绒 - *цзяжун* в китайском варианте) в пров. Сычуань в военном конфликте, который был позже известен как «кампания за большой и малый Цзиньчуани» (大小金川之役) - одна из «Десяти великих военных кампаний» Цяньлуэ (十大武功) – «усмирительных» военных походов, целью которых, кроме усмирения местных конфликтов в районе Цзиньчуаней, было расширение территорий Китая на юго-востоке (Тайвань), юго-западе (Аннам, Бирма, Непал), западе (Восточный Туркестан, Джунгария) [7]. Это свидетельствует о том, что Фухэн был выдающимся для своего времени человеком, поэтому немаловажно реконструировать его биографию и карьерный путь, чтобы попытаться установить связь между его деятельностью и изготовлением альбома.

### КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ ФУХЭНА И ЕГО СВЯЗЬ С АЛЬБОМОМ «ХУАН ЦИН ЧЖИ ГУН ТУ»

В отечественной синологии на данный момент Фухэну посвящено мало исследований. Одним из них является статья Меньшиковой М.Л., в которой устанавливается личность чиновника на портрете из коллекции Государственного Эрмитажа [8, с.46]. Напротив, китайские исследователи цинской истории признают его немаловажный вклад в управление страной и ее процветание [9, с.36]. В современном Китае личность Фухэна известна широким массам благодаря историческим фильмам и телевизионным драмам (напр. – «*延禧攻略*»,

2018 год - "Story of Yanxi Palace" - досл. пер. "Стратегия захвата дворца Яньси"). [10]

Имя Фухэна было вписано во многие исторические анналы. Его карьерные продвижения, биографические данные, описания походов с его участием и другая информация подробно изложена в "Цин ши гао" (清史稿 - "Черновая история династии Цин") [11], "Цин ши ле чжуань" (清史列传 - "Биографии [выдающихся личностей] в истории Цин") [12], "Маньчжоу минчэнь чжуань" (滿洲名臣傳 - "Жизнеописания известных чиновников Маньчжурии", приведенная там информация полностью копирует главу о Фухэне в «Цин ши ле чжуань»), его служба с 1748 по 1770 годы в качестве главного министра военного министерства отмечена в "Цзюньцзи дачэнь лебяо" (軍機大臣列表 - "Списки министров военного министерства") [13], его личностные качества - храбрость, стойкость, непреклонность, верность Китаю и императору, способности в делах управления и принятия адекватных решений во время военных конфликтов, - отмечены в «Цин дин бацзи тунчжи» («欽定八旗通志» - «Высочайше утвержденные описания Восьми Знамен») [14]. И это лишь самые основные источники информации об этом выдающемся чиновнике.

Фухэн родился в 61 году правления императора Канси в 21 день первого месяца по лунному календарю, что соответствует 9 марта 1722 года по григорианскому стилю летоисчисления. При рождении получил имя Чунь Хэ (春和) и был младшим сыном в семье чиновника Ли Жунбао (李榮保), занимавшего должность ротного генерала *нюлу цзолин*<sup>4</sup>. Он принадлежал к маньчжурскому роду Фуча (富察), который в свою очередь входил в Желтое с каймой знамя маньчжурской административной системы Восьми знамен. Данное знамя отличалось от остальных особой привелегированностью, поскольку оно состояло из родственных императору семей. Старшая сестра Фухэна была императрицей Сяосяньчунь (孝賢純皇后), женой императора Цяньлуна [11]. Дочь Фухэна была замужем за одиннадцатым сыном императора Цяньлуна по имени Юн Син (永理), в широком кругу более известен по титулу Чэн цинь ван - 成親王). Стоит отметить, что немаловажную роль в становлении Фухэна, как одного из самых влиятельных чиновников своего времени, сыграли кровные связи с императорским двором.

В 1740 году его взяли на службу в личную охрану императора [13], затем Фухэн продвинулся по службе до *шилана*<sup>5</sup> министерства финансов. Примерно в середине 1745 года его отправляют на должность в Военном совете. В конце 1747 - начале 1748 годов он добивается должности *хубу шаншу*<sup>6</sup>. 1748 год становится очень насыщенным в карьере Фухэна. Сначала его сестра, императрица Сяосяньчунь отправилась на юг и на обратном пути в Дэчжоу простудилась и скончалась [11]. Фухэн сопровождал императора в пути к месту ее кончины, чтобы провести необходимые похоро-

ронные обряды. Примерно в то же время ему поручили помогать государственной канцелярии в административных делах и мероприятиях по высочайшему объезду земель, которые совершались императором и/или иными близкими к трону лицами с целью проверки контроля над территориями. В том же году его награждают за трудолюбие и ставят на должность *тайбао*<sup>7</sup> наследного принца и младшего гувернера для наследника Гээрцзишаня (喀爾吉善, маньчжурский вариант - Гуваргя) из другого маньчжурского знатного дома. Позже его определяют на пост в три казенных хранилища (三庫) при министерстве финансов. В 9 месяце по лунному календарю его временно направляют на должность генерал-губернатора провинций Сычуань и Шэньси (川陝). Через некоторое время его назначают особоуполномоченным по военным и гражданским делам и поручают решать военные вопросы в Цзиньчуане, где проходила одна из десяти Великих военных кампаний времен Цин. В конце месяца его призывают назад для временно-го исполнения обязанностей крупного чиновника в министерстве финансов. Немного спустя, в 10 месяце по лунному календарю в конце 1748 года, его рекомендуют на пост *дасюэши*, который он стал занимать по совместительству с работой в Министерстве чинов. После этого он несколько раз удостоивался наград и высочайших пиров в честь признания его заслуг. 1749 год в жизни Фухэна интересен также немаловажной деталью: после нескольких карательных походов, осенью ему и еще одному чиновнику поручают перевод "текстов инородцев западных и других стран" («西洋等國番書») [11]. Речь идет о чрезвычайно важном для современных исследователей китайского языка собрании рукописных словарей под названием «Хуа и и юй» («華夷譯語» - «Переводы слов с китайского на языки чужеземцев»). При составлении словарей велась работа со следующими языками: английский, латинский, французский, итальянский, португальский, немецкий, санскрит, бирманский, сиамский, сулу (язык государства Юго-Восточной Азии Сулавеси [15, с.530]), рюкюсский, тибетский, языки народов пров. Сычуань, Юньнань, Гуйчжоу, Гуанси и др. Приказ о назначении Фухэна на работу над словарем записан в «Цин Гаоцзун шилу» («清高宗實錄» - «Правдивые записи цинского Гаоцзуна», Цзюань 324) [16].

В 1755 г. Фухэну жалуют титул "доблестного гуна", от которого он скромно отказывается. В 1766 г. его назначают особоуполномоченным по военным и гражданским делам и в 1769 г. отправляют в поход на Юньнань. В награду за военные подвиги Фухэн не раз удостоивался пиров и почестей, Цяньлун также построил для него храм предков рода Фуча. На входе к храму предков находились дарованные императором памятные родовые стелы из белого мрамора. Одна из этих стел сохранилась до сего дня и выставлена в Музее искусства резьбы по камню в Пекине [17]. После смерти Фухэна из-за неизвестной неизлечимой



大學士一等  
忠勇公傅恒  
世胄元臣與國  
休戚早年金川  
亦建殊績定策  
西師惟汝予同  
都侯不戰宜居  
首功

乾隆庚辰春  
御題

御題  
大學士一等忠勇公傅恒  
世胄元臣與國休戚早年金川亦建殊績定策西師惟汝予同都侯不戰宜居首功  
乾隆庚辰春御題

Портрет Фухэна (ок. 1760 года). Коллекция Доры Вонг. Нью-Йорк



болезни, которую он подхватил во время военного похода в Мьянму, в 1770 г. император Цяньлун провел церемонию подношения вина усопшему. Хвалебное отношение императора к заслугам Фухэна было отражено в тексте, написанном на известном портрете Фухэна из серии «Портретов заслуженных чиновников из палаты Цзыгуан-гэ» (см. рис). Исследованием этого и другого более позднего портрета Фухэна, который хранится в коллекции Государственного Эрмитажа занималась М.Л. Меньшикова. [8] Позже император разрешил его родным построить роскошную гробницу недалеко от Цин дунлина (清东陵 – Восточный мавзолей династии Цин).

Существует также документ, под названием «Прошение от имени Фухэна и других об утверждении способов подсчета подношений соболиного меха от фэйяков хэчжэ и фэйяков куе и одаривания их богатствами». Полное название документа на китайском языке: «大学士傅恒等奏请裁定赫哲费雅喀、库页费雅喀人贡貂及赏乌林办法折». Впервые перевод прошения с маньчжурского на китайский язык появился в приложении книги «Сборник переводов документов на маньчжурском языке ямэна помощника генерал-губернатора Сань Сина» в 1984 г. Оригинальный текст прошения также полностью представлен в статье ученых Тун Юнгуна и Гуань Цзялу, «Подробный анализ доклада *дасюэши* Фухэна ко двору из «Великого архива государственной канцелярии»» [18, с.57].

Фэйяки – китайское название народа нивхов (устаревшее название – гиляки), проживавших на Дальнем Востоке на побережье Восточно-Китайского моря. Хэчжэ и куе – это маньчжурские названия нанайцев и айну. По результатам «Прощения Фухэна» чиновник Чжо Най провел подсчеты дворов в местах проживания вышеупомянутых народов и собранных податей и представил полный отчет по периодам, начиная с 1676 г. (время правления императора Канси) и заканчивая 1750 г. (правление Цяньлуна). Точный год, когда документ был подан Цяньлуну, отмечен в конце документа – 15 год правления Цяньлуна (1750 г.) 11 лунного месяца 26 день. В документе от имени Фухэна также присутствуют предложения по прекращению роста численности дворов местного населения, которые как платили дань, так и получали «улин» – богатства, под которыми понимались ткани, веревки, домашняя утварь и прочие вещи. По его словам, «они будут принимать великую милость Императора за данность и непрерывно увеличиваться в численности [дворов], и по прошествии долгого времени, не будут признавать великую милость государя» [18]. Также Фухэн отклонил предложения Чжо Ная о том, чтобы не одаривать народы богатствами на следующий год, если они не смогли принести соболиный мех в место сбора податей в Нингута. Предложения Фухэна были сочтены как поддерживающие гуманный облик правителя и приняты. Данный документ свидетельствует о том, что в обязанности Фухэна

входил контроль за налогами и податями малых народностей Китая, и полученная им информация в сжатом виде была также использована при составлении альбома «Хуан Цин чжи гун ту».

Первый том альбома, заверченный ранее других в 1757 году [6] (в черно-белом варианте позже созданного ксилографа, который хранится в Восточном отделе Научной библиотеки им. М. Горького этот том числится под цифрой «3»), содержит именно иллюстрации народов северо-восточной части Китая – нивхов, нанайцев, айну и др., с финансовым управлением которыми Фухэн был связан непосредственно.

Как видно из биографических данных Фухэна, сохранившихся в исторических источниках, создание альбома в связи с ним не упоминается, из чего можно сделать вывод о том, что цинский двор вероятнее всего не считал этот эпизод важной вехой в контексте истории династии Цин или конкретно биографии Фухэна. По сути, единственно необходимым с точки зрения цинских властей историческим документом, касающемся издания альбома, является его предисловие, поскольку в нем содержится вся необходимая информация о приказе императора.

Выбор Фухэна в качестве одного из составителей «Хуан Цин чжи гун ту» определенно не был случайным. Это было связано не только с его заслугами в области ведения административных дел, но и знаниями о народностях северо-востока и юго-запада, на территориях проживания которых ему довелось работать и воевать. Он осознавал важность проводимой цинским двором политики укрепления власти в регионах и на границах. Работа над альбомом также преследовала подобную цель – утвердить «данническое» положение племен, малых народов и инородцев в империи Цин.

Работая на посту министра финансов, Фухэн знал детали экономической политики в регионах, регулировал вопросы, связанные с данничеством. Его авторитет и высоко оцениваемые цинским двором навыки сделали его одним из незаменимых специалистов. Скорее всего, с этим связано его регулярное переназначение на должности туда, где его способности были нужны на тот момент больше всего. Понимание Фухэном локальных культур, находящихся в местах проводимых цинской властью усмирительных или завоевательных походов в пров. Сычуань, Юньнань и др. было необходимо для осуществления контроля и ведения успешных военных кампаний. Его заслуги в области стратегического планирования и знания местных укладов были не раз отмечены цинским двором. Работа над словарями также стала одной из предпосылок для выбора Фухэна в качестве главного организатора процесса создания альбома «Хуан Цин чжи гун ту». Несмотря на то, что мы не имеем никаких письменных свидетельств, четко позволяющих определить роли доблестного князя в процессе создания альбома, и полностью

работа над ним была завершена уже после смерти Фухэна, нельзя не предположить, что его знания, организаторские навыки, четкое понимание цин-

ской политики в регионах, сделали весомый вклад в тот облик альбома, который получился по итогам многолетней и сложной коллективной работы.

### Примечания

- <sup>1</sup> В других статьях, посвященных альбому «Хуан Цин чжи гун ту» можно найти вариации написания имени: Фухэн или Фу Хэн. С точки зрения китайских языковых норм первый иероглиф является фамилией, а второй именем человека. Однако с учетом того, что Фухэн являлся маньчжуром, его полные фамилию и имя правильнее записывать как Фуча Фухэн. Однако стоит отметить, что во всех китайских источниках, в частности в подписи к альбому, используется только его имя, что и может вызывать определенную путаницу в написании.
- <sup>2</sup> 牛泉佐領 – нюлю цзолин – чиновничий ранг, в соответствии с которым служащий ведал подчиненными дворами, распределением земель и домов, военными списками, судопроизводством, под его руководством находилось в разное время от 200 до 300 человек, ранг мог как передаваться по наследству, так и быть пожалованным императором.
- <sup>3</sup> 侍郎 – шилан – чиновничья должность, помощник министра.
- <sup>4</sup> 戶部尚書 – хубу шаншу – высшая должность при министерстве финансов, должность непрерывно существовала в китайской бюрократической системе со времен династии Хань (III век до н.э. – III век н.э.).
- <sup>5</sup> 太保 – тайбао – чиновник-гувернер.

### Литература и источники

1. Самойлов Н. А., Маяцкий Д. И., Китайский историко-этнографический памятник «Изображения данников правящей династии Цин»: предыстория создания и социокультурное значение // Научный диалог. 2019. № 9. С. 437–455.
2. Нравы народов Китая. Иллюстрированное описание народов юга и запада провинции Юньнань / Отв. ред. и сост. Д. И. Маяцкий. Сост. Т. С. Миронова, Н. А. Сомкина. Перев. и коммент. Д. И. Маяцкий. Сост. Т. С. Миронова, Н. А. Сомкина. СПб.: изд-во СПбГУ, 2020. – в печати.
3. Маяцкий Д. И. Традиционализм и новаторство: ксилографический памятник «Хуан Цин чжи гун ту» и его место в серии китайских альбомов, посвященных «данникам» // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869-1930). СПб.: Студия «НП-Принт», 2019. Т. 2. С.111-114.
4. 畏冬. 《皇清職貢圖》創製始末 // 《紫禁城》, 1992年01期. 頁8-12. (Вэй Дун. «Хуан Цин чжи гун ту» чуанчжи шимо (Процесс создания альбома «Изображения данников правящей династии Цин» от начала до конца) / Бэйцзин: Цзыцзинчэн (Пекин: Запретный город, 1992, № 1. стр. 8-12)
5. 皇清職貢圖. 一冊 (Хуан Цин чжи гун ту. И цэ. (Изображения данников правящей династии Цин. Том 1.) / [Электронный ресурс] - URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b550102033?rk=42918;4> (дата обращения: 06.06.2020)
6. Marina Miranda. The Division of Top-ranking Posts in the Grand Council from 1729 until 1820 // Rivista degli studi orientali, Vol. 66, Fasc. 1/2 (1992). – p. 138.
7. Пан Т. А., Пчелин Н. Г. Портреты цинских военачальников из коллекции Государственного Эрмитажа: реставрация свитков и новое прочтение текстов // Письменные памятники Востока, том 13, №4(27), 2016. С. 74—90.
8. Menshikova M. L. The Unknown portrait of a Member of the Qing Imperial Family in the Hermitage Collection, St.Petersburg // Unknown Treasures of the Altaic World in Libraries, Archives and Museums: 53rd Annual Meeting of the Permanent International Altaistic Conference, St. Petersburg, July 25-30, 2010. Eds. Tatiana Pang, Simone-Christiane Raschmann, Gerd Winkelhane. Berlin: Klaus Schwarz Verlag. 2013. – p.46-51.
9. 孙智坤. 试论傅恒对乾隆朝安定统一的历史贡献. 黑龙江史志, 2007年10期. 頁36-38. (Сунь Чжикунь. Шилунь Фухэн дуй Цяньлун чао аньдин тунъи дэ лиши гунсянь. (О вкладе Фухэна в историю укрепления и объединения правящей династии Цин). Хэйлуңцзян: Хэйлуңцзян шичжи (Исторические заметки Хэйлуңцзяна), 2007, № 10. стр. 36-38)
10. 延禧攻略. (Яньси гунлюэ. (Стратегия захвата дворца Янси) / [Электронный ресурс] - URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%BB%B6%E7%A6%A7%E6%94%BB%E7%95%A5/20481391> (дата обращения: 18.05.2020)
11. 清史稿, 第三冊. 趙爾巽等撰. 中華書局1997年12月 2687頁. (Цин ши гао, ди сань цэ. Чжао Эрсюнь дэн чжуань (Черновая история династии Цин, тетрадь 3. Под ред. Чжоу Эрсюня и др.) Чжунхуа шуцзюй (Изд-во «Чжунхуа шу цзюй»), декабрь 1997 г. – с. 2687)
12. 清史列傳第五冊卷一七至卷二〇, 王鍾點校, 中華書局, 1485頁. (Цинши лечжуань ди у цэ цзюань и ци чжи эр лин. (Биографии [выдающихся личностей] в истории Цин. Тетрадь 5, Цзюани 7 – 20), Ван Чжухань даянь сяо (текст сверял Ван Чжухань). Чжунхуа шуцзюй (Изд-во: «Чжунхуа шуцзюй»), с. 1485)
13. 軍機大臣列表. Цзюньцзи дачэнь лебяо (Списки министров военного министерства) / [Электронный ресурс] - URL: <https://zh.wikipedia.org/wiki/%E5%86%9B%E6%9C%BA%E5%A4%A7%E8%87%A3%E5%88%97%E8%A1%A8> (дата обращения: 25.07.2020)
14. 钦定八旗通志. Циндин бацзи тунчжи. Высочайше утвержденные описания Восьми Знамен / [Электронный ресурс] - URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=en&res=375872> (дата обращения: 25.06.2020)
15. Черевко М. В. Государства Юго-Восточной и Восточной Азии в историко-этнографическом памятнике XVIII века «Хуан Цин чжи гун ту» 皇清職貢圖 («Изображения данников правящей династии Цин») // Россия - Китай: история и культура. Сборник статей и докладов участников XII международной научно-практической конференции: Издательство «Фэн», 2019. стр. 526-533
16. 会同四译馆译语. Хуэйтун сыигуань июй (Переводы палаты по приему представителей независимых территорий и переводам иноземных языков) / [Электронный ресурс] - URL: <https://www.dpm.org.cn/ancient/nation/120753.html> (дата обращения: 03.08.2020)
17. 从傅恒宗祠碑看傅恒的一生——北京石刻艺术博物馆游记. Цун Фухэн цзунцыбэй кань Фухэн дэ и шэн – Бэйцзин шикэ ишу боугуань юцзи (Жизнеописание Фухэна на родовой стеле – Записки о посещении Пекинского музея резьбы по камню) / [Электронный ресурс] - URL: <https://dy.163.com/article/EKPFQ7Q805377OOR.html> (дата обращения: 18.04.2020)
18. 佟永功, 关嘉禄. “内阁大库残档” 乾隆朝大学士傅恒奏折鉴析 // 滿族研究, 2000年, 第一期. 頁52-58. (Тун Юнгун, Гуань Цзялу, «Нэйгэ даку цаньдан» цянльунчао дасюэши Фухэн цзоучжэ цзяньси (Подробный анализ доклада дасюэши Фухэна ко двору из «Великого архива государственной канцелярии») / Маньчжу яньцзю (Ляонин: Журнал «Маньчжурские исследования»), 2000 г., №1. стр. 52-58.)

### References

1. Samoylov N. A., Maiatskij D. I. Kitajskij istoriko-jetnograficheskiy pamjatnik «Izobrazhenija dannikov pravjashhej dinastii Cin»: predstorija sozdanija i sociokul'turnoe znachenie [Chinese historical and ethnographical record «Illustrated tributaries

- of the Qing empire”: prehistory of creation and sociocultural value]. Nauchnyj dialog [Scientific dialog]. 2019. № 9. pp. 437–455.
2. Nvay narodov Kitaja. Illjustrirovannoe opisanie narodov juga i zapada provincii Jun'nan' [Customs of China's minorities. Illustrated description of peoples of the South and West of Yunnan province]. Chief editor D. I. Maiatskii, comp. T.S. Mironova, N. A. Somkina. Translation and commentary D. I. Maiatskii, T.S. Mironova, N. A. Somkina. SPb: SPSU, 2020. – in print.
  3. Maiatskii D. I. Tradicionalizm i novatorstvo: ksilograficheskij pamjatnik «Huan Cin chzhi gun tu» i ego mesto v serii kitajskih al'bomov, posvjashhennyh «dannikam» [Traditionalism and innovation: a woodcut Huang Qing Zhi Gong Tu and its place in a series of Chinese albums dedicated to “tributaries”]. XXX Mezhdunarodnyj kongress po istochnikovedeniju i istoriografii stran Azii i Afriki: k 150-letiju akademika V. V. Bartol'da (1869-1930) [XXX International Congress on Source Study and Historiography of Asia and Africa: on the Occasion of the 150th Anniversary of Academician V. V. Barthold (1869–1930)]. St. Petersburg, 2019. pp. 111–114.
  4. Wei Dong. “Huang Qing zhi gong tu” chuangzhi shimo [The process of creation of “Illustrated tributaries of the Qing Empire” from start to finish]. Zijincheng (Beijing: The Forbidden City), 1992, № 1. pp. 8-12
  5. Huang Qing zhi gong tu. Yi ce [Illustrated tributaries of the Qing empire. Volume 1] / [Digital resource] - URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b550102033?rk=42918;4> (accessed 06.06.2020)
  6. Marina Miranda. The Division of Top-ranking Posts in the Grand Council from 1729 until 1820 // Rivista degli studi orientali. Vol. 66, Fasc. 1/2 (1992). – pp. 121-142.
  7. Pang T.A. and Pchelin N.G. Portrety cinskih voenachal'nikov iz kollekcii Gosudarstvennogo Jermitazha: restavracija svitkov i novoe prochtenie tekstov [Portraits of Qing meritorious officers in the collection of the State Hermitage: scroll restoration and revised reading of the texts]. Pis'mennye pamjatniki Vostoka [Written Monuments of the Orient]. 13, №4 (27), 2016. pp. 74–90.
  8. Menshikova M. L. The Unknown portrait of a Member of the Qing Imperial Family in the Hermitage Collection, St.Petersburg // Unknown Treasures of the Altaic World in Libraries, Archives and Museums: 53rd Annual Meeting of the Permanent International Altaistic Conference, St. Petersburg, July 25 -30, 2010. Eds. Tatiana Pang, Simone-Christiane Raschmann, Gerd Winkelhane. Berlin: Klaus Schwarz Verlag. 2013. pp. 46-51.
  9. Sun Zhikun. Shilun Fuheng dui Qianlong chao anding tongyi de lishi gongxian [On the contributions of Fuheng to the history of pacification and consolidation of power policy of Emperor Qianlong] / Heilongjiang shizhi (Heilongjiang notes on history). 2007. №10. pp. 36-38.
  10. Yanxi gonglüe [Story of Yanxi Palace] / [Digital source] - URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%BB%B6%E7%A6%A7%E6%94%BB%E7%95%A5/20481391> (Accessed 18.05.2020)
  11. Qing shi gao. Di san ce. [Draft History of Qing. Volume III]. Zhao Erxun deng zhuan [Edited by Zhao Erxun]. Zhonghua shuju, 1997, 12 yue. p. 2687.
  12. Qing shi liezhuan di wu ce jian yi qi zhi jian er ling [Exemplary biographies from Qing history, volume V, chapters 17-20]. Wang Zhuhan dian xiao [Edited by Wang Zhuhan]. Zhonghua shuju, p. 1485.
  13. Junji dachen liebiao [List of the Great ministers from the Ministry of Warfare] / [Digital source] - URL: <https://zh.wikipedia.org/wiki/%E5%86%9B%E6%9C%BA%E5%A4%A7%E8%87%A3%E5%88%97%E8%A1%A8> (Accessed: 25.07.2020)
  14. Qingding baqi tongzhi. [Highly approved description of the Eight Martial Banners of the Qing Dynasty] / [Digital source] - URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=en&res=375872> (accessed: 25.06.2020)
  15. Cherevko M. V. Gosudarstva Jugo-Vostochnoj i Vostochnoj Azii v istoriko-jetnograficheskom pamjatnike XVIII veka “Huan Cin chzhi gun tu” [Countries of the South-Eastern Asia in the historical and ethnographical record of XVIII century “Huang Qing zhi gong tu”]. Rossija - Kitaj: istorija i kul'tura. Sbornik statej i dokladov uchastnikov XII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Russia – China: history and culture. Compilation of articles and reports of the participants of XII scientific-practical conference]. Kazan: Feng, 2019. pp. 526-533
  16. Huitong siyiguan yiyu [Translations made by the department organizing audiences for representatives of the independent territories and translations] / [Digital source] - URL: <https://www.dpm.org.cn/ancient/nation/120753.html> (accessed: 03.08.2020)
  17. Cong Fuheng zongcibei kan Fuheng de yi sheng – Beijing shike yishu bowuguan youji [Learning about life of Fuheng from his ancestral stella – Travel notes on Beijing stone carving art museum] / [Digital source] - URL: <https://dy.163.com/article/EKPFQ7Q805377OOR.html> (accessed: 18.04.2020)
  18. Tong Yonggong, Guan Jialu. “Neige daku candang” Qianlong chao daxueshi Fuheng zouzhe jian xi [The analysis of report note by Fuheng to the Emperor Qianlong's court from the “Grand Archive of the Government Cabinet”] / Manzu yanjiu (Manchurian studies). 2000, № 1. pp. 52-58.

© «Клио», 2020

© Миронова Т.С., 2020

УДК 94(47).084&lt;1917/1929&gt;

Дата поступления (Submitted): 04.12.2020

Дата принятия к печати (Accepted): 13.12.2020

**IRINA LAPINA**

*Ph.D. in History, Associate Professor, Herzen state pedagogical university of Russia  
198328, St. Petersburg, Leninsky Ave., 75,  
bldg. 2, sq. 652.*

### “Case” by Z. I. Lilina, or minutes of two sessions \*

\* The research was carried out with the support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of project No. 20-09-00026 “Metamorphoses of the ethno-national policy of the Soviet state in the mirror of the higher pedagogical school. 1917-1939”.

On the basis of previously unused archival materials, a dramatic episode from the life of Zlata Ionovna Lilina, the wife of the head of the Petrograd Soviet, one of the leaders of the internal party opposition, G. E. Zinoviev, who became the organizer of school education and social education in Petrograd – Leningrad in the first half of the 1920s, is reproduced. The author examines the situation that developed during the “purge” of the teaching staff at the Herzen pedagogical Institute, where Z. I. Lilina worked, in connection with the speech of the Leningrad opposition at the XIV Congress of the All-Russian Communist party of the Bolsheviks and the subsequent transition to the decisive stage of the “cultural revolution”. The considered examples allow us to reproduce the atmosphere of intense struggle for higher pedagogical school that took place in the second half of the 1920s.

**Keywords:** Z. I. Lilina, B. A. Fingert, G. I. Levin, “new opposition”, cultural revolution, scientific and methodological Council of Leningrad, pedagogical education, proletarian students.

### ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ЛАПИНА

кандидат исторических наук, доцент,  
доцент кафедры истории Российского государственного  
педагогического университета им. А.И. Герцена.  
198328, Санкт-Петербург,  
Ph: +7(911)756-07-80  
E-mail: lapina\_ir@inbox.ru

На основе не использованных ранее архивных материалов воспроизводится драматичный эпизод из жизни Златы Ионовны Лилиной – жены руководителя Петросовета, одного из лидеров внутрипартийной оппозиции Г.Е. Зиновьева, ставшей организатором школьного образования и социального воспитания в Петрограде – Ленинграде в первой половине 1920-х годов. Автор рассматривает ситуацию, сложившуюся в процессе «чистки» преподавательского состава в Герценовском педагогическом институте, где работала З.И. Лилина, в связи с выступлением ленинградской оппозиции на XIV съезде ВКП(б) и последующим переходом к решающей стадии «культурной революции». Рассмотренные примеры позволяют воспроизвести атмосферу напряженной борьбы за высшую педагогическую школу, происходившую во второй половине 1920-х годов.

**Ключевые слова:** З.И. Лилина, Б.А. Фингерт, Г.И. Левин, «новая оппозиция», культурная революция, Научно-методический совет ЛенгубОНО, педагогическое образование, пролетарское студенчество.

## «Дело» З. И. Лилиной, или Протоколы двух заседаний\*

\*Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках проекта №20-09-00026 «Метаморфозы этнонациональной политики советского государства в зеркале высшей педагогической школы. 1917–1939 годы».

**28** мая 1929 года в клинике Рентгенологического института в Ленинграде скончалась от рака легких Злата Ионовна Лилина. Прощание с ней проходило в здании дворца Белосельских-Белозерских, где располагался тогда комитет ВКП(б) Центрального района Ленинграда. Траурная процессия, двигавшаяся в сторону Александровской лавры, заполнила весь Невский проспект. Объяснение массовому скоплению народа на этих похоронах находим в некрологе, написанном Н.К. Крупской, очень близко знавшей Лилину: «После переезда правительства в Москву она стала заведовать всем делом народного образования в Ленинграде, сумев привлечь к работе главную массу педагогических сил Ленинграда, организовать их. Ленинград шел впереди Москвы и в смысле обслуживания всех ребят школы, и в деле обслуживания детей рабочих, в деле устройства школы продленного дня, устройства мастерских при школах и детдомах. В Ленинграде были интересные опытные учреждения, а главное, было внимание к педагогам, было внимание к детям» [1]. Характерно, что некролог был опубликован не в журнале «Коммунист», ответственным

редактором которого состояла Н.К. Крупская, а в журнале «На путях к новой школе», издаваемом Научно-педагогической секцией ГУСа Наркомпроса РСФСР. Опубликовал некролог и А.В. Луначарский, который тогда ещё был наркомом просвещения. Он писал: «Злата Ионовна горела делом народного образования. На всех съездах и конференциях она выступала с большими речами, рьяно защищала ту или иную свою точку зрения, во всё вносила максимум темперамента и, надо сказать, очень редко ошибалась. Почти всегда её напор и энергия служили для защиты правильной линии. О тех или других успехах народного образования в Ленинграде она говорила с восхищением. Все помнят её нервную, напряженную речь, которая смягчалась частыми шутками. Тов. Лилина любила острить, любила смеяться, и эта её веселость прекрасно сочеталась с её неудержимой деятельной силою» [2].

Злата Лилина была одной из тех организаторов советской педагогики, которым казалось, что реалистическое, естественнонаучное мировоззрение и коллективистическое трудовое воспитание должны стать залогом Нового Мира – коммунисти-

ческого общества, где не будет места любому неравноправию и социальному неравенству, и будут искоренены все формы ксенофобии и ненависти [3; 4]. Страницам её биографии была посвящена одна из статей автора [5]. Недавно найденные архивные материалы позволяют раскрыть ещё один драматический эпизод из её жизни, связанный с политическими событиями, происходившими в стране в середине 1920-х годов. Протоколы партийных собраний низовых ячеек и скучные анкетные данные личных дел представителей «левой профессуры» позволяют также уточнить некоторые обстоятельства «культурной революции» в сфере высшей педагогической школы Ленинграда, связанные с изменением её политической направленности и социального состава.

По возвращению в Петроград вместе с В.И. Лениным и Н.К. Крупской с 1917г. З.И. Лилина занималась организацией женского пролетарского движения. С апреля 1918 г. она в качестве наркома социального призрения Союза коммун Северной области (СКСО), возглавляла борьбу с детской беспризорностью, организовывала питание и снабжение детей в школьных учреждениях, приютах, детдомах. 7 марта 1919г. З.И. Лилина сделала доклад о социальном воспитании молодёжи на заседании Северного областного комитета РКП(б). 16 мая 1919г. она выступала с докладом о работе среди женщин и молодёжи на 2-ой Губернской конференции РКП(б). Решением Петроградского комитета партии (вопреки мнению ЦК партии) она была введена в состав коллегии Отдела народного образования Петроградского Совета [6; 7]. После ликвидации СКСО З.И. Лилина была назначена заведующей Комитетом социального воспитания Петросовета (Губсоцвосом) и заместителем заведующего ГубОНО. Она была членом Центральной комиссии по улучшению быта ученых при Совнарком РСФСР (ЦЕКУБУ), руководила работой по управлению театрами Петрограда, переданного в ведение Губернского отдела народного образования.

В 1924–1926 годах Злата Ионовна Лилина заведовала Петроградским ГубОНО, совмещая это с руководством Отделом социального воспитания. Кроме того, она читала курсы истории партии и Коминтерна в Коммунистическом университете, состояла профессором и членом Совета института в Институте социального воспитания, а с 1925 г., после объединения всех педагогических вузов города – в Педагогическом институте им. А.И. Герцена. До 1926 г. Лилина часто выступала с политическими докладами на общих собраниях студентов и преподавателей, насчитывавших до 500 – 600 участников. 27 января 1924 г. на траурном собрании памяти Ленина в Институте социального воспитания она прочитала основной доклад «Товарищ Ленин как политический деятель и человек». На том же собрании выступил В.М. Бехтерев (учреждения которого З.И. Лилина всячески поддерживала), заявивший, что «Ленин был высоконаучным чело-

веком, человеком гениального ума, человеком со стальной волей и железным характером». 18 марта она разъясняла студентам историческое значение Парижской Коммуны и взаимосвязь этих событий с пролетарской революцией в России; в июне 1924 г. произнесла доклад «О задачах педагога в Советской Республике», а 6 октября – «60-летие Первого Интернационала». «Дело 1-го Интернационала заканчивает Третий Интернационал. Лозунг Первого Интернационала – «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» – является путеводной звездой во всей 60-летней борьбе рабочего класса» – говорила она [8].

К 1925 г. муж З.И. Лилиной Г.Е. Зиновьев достиг вершины своей партийной и политической карьеры. Ближайший соратник Ленина (о котором А.В. Луначарский писал «Зиновьев был один из тех 4–5 человек, которые представляют по преимуществу политический мозг партии»), он с декабря 1917 г. по 1926 г. – председатель Исполкома Петроградского Совета, с марта 1919 г. – председатель Исполкома Коминтерна, с 1921 по 1926 гг. – член Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б), в 1923–1924 гг. – член Оргбюро. И с этой вершины произошло его стремительное падение. В декабре 1925 г. XIV съезд ВКП(б) признал необходимыми ускорение индустриализации и укрепление обороноспособности страны, но по вопросу о средствах и темпах модернизации он зафиксировал глубокий внутрипартийный раскол. В своем содокладе, сделанном на съезде, Г. Е. Зиновьев, поддержанный ленинградской делегацией, обозначил значительные разногласия в партии: 1) по вопросу о структуре экономики в СССР (против продолжения НЭПа); 2) по вопросу о политике в отношении крестьянства (против усиления мелкобуржуазных элементов); 3) по вопросу о приёме в партию (против расширения партии за счёт приёма крестьян); 4) по вопросу о нарушении внутрипартийной демократии (против «полновластия» Политбюро и «подчинённости» ему секретариата ЦК). Участницами «ленинградской» оппозиции была и вторая жена Зиновьева – З.И. Лилина [9]. Уже в начале 1926 г. последовал разгром тех, кто был причастен к оппозиции в Ленинграде [10].

Пересмотр профессорско-преподавательского состава ленинградских вузов начал производиться почти сразу, после выступления «новой оппозиции». Это происходило и в Герценовском педагогическом институте. 7 января 1926г. на собрании активистов институтского коллектива ВКП(б) была вынесена резолюция, одобрявшая постановления съезда и осуждавшая поведение Ленинградской делегации и актива Центрального района на съезде. 11 января объединённое собрание партийных фракций месткома и профкома института по предложению председателя Бюро коллектива А.Ф.Корнева (он же был проректором по административно-хозяйственной части) подтвердили это постановление [11, л.12]. 18 января на заседании партфракции Правления института сторонниками официальной линии ЦК был поднят вопрос

об изменении состава Правления, которое успешно проработать всего восемь месяцев. Ректором института был в это время Б.А. Фингерта. Борис Александрович Фингерта (1890–1960) принадлежал к первому поколению «красных профессоров». В 1918 г. он был одним из основателей Научного общества марксистов (НОМ) при Петроградском университете, был привлечен к работе общественно-ведческого сектора Научно-методической секции Компроса СКСО, а затем ГубОНО, в 1919 г. стал профессором ЛГПИ, в 1924г. – директором Государственного института научной педагогики, а в 1925 – ректором объединенного Герценовского пединститута. В 1925 г. он подал заявление о приеме в партию, и в 1926г. был кандидатом в члены ВКП(б) [12].

Не решаясь выступить открыто против Б.А. Фингерта, инициаторы поддержки официальной линии ЦК предложили убрать из правления Г.И. Левина – брата З.И. Лилиной, который был проректором по учебной части и исполнял в то время обязанности заболевшего Б.А. Фингерта. Григорий Ионович Левин (1883–1941) не был членом ВКП(б). В 1917г. он заведовал Отделом народного образования Полоцкой земской управы, и в ноябре 1917г. баллотировался на выборах в Учредительное собрание в Дриссенском уезде по списку Объединённой РСДРП и Бунда [13]. В 1918г. Г.И. Левин был введен в состав Коллегии Внешкольного отдела Комиссариата народного просвещения СКСО. В 1919г. он был избран профессором и проректором Института внешкольного образования, открытого в Петрограде, и тогда же – профессором Педагогической Академии, в 1922г. стал профессором Петроградского института дошкольного образования, в 1924г. был избран профессором Герценовского пединститута. Одновременно с этим он в 1922 – 1924 гг. состоял редактором журнала «Просвещение», был редактором Учебно-педагогического отдела Петрогосиздата, заместителем заведующего отдела Профобра и членом Президиума Научно-методического Совета ГубОНО. В 1924 г. Г.И. Левин стал действительным членом ГИИП и членом Правления Герценовского института. В 1925г. при слиянии педвузов в единый Государственный педагогический институт им. А.И. Герцена он был избран проректором по учебной части, заведующим школьным отделением и председателем общеинститутской предметной комиссии по педагогическим дисциплинам [14; 15].

Партийная фракция Правления института состояла тогда всего из трёх человек – А.Ф. Корнева – проректора по АХЧ, Б.А. Фингерта – ректора, и А.М. Волковой – секретаря правления, аспирантки Естественного отделения. Понимая, что Б.А. Фингерта, тесно связанный с Научно-методическим советом ГубОНО, будет поддерживать Г.И.Левина, А.Ф.Корнев попытался решить вопрос путём расширения партийной фракции за счет своих сторонников. К заседаниям в целях «усиления партийного руководства институтом» было решено пригласить

с правом решающего голоса Б. А. Куржнира – заведующего Общественно-экономическим отделением института и уполномоченного Обкомом ВКП(б) по политминимуму, В. А. Минделя – председателя Профкома и заведующего студенческим клубом – и организатора студенческой ячейки Л. Я. Иванова [11, л.15].

Вопрос о перевыборах Правления вновь обсуждался 8 марта и 18 марта расширенным составом партфракции Правления уже в присутствии Б.А. Фингерта. Объектом критики со стороны Корнева, Куржнира и Иванова, кроме Г.И. Левина, стал беспартийный представитель «старой» профессуры Павел Исаакович Люблинский (1882–1938), автор книг о борьбе с детской преступностью, заведовавший в институте Отделением социально-правовой охраны несовершеннолетних (СПОН). Б.А. Фингерта настаивал на необходимости сохранения имевшегося состава Правления. Г.И. Левина он характеризовал следующим образом: «Левин – великолепный организатор, уделяет массу времени и внимания институту, относится не формально, а принимает самое горячее и умелое участие в разрешении всех вопросов. Заменить эту кандидатуру кем бы то ни было институт не в силах». Фингерта, заявил также, что критики больше заслуживает он сам, как ректор, т.к. он – «не дипломат, трудно себя чувствует в отношениях с парторганизациями как молодой кандидат партии». В итоге большинство членов собрания склонилось к тому, что Правление лучше оставить в прежнем составе. Этому мнению придерживался и уполномоченный Наркомпроса по вузам Ленинграда, секретарь Губкома партии Б.П. Позерн. Активность нападавших сдерживались опасением, что в результате перевыборов может активизироваться правая профессура, как это было в университете. Однако Фингерту пришлось пообещать членам партфракции «разгрузится» от обязанностей в Научно-методическом совете ГубОНО [11, л.21-25].

По сложившейся традиции того времени инициатива борьбы с представителями внутривнутрипартийных «уклонов» должна была исходить снизу. В апреле 1926 г. Бюро студенческого коллектива ВКП (б) на основании заявления студентов-партийцев Общественно-экономического отделения, которым заведовал Б. А. Куржнир, вынесло резолюцию об «антипартийном поведении т. З. И. Лилиной» с предложением в адрес Губкома о снятии её с преподавания истории ВКП(б). Лилиной вменялось в вину то, что она пропагандировала на занятиях мнение оппозиции. Резолюция студенческого партбюро обсуждалась на расширенном заседании партфракции Правления 24 апреля 1926 года. В заседании участвовали Б.А. Фингерта, А.Ф. Корнев, А.М. Волкова, Б.А. Куржнир, Л.Я. Иванов, В.А. Миндель и – в качестве приглашённых – В. И. Капустин (председатель месткома Союза Рабпрос), К. К. Никонёнок (заведующий рбфактом), профессор З. И. Лилина, студент Г.М.

Недовесов и студентка Селиванова. З.И. Лилиной, безусловно, разделявшей убеждения Г.Е. Зиновьева, пришлось защищаться от обвинений со стороны «пролетарского студенчества». Она пыталась сказать, что обсуждение ею учебного материала не выходило за рамки постановлений XIV съезда, а задания по самостоятельной работе, которые она разбирала со студентами, были разработаны не ею, и утверждены Предметной обществоведческой комиссией. Отвергая обвинение в неверии в возможность построения социализма, своё отношение к этому вопросу она излагала следующим образом: «Строить можно, нужно, и мы его строим, но наша отсталость может подвергнуть нас реставрации. От этого спасёт мировая революция в течение 2–3-х десятков лет, и мы надеемся, что она будет... Являясь партийцем с 24-х летним стажем, не верить в социализм я не могу. И хотелось бы, чтобы это было скорее, но при отсталой технике это идёт медленно». Однако общественных обвинителей интересовало, главным образом, её отношение к оппозиции: говорила ли она студентам о том, что нужно наблюдать жизнь, которая оправдывает оппозицию. Студент Недовесов заявил, что, упоминая о наличии ошибок Зиновьева, Каменева и Бухарина, она возражала против оргвыводов в отношении их сторонников и говорила, что «если бы Ленин был жив, этого бы не происходило». (Лозунг «Назад, к Ленину!», действительно, активно использовала левая оппозиция). Недовесов сообщил также, что партийцам были даны директивы не вступать в дискуссии с Лилиной по спорным вопросам, «чтобы не подрывать её авторитет». Студентка Селиванова припомнила, что, рассказывая о развитии советской промышленности, Лилина «больше подчеркивала её капиталистические, чем социалистические элементы».

В защиту З.И. Лилиной выступил Б. А. Фингер. Прочитав протокольную запись: «Т. Фингер отмечает, что ему в данный момент приходится говорить не только как кандидату партии, но и как руководителю института в целом. По кафедре истории ВКП(б) работников нет. Именно квалифицированных работников – Быстрянского, Лилину – заменить пока еще некем. Вопросы жизни, включающиеся в учебный материал так сложно, что с огромным трудом приходится направлять само занятие, и здесь большой ошибкой была директива не выступать партийцам. Выдержанные студенты-партийцы помогли бы направить занятие в нужное русло в направлении резолюции съезда. Заявление о том, что оппозиция оправдывается жизнью, является ляпсусом Лилиной. Но как педагога и партийца снимать с работы Лилину нет оснований, нужно только просить Злату Иванову такие моменты не заострять, и резюмировать по линии, принятой партией».

Мнения членов фракции о том, нужно ли снимать З. И. Лилину с преподавания и передавать

ли дело в Губком партии, разделились. Очень агрессивно был настроен ответственный секретарь коллектива ВКП(б) студент Л. Я. Иванов, заявивший: «Т.Фингер подходит формально, а поскольку есть факты, которые не отрицает и сама Лилина, то наша молодежь будет воспитываться [преподавателем], чуждым партии, идеологически далеким от партии. Пусть будет педагог менее грамотный, но [стоящий] ближе к партийной линии». Б. А. Куржнир заявил, что Бюро коллектива допустило ошибку, организовав повторное обсуждение, а не передав сразу дело в Обком. А. Ф. Корнев, выступая заодно с Б.А. Куржниром, заявил, что лучше лишиться квалифицированного работника, чем иметь преподавателя, сознательно проводящего линию оппозиции.

Выступление К. К. Никонёнка продемонстрировало полное понимание им ситуации. «Видно, что Злата Ивановна попала в большой переплет и вышла из него неудачно, – говорил он. – Если была взята ею осторожность в начале, то её и нужно было держать. Само задание было построено так, что нужно было такого переплета ожидать. Как длинный сделанный материал, [его] можно было снять с обсуждения. [Снять] лишние острые вопросы и сказать, просто – постановления XIV съезда. Психологически можно учесть, что излагая нашу отсталость, можно указывать на мрачные стороны, но можно указывать и на продвижение вперед. Постановление Бюро коллектива преждевременно: так ставить и так разрешать вопрос было нельзя. [Здесь нужно учитывать два момента]. Первый – академический: сложно подбирать преподавателей; и во-вторых, Злата Ивановна – старый член партии и знает, что можно, [и чего нельзя]. Нужно только просить Злату Иванову в такие острые моменты быть сугубо осторожной». К.К. Никонёнок, работавший учителем, был командирован на учебу в Герценовский институт Герцена Полоцким Уездным комитетом народного образования. В 1921–1925г. он был организатором партийного студенческого коллектива Герценовского института, в 1926 г. заведовал Рабфаком. Однако, Никонёнок не имел права решающего голоса.

А. М. Волкова так же, как и Б.А. Фингер, защищала З.А.Лилину, заявив, что «партиец с 24-летним стажем не может воспитывать идеологически чуждую партии молодежь» и, хотя «можно неправильно осветить тот, или иной момент, но работа в целом данного партийца важнее, чем работа малограмотного преподавателя».

На голосование было поставлено два предложения: предложение Б.А.Фингера и предложение Б.А. Куржнира. Четырьмя голосами против двух было принято второе: «Просить Губком снять З.И.Лилину с преподавания истории ВКП(б) в Герценовском институте «как партийца, проводящего невыдержанную партийную линию по вопросам последней дискуссии». При этом за предоставление З.И. Лилиной возможности закончить чтение



курса истории ВКП(б) собравшиеся проголосовали единогласно.

После принятия этой резолюции З.И.Лилина, которая еще оставалась в должности заведующей ГубОНО, нашла в себе силы рассказать участникам заседания о том, каким образом Отдел народного образования предполагает отметить День Просвещенцев. На 30 мая было намечено проведение демонстрации в Ленинграде, на которой студенты педагогических вузов и техникумов, объединённые в одну колонну, должны были отразить успехи системы народного просвещения с помощью схем и транспарантов [16, л.73-76].

Какое значение имело мнение первичных партийных ячеек в решении судьбы высокопоставленных лиц, причастных к оппозиции? В теории это соответствовало принципу внутривнутрипартийной демократии. В действительности именно с таких «выражений общественного мнения» – резолюций общих собраний и газетных заметок – и начиналась травля. На основе рассмотренного эпизода понятно, что часть партийной фракции и, в частности, Б.А. Фингерта и А.М. Волкова, а также К.К. Никонёнок, пыталась спасти З.И. Лилину, и отчасти это им удалось. Топорные действия партийных активистов вызвали негативную реакцию в институте. Через день после обсуждения «дела Лилиной» председателю партийной фракции Правления, проректору по АХЧ А. Ф. Корневу пришлось подать заявление об отставке со ссылкой на болезненное самочувствие. Он признавал, что «привык прямо и жёстко проводить все директивы центра без всяких лавирований в вузовской обстановке». Б.А. Куржнир после очередной неудачной атаки против Б.А.Фингерта покинул институт. К. К. Никонёнок и В. А. Капустин предпочли уйти на нейтральную полосу: попросили освободить их от административных обязанностей, объясняя это тем, что они приняты в состав научных работников института и хотят сосредоточиться на научной работе [16, л.99].

Во время перевыборов профессорско-преподавательского состава летом 1926 г. имя З.И. Лилиной было включено в списки, поданные институтом в Наркомпрос РСФСР на утверждение в должности профессора. На выборах в Правление института, состоявшихся в марте 1927 г. в состав Правления вновь был избран Г.И.Левин, а также беспартийный А.С.Гинтовт (как проректор по АХЧ, вместо А.Ф.Корнева). Александр Станиславович Гинтовт-Дзевялтовский (род. в 1863 г.) происходил из семьи поляков, сосланных в Иркутск, окончил Петербургский университет, а после революции стал известным в городе организатором народного образования. С 1918 г. он заведовал Детскосельской школой-колонией, в 1921 г. был назначен инструктором по педагогической части санаторных учреждений Детского Села, Слуцка и Петрограда, а в 1922г. был избран председателем Комиссии по летней школе Научно-методического Совета ГубОНО, то есть находился в тесном со-

трудничестве с З.И.Лилиной. С 1924 г. А.С.Гинтовт был председателем Педологического отделения и Педолого-методической комиссии Института Социальной педагогики и заместителем Б.А. Фингерта в Государственном институте научной педагогики (ГИНПе). В Герценовском институте на него было возложено руководство Отделением языка и культуры национальных меньшинств [17; 18]. Таким образом, провозглашавшаяся задача укрепления партийного влияния в Правлении не была достигнута. К концу 1927г. из 80 профессоров, работавших в институте лишь 4 были членами партии, из 89 доцентов – только 9 [19].

Реванш последовал быстро. Кандидатуру Лилиной на профессорское звание ГУС не утвердил. Педолого-педагогическое отделение и секция СПОН были ликвидированы [20]. Уже в сентябре 1927 г. Г.И. Левин подал заявление об освобождении от должности проректора по учебной части «по болезни». Ему, а затем и С.А. Гинтовту пришлось перейти на должности доцентов кафедры педагогики. Пострадали так, или иначе, все преподаватели Герценовского института, которые были связаны сотрудничеством с З.И. Лилиной в Научно-методическом совете ГубОНО. Р.Г. Лемберг, главный организатор школьного и внешкольного образования для работающих подростков в Петрограде, была выслана в Казахстан [21]. Заведующий кафедрой методики преподавания естествознания Б.Е. Райков, один из руководителей Общества распространения естественнонаучного образования (ОРЕО), причисленный к «старой профессуре», был подвергнут травле, а в 1930 г. арестован и направлен на строительство Беломорканала в качестве заключённого [22]. Б.А. Фингерта в 1928 г. отказался от ректорства, а в «год великого перелома» совсем ушёл из института. Во все последующие годы его отношения с партийным руководством были непростыми из-за «примиренчества с троцкистско-зиновьевской оппозицией». Этот ряд примеров может быть продолжен.

Таким образом, Герценовский институт лишился многих организаторов новой системы педагогического образования, стоявших у её истоков. Трудно сказать, была ли эта «чистка» одной из форм борьбы за власть, или инициировалась высшим политическим руководством как мера пресечения «этнического фаворитизма». Кадровые перемены объяснялись партийными органами как необходимый элемент «культурной революции», направленный на «пролетаризацию» вузов, хотя непосредственно коснулись сторонников самой концепции – левой профессуры. Очевидно одно: ситуация в высшей педагогической школе отражала специфику общественно-политической жизни в стране, сложившейся к середине 1920-х гг. Так называемое пролетарское студенчество, на которое возлагались надежды как на «закваску Нового мира», оказалось податливым объектом политических манипуляций и инструментом для сведения личных счётов. Подогреваемое безответствен-

ными призывами к политическому участию, собственным невежеством и бытовой ксенофобией, воодушевляемое «классовой принадлежностью», оно легко втянулось в процесс доносительства и разоблачений всякого рода «уклонов», и разочаровало своих создателей, продемонстрировав, что прививка новой культуры к дикому стволу оказалась малоэффективной.

### Литература и источники

1. Крупская Н.К. З.И.Лилина // На путях к новой школе. 1929. №6. С.9–10.
2. Луначарский А.В. Памяти Златы Ионовны Лилиной. Народное просвещение. 1929. № 6. С.102–103.
3. Лилина З. И. От коммунистической семьи к коммунистическому обществу. Пб.: Гос. изд., 1920. 104с.
4. Лилина З. И. Социально-трудовое воспитание: Итог 4-хлетней работы с Октябрьской революции 1917г. до октября 1921г. Пб.: Гос. изд., 1921. 180 с.
5. Лапина И.А. Злата Лилина. Путь к Новому Миру // Евреи Европы и Ближнего Востока: наследие и его ретрансляция. История языка, литература, культура. Материалы международной научной конференции памяти Э. Брамсон-Альпернне. 23 апреля 2017г. /отв.ред. М. О.Мельцин; Петербургский институт иудаики. СПб., 2017. (Труды по иудаике. Сер. «История и этнография». Вып. 12). С.283–298.
6. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф.1728 (Картотека и коллекции личных дел). Оп.1–8. Д. 57627 (З.И.Лилина). Л.1 (Выписка из протокола заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 20 декабря 1919г.).
7. Вихров В.М.Новые данные о главе Петрограда–Ленинграда Г. Е. Зиновьеве //Известия Российского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. 2010. № 126. С.16–20.
8. ЦГАИПД СПб. Ф.1158 (ЛГПИ им. Герцена). Оп.1. Д.219. Информационные Отчеты Ячейки РКП(б) Института социального воспитания. 1924.
9. Стефаненко А.Ю.Женщины в зиновьевской оппозиции в Ленинграде: просопографическое исследование// Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2018. Т.20. №3. С.84–91.
10. Дополнение 1. Заявление Г. Е. Евдокимова Пленуму ЦК ВКП(б). 31 марта 1926г. //Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). 1923–1938гг. М.: РОССПЭН. 2007. Т.1. 1923–1926. С.892–703.
11. ЦГАИПД СПб. Ф.1158 (ЛГПИ им. Герцена). Оп.1. Д.19. Протоколы заседаний фракций РКП(б) Месткома и Профкома. Л.12.
12. ЦГАИПД СПб. Ф.1728 Оп.1–10. Д.21032 (Фингерт Б.А.). Л.1.
13. Воробьев А.А. Выборы в Учредительное собрание в Дриссенском уезде Витебской губернии//Веснік МДПУ імя І.П.Шамякіна. 2007. №2 (17). С.64–68.
14. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф.4331 (ЛГПИ им.Герцена). Оп. 42. Д.229 (Левин Г.И.)
15. Педагогическое образование: Из опыта работы педагогической школы. /Под ред.Г.И.Левина, Р.Г.Лемберг. М.-Л.: Гос. изд., 1927. 167с.
16. ЦГАИПД СПб. Ф.1158 (ЛГПИ им. Герцена). Оп.1. Д.42. Протоколы фракции ВКП(б) Правления Пединститута им. Герцена. Л.73–76.
17. ЦГАИПД СПб. Ф.1158 (ЛГПИ им. Герцена). Оп.1. Д.198 (Гинтовт А.С.)
18. Летняя школа: Пед. сборник /Под ред. А.С.Гинтовта и Р.Г.Лемберг. Л.: Гос. изд., 1925. 340 с.
19. ЦГА СПб. Ф.2556 (Управление Уполномоченного НКП по ВУЗам Ленинграда). Оп.4. Д.26 (Годовой отчет ЛГПИ). Л.4.
20. ЦГА СПб. Ф.2556 (Управление уполномоченного по делам вузов и рабфаков.1927-1928). Оп.4. Д.49 (Об изменении структуры вузов. О ликвидации Педагогического подразделения и секции СПОН педвуза). Л.1.
21. Роботова А.С., Романенчук К.В. Педагогика как судьба. Очерки жизни и деятельности Раисы Григорьевны Лемберг. СПб.: Изд. РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. 291с.
22. Волков В.С. Академик-педагог Борис Евгеньевич Райков. Книга об учёном, созданная благодаря его заботам о будущих биографах. СПб.: Изд. РГПУ им. А.И. Герцена, 2016. 511 с.

### References

1. Krupskaja N.K. Z.I.Lilina [Z.I. Lilina] Na putjah k novoj shkole [On the way to a new school]. Moscow, 1929, no. 6, pp.9–10.
2. Lunacharskij A.V. Pamjati Zlaty Ionovny Lilinoj [In memory of Zlata Ionovna Lilina] Narodnoe prosveshhenie] [ Public education ]. 1929, no. 6, pp.102–103.
3. Lilina Z. I. Ot kommunisticheskoy sem'i k kommunisticheskomu obshhestvu [From a communist family to a communist society]. Petersburg, State Publishing House, 1920. 104 p.
4. Lilina Z. I. Social'no-trudovoe vospitanie: Itog 4-hletnej raboty s Oktjabr'skoj revoljucii 1917g. do oktjabrja 1921goda [Social and labor education: The result of 4 years of work since the October Revolution of 1917 until October 1921]. Petersburg, State Publishing House, 1921. 180 p.
5. Lapina I.A. Zlata Lilina. Put' k Novomu Miru [Zlata Lilina. The path to the New World] Evrei Evropy i Blizhnego Vostoka: nasledie i ego retransljacija. Istorija jazyki, literatura, kul'tura [Jews of Europe and the Middle East: Heritage and Its Re-transmission. History of languages, literature, culture]. [Petersburg Institute of Jewish Studies. Materials of the international scientific conference in memory of E. Bramson-Alpernne]. April 23, 2017. SPb., 2017. Works on Jewish Studies. Ser. "History and Ethnography". Is.12, pp.283–298. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32661248>
6. CGAIPD SPb. [Central State Archives of St. Petersburg]. F.1728 -Kartoteka i kolekcii lichnyh del [Card file and collection of personal files]. Op. 1–8, d. 57627[Z.I. Lilina]. L.1 (Extract from the minutes of the meeting of the Politburo of the Central Committee of the RCP (b) of December 20, 1919).
7. Vihrov V.M. Novye dannye o glave Petrograda–Leningrada G. E. Zinov'ev [New information about the head of Petrograd-Leningrad G. E. Zinoviev] Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. A.I. Gercena [Izvestiya of Herzen State Pedagogical Institute]. 2010, no. 126, pp.16–20.
8. CGAIPD SPb. [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg] F.1158 – LGPI im. Gercena [Herzen State Pedagogical Institute]. Op.1, d.219 –Informacionnye Otchety Jachejki RKP(b) Instituta social'nogo vospitanija [Information Reports of the RCP (c) Cell of the Institute of Social Education]. 1924.
9. Stefanenko A.Yu.Zhenshchiny v zinov'evskoi oppozitsii v Leningrade: prosopograficheskoe issledovanie [ Women in the Zinoviev opposition in Leningrad: a prosopographic study] Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossijskoi akademii nauk [Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2018, vol. 20, no.3, pp.84–91.
10. Dopolnenie 1. Zajavlenie G. E. Evdokimova Plenumu CK VKP(b)[Appendix 1. Statement by G. Ye. Evdokimov to the Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks]. March 31, 1926. Stenogrammy zasedanij Politbjuro CK RKP(b) – VKP(b). 1923–1938gg [Transcripts of the meetings of the Politburo of the Central Committee

- of the RCP (b) – VKP (b). 1923–1938]. Moscow, Publishing house Russian political encyclopedia. 2007, vol.1, 1923 –1926, pp.892–703.
11. CGAIPD SPb [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg] F.1158 - LGPI im. Gercena [Herzen State Pedagogical Institute]. Op.1, d.19 - Protokoly zasedanij frakcij RKP(b) Mestkoma i Profkoma [Minutes of meetings of the factions of the RCP (b) of the Local Committee and the Trade Union Committee]. L.12.
  12. CGAIPD SPb [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg] F.1728, op.1–10, d.21032. [Fingert B.A.].
  13. Vorob'ev A.A. Vybory v Uchreditel'noe sobranie v Drissenskom uezde Vitebskoi gubernii [Elections to the Constituent Assembly in the Driessen district of the Vitebsk province] Vesnik MDPU imya I.P.Shamyakina [Bulletin of the I. p. Shamyakin Mozyr state Pedagogical University]. 2007, no. 2 (17), pp. 64–68.
  14. CGA SPb [Central State Archives of St. Petersburg]. F.4331 -LGPI im.Gercena [Herzen State Pedagogical Institute]. Op. 42, d.229 [Levin G.I.].
  15. Pedagogicheskoe obrazovanie: Iz opyta raboty pedagogicheskoi shkoly. /Pod red.G.I.Levina, R.G.Lemberg [Pedagogical education: From the experience of the pedagogical school / Under the editorship of G.I. Levin, R.G. Lemberg]. Moscow –Leningrad, State publishing house, 1927. 167p.
  16. CGAIPD SPb [Central State Archives of St. Petersburg] F.1158 – LGPI im. Gercena [Herzen State Pedagogical Institute]. Op.1, d.42- Protokoly frakcii VKP(b) Pravlenija Pedinstituta im. Gercena [Protocols of the faction of the CPSU (b) of the Board of Herzen Pedagogical Institute]. L.73 –76.
  17. CGAIPD SPb [Central State Archives of St. Petersburg]. F.1158 – LGPI im. Gercena [Herzen Pedagogical Institute]. Op.1, d.198 [Gintovt A.S.]
  18. Letnyaya shkola: Ped.sbormik /Pod red. A.S.Gintovta i R.G.Lemberg [Summer school: Pedagogical collection / Ed. A.S. Gintovta and R.G. Lemberg]. Leningrad, State publishing house, 1924. 340 c.
  19. CGA SPb [Central state archive of Saint Petersburg] F. 2556 – Upravlenie Upolnomochennogo NKP po VUZam Leningrada [Department of the Authorized People's Commissariat of education for Higher educational institutions of Leningrad]. Op.4, d.26 –Godovoi otchet LGPI [ Annual report of the Herzen pedagogical Institute]. L.4.
  20. CGA SPb [Central State Archives of St. Petersburg] F.2556 – Upravlenie upolnomochennogo po delam vuzov i rabfakov [Office of the Commissioner for Higher Education and Workers' Faculties] 1927–1928. Op.4, d.49 – Ob izmenenii struktury vuzov. O likvidatsii Pedologo-pedagogicheskogo otdeleniya i seksii SPON pedvuza [On changing the structure of universities. On the liquidation of the Pedagogical and Pedagogical Department and the SPON section of the Pedagogical University].
  21. Robotova A.S., Romanenchuk K.V. Pedagogika kak sud'ba. Ocherki zhizni i dejatel'nosti Raisy Grigor'evny Lemberg [Pedagogy as destiny. Essays on the life and work of Raisa Grigorievna Lemberg]. Sankt-Petersburg, Publishing house of Herzen State Pedagogical university, 2010. 291p.
  22. Volkov V.S. Akademik-pedagog Boris Evgen'evich Rajkov. Kniga ob uchjonom, sozdannaja blagodarja ego zabotam o budushhiih biografah [Academician-teacher Boris Evgenievich Raikov. A book about a scientist, created thanks to his concern for future biographers]. Sankt-Petersburg, Publishing house of Herzen State Pedagogical university, 2013. 511p.

© «Клио», 2020

© Лапина И.А., 2020

12+

**KLIO**  
**A MONTHLY SCHOLARLY JOURNAL**  
**(12 issues a year)**

**КЛИО**  
**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ Журнал для ученых**  
**№12 (168)**  
**2020**

Главный редактор  
Выпускающий редактор  
Корректор  
Верстка

С.Н. Полторак  
А.В. Зотова  
А.В. Зотова  
Н.А. Федорова

Дата выхода в свет «Клио» №12 (168) – 24.12.2020

**Ежемесячное издание**

Журнал основан и зарегистрирован 9 июля 1996 г.

Свидетельство о регистрации №П-2045. Выдано Северо-Западным региональным управлением Комитета Российской Федерации по печати (Санкт-Петербург)

**Учредитель журнала С.Н. Полторак**

**Издательство ООО «Полторак»**

**Адрес издателя и редакции:**

195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., 11, лит. А, пом. 1 Н

Тел./факс: +7(950)0241405, +7(931)3332009

E-mail: poltorak2006@yandex.ru

<http://clioscience.com>

Отпечатано с готового оригинал-макета, предоставленного редакционной коллегией  
в типографии ООО «ПСП-ПРИНТ»

192212, Санкт-Петербург, ул. Белградская, д. 30, лит. А, пом. 15 Н

Тел.: (812) 655-09-33

Подписано в печать 16.12.2020 Формат 60x84 1/8

Объем 20,5 п.л. Тираж 1 000. Заказ № 60676. Цена свободная

На журнал «Клио» осуществляется подписка по каталогу «Роспечать».

**Индекс 14243**

## **Уважаемые коллеги!**

Журнал для учёных «Клио» принимает к публикации работы историков всех специальностей, а также культурологов, филологов, философов и представителей других специальностей, делающих в своих статьях акцент на историческую составляющую.

К рассмотрению принимаются оригинальные, ранее не публиковавшиеся материалы.

Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих его тематике. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в редакции журнала в течение 5 лет.

Редакция направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ (в случае отрицательной рецензии для доработки или переработки текста статьи), а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

The editorial staff of the journal «Klio» would appreciate cooperation with foreign partners interested in distribution of the journal in their countries.

Please contact us by e-mail:

**[poltorak2006@yandex.ru](mailto:poltorak2006@yandex.ru)**

English version of website of the journal «Klio»:

**[clioscience.com/en/](http://clioscience.com/en/)**

